Зарубежная фантастика

Герберт Франке
ИГРЕК МИНУС

Сборник научно-фантастических произведений

Издательство «Мир» Москва

Игрек минус
Герберт Вернер Франке

Аннотация
Герберт Франке. ✦. Игрек минус. Сборник научно-фантастических произведений
Над чем задумываешься, читая Герберта Франке. (Вместо предисловия). ___
Пожиратель кальция
Рай
Контроль над мыслями
Огненные змеи
Бегство и убежище
Полет в неизвестность
Изобретение
Добро пожаловать домой
Паразит поневоле
Самоуничтожение
Спасение I
Второй экземпляр
Авария
Наследники Эйнштейна
Мы хотим видеть Дариуса Миллера
Мутация
Киборг по имени Джо

Анклавы
Координаторам
Клеопатра III
Подчинение
Маневры
Проект «Время»
Темная планета
На Уран и обратно
История Берри Уинтерстайна
Игрек минус
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

17
18
Сигналы из темного поля
Акт первый
Акт второй
Замечания к пьесе «Сигналы из темного поля»
Герберт Франке

Аннотация

В сборник крупнейшего западногерманского фантаста Герберта Франке наряду с небольшим романом «Игрек минус» вошли рассказы, взятые из нескольких авторских сборников («Зеленая комета», «Наследники Эйнштейна» и др.) и отражающие разные грани творчества этого интересного, но пока мало известного в нашей стране писателя.

Для любителей фантастики.

[Полный аутентичный текст бумажного издания]

Fb2•

Зарубежная фантастика

Герберт Франке

✦

Игрек минус

Сборник научно-фантастических произведений

Над чем задумываешься, читая Герберта Франке
(Вместо предисловия)

В современной западной научной фантастике литературное творчество Герберта Франке представляет собой незаурядное явление. В предисловии к первому сборнику его сочинений на русском языке нет необходимости подробно останавливаться на их научно-познавательных и литературно-художественных достоинствах: читатель, надо полагать, сам убедится в том, что этот западногерманский писатель блестяще владеет всеми жанрами и формами фантастики и затрагивает в ней самые настоятельные и значительные темы современности. Увлекательно построенный сюжет с неожиданными поворотами событий, тонкая и вместе с тем глубокая ирония автора, оригинальный и лаконичный стиль изложения — все это органически сочетается с насыщенностью его произведений достоверной информацией о новейших достижениях науки и техники. Но главное, чем подкупает и располагает к себе научная фантастика Герберта Франке, —

это ее социальный пафос, направленный против милитаризма (в рассказах «Маневры», «Самоуничтожение», в радиопьесе «Сигналы из темного поля» и др.), против манипуляции сознанием и поведением людей в полицейском террористическом государстве (в романе «Игрек минус», в рассказах «Проект „Время"», «Координаторша» и т. д.), против духовного вырождения цивилизации (рассказ «Наследники Эйнштейна»), против злоупотребления достижениями науки и техники, против расхищения природных ресурсов и катастрофического загрязнения окружающей среды (сатирический рассказ «Анклавы» и многие другие). Этот социальный пафос отражает настроения широких кругов общественности на Западе, активно вовлеченных в демократические, пацифистские и экологические движения, которые приобрели в настоящее время огромный размах и играют всевозрастающую роль.

В своих научно-фантастических сочинениях Герберт Франке выступает в защиту таких непреходящих общечеловеческих ценностей, как свобода и достоинство личности, демократический образ правления, покоящийся на суверенном праве народов самим определять свой общественный строй, проникнутые

гуманизмом нравственные нормы во взаимоотношениях между людьми, их право на мирную жизнь в условиях экологически незагрязненной среды, право на материальную обеспеченность и научное познание окружающего мира.

В сочинениях Франке, включенных в данный сборник, особенно в романе «Игрек минус», рассказах «Наследники Эйнштейна», «Маневры», «Самоуничтожение» и многих миниатюрах, а также в радиопьесе «Сигналы из темного поля» угроза этим социальным и моральным ценностям исходит отнюдь не от мнимой «коммунистической опасности» или мифических «враждебных человеку» инопланетян, как об этом нередко говорят (кстати, оба этих сюжета настойчиво насаждаются в обыденном сознании на Западе буржуазными средствами массовой информации, в том числе и с помощью политической фантастики!). Ее олицетворяет тоталитарное полицейское государство, безжалостно подавляющее не только свободу личности, но и малейшие проблески индивидуальности, ставящее под всеобъемлющий контроль не только поведение, но и мысли людей, обреченных на жалкое прозябание в условиях материальной скудости и катастрофического загрязнения окру-

жающей среды, невежества, беспомощности и взаимного недоверия. И в это ретроградное состояние общество оказывается ввергнутым не в результате злонамеренного вмешательства извне, а в ходе постепенного естественного внутреннего преображения. Быть может, на первый, поверхностный, взгляд подобное тоталитарное государство предстает как фантасмагория, порожденная болезненным воображением автора или же являющаяся досужим плодом свободного полета фантазии в поисках увлекательных сюжетных хитросплетений. В действительности же, однако, речь идет не о мрачных предвосхищениях неотвратимого будущего человечества, а о своевременных предостережениях об опасных тенденциях в развитии, вернее деградации «западной цивилизации».

«Что же это за общество, описанное Г. Франке? Каким образом вообще оно может возникнуть?» — вправе спросить читатель. И на эти вопросы требуется дать серьезный и недвусмысленный ответ.

Грядущее тоталитарное общество, предстающее перед читателем со страниц научной фантастики этого крупного западногерманского писателя, с полным правом можно охаракте-

ризовать как казарменный государственно-монополистический капитализм, доведенный до своего логического завершения. Достаточно вспомнить, что подавляющее большинство населения в романе «Игрек минус» отчуждено от средств производства; разделение общества на антагонистические классы приобретает в нем еще более жесткий, предопределенный от рождения кастовый характер; социальное неравенство между горсткой привилегированных (категории А и В) и массой обездоленных (обозначаемых остальными буквами латинского алфавита) становится во всех отношениях вопиющим, ибо они сосуществуют друг с другом не только в контрастирующих общественных условиях, но и в разной экологической среде; подавляющее большинство населения подвергается изощренной эксплуатации и получает вознаграждение за свой труд, порой совершенно бессмысленный, в виде определенного количества заработанных «пунктов», которые, кроме названия, ничем не отличаются от долларов или марок; люди лишены права на личную жизнь, влачат жалкое существование в условиях материальной скудости, невежества и загрязненной окружающей среды; от рождения до смерти они находятся во власти

всеобъемлющей манипуляции их сознанием и поведением; малейшее недовольство, даже просто отклонение от регламентированного во всех деталях повседневного поведения в зародыше подавляется «стиранием личности» или ее физической ликвидацией. Нет необходимости воспроизводить во всех деталях отвратительные черты казарменного государственно-монополистического капитализма, который обличается Гербертом Франке, ибо они будут преследовать читателя на протяжении всего романа «Игрек минус», и дополняется новыми подробностями в рассказах «Наследники Эйнштейна», «Координаторша» и ряде других.

Этот роман справедливо можно рассматривать как творческий успех писателя не только по его социальному содержанию и идейной направленности, но и по литературно-художественным достоинствам. В частности, одна из его сюжетных линий, описывающая вовлечение Бенедикта Эрмана в мнимые заговоры против существующего строя, сохраняя всю свою оригинальность, по скрытой в ней иронии заставляет вспомнить о злоключениях Гэбриела Сайма в романе Честертона «Человек, который был Четвергом», где руководителем заговорщиков оказался шеф

тайной полиции.

Казарменный государственно-монополистический капитализм отнюдь не является произвольной умозрительной конструкцией демократически настроенного писателя-фантаста. В свое время, более ста лет тому назад, Ф. Энгельс, имея в виду отдаленные последствия централизации собственности, заложенные в капиталистическом способе производства, писал: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать… Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 20, с. 290). Научная фантастика Г. Франке, независимо от того, насколько это соответствовало намерениям автора, как раз и является изображением логического развития капитализма до его «крайности», его «высшей точки», когда он превращается в вопиющее отрицание всякого со-

циально-экономического и научно-технического прогресса человечества, когда единственным смыслом его существования является увековечение социальных привилегий и политического всевластия господствующего класса.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что хотя эта тенденция объективно присуща капитализму и особенно усилилась на его государственно-монополистической стадии развития в XX веке, ее, конечно, нельзя воспринимать фаталистически как неотвратимое будущее человечества. Ибо этой объективной тенденции противостоят другие столь же объективные противодействующие ей тенденции и в первую очередь освободительная борьба трудящихся масс, национально-освободительные и демократические движения. В этой связи уместно напомнить о той резкой критике, которой В. И. Ленин подверг апологетические и оппортунистические концепции «организованного капитализма», которыми многие социал-демократы пытались оправдать свое примирение с государственно-монополистическим капитализмом и отречение от социалистической революции. «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному-единственному тресту всемирному,

поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, такими темпами, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 98). Это научное предвидение В. И. Ленина получило свое подтверждение в победе социалистической революции в России, в образовании мировой социалистической системы, в крахе колониальных империй и резком обострении противоречий между империалистическими державами.

Тем не менее сама эта объективная тенденция к сращиванию монополистического капитала с буржуазным государством и объединению, даже слиянию национальных капиталов не только сохранилась, но и значительно усилилась после второй мировой войны в той части земного шара, которая пока остается под господством

империализма. Эта тенденция дает о себе знать в капиталистической интеграции, примером которой может служить Европейское экономическое сообщество, в международной экспансии транснациональных корпораций, многие из которых по своей экономической мощи превосходят большинство независимых государств, в возросшей экономической роли буржуазных государств, перераспределяющих через свои бюджеты от одной трети до половины национального дохода преимущественно в пользу капиталистов. Совокупный капиталист, о котором писал Энгельс, стал в современную эпоху не отдаленной перспективой, а вполне реальной действительностью, с которой непосредственно сталкиваются и с которой борются широкие слои населения на Западе. В исторической перспективе казарменный государственно-монополистический капитализм представляет столь же реальную угрозу социальному прогрессу человечества, как фашизм в 20-е годы, тем более что оба этих крайне реакционных воплощения империализма — по своей внутренней сущности социальные явления одного рода — взаимно переплетаются. Вот почему, кстати, не приходится удивляться тому, что описание грядущего тоталитарного

строя в фантастике Франке вызывает у читателя ассоциации с гитлеровской Германией.

Марксисты всегда выступали против наивных упований на автоматический крах капитализма — будь то в результате исчерпания рынков сбыта, безысходного экономического кризиса или же вследствие расхищения природных ресурсов и катастрофического загрязнения окружающей среды. Для того чтобы предотвратить эволюцию государственно-монополистического капитализма к тоталитаризму, чтобы империализм, по выражению Ленина, «лопнул» и «превратился в свою противоположность», необходимым условием является борьба против него всех демократических и прогрессивных сил общества. А для этого необходимо, чтобы такая опасность была осознана самыми широкими слоями населения. Научно-фантастические романы-предостережения как раз и способствуют такому осознанию, ибо они находят доступ к умам и чувствам миллионов читателей, заставляя их не просто задумываться над историческим противоборством между силами реакции и социального прогресса в современном мире, но и активнее включаться в борьбу против социальной несправедливости. Роман Франке «Игрек

минус», а также другие его научно-фантастические произведения воспринимают и продолжают эту демократическую традицию в мировой литературе, к которой относятся «Железная пята» Дж. Лондона, «Остров пингвинов» А. Франса, «Война с саламандрами» К. Чапека, «У нас это невозможно» С. Льюиса, «Калокаин» К. Бойе, «Мальвиль» Р. Мерля, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и многие другие романы-предостережения. Такие произведения являются не апокалиптическим предсказанием мрачного будущего человечества, а своевременным предупреждением о таком будущем, которое уготовано массам государственно-монополистическим капитализмом.

Особую опасность государственно-монополистический тоталитаризм представляет собой именно сейчас, на пороге III тысячелетия, прежде всего потому, что он стремится воспользоваться и злоупотребить достижениями научно-технической революции, которые дают огромную власть над природой, включая и природу самого человека. Кроме того, тоталитаризм врастает в современную «западную цивилизацию» не только грубо и очевидно, но также исподволь и незаметно. Наконец он стремится предстать в глазах общественного мнения в привлекательной

идеологической упаковке «технократического рая», якобы ниспосланного человечеству научно-технической революцией. Воспроизведем одно из наиболее типичных изображений такого «технократического рая» в представлении идеологов государственно-монополистического капитализма.

…В 2500 г. миром будет управлять единое, стабильное мировое правительство. Правящий слой… будет состоять из профессиональных специалистов в области общественных наук и администраторов, ответственных только перед своим начальством и своими профессиональными ассоциациями. Выборы будут полностью заменены опросами общественного мнения, а последнее будет формироваться с помощью образования, печати и вещания, планируемых этим правительством с целью насаждения здравого, научного суждения о всех текущих социально-политических проблемах. Мировая экономика будет поделена между транснациональными монополистическими корпорациями, заправляющими отдельными отраслями производства. На всем земном шаре утвердится стандартная массовая культура. Подавляющее большинство людей, принадлежащих к одной профессии, будут

говорить на одном и том же языке, читать одни и те же книги, посещать одинаковые школы, носить одинаковую одежду, жить в одинаковых домах… Все административные и иные решения будут исходить из целесообразности и эффективности. Никакой закон или решение суда не будут принимать во внимание естественные права личности или неподтвержденные моральные принципы. На каждого человека будет составлено исчерпывающее досье, содержащее его имя, адрес, фотографии, описание примет, образцы почерка, отпечатки пальцев и запись голоса, а также все сведения, собранные на службе и в полиции. «К 2200 г. все жители планеты будут обязаны сообщить правительству все сведения, необходимые для работы полиции, социальных исследований, евгенических реформ и других общественных целей. Кроме того, каждое лицо получит опознавательный номер, неизгладимо зафиксированный на его теле».

Это описание будущего общества заимствовано не из какого-то фантастического сочинения, а из солидного исследования видного американского футуролога Б. П. Бэквита «Следующие 500 лет: научное предсказание главных социальных тенденций». Однако оно поразительно напоминает

вмонтированные в роман «Игрек минус» выдержки из теоретических обоснований тоталитарного строя. Самым удивительным, впрочем, является то, что сам Бэквит свое «предвосхищение будущего» выдает за привлекательный социальный идеал. «Мои предсказания о жизни в Америке в 2500 г. могут показаться утопичными… — пишет он. — Я убежден, что они реалистичны… Утопическими будут результаты. Но, впрочем, в глазах крестьянина из средневековой Европы современный американский город также выглядел бы утопией».

Аналогичные изображения грядущего «технократического рая» содержатся и в сочинениях других западных футурологов: Г. Кана, З. Бжезинского, социального психолога Б. Ф. Скиннера, в некоторых докладах Римскому клубу. Так, в частности, в одном из последних докладов — «Микроэлектроника: на радость и на горе» — обстоятельное описание будущего предельно автоматизированного и компьютеризированного общества завершается следующим выводом: «Все это с сегодняшней точки зрения выглядит как утопия. Но мы должны иметь в виду… что изменение перспективы часто превращало утопию в реальность… То, что сейчас планируется, станет

реальностью через 30 лет. Если мы учтем это, то должны будем прийти к выводу, что сейчас как раз время начать соответствующую подготовку».

Стремясь навязать широким слоям населения «технократический рай», идеологи государственно-монополистического капитализма соблазняют их своего рода «новым социальным контрактом» (по аналогии с теорией «общественного договора», выдвинутой буржуазными просветителями в XVII–XVIII вв.). Правда, в отличие от этой теории, апеллировавшей к суверенитету народа и проникнутой демократическими идеями, в «новый социальный контракт» вкладывается прямо противоположный смысл: в обмен на «гарантированный минимальный доход», а также на элементарное образование и социальное обеспечение народные массы призывают ограничить свободу личности и отказаться от целого ряда неотъемлемых прав человека, в том числе и от права родителей самим решать, сколько детей они собираются произвести на свет. О широком распространении идеи «нового социального контракта» на Западе свидетельствует то, что определенную дань ей платит даже такой буржуазнолиберальный реформист и филантроп, как Аурелио Печчеи в книге «Человеческие

качества».

Очевидным достоинством научной фантастики Герберта Франке является яркое и убедительное обличение государственно-монополистического «технократического рая», который для подавляющего большинства населения окажется только «технократическим адом».

Особую тревогу демократически настроенных писателей, ученых и общественных деятелей на Западе вызывает то обстоятельство, что поборники государственно-монополистического тоталитаризма обрели в новейших достижениях научно-технической революции могущественный арсенал для ограничения и даже ликвидации свободы личности, для изощренной манипуляции сознанием и поведением людей, для всеобъемлющего полицейского контроля, о котором не могли даже мечтать тираны и диктаторы в прошлом. Нескрываемое беспокойство за судьбу «западной цивилизации» из-за массовых злоупотреблений научными открытиями и техническими нововведениями во весь голос прозвучало и привлекло внимание широкой общественности в 1984 г., который был провозглашен буржуазными средствами массовой информации «годом Оруэлла», ибо к этому време-

ни были приурочены мрачные предвосхищения торжествующего тоталитаризма в антиутопии писателя «1984 год».

По замыслу буржуазных идеологов и политических деятелей, многочисленные мероприятия, запланированные на протяжении этого года (книжные выставки, музейные экспозиции, научные симпозиумы, публикации в печати, посвященные творчеству этого английского писателя), должны были придать дополнительный импульс антикоммунистической пропаганде. И хотя они в чем-то достигли своей цели, однако в целом их замысел провалился. Больше того, широковещательный «год Оруэлла», подобно бумерангу, нанес болезненный удар по апологетам государственно-монополистического капитализма. Предостережения о том, что опасность тоталитаризма заложена в самой «западной цивилизации», исходили не только со стороны радикально настроенных и прогрессивных деятелей на Западе, но и со стороны многих либералов и даже консерваторов. Эти предостережения буквально наводнили мировую печать. Весьма красноречивой была, в частности, серия статей, опубликованных накануне 1984 г. в таком консервативном еженедельнике, как «Юнайтед Стейтс

ньюс энд уорлд рипорт», не говоря уже о либеральных и радикальных изданиях. В одной из статей, например, отмечалось, что современная техника позволяет получить такую информацию о личности, которая показалась бы немыслимой во времена Оруэлла, ибо компьютеры, регистрирующие благодаря кредитным карточкам каждую покупку человека, содержат в своей памяти не только данные о его кредитоспособности, но и регистрируют его местопребывание по минутам, не говоря уже о состоянии его здоровья и т. п. К сотням миллионов отпечатков пальцев присоединяются многие миллионы результатов испытаний на детекторах лжи. Миниатюрные радиопередатчики с микрофонами размером в спичечную головку можно заказать по почте всего за 25 долларов. Направленные микрофоны могут уловить разговор в толпе на улице. Лазерные лучи могут уловить голоса сквозь окна, регистрируя вибрацию стекол. В связи с таким вторжением в частную и деловую жизнь многими людьми овладела настоящая паранойя, ибо они нигде не чувствуют себя в безопасности и опасаются делиться своими мыслями. В ряде американских штатов шоферам, однажды уличенным в употреблении спиртного, вшивают в тело

миниатюрный радиопередатчик, позволяющий полиции в любое время установить их местонахождение. Некоторые американцы, с основанием или без опасающиеся быть похищенными преступниками с целью шантажа и вымогательства, добровольно подвергают себя такой же операции вживления датчиков, чтобы их легче было обнаружить. «Многие исследователи и социальные критики, — продолжает автор статьи, — полагают, что наука находится на пороге совершенных методов подсознательного порабощения личности. Они ссылаются на изощренную рекламу, манипуляцию с генетическим кодом человека и такую экзотическую технику, как бомбардировка мозга микроволнами, которые воплощают в себе оруэлловский контроль над мыслями» (U. S. News and World Report, Dec. 26, 1983—Jan. 2, 1984, pp. 88–89). Уже сейчас в распоряжении рекламных агентств имеется такое средство внушения, как «спрессованная во времени зрительная и речевая информация»: предварительно обработанная на компьютерах реклама проецируется затем на экраны телевизора с такой скоростью, которая позволяет ей запечатлеться в памяти человека, но не дает ему возможности осознать ее смысл. Не составляет большого труда умножить коли-

чество подобных примеров. Во всяком случае в сравнении с ними методы контроля над мыслями, всеобъемлющей манипуляции сознанием и поведением людей, описываемые Г. Франке, вовсе не выглядят такими уж фантастическими: они либо уже применяются, либо разрабатываются на Западе. В конгрессе США, в парламентах Англии, ФРГ и других стран под давлением встревоженной общественности уже внесен целый ряд законопроектов, пытающихся хоть как-то оградить свободу личности и частную жизнь граждан от посягательств государственных учреждений и монополистических корпораций. Однако гораздо легче проходят там иные законопроекты, под предлогом государственной безопасности они развязывают руки полиции и другим ведомствам.

Колоссальная техническая мощь, оказавшаяся в руках реакционных сил, направлена не только во внутрь, на подавление собственного населения, но и во вне, угрожая всему человечеству и проникая даже в космос. Несомненный интерес в этом отношении представляет радиопьеса Г. Франке «Сигналы из темного поля», которую можно рассматривать как своего рода пародию на популярные во время ее написания

фантастические романы и фильмы о «звездных войнах» с враждебными земной цивилизации инопланетянами. В радиопьесе эта мнимая угроза оказывается непредвиденным последствием проникновения в космос самих землян. Подлинная же опасность земной цивилизации, в изображении автора, исходит от политической конфронтации на самой Земле. Эта пьеса приобретает в современных условиях особую актуальность в связи со зловещими планами перенести гонку вооружений в космос.

Многие социальные мыслители и общественные деятели на Западе склонны усматривать опасность тоталитаризма в стремительном развитии науки и техники, в неком безличном и анонимном «технологическом императиве», беспомощными жертвами которого якобы становятся не только широкие слои населения, но и сами капиталисты, вынужденные идти в ногу со временем, чтобы выжить. Таких взглядов придерживаются, например, представители франкфуртской школы в социальной философии, в частности, весьма популярный не только в ФРГ, но и за ее пределами социолог Юрген Хабермас.

Герберт Франке, однако, не разделяет подобных взглядов, которые снимают с государственно-мо-

нополистического капитализма ответственность за отрицательные последствия научно-технической революции. В его фантастике сами по себе компьютеры, роботы и манипуляторы отнюдь не являются носителями социального зла. Все зависит от того, в каких целях и кем они используются: для подавления свободы и достоинства личности господствующей технократической элитой или для борьбы с ней такими ее противниками, как Бенедикт Эрман в романе «Игрек минус». И именно с ним солидаризуется сам автор, вызывая симпатию к нему со стороны читателя. В рассказах Франке роботы в зависимости от их использования людьми выступают как в роли их безжалостных конкурентов, так и в роли доброжелательных и полезных помощников и сотрудников.

Научная фантастика Герберта Франке проникнута гуманистическим потенциалом и социальным оптимизмом, верой в высокие нравственные качества и интеллект человека, о чем с очевидностью свидетельствует интервью писателя, данное журналу «Иностранная литература» и воспроизведенное в послесловии Е. Брандиса к данному сборнику. При этом оптимизм Франке находит свое выражение не в банальном хэппи-энде, а в глубокой внутренней убежденности, что его предостережения о реальных опасностях, угрожающих «западной цивилизации», будут услышаны и восприняты общественностью и что демократические силы в конечном счете смогут преградить путь государственно-монополистическому тоталитаризму.

Э. Араб-Оглы

Пожиратель кальция[1]

Высокоорганизованные живые существа на Земле питаются органическими веществами. Низшие — бактериеподобные — организмы используют энергию от простейших химических реакций. На одном космическом корабле затаился незваный гость, жаждущий кальция…

Собственно говоря, я должен был бы заметить это раньше. Ибо, сколько себя помню, я всегда был полон желания помогать другим. Но я вспомнил об этом только на прошлой неделе. А мои коллеги до сегодняшнего дня еще ни о чем не догадываются…

Да и сам я узнал об этом впервые в ситуации необычной. Тогда мы возвращались с планеты Пси-16 и проделали уже примерно добрых две трети пути. Никто не ждал ничего плохого. А что самое плохое может случиться на корабле? Конечно, отказ системы кондиционирования воздуха. И как раз с нами-то это случилось!

Отремонтировать агрегат не представлялось

---

[1] notes: 1

Пер. изд.: Franke G. W. Calciumfresser: «Der grüne Komet» (1960)Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

никакой возможности. Потому что катализатор из порошка кальция исчезал. Исчезал на наших глазах, с каждым часом его становилось все меньше и меньше, и никто не мог сказать, куда он улетучивался. А без кальция восстановление углекислого газа невозможно. Запасного агрегата на корабле не было — кто мог предусмотреть такой абсурдный случай! — и кислорода на корабле в лучшем случае хватило бы еще дня на три.

Вилли не отрывался от термопеленгатора, но рассчитывать найти систему планет, а тем более такую, где был бы воздух, пригодный для дыхания, не приходилось.

Все на корабле это знали, командир от нас ничего не скрыл, — для этого мы слишком доверяли ему, а он нам. И должен сказать, что все вели себя отменно, каждый, не говоря ни слова, вернулся на свое рабочее место.

Неожиданно из штурманской кабины раздался крик Вилли. Все, кто был свободен, бросились к нему.

— Там впереди что-то есть! — крикнул он. — Совсем близко!

И в самом деле, на экране между неподвижными звездами перемещался крошечный бледный кружок. Все облегченно вздохнули, но командир

не разделял нашего оптимизма.

— Какой прок нам от этого небольшого небесного тела? — спросил он. — На вид не больше кубического километра. Наверняка, какая-нибудь пустынная каменная глыба.

Мы быстро сближались, можно было даже различить поверхность тела.

— Глядите-ка, — удивленно сказал Джек, — где же обычные зубцы?

Он был прав. Такие скитальцы космоса чаще всего испещрены трещинами, на этом же трещин не было. С другой стороны, он не был похож на оплавленную глыбу металла.

— Там маркировка! — крикнул толстяк Смоки. Его круглый живот возбужденно заколыхался.

Этого нельзя было не заметить. Три белые стрелы показывали на центр. Вилли направил наш корабль туда. Все напряженно вглядывались.

— Это космический корабль! — вскричал командир. — Да огромный!

Теперь и мы без труда разглядели люки и перила подъемной площадки. Причалив к кораблю, мы помогли Вилли надеть космический скафандр, и он вышел. Какое-то время мы видели, как он возился с люком. Наконец люк открылся, и Вилли скрылся внутри корабля. Ждать пришлось

недолго, уже через некоторое время он появился снова и в переговорное устройство крикнул только одно слово: «Воздух!»

Мы перешли на незнакомый космический корабль. Увиденное превзошло все наши ожидания. И не только то, что воздух в корабле оказался пригодным для дыхания, — мы столкнулись с роскошью, которая нам и не снилась. В корабле было множество помещений, больших и малых, и каждое было обставлено, как голливудская вилла: удобные шезлонги, цветные маты, встроенные шкафы, аквариумы… Только рыбки в этих аквариумах были дохлые и растения странным образом съежились, пожелтели и завяли. Если не считать этого, все остальное было в полном порядке. Но корабль был пуст, мы не нашли ни одного члена команды!

Я обратил внимание на то, что наш командир выглядит не таким уж радостным, как можно было ожидать.

— Ну вот что, расходиться не будем, — приказал он. — Разместимся в нескольких отсеках неподалеку от входа. Никому не удаляться без разрешения.

Мы перетащили на корабль часть продовольствия и удобно устроились. На следующий день

командир приступил к обследованию корабля. Его сопровождали, поочередно сменяясь, два других члена экипажа.

Поначалу все шло без особых приключений. Мы открывали для себя все новые помещения, которые ничем не отличались от ранее виденных. И тут, казалось, все было в полном порядке, если не считать странного запустения. На первых порах мы не придали значения тому, что сосуды превратились в порошок, и этот порошок лежал так, что позволял судить об их прежней форме. Зеркала потускнели, более того, стекло превратилось в непрозрачную хрупкую массу. Почти на всех картинах краски разложились.

На второй день обхода командир нашел навигационные отсеки. Понять систему навигации, которой пользовались прежние обитатели корабля, оказалось не так уж трудно. Судя по всему, корабль принадлежал человекоподобным существам, находившимся на более высокой, нежели мы, ступени развития. Конни установил, что топлива достаточно, а Вилли удалось рассчитать курс корабля.

Во время первого обхода корабля я вместе со Смоки и командиром побывал в самых отдаленных закоулках помещений, находившихся

против нашего входа. Когда мы вступили на своего рода веранду с рядами высохших кактусов, командир вдруг остановился и вытянул руку, словно предупреждая: будьте внимательны…

— Вы тоже почувствовали? — спросил он.

— Странную ноющую боль? — отозвался Смоки.

— Именно, — сказал капитан.

Оба вопросительно посмотрели на меня.

— Я ничего не почувствовал, — признался я.

— А у меня это прошло по всему телу, — сказал командир, — как будто внутри меня появился гнет, что-то сосущее. Правда, ощущение даже не противное.

Однако им все-таки было хуже, чем оба признались, так как командир велел нам возвращаться.

До наших помещений оставалось совсем немного, когда произошло непредвиденное: Смоки сломал ногу. Чистый перелом лодыжки. Пришлось соорудить импровизированные носилки.

Он и сам не знал, как это случилось. Сказал, что, скорее всего, попросту споткнулся. Но он не споткнулся. Я шел за ним следом и видел, как под тяжестью его тела нога просто подломилась. Конечно, Смоки, весящий 180 фунтов, парень не из легких, но чтобы кости ломались просто так

— тут что-то не то!

Этим, однако, дело не ограничилось. Кое-кто из нас начал жаловаться на слабость, потерю аппетита и мышечные боли. Врач только качал головой. Он не мог объяснить эти симптомы, нервы у всех были взвинчены, люди становились все раздражительнее, набрасывались друг на друга, и только Джек, которого ничто не могло вывести из себя, выступал в роли миротворца. Когда командир отчитал повара, потому что ему не понравилась еда, — пожалуй, немного резче, чем следовало, — Джек захотел разрядить ситуацию. С деланной веселостью он крикнул: «Лучше плохая еда, чем отсутствие воздуха!», — и, боксируя, нанес командиру шутливый удар. Я присутствовал при этом и могу заверить, что это был легкий удар. Но командир согнулся пополам. Вначале мы подумали, что это розыгрыш, затем поняли, что случилось нечто серьезное. Позвали врача, и тот установил, что сломаны три ребра.

Командир более не мог возглавлять разведывательные рейды. Можно представить себе его настроение, когда он поручил Вилли заняться этим.

Из второго похода Вилли вернулся с несколькими перфолентами. Командир, которому было

запрещено двигаться, занялся их расшифровкой. Это ему удалось довольно быстро, и вскоре мы узнали, что произошло с этим кораблем.

— Я еще не во всем разобрался, но одно ясно, — сказал командир. — Ящик, в котором мы застряли, — это корабль большого флота, принимавшего участие в какой-то акции переселения. В нем находилось около миллиона живых существ. Во время полета они заболевали, одно за другим, и их переправляли на другие корабли. Что являлось причиной, я пока не совсем понимаю, хотя тут упоминается выражение, буквально которое можно перевести как «пожиратель кальция».

Мы все были в некоторой растерянности, но тут доктор вскочил, достал свои инструменты и бросился к Спайку, который больше других страдал от неизвестной болезни. Он лежал в отдельном помещении, оборудованном нами под лазарет. Врач взял у него кровь и все, что положено в подобных случаях, и скрылся в своей скудно оснащенной лаборатории. Через некоторое время он вернулся с пробиркой и стал трясти ее перед нашими глазами.

— Вот вам и объяснение!

В пробирке метался белый хлопьевидный осадок. Мы, конечно, не имели ни малейшего

представления о том, что бы это могло значить.

— В крови недостаток кальция! — врач задыхался от волнения. — Уровень кальция упал намного ниже нормы. Теперь я понимаю, почему у нас ломаются кости и качаются зубы.

— Кальций? — задумчиво произнес командир. — А ведь наш катализатор состоял из кальция…

— Чепуха, — сказал врач, — это, наверное, случайность. Отныне я сам займусь нашим меню и составлю блюда, богатые кальцием. Затем каждый будет получать кальцинированные таблетки!

— Но что имелось в виду под словами «пожиратель кальция»? — спросил я.

— Возможно, бактерии, — предположил врач. — Сейчас возьму мазок и сяду за микроскоп.

Итак, теперь у нас есть указание, которому мы должны следовать, но я не стану утверждать, что от этого нам стало легче.

На следующий день один из патрулей вовремя не вернулся в свое помещение. Поначалу нас это не беспокоило, так как в большом корабле нетрудно запоздать. Но когда Фатти с двумя другими членами экипажа не вернулся и на сле-

дующее утро, командир отправил Сирила и меня на поиски.

Мы примерно знали, какую часть корабля они намеревались осмотреть, и пошли туда без промедления. Прежде каждая разведка была удовольствием, словно это было путешествием по прекрасному ландшафту. Но на сей раз чудесные помещения казались нам жутковатыми. Царившая в них тишина действовала на нервы. Каждый раз, когда я открывал дверь, мне приходилось вначале сделать над собой усилие: чудилось, будто за ней что-то затаилось.

Когда мы продвинулись уже довольно далеко, Сирил пожаловался на ноющую боль в конечностях. Я ничего не чувствовал, но так как с каждой минутой Сирилу все больше становилось не по себе, я хотел было предложить вернуться. Но тут мы нашли их…

Прямо перед нами лежал Фатти, он едва мог двигаться, когда увидел нас. Чуть поодаль лежали два его товарища. Все трое были в очень странных позах, тела их на вид казались дряблыми, словно перемолотыми. Лицо Фатти обрюзгло и потеряло форму, руки бессильно шевелились. Его глаза были наполовину закрыты, а губы пытались что-то произнести. Мы с трудом разобрали

слрва: «…существо… зверь, который…» Он съежился, будто из него вышел воздух.

Мы с Сирилом в ужасе посмотрели друг на друга. И тут же я услышал негромкий шум. Я вынул пистолет и рывком отворил дверь… Передо мной открылось продолговатое помещение, — видимо, здесь был раньше зимний сад. Теперь же он был заполнен увядшими листьями. Впереди меня что-то шевельнулось — нечто такое, что я увидел лишь частично, остальное исчезло за поворотом: путаница серебристо-серых паучьих ног или щупальцев, которые передвигались, непрерывно извиваясь и ощупывая все вокруг…

Крик Сирила заставил меня оглянуться. Я увидел, как он, побледнев, прислонился к стене. Казалось, он вот-вот рухнет.

— Мне совсем плохо, — простонал он, — отнеси меня назад!..

Он едва мог идти, большую часть пути мне пришлось тащить его на себе.

Когда мы вернулись к своим, нас ожидало новое испытание: врач установил, что большая часть продуктов разложилась, причем именно те, которые богаты кальцием.

Группа добровольцев доставила из нижних помещений пострадавших. Те хоть и не наткнулись

на странное существо, но страшно ослабли. Их с трудом выводили из сонного состояния.

Командир созвал совещание, но результат был не очень обнадеживающим. Мы пришли к выводу, что существо, которое мне удалось увидеть, питается кальцием и обладает способностью вытягивать его из окружающего. Мы обсудили несколько отчаянных планов защиты: одни предлагали взорвать ту часть корабля, где находится чудовище, другие хотели расставить сложные ловушки…

Я слушал вполуха. Видел бледные лица товарищей, когда они, обессиленные, полулежали в удобных шезлонгах, видел перебинтованного командира, неподвижно лежащего Спайка. Какие только мысли не лезли мне в голову! Я чувствовал себя очень хорошо, как всегда, ибо не ощущал той ломоты в теле, которая появлялась у других, когда организм лишался кальция. Я был единственным, кто видел ужасное существо, — и со мной ничего не случилось. И мне ничего не оставалось, как прийти к одному выводу… Но если это так, то это очень печально для меня. И в то же время, возможно, именно в этом — спасение.

Незаметно для остальных я исчез за покрытой листьями решетчатой стеной, проскользнул в

дверь…

Мне требовалось убедиться самому. В лаборатории у врача я нашел то, что искал, — шприц с длинной, как вязальная спица, иглой. Я расстегнул рубашку и сделал себе укол ниже груди, — медленно, слегка наклонно игла погружалась в тело. Я точно знал, куда должен попасть. Это стоило мне больших усилий, сердце громко стучало, на лбу выступил пот. Мои реакции ничем не отличались от реакций нормального человека.

А затем я обрел уверенность: пройдя сантиметров пять, игла наткнулась на что-то твердое, металлическое. Сомнений больше не оставалось. Моя жизнь отошла на второй план. Я взял пистолет-автомат из кладовой и направился в глубь корабля. Никогда прежде запах сухих растений не казался мне таким непереносимым, а безжизненность роскошных помещений столь удручающей. Но в то же время никогда еще я не был так уверен в том, что намеревался совершить.

Долго бродил я по кораблю в поисках пожирателя кальция. Снова и снова видел прекрасные помещения, в которых царила смерть — увядшие растения, аквариумы с дохлой рыбой, пустые маты, столики для игр, недвижные качели… Бассейны, скульптуры, светящиеся шары — ис-

точники света и украшения одновременно…

И тут в глаза мне бросился беспорядок: отодвинутые в сторону стулья, перевернутые подставки для цветов… А сейчас что за шум?

Я замер, прислушался — какое-то волочение, шарканье. Поднял автомат и стал пробираться дальше. Вот оно — серебристо-серый громадный клубок, извивающиеся щупальца-антенны, сотни тонких, как паутина, конечностей. В одном месте они сдвинулись в сторону, и на меня нацелилось что-то вроде параболического зеркала, но я ничего не ощутил. Никто не мог лишить меня кальция. Я нажал на спуск автомата, но выстрела не последовало. Снова нажал и снова — ничего!

Только теперь до меня дошло: автомат работал с германиево-серно-кальциевым катодом и, конечно, был давно нейтрализован.

Мною овладело бешенство. Я отбросил автомат, схватил стул, подбежал к чудовищу и со всей силой бросился на него, молотя стулом во всех направлениях…

Я не почувствовал почти никакого сопротивления, — можно сказать, что прямо-таки влетел в страшное существо. На полу клубилась пористая масса. Усики, щупальца вибрировали, я брал их рукой, и они рассыпались, распадались. Обна-

жившееся туловище вздувалось, колыхалось, катилось. Но нескольких ударов стулом было достаточно. Все это оказалось детской игрой. И все же я был почти без сил: сказалось нервное возбуждение.

Обратный путь занял у меня несколько часов. Командир был зол, но когда я рассказал ему, что с пожирателем кальция покончено, он утихомирился. Все бросились вниз, туда, где лежало все, что осталось от некогда грозного существа.

Лишь когда вернулись люди, я осознал всю радость от того, что спас их: Спайка, скромного физика, готового каждому помочь, толстяка Смоки, любознательного Вилли и всех других — опытных космонавтов, которые считали меня своим, Джека, нашедшего коконы, полные окиси кальция, — ее хватит, чтобы заново зарядить катализатор, — врача, принесшего в пробирках остатки существа, и командира, который подошел ко мне и сказал:

— Мне чертовски неприятно, особенно в такой момент, кого-то наказывать. Но ты должен понять: трое суток ареста. Ты удалился без разрешения.

Наказание мне не страшно. Гораздо важнее, чтобы они ничего не узнали. Потому что я люблю

их всех и хотел бы, чтобы они платили мне тем же. А в этом совсем не будет уверенности, если они узнают о позитронных батареях в моем теле. Если узнают, что я робот.

Рай[2]

Рай — это место, где исполняются все желания. Но надолго ли это сделает нас счастливыми?

Небо было отвратительного сине-фиолетового цвета. Правда, чаще всего его заслоняли клубы алюминиевой пыли, вырывавшиеся из грибообразных облаков. Там теплые вихри вздымали металлическую пыль ввысь. Словно опирающиеся на колонны, висели в воздухе серые «подушки».

Вне платформы был опасен каждый шаг. Любое неосторожное движение вздымало микроскопические частички алюминия — даже незначительного их количества было достаточно, чтобы почувствовать удушье. А еще были дыры, в которые можно было провалиться, погрузиться в пыль и уже не выбраться на поверхность. Неприятнее всего были участки поверхности, покрытые коварной сетью из длинных оксидных игл, которая в первый момент выдерживала тяжесть тела, а потом внезапно проламывалась. Даже

---

[2] notes: 2

Пер. изд.: Franke G. W. Paradies: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Veriag, Munchen.

специальная обувь не спасала нас от колотых ран и ссадин на ногах.

Прошли семь месяцев моей двухлетней службы, когда мы однажды заметили корабль. Он сделал несколько кругов над нашей платформой и снова исчез в вышине. С тех пор часто, оторвавшись от работы, мы видели кружащее вверху днище. Отвратительное ощущение — знать, что ты все время под наблюдением.

Потом настал день, когда исчез Том. Он в одиночку вышел из помещения и не вернулся. Поиски его длились несколько часов, но безрезультатно. В конце концов мы пришли к заключению, что он упал в одну из пустот.

Неделю спустя мы снова увидели корабль. На сей раз он не кружил над нами, а как мешок упал до ничтожного расстояния, отделявшего его от поверхности. Тут он замер и завис над нашей платформой. Открылся люк, оттуда выбросили лестницу, какая-то фигура показалась наверху. Том.

Мы держали наизготовку оружие, но он помахал руками и спустился к нам.

— Не беспокойтесь, все в порядке! — крикнул он. — Нанес небольшой визит. Вам тоже советую!

— Чей это корабль? — спросил Седрик.

— Моих друзей, — ответил Том. — Пойдемте со мной.

Седрик сделал мне знак, и мы подошли к кораблю. Признаться, мне было не по себе — ведь в космосе можно встретить самые странные существа.

Но нам навстречу двинулись люди! У них, в отличие от нас, был превосходный вид. Подобной стати я еще не видел. Мужчина — высокий и светловолосый, глаза ясные, осанка прямая, девушка — ну просто красавица, хорошо сложенная, милое лицо, светло-коричневая кожа.

— Мы не можем взять в толк, зачем вы работаете, — сказал мужчина. — Идемте с нами! Мы хотим, чтобы все люди были счастливы.

Я огляделся: удобная мебель, сочные краски, роскошь, комфорт… Девушка нажала кнопку — и на стене, сменяя друг друга, появились изображения: парки и скверы, люди на залитых солнечным светом скамейках, танец у озера, богато сервированные столы, гирлянды, лампионы…

Мной овладело неукротимое желание воспользоваться предлагаемым комфортом. Я взглянул на девушку, и она улыбнулась мне. Тогда я толкнул Седрика, в бок:

— Что скажешь?

Он провел рукой по глазам, словно пытаясь сосредоточиться:

— Спросим у остальных.

Наше решение было единогласным. По радио мы объявили о расторжении договора, отказались от жалованья. И отправились в путь.

Семь месяцев мы жили словно в раю. Каждый из нас стал владельцем комфортабельной квартиры с шикарной мебелью и всяческими удобствами. Мы бродили по садам и паркам, болтали, загорали, купались, танцевали. Наблюдали игру красок искусственного полярного сияния, слышали музыку, исторгаемую автоматическим оркестром, наслаждались запахами цветников. Ели сколько хотелось, пили изысканные вина, развлекались с девушками, из которых одна была красивее другой.

Дело кончилось тем, что все это нам приелось. Я мечтал о куске простого хлеба, о трудном марше через кристаллические джунгли, о продымленном, скудно освещенном помещении, где мы раньше жили. Мне было невмоготу видеть этих людей, этих манекенов с кукольными лицами. Целыми днями я отсиживался дома, предаваясь

воспоминаниям о давно прошедших временах.

Однажды тайком я пробрался на космодром, где находился корабль, который доставил нас сюда. Была ночь — надо ли говорить, что это была звездная ночь! — вдалеке звучала музыка. Вблизи корабля я заметил чью-то двигавшуюся тень. Я замер. В сиянии фейерверка, который пускали внизу, появился человек. Том.

Я окликнул его. От неожиданности он вздрогнул, но, увидев меня, рассмеялся и ударил ладонью по обшивке корабля.

— Как ты смотришь на небольшую прогулку? — спросил он.

Я тотчас понял:

— Согласен!

— Тогда подожди немножко, — попросил он и куда-то убежал.

Спустя четверть часа мы все собрались внутри корабля. Наше решение было единогласным. Мы отправились в путь.

Над нами висели серые облака. К ним словно взбирались по колоннам клубы алюминиевой пыли. Там, где они оставляли просветы, проглядывало сине-фиолетовое небо. Под нашими осторожными шагами вверх взвивалась металли-

ческая пудра. То и дело приходилось задерживать дыхание, чтобы избежать удушливого кашля. К северу от нас тянулось кристаллическое поле. Тысячи игл вонзались друг в друга, блестящие стрелы ткали причудливый узор. При каждом нашем движении серебристые блики перескакивали с одного острия на другое.

Мы чувствовали, как работают наши мускулы, как напряжены нервы. При каждом шаге мы должны были смотреть в оба, чтобы не попасть в западню. Вдали высилось здание, где мы жили, крыша из гофрированного железа была покрыта толстым слоем пыли. Перед нами была платформа. Работа, борьба, опасность — вот наша цель. Уже давно мы не испытывали такого удовлетворения, как сейчас.

Контроль над мыслями[3]

Дуэль между человеком и машиной:
машина точна, безошибочна, неумолима;
человек же, напротив, не всегда наделен
четкостью мышления, но, возможно,
именно в этом его сила.

Бена сторожил автомат. Два механических захвата в виде клещей возвышались в его стеклянной клетке. Кроме них в помещении ничего не было.

Бен размышлял, как ему выбраться отсюда. Они оставили ему только то, что было у него на теле, — одежду. Все остальное лежало по ту сторону клетки в большом ангаре. В том числе и летающая платформа, на которой он прибыл. Эти несколько метров до нее необходимо как-то преодолеть!

Бен подумал о ручной гранате в кармане брюк. Если бросить ее в противоположный угол…

Вмиг протянулись захваты и вырвали у него гранату, которую он уже сжимал в руке. Перед ним в стене открылась раздвижная дверь, третий

---

[3] notes: 3

Пер. изд.: Franke G. W. Gedankenkontrolle: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

захват втянулся снаружи и положил взрывчатое устройство в кучу других его вещей. Бен испугался. Они сторожили его мысли!

Он старался не думать ни о чем существенном. Сосредоточился на цифрах: 5687, умноженные на 11, равны 62 557; 5687, умноженные на 12, равны 68 244; 5687, умноженные на 13…

Но снова и снова другие мысли вспыхивали в его мозгу: когда Кай хватится его и начнет поиски? 5687, умноженные на 13, равны 73 931. Только не думать ни о чем другом! 5687 помножить на 14 равно 79 618, 5687… Он вспомнил о передатчике. Ящичек находился на теле. Возможно, энергии хватит…

Его коснулся холодный металл. Бесчувственные пальцы ползли по ремню. Он отчаянно оборонялся. Он вставал на дыбы, сопротивляясь захватам, тряся их шаровые шарниры, цепляясь за свой передатчик. Безуспешно. Уверенно, быстро и ловко двигались гибкие металлические пальцы — ящичек последовал через шлюз к остальным предметам, лежавшим снаружи.

Бен оставил игру с числами. Это было бесполезно. Но как он выйдет отсюда, если каждая его мысль находилась под контролем? Он перебрал предмет за предметом, которые у него еще оста-

лись, но ничего подходящего среди них не было. Ему пришло в голову, что они явно не знали, что относится к его организму и что — нет, и он додумался до забавной идеи. Мобилизовав все свои духовные силы, он сосредоточился на одном размышлении: все, что во мне действует, — это моя душа. Моя воля, способность к мышлению, само мое Я — все это не представляет собой ничего телесного, это моя душа. Мое тело, силы моих мышц, знания будут орудием моего освобождения, а заключены они в ящичке, который вот-вот начнет действовать…

Снова пришли в движение захваты. Обе руки-клещи обхватили Бена, открылся шлюз, третья, внешняя рука приняла его и поднесла к вещам. Бен схватился за поручень летающей платформы и побежал, таща ее за собой, стараясь стать недосягаемым для механических рук. Вскочил на летательный аппарат, поворот рукояти — и вот он уже летит, описывая изящную кривую, к выходу из ангара.

Секунды спустя он парил высоко над зданиями, которые становились все меньше и меньше и вскоре исчезли в тумане.

Огненные змеи[4]

Кай привел алмазный бур в действие. Вибрация ощущалась сквозь скафандр и проникала тихим жужжаньем в уши.

— Сколько у тебя уйдет времени? — спросил Бен.

— Стенка из иридия, — ответил Кай. — Он не очень твердый. Минут десять, я думаю.

Бен беспокойно огляделся вокруг. Они находились сейчас снаружи космической станции на теневой, противоположной двойному солнцу стороне, однако здесь гладкую, слегка изогнутую поверхность корпуса освещал мягкий свет планеты. Станция мчалась по своей орбите с огромной скоростью, и Бену от этого казалось, что звезды движутся. Прежде чем скрыться за другой стороной планеты, звезды начинали мерцать и наконец расплывались, превращаясь в рефлексные полоски, эффект плотной водородной атмосферы.

Бур работал ровно, без сбоев. Кольцо металлического порошка вокруг алмазного наконечника

---

[4] notes: 4

Пер. изд.: Franke G. W. Gliihende Schlangen: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

становилось все шире.

— Надеюсь, они нас не услышат, — сказал Бен. — Через несколько минут я просверлю стенку насквозь. Водород из станции вырвется наружу, и наши «друзья» уснут. Им бы…

Бен не кончил фразы, и Кай услышал, как он закричал. Кай оглянулся и увидел опасность. В металлической поверхности ползли, быстро приближаясь к обоим, две раскаленные добела полосы длиной метра в три каждая. Друзья начали отступать, однако огненные змеи не отставали. Снаружи по металлу ничего не ползло, просто он накалялся и жар двигался за ними.

Сперва уходить от раскаленных полос было не трудно, полосы ползли медленно. Но скафандры мешали двигаться, и было нелегко отрывать от металла корпуса электретовые подошвы. Бен явно ослабел — измерительное устройство выпало у него из рук. Добела раскаленная полоса достигла устройства через две секунды. Оно накалилось, стало прозрачным на какой-то миг, а потом, сплавившись, превратилось в бесформенный комок.

Не останавливаясь ни на мгновение, все время петляя, Кай и Бен двигались по металлической стене спутника, и жар неумолимо за ними следовад. Мозг Бена лихорадочно работал. Бен знал:

силы у него на исходе. И тут его осенило.

— Подойди ко мне ближе, Кай! — крикнул он.

А потом сам побежал к Каю, пробежал у него за спиной, сделал крюк, подбежал к полосе, которая ползла за Каем, и через нее перепрыгнул. Потом, уже совсем обессилевший, остановился.

Обернувшись, Кай увидел, что Бен сидит на металлической поверхности, но змеи раскаленного металла к нему больше не ползут. Пышущие жаром полосы не исчезли, однако остановились теперь на месте.

— Что ты сделал? — спросил, прерывисто дыша, Кай.

— Сверли, пожалуйста, дальше, — сказал Бен. — Нельзя терять ни секунды.

Бур, совсем не поврежденный, вошел в прежнее углубление. Кай включил его, и бур зажужжал снова.

— Иридий плавится при температуре две тысячи четыреста сорок градусов, — стал объяснять Бен. — Металл раскалился добела; это значит, что температура достигла самое меньшее тысячи восьмисот градусов. Я подумал: если мне удастся сделать так, чтобы полосы пересеклись, тепловая энергия в точке пересечения сложится, металл в этой точке станет жидким, водород вырвется на-

ружу и экипаж станции будет выведен из строя. Вот зачем я пробежал между тобой и полосой жара. И хотя раскаленные полосы не пересеклись, та, что ползла за тобой, остановилась. Похоже, пересечение полос предотвращается автоматически. Но благодаря тому, что я провел перед твоей свою полосу, твою удалось остановить. Вот зачем я сделал поворот, подбежал к полосе, которая ползла за тобой, и перепрыгнул через нее. Сейчас обе полосы заблокированы. Сделать это оказалось совсем просто.

Кай молча кивнул. Опять вставил бур в уже глубокую ямку. Минуты тянулись бесконечно. Вдруг что-то вырвало бур у него из рук и унесло в пространство.

— Что случилось? — испуганно спросил Бен.

— Бур нам больше не нужен, — успокоил его Кай. — Я просверлил насквозь. А водород, вырвавшись наружу, унес его с собой. Теперь мы можем войти в станцию, ничего не опасаясь.

Он смотрел на две неподвижные изогнутые полосы: белый цвет на глазах у него стал оранжевым, оранжевый перешел в красный, а красный стал темнеть, пока наконец не исчез совсем. После этого Кай поспешил вслед за Беном: тот шел на солнечную сторону станции, туда, где

был вход.

Бегство и убежище[5]

Космический корабль вошел в облако светло-коричневого тумана, и поверхности планеты не стало видно. Только туман плыл, колыхался за окном навигационной рубки. Потом — мгновения тьмы, они чередовались с секундами зеленоватого света, и вдруг наступила неподвижная тьма.

Кай нажал кнопку, и мягко засветились люминесцентные трубки.

— Они еще преследуют нас? — спросил он Бена.

Бен не отрываясь смотрел на экран локатора. Как стрелка часов, экран обегал по кругу узенький лучик. В одном месте он выделил три светящиеся точки.

— Вот они, — ответил наконец Бен, — так легко от них не отделаешься.

— Обитатели этой планеты нас защитят?

— Они это обещали.

— А сдержат слово? — спросил Кай, однако ответа не последовало.

Еще с четверть часа туман стоял за окном ко-

---

[5] notes: 5

Пер. изд.: Franke G. W. Flucht und Zuflucht: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

ричневой стеной, после чего коричневый цвет уступил место чернильно-черному. Только внизу, у поверхности, было немного светлее. Бен уже давно повернул фотоноскоп по направлению спуска, и они видели, что внизу расстилается необозримая равнина. Разглядеть детали на ней пока еще было невозможно.

— Мы приближаемся к указанному месту, — сказал Бен.

Он чуточку скорректировал курс. Пользуясь радарным глубиномером, стал наблюдать за уменьшением высоты. В фотонном конусе все яснее вырисовывались детали поверхности; сначала быстро, потом все медленнее они разбегались к горизонту.

— Вон там! — воскликнул Бен.

Он показал на темный прямоугольник на поверхности, который стремительно увеличивался. Бен предусмотрительно замедлил спуск, и корабль сел мягко, как перышко. Рядом с местом посадки возвышалось нечто напоминающее здание метров в двести высотой. Стена, около которой они опустились, представляла собой переплетение распорок, трубок, проводов разной толщины и веретенообразных стержней, в котором зияли кое-где темные дыры.

Надев скафандры, Кай и Бен вышли из корабля и подошли к сооружению вплотную. Нигде вокруг не видно было ничего живого. Через одну из дыр они протиснулись внутрь сооружения. Кай, освещая дорогу фонариком, шел впереди, за ним Бен нес ящичек с рацией и измерительными приборами.

Продвигаться вперед оказалось совсем нелегко. Между стенами, полом и потолком не было никакой разницы, все напоминало строительные леса, густо опутанные трубками, проводами и какими-то непонятными деталями — правда, без привычного металлического блеска.

— Силикаты, — сказал Бен.

С трудом балансируя на наклонных панелях, Кай и Бен протискивались между натянутыми проводами, перелезали через ряды каких-то цилиндрических предметов.

Они остановились: проход разветвлялся, и ответвления шли не только горизонтально, но и вертикально. Бен посмотрел на стрелки измерительного устройства.

— Минус шестьдесят градусов по Цельсию, разреженная гелиевая атмосфера, радиоактивность равна нулю, зато есть медленно движущиеся магнитные поля. Странно, что никого не видно:

нас должны бы были встретить!

— А куда мы, вообще говоря, попали? У меня впечатление, будто мы в какой-то огромной машине.

Бен снова посмотрел на стрелки измерительного устройства.

— Вон там наш корабль, — он показал назад и чуть вбок, — а вон туда простирается еще на восемьсот шестьдесят метров это здание, — и он показал рукой вперед.

— Но ведь нам что-то нужно сделать, чтобы нас заметили! — заявил Кай. — Спроси, как нам их найти!

— Ты знаешь сам, как трудно добиться, чтобы тебя поняли. Если и получается что-нибудь, то только когда пользуешься цифрами. Еще раз запрошу об их точном местонахождении.

Бен склонился над ящичком и включил рацию. Нажимая кнопку, стал передавать что-то азбукой Морзе, после чего перешел на прием. Ответ был дан сразу. Бен смотрел на выползшую из рации ленту и молчал. Кай нетерпеливо глянул из-за его плеча.

— Опять поверхность всего здания! Неужели они не могут указать точнее?

Бен глядел на него моргая.

— По-моему, нет, — ответил он.

— То есть?

— Мы ошиблись, — ответил Бен. — Мы ожидали встретить здесь органическую жизнь. А ее здесь нет. Мне еще раньше следовало бы догадаться об этом по результатам анализов. Здесь возникла форма разума, на нашу абсолютно не похожая. Можно даже спорить, правильно ли вообще называть ее жизнью. Это система проводников и поддерживающих их опор, управляемая, по-видимому, магнитными полями. А это означает…

— …что мы сейчас внутри живого существа?

— Да, — подтвердил Бен, — и ты сам навел меня на эту мысль, когда сказал, что мы, по-твоему, внутри машины. И правда, очень похоже.

— И что из этого следует? — спросил Кай.

— А то, что мы в безопасности, если это существо свое обещание сдержит.

Бен взвалил ящичек с измерительными приборами себе на плечо, они с Каем повернули назад и дошли до дыры, через которую проникли внутрь. Корабль был таким же, каким они его оставили. Не изменилось ничего. Зато сейчас что-то произошло в верхней части здания, их глазам не доступной: от нее оторвался светящийся прозрачный шар и стал подниматься вверх

на фоне черного нёба, все время увеличиваясь в размерах. Внезапно в нем оказались три корабля преследователей. Их прямолинейное движение оборвалось, корабли повернули круто, почти на 180°. Потом изменился их цвет, стал светло-розовым; потом за хвостом у каждого появилась полоса газов. Словно обескровливаясь, они съеживались, и в конце концов от них остался только дугообразный розовый след. Затем шар, в котором разыгрались эти события, побледнел и исчез.

Кай и Бен стояли неподвижно, пока этот призрак не растаял.

— Слово сдержали, — сказал Бен.

— Сдержали, — как эхо отозвался Кай.

Однако по телу его пробежали мурашки.

Полет в неизвестность[6]

Из кабины снова послышались глухие звуки; сначала тихие, они становились все громче.

Кай вздохнул. Окинул взглядом оба проекционных экрана. В черноте космоса висели миллионы звезд. Но по-прежнему ни намека на Хайдур и Пар, ни намека на их затерявшееся где-то солнце.

Усталый, он оттолкнулся от своего кресла: нужно взглянуть на Бена. У Бена опять была температура. Он висел наклонно посередине кабины и, пытаясь обрести устойчивое положение, беспомощно двигал руками и ногами. Рядом в воздухе плавало переговорное устройство.

Кай придал кораблю медленное вращательное движение. Постепенно все парившее в воздухе опустилось на стены корабля и к ним прижалось, и ноги Бена тоже уперлись наконец во что-то твердое.

— Ты нашел курс? — спросил он у Кая.

— Ждать осталось недолго, — ответил Кай. — Скоро я его найду, это точно. А ты пока лежи!

Бен наклонился к переговорному устройству.

---

[6] notes: 6

Пер. изд.: Franke-G. W. Fahrt ins Ungewisse: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag. Munchen.

— Может, попробую еще раз?

— Попробуй, — ответил Кай.

Он заставил больного лечь и подал ему ларингофон и наушники. После этого снова вернулся в навигационную рубку.

Радиолокатор не показывал ничего. Даже какой-нибудь кометы не было в этой леденящей душу пустоте.

Кай услышал бормотанье: Бен все еще надеялся установить связь. Но Кай знал, насколько это бессмысленно. Бен только потратит зря последние силы.

В конце концов он взял собственное переговорное устройство и вышел с ним в складской отсек. Надел наушники, настроился на аварийную волну. И услышал повторяемое снова и снова:

— Хайдур, Пар, вы нас слышите? Слышите? Хайдур, Пар…

Прижав к горлу носовой платок, Кай надел поверх него ларингофон. Поставил регулятор громкости на минимальный звук и сказал:

— Говорит радиостанция Хайдура, кто вызывает?

Произнося это, он, чтобы создать иллюзию помех, царапал ногтями по наружной стороне ларингофона.

— Говорят Бен и Кай, космический корабль «Омега»! Укажите нам курс! — зазвучал у него в ушах голос Бена, искажаемый переговорным устройством, но полный бодрости и надежды.

— Вы идете правильным курсом, — ответил Кай. — Мы уже вас видим!

И стал слушать снова. Но ничего больше не услышал. Сорвав с себя ларингофон и наушники, он поспешил к Бену. Тот лежал, глубоко дыша, и на лице у него была улыбка.

Кай улыбнулся тоже и вернулся бесшумно на свое место в рубке.

Изобретение[7]

Многоуважаемый коллега!

Я обращаюсь к вам, хотя еще неизвестно, попадет ли это письмо в ваши руки. Отправить его отсюда очень трудно.

В последние дни вы пережили большое разочарование, вы лишились плодов своего многолетнего труда. И виновен в этом я. Да, это я украл вашу рукопись. Но прошу вас, не бросайте письмо, прочитайте дальше! Вы увидите, что на свете еще есть справедливость.

Я еще несколько месяцев назад понял, что вы стоите на пороге очень важного открытия. Но все его значение в полной мере сумел оценить лишь тогда, когда во время вашей болезни проник в ваш рабочий стол. Ваше изобретение произведет подлинный переворот в машиностроении, оно позволит по-новому подойти к такой важной отрасли промышленности, как металлообработка. Более того, благодаря ему война, в которой применяются известные доселе огнестрельные и взрывчатые средства, станет бессмысленной,

---

[7] notes: 7

Пер. изд.: Franke G. W. Die Erfindung: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

даже просто невозможной!

Мной овладела зависть. Сегодня еще вы были простым ассистентом, как и я, а уже завтра стали бы знаменитостью. Мне же было суждено остаться скромным подмастерьем, каким я был до сих пор. Потому что кто-кто, а я знал: для таких идей мне недостает кое-чего из того, что есть у вас. И во мне медленно созревало решение.

Я тайно снимал копии с ваших записей. Я следил за созреванием вашего труда, и однажды поздним вечером, когда подготовленная к перепечатке рукопись лежала в шкафу, я прокрался в институт, тайком взял ее себе, а все другие ваши наброски уничтожил. В ту же ночь я переписал вашу рукопись. Пусть теперь кто-нибудь докажет, что это не плод моих размышлений.

К тому времени, когда ваша секретарша в отчаянии искала материал, я уже докладывал об изобретении срочно созванной комиссии совета по научным изысканиям. Мне показалось, что апробация проходила слишком быстро, но члены комиссии оценили проделанную работу и поздравили меня.

Профессор Маннестер похлопал меня по плечу:

— Коллега, вы сами сознаете глобальные последствия вашей идеи? Ведь это означает полный

отказ от военной промышленности!

Я был так взволнован, что не мог говорить.

Когда я вышел из здания, ко мне подошли четыре незнакомых человека и с силой затолкали меня в лимузин, стоявший на обочине дороги.

— Вы теперь стали важной персоной, — сказал один из них. — Надеюсь, вы поймете, что мы заботимся о вашей безопасности!

Я этого не понимал, но они заставили меня. Они препроводили меня в самолет без окон и высадили на этом острове.

Вы, верно, помните Макгрега, который в прошлом году оставил институт, якобы для того, чтобы в Сан-Паулу получить место стажера? Припоминаете таинственное исчезновение профессора У Канфая из Принстона, наделавшее столько шуму? Быть может, вы слышали о докторе Когозурове и инженере Бонилла? Я всех их обнаружил здесь. Мне искренне жаль, но придется еще раз разочаровать вас: ваше изобретение гораздо старее, чем вы думаете. Все присутствующие здесь ученые — кроме меня — сделали то же самое.

Я предполагаю, что сейчас вы собираетесь восстановить ваш труд. Вероятно, вы захотите потом представить его комиссии. Возможно, вы даже

поместили объявление и пытаетесь доказать правоту ваших суждений. Но боюсь, что, как и присутствующие здесь ученые, вы не подумали о последствиях, которые повлечет за собой ваше изобретение. Поразмыслите о том, по душе ли оно придется всем согражданам. Подумайте о войнах и о военной промышленности. Я верю, что по здравому размышлению вы не станете публиковать свою работу. Как вам все-таки ее использовать, не берусь советовать. Но надеюсь — и мои товарищи по заключению разделяют мою надежду, — что вы найдете правильный путь.

С самыми добрыми пожеланиями

Р. Иг. М.

Добро пожаловать домой[8]

Внизу собралась огромная толпа людей. Я видел пульт для ораторов, гирлянды. Славный конец долгого путешествия!

Учебная командировка длилась два года. Какое событие в жизни человека — межгалактическая академия на планетах Антареса! Не только естественные науки и логика были включены в программу, но и история галактических культур, аутогенная тренировка и даже сверхчувство. Сверхчувство — это чтение мыслей. Да, я могу читать мысли!

Полный ожиданий, я вышел из корабля. Это была одноместная ракета. Я долгое время был в одиночестве. Наконец-то снова увижусь с людьми.

Ко мне подошел президент Западного союза; я узнал его сразу по жизнерадостной, отеческой улыбке.

— Добро пожаловать домой! Это счастливый миг для всех нас. Мы растроганы до глубины души и радуемся…

---

[8] notes: 8

Пер. изд.: Franke G. W. Willkommen daheim: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

Он говорил в сплетение микрофонов и все еще держал мою руку. Вибрация его негатронных мозговых волн отзывалась в моем теле. Теперь я умел их воспринимать: «Хоть бы этот спектакль поскорее кончился! Не надо было надевать черные ботинки: жмут ужасно…»

Удивленный, я высвободил руку. Лицо передо мной сияло благосклонностью. Слова гладко лились из его рта. Но я уже больше не радовался этому.

Вторым поздравить меня подошел лауреат государственной премии Цооденхук, мой бывший профессор химии.

— Я горжусь вами! — сказал он, но по его руке текло нечто другое: «Ты, дружочек, еще позавидуешь мне. А уж я знаю, как помешать тебе стать лауреатом».

А люди все протискивались вперед в надежде пожать мне руку. Мною овладело безразличие, и меня, как куклу, перервали от одного к другому.

— Как мы радовались вашему возвращению! («Еще спокойно мог бы десяток лет повременить с прилетом!»)

— Как хорошо ты выглядишь! («Твои зубы стала еще отвратительнее!»)

— Мы так хотим, чтобы вы были нашим пред-

седателем! («Надеюсь, он не узнает, что я совсем недавно голосовал против него!»)

Это было невыносимо. Но, наконец, все закончилось, я устоял. Я смог отправиться к своей семье. Марта ждала меня, как я того хотел, дома. В окружении Эвелин и нескольких соседей она стояла в саду перед входной дверью. Старый Вестей тоже был здесь, и его сын, самовлюбленный хлыщ.

Эвелин выбежала мне навстречу. Не дав мне выйти из автомобиля, она обняла и поцеловала меня:

— Папочка, как чудесно, что ты снова с нами!

Но я воспринял также: «Теперь мне снова придется вовремя ложиться спать, и киску нельзя будет положить в моей комнате. Зачем он вернулся?»

Тем временем остальные подошли ближе. Марта протянула ко мне руки. Я еще держал в объятиях мою дочурку. Сквозь белокурые пряди волос я видел, как на меня воззрились любопытные, видел бледное красивое лицо жены, рядом с ней молодого Вестена; я поймал взгляд, которым они обменялись…

Неожиданно меня пронзил страх, глубокий, как пропасть. Я был не в силах коснуться Марты.

Приподняв ребенка, я передал его в ее руки, а затем нажал на газ и вылетел на шоссе, ведущее к космодрому.

Только когда мой корабль погрузился в вечную ночь космического пространства, я сумел взять себя в руки. Но как мне вернуться к людям?

Паразит поневоле[9]

Рут снова нарушила запрет жителей Сириуса. Она сорвала растение. Рут не только вырвала с корнем куст с глазастыми цветами-зонтиками, но и принесла его в дом. Более того, она не только принесла в дом удивительный куст, но и поставила его в комнате в вазе. В этой комнате она легла спать.

Когда Кумулус очнулся — он всегда впадал в шок от страха, — появилась боль. Она шла оттуда, где были исчезнувшие корни-руки. Нижняя половина его тела мокла в воде, наполнявшей брюхо какого-то незнакомого существа. Желтыми глазами-зонтиками Кумулус жадно ловил оранжево-красные лучи. Но водой и лучами сыт не будешь. Нужно скорее найти питательную почву! Щелочную, щелочно-земельную. Только она поможет исцелить его раны.

Цепляясь жгутиками за стенки ужасного брюха, Кумулус перевалился через острый край и начал поиски. Он был взволнован. Кругом чужая пустыня. Корни-руки Кумулуса, вызмеиваясь

---

[9] notes: 9

Пер. изд.: Franke G. W. Der Schmarotzer: Der grüne Komet. Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen, 1960.

в разные стороны, искали пищу, но всюду натыкались на что-то холодное и жесткое вместо привычной податливой и мягкой магнезитовой почвы. Кумулусу стало страшно, он не ощущал ни капли живительного тепла. Но почему? Ведь из глубины почвы всегда тянет теплом.

Ветвистое тело Кумулуса, покачивая золотистыми зонтиками, медленно передвигалось по твердому полу. Вдруг Кумулуса остановил шорох. Глаза его прореагировали на нечто привлекательное, исходившее от странного вытянутого предмета. Туда! Вертикальное препятствие не остановило Кумулуса. Собрав все силы, с невероятным трудом он карабкался вверх и, достигнув цели, сразу понял, что потрудился не зря. Это было нечто теплое и мягкое. Как только Кумулус запустил в него корни, он сразу почувствовал желанный вкус. Соли кальция! По листьям и стеблям разливалась сытость, а с ней прибывали силы. Раны прорастали новыми корнями, они медленно и осторожно погружались в теплую глубину. Немного беспокоила непривычная обстановка, но лучше быть сытым, чем, изнывая от боли, висеть и полоскаться в воде или ползти по безжизненной пустыне.

Рут спала беспокойно. Мучили сны, страшные,

сжимавшие душу. Силясь открыть глаза, Рут почувствовала на плече что-то странное и чужое — мягкий неприятный комок. Еще в полусне девушка попыталась освободить плечо. Но сорвать комок оказалось не так-то просто. Он держался, как приклеенный, и чем резче дергала Рут, тем больнее было руке. Боль окончательно прогнала сон. Девушка наконец открыла глаза и застыла в недоумении и страхе: на ее левом плече распушилось то самое растение, которое она сорвала и поставила в воду. Рут вскрикнула, попыталась встать и не смогла. Левая рука словно отнялась. Чтобы ее поднять, нужны чудовищные усилия А во всем теле парализующая усталость. Рут уткнулась в подушку и безудержно зарыдала.

В таком состоянии, в слезах и отчаянии, нашла ее Дженни, пришедшая узнать, почему Рут не вышла к завтраку. Дженни охватил ужас, но она немедленно кинулась на помощь подруге. Двумя руками она вцепилась в переплетение листьев и рванула изо всех сил. Рут закричала: пронзительная боль впилась в сердце.

Дженни побежала за врачом.

Доктор Форд был хирургом. При малейшем намеке на хирургическое вмешательство он с воодушевлением пускал в ход скальпель.

— Немедленная операция! Тут и рассуждать не о чем.

Но, сделав снимок, врач крепко задумался.

— Корни достигли аорты. Оперировать слишком поздно. Здесь медицина бессильна.

— Может быть, местные жители знают, как помочь Рут, — высказала робкую надежду Дженни.

Их хозяин, старый, похожий на козла человечек, увидел растение на плече у Рут. В его глазах мелькнула сердитая тень:

— Он сам сюда пришел?

Люди в недоумении уставились на хозяина. Тонкой плетеной сеткой он окутал стебли и листья существа, вросшего в плечо Рут. А потом заговорил тихо и ласково:

— Твое место не здесь. Как ты попал в комнату? Это люди, они ничего плохого тебе не сделают. Вылезай-ка отсюда. Там, на дворе, теплая, мягкая почва. Давай я отнесу тебя туда!

Легкими прикосновениями хозяин вывел Кумулуса из неподвижности. По поверхности листьев пробежала дрожь. Качаясь, повернулись желтые зонтики. Из плеча девушки вдруг показался один корень, за ним другой, третий… Корни изгибались, вытягивались, словно силясь найти опору, и, не найдя ее, завивались кольцами.

Хозяин снял Кумулуса с плеча Рут и осторожно понес его в сад, к овальной площадке, сплошь покрытой желтыми зонтиками и жемчужно-желтыми шариками. Он поместил Кумулуса на свободное место и стал наблюдать, как тот, потягиваясь от удовольствия, погружает в почву корни.

«Ну, здесь я все уладил», — подумал козлобородый человечек и посмотрел на своих гостей, стоявших перед домом. В его взгляде не осталось и следа прежнего дружелюбия.

Самоуничтожение[10]

Когда пришло сообщение, Коммодор по обыкновению был занят вычислением курса. Он поспешил к экрану и увидел, как белая игла пронзила небо. Длинный луч света, прерываемый лишь попадавшимися на его пути малыми планетами, исходил от дискообразного тела. Вот он поймал один из астероидов, который тут же вспыхнул как солнце. От космонавтов потребовалась высшая готовность к действиям.

— Объявляю тревогу, — отдал приказ Коммодор. — Измерить расстояние! Вычислить по яркости поток энергии!

Продолжая наблюдение, он видел, как вокруг планет, которых коснулся луч, неожиданно возникла пелена. Вдоль луча что-то передвигалось с огромной скоростью. Под воздействием энергии неизвестной природы небесное тело становилось прозрачным, раздувалось, рассыпалось и превращалось в пыль. Внезапно луч погас, дискообразное тело — они уже поняли, что это космический корабль, — исчезло.

---

[10] notes: 10

Пер. изд.: Franke G. W. Selbstvernichtung: Der grüne Komet. Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen, 1960.

Коммодор протер глаза. Корабль исчез! Но не мог же он превратиться в ничто!

— Он снова появился! — крикнул наблюдатель.

— Этого не может быть, — пробормотал Коммодор, хотя видел все собственными глазами. За те мгновения, что они потеряли корабль из виду, он пересек почти всю небесную полусферу. И снова конус света вонзился в черноту. На сей раз яркая полоса выхватила лишь крохотный обломок. Он двигался навстречу кораблю, словно притягиваемый лучом. Луч опять погас, что не позволило им узнать, что же произошло с пойманным небесным телом. И снова корабль совершил гигантский скачок и повел свою игру сначала.

— Черт возьми, где же, наконец, результаты вычислений! — загремел Коммодор.

В отсек вбежал Навигатор:

— Удаление — три световые минуты; диаметр корабля — семь километров; поток энергии... — запинаясь сказал он.

— Что?! — воскликнул Главный пилот. Он выхватил из рук Навигатора листок с цифрами, уставился в него и побледнел. — . Этого не может быть!

— Но это так, — ответил Навигатор. — Мы дважды пересчитали.

— Собрать всю команду! — приказал Коммодор.

— Орудийную прислугу тоже?

Коммодор провел рукой по седой шевелюре:

— И ее тоже. Нам уже не помогут никакие орудия.

Вскоре экипаж стоял перед Коммодором. Пришли даже повар и больной Специалист по электронике.

— Друзья, — обратился к ним Коммодор, — возможно, нам придется встретиться с противником, намного нас превосходящим. Он движется со сверхсветовой скоростью и обладает энергией, луч которой способен нанести поражение на расстоянии в миллионы километров. Наше оружие перед ним бессильно. Остается лишь надеяться, что враг не обнаружит нас. Если же это все-таки произойдет, вы знаете, что нам надлежит делать. Мне тяжело об этом напоминать, но подумайте, какая судьба ждет нашу родину, если ее местоположение еще раз станет известно враждебным силам. Шестьдесят лет назад мы с трудом отбили нападение геркулан. Подобное больше не должно повториться. Заранее благодарю вас за муже-

ство… — Голос ему отказал.

Стоя в тесном строю, они как зачарованные смотрели на светлую линию, пожиравшую небесные тела. Не было среди них никого, кто бы не испытывал страха, но держались они спокойно.

Корабль снова исчез. И тут луч поймал их! Ослепительный свет действовал парализующе.

Коммодор не медлил ни секунды. Он нажал на снятую с предохранителя клавишу «Уничтожение». Произошло мгновенное освобождение сконцентрированной в топливе энергии. Вспыхнуло раскаленное сферическое облако и стало медленно рассеиваться в пространстве.

Когда терморадарные установки засекли чужеродное тело, Координатор распорядился направить на него прожектор. Они заметили небольшую ракету, продвигавшуюся среди малых планет. Но это длилось недолго, потом последовал взрыв.

— Неужели мы вызвали его световым конусом? — в испуге спросил Координатор.

— Возможно, они не переносят света, — заметил Главный биолог.

— Гм. Маловероятно. Может быть, сильно изменилась энтропия системы?

Главный физик оторвался от своих инструментов:

— Нет, речь идет об упорядоченном переносе энергии из определенной точки.

— Тогда попробуйте инверсию, — попросил Координатор.

Физик синтезировал вокруг эпицентра взрыва минусовое гравитационное поле. Даже их огромный транспортный корабль завибрировал от мощного излучения энергии. Но нужный эффект был достигнут: атомное облако стянулось, стало концентрироваться, сжиматься до первоначальных размеров. Физик регулировал процесс, нажимая на кнопки и клавиши. Раскаленное пылевое облако постепенно снова принимало очертания ракеты, вначале слегка размытые, однако мало-помалу изображение стало четче, и наконец, в пространстве возникла ракета, следующая прежним курсом, словно ничего не произошло.

Физик устало выключил установку.

— Рассмотрим ситуацию, — предложил Координатор. Они пригласили с собой Лингвиста и перешли в космический бокс.

Коммодор никак не мог отделаться от ощуще-

ния чудовищных перегрузок и невыносимой яркости освещения. Но он по-прежнему сидел в своем отсеке, хотя рука его еще лежала на клавише «Уничтожение». Экипаж, как и прежде, стоял строем, на лицах людей застыл ужас. Коммодор бросил взгляд на экран: чужого корабля не было видно, их окружал непроницаемый мрак. «Может, мне привиделся этот кошмар?» — подумал Коммодор. Он с трудом выпрямился за пультом.

И тут же, словно по волшебству, дверь шлюзового отсека открылась, и на пороге возникли четверо пришельцев в облегающих пластиковых одеждах — невысокие, широкоплечие, с бело-серым цветом кожи. Неизвестная раса, но явно антропоморфные, вызывающие доверие существа.

Один из вошедших заговорил. Он пробовал изъясняться на самых различных языках, но они его не понимали. Тогда он нарисовал на дощечке какие-то знаки. С тем же успехом.

— Почему люди не реагируют? — обратился Координатор к Главному биологу. — Вы можете это объяснить?

— Как указывают внешние признаки, они объяты страхом. Самым примитивным, животным чувством страха.

— Ну, а в остальном у них, кажется, все в порядке, — сказал Координатор. — Больше нам здесь делать нечего.

Они вошли в шлюзовой отсек, дверь закрылась, снаружи раздался шум — пришельцы исчезли.

Экипаж ракеты понемногу приходил в себя, освобождаясь от страха. На экране снова появились дискообразное тело корабля и луч.

— Мы продолжаем наш путь, — распорядился Коммодор. — Все на свои места!

Он приказал Лингвисту приступить к расшифровке дощечки со знаками.

Спустя два часа перевод был у него в руках.

«Транспортник ПРТ-220 с 7-й планеты созвездия Плеяд Тайгете за сбором (?) **циркония** (-ниевой руды?) **наблюдал несчастный случай** (взрыв?) **на вашем корабле. Сразу после того, как мы вас заметили** (запеленговали?)… **смогли вас нашим…** (?) **совместить снова. Желаем положительного** (счастливого?) **продолжения рейса!»**

Наконец-то гнет, давивший Коммодора, исчез. Он нацарапал несколько слов на бумаге и вызвал радиста.

— Пошлите это сообщение. Лингвист поможет вам подобрать знаки.

Через некоторое время радиоволны понесли в мировое пространство следующее послание:

«Транспортнику ПРТ-220. Благодарим за помощь и желаем успеха. Экспедиционный корабль «Колумбус» с 3-й планеты Солнечной системы, находящийся в исследовательском рейсе».

Спасение I[11]

Зеркальные участки поверхности планеты могли бы дать ему пищу для размышлений. Так цинк блестит лишь тогда, когда его только что надраили или недавно отлили.

— Спасательная станция для нас очень важна, — сказал Навигатор Ральфу. — В радиусе тридцати семи световых лет нет другой такой планеты с подходящим воздухом и переносимыми температурными условиями и гравитацией.

Они смотрели вниз на парящее ядро, которое являло собой планету, в семьсот раз превосходящую по размерам Землю. Она была затянута бело-серой пеленой, простиравшейся словно оболочка или кожура над высохшим яблоком, — оболочка не везде плотно прилегающая, тут и там образующая грубые складки. Но взгляд в первую очередь выхватывал эти большие округлые пятна, одни словно посыпанные сахарной пудрой, другие зеркально гладкие.

— Моря? — спросил Ральф.

---

[11] notes: 11

Пер. изд.: Franke G. W. Rettung I: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

— Нет, открыто проступивший цинк. Верхний слой поверхности планеты состоит из цинка, под ним лежат более тяжелые металлы, а поверх всего находится толщиной в несколько метров слой легких металлосоединений, главным образом окиси и сульфиды.

— Чем объяснить образование свободных поверхностей выступившего металла?

Навигатор покачал головой:

— Очевидно, в очень давние времена жидкое наполнение планеты в этих местах поднялось выше, чем в других, и растопило участки поверхности.

Прозвучал сигнал посадки. Ральф приготовился к выходу. Теперь ему предстояло пять лет провести в одиночестве. Ни одного человека, только два человекообразных существа. Он слегка побаивался встречи с ними.

Вопреки опасениям, оба приняли его очень дружелюбно. У одного из них, Кефеида, было худое тело, лицом он напоминал оленя, у него были большие черные глаза грызуна и косичка из редких коричневых волос, сбегавшая с середины черепа до спины.

Когда Ральф увидел второго, то испугался. Персеид был маленький, толстый, бесформенный.

Кожа у него была словно у улитки — голая, пористая и клейкая, на плоском лице выделялся широкий рот с выпирающими вперед наподобие клюва губами. Ральф с отвращением отдернул руку, когда Перс, как он называл его позднее, хотел пожать ее.

Планета была безжизненная и не представляла интереса. Разве что кристаллограф обрадовался бы встрече с ней. На поверхность густо пробивались причудливейшие образования в виде игл и копий, сплетенных сучьев, птичьих гнезд, они образовывали фигуры, похожие на диковинные растения, на мох, папоротник и даже заросли пальм. Покрывая широкие участки поверхности, они меняли форму — часто с поразительной быстротой, словно обладали своеобразной жизненной силой.

Трое дежурных на Станции несли свою вахту скромно и честно. Они подготавливали убежища, которыми могли бы воспользоваться пассажиры и экипажи космических кораблей, совершивших вынужденную посадку на планете, распределяли консервированные продукты, сооружали временные лазареты для оказания помощи раненым и больным. Ральф работал в основном с Кефеидом, или, как он его называл, Кефом. Перса

он умышленно не замечал. Безобразная фигура, неизменно оставлявшая после себя слизистый след, вызывала у него отвращение.

Как-то он побывал у одного из зеркальных пятен, но ничего не увидел, кроме бесконечной металлической равнины, покрытой светлой пудрой из окиси цинка. Иногда он спрашивал себя, почему одни пятна были сильно окислены, тогда как другие отливали зеркальным блеском.

Однажды они работали на складе горючего, в нескольких сотнях метров от своего основного жилища. Ральф обратил внимание на необычную жару, но не придал этому особого значения. Поначалу — пока не бросил взгляд на жилые здания. И тогда он не поверил собственным глазам: стены прогнулись, здания рассыпались как карточные домики. Через несколько секунд они бесследно исчезли. На их месте появилась слегка колышущаяся масса — жидкий металл. Он двигался, неумолимо расширяя свои границы. По краям этого цинкового «моря» крошилась почва, она падала вниз, металл поглощал ее.

Под ногами Ральфа послышался скрежет, затем медленно расползлась трещина, что-то выплеснулось На поверхность — клокочущий, расплавленный цинк. Тогда он бросился бежать…

Это был бег наперегонки с горячим металлом, бег с препятствиями в виде внезапно возникавших расщелин и металлических валов, которые вдруг образовывались среди гладкой поверхности. Ральф бежал так, словно поставил своей целью выиграть приз, который как ничто другое мобилизует все силы без остатка, — этим призом была его жизнь. Он несся стремглав, петляя, то прыгал, то падал, поднимался и снова бежал что было мочи.

Он видел обоих своих помощников — они бежали неподалеку, тоже без оглядки.

Перед Ральфом неожиданно вырос огромный пузырь. Он отпрянул в сторону, но не так быстро, под его тяжестью поверхность пузыря лопнула и левая нога очутилась в жидком металле. Не помня себя от страха, он вытащил ногу, увидел, как тлел на ней сапог, и на миг подивился тому, что не чувствует боли. Он даже пробежал еще несколько шагов, но тут пламя охватило его, все тело пронзила невыносимая боль, и он упал на дымящуюся поверхность, бессильно замолотив по ней руками.

Темнота, словно занавес жалости, опустилась над ним. Но то не был сон, скорее бред, полуобморочное состояние, когда он с трудом воспринимал

лишь отрывки происходящего. Когда сознание к нему возвращалось, он вспоминал о своих спутниках. Он видел перед собой прыгающую коричневую косичку Кефеида и с тревогой замечал, что его друг уменьшается в размерах. Им овладело чувство чудовищного одиночества.

Вслед за этим он ощутил, как его мягко приподняли и понесли, но что это было — реальность или горячечное видение, — он не мог понять. Он только чувствовал какое-то скольжение, мерное покачивание, его обдавали потоки горячего воздуха, рот и нос забивала удушающая металлическая пыль. Ральф открыл глаза, увидел перед собой пористую кожу Перса и уходящие вдаль друзы кристаллов. На фоне кусочка свинцово-серого неба перед ним возникли плоский подбородок и губы, похожие на клюв. И тогда он снова закрыл глаза, испытывая странное облегчение. Он был в безопасности.

Очнувшись, Ральф увидел, что лежит на скамье перед радиостанцией, которую они воздвигли на вершине одного из складчатых хребтов. Глубоко внизу раздавались глухие звуки, казалось, ленивые волны лизали гору, — это был жидкий цинк, игрой природы поднятый из глубин планеты. Нога его уже не болела так сильно. Он слегка

приподнялся. Неподалеку от него, подставив солнечным лучам свое плоское лицо, сидел Персеид, Ральф долго наблюдал за ним. Лицо это уже не казалось ему безобразным.

Второй экземпляр[12]

Увидев перед собой капитана Эшли и его глаза, Мэри поняла, что спасти Боба не удалось. С усилием она приподнялась на больничной койке:

— Значит, он…

Эшли, подавив чувство неловкости, кивнул.

— Только не волнуйтесь…

Он ясно видел, как сейчас бессмысленны его слова, но продолжал говорить.

— Даже вас едва поставили на ноги! Чудо, что вы выкарабкались. Сперва надо выздороветь совсем…

— А потом что? — всхлипнула она.

Он подождал, пока она успокоится.

— Мы обшарили место взрыва. У нас есть кусочек его кожи.

Слезы мгновенно высохли.

— Вы хотите…

— Если *вы* хотите.

Мэри зарыдала снова.

— Обдумайте хорошенько, — посоветовал Эшли и тихо удалился.

---

[12] notes: 12

Пер. изд.: Franke G. W. Zweitexemplar: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

Через неделю пришел биолог и все с ней обсудил.

— Вы знаете, что из набора хромосом человека мы можем вырастить его точную копию. Мы поместили кожу Боба в питательный раствор. Она живет. Пока живет кожа человека, жив и человек, которому она принадлежала. В каждой клетке кожи полный набор его хромосом.

— А это будет… Боб? — спросила, запинаясь, Мэри.

— Будет человек с наследственными данными Боба. Человек, который, если переживет то же, что и Боб, станет им. Каждое живое существо — продукт своей наследственности и своего окружения. Он будет вашим мужем, но таким, будто после рождения он пережил не то, что Боб, а что-то другое. Пережил очень немногое. Вам придется воспитывать его, как воспитывают ребенка. Справитесь вы с этим?

— Надеюсь, что да, — ответила Мэри.

Прошло полгода. И вот его привели к ней. Она уже тысячу раз рисовала в своем воображении эту сцену, однако сейчас колени у нее дрожали. Пришлось даже прислониться к стене. Перед ней стоял Боб. Но только этот Боб выглядел моложе.

Морщин, которые оставляют годы, не было. Это был Боб, но словно увиденный ею впервые — другой человек и одновременно тот же самый. «Второй экземпляр», — горько подумала она.

И тут стоявший перед ней человек улыбнулся. Это была та же улыбка, какой всегда встречал ее Боб, и много раз виденным, привычным было движение, которым он чуть смущенно откинул со лба прядь волос. Мэри почувствовала, что расположение и приязнь определяются наследственными данными объекта больше, нежели тем, что тот пережил.

— Пошли, Боб, — сказала она, теперь мать и жена одновременно. — Ты снова дома.

Авария[13]

Летательный аппарат быстро терял высоту. Корпус его временами вибрировал, и тогда валы кратеров на экране на какие-то мгновения увеличивались и становились шире.

Инженер был готов к катапультированию. Парашютная сумка прочно облегала его спину, целлулоидный чехол с портативным передатчиком, кислородными баллончиками и таблетками энергона лежал у люка шлюзовой камеры.

Он неподвижно стоял у поворотного стола, склонившись над потертой фотографией — портретом матери. Спешить было некуда. Неуправляемый аппарат мог еще долго делать витки над планетой, прежде чем коснется поверхности. Может, четверть часа, а может, гораздо дольше.

Вдруг взгляд инженера случайно упал на экран, и он тут же устремился к нему, в испуге выкрикнув что-то нечленораздельное. В поле зрения появился волнующийся, сверкающий клин: водная поверхность — чужое море на этом чужом небесном теле. Инженер рванул на себя аварий-

---

[13] notes: 13

Пер. изд.: Franke G-W. Havarie: «Der grüne Komet» (1960). Wilhelm Goldmann Verlag, Munchen.

ную рукоять, которая одновременно открыла перед ним оба люка шлюзовой камеры, и стал падать в бездну. Мешок с неприкосновенным запасом остался в корабле.

Не раз и не два репетировал инженер момент катапультирования. Поэтому ему удалось справиться с шоком от свободного падения, и он механически положил руку на вытяжной трос.

Он еще находился над поверхностью моря, заполнявшего половину горизонта. Но ветер дул с моря, и, когда парашют раскрылся, его неудержимо погнало ж берегу.

Инженер сосредоточился на посадке. Она оказалась жесткой. Он тотчас обрезал несущие ремни, и парашют снова надуло; он затрепетал и, несомый ветром, заскользил в глубь суши.

Инженер с трудом выпрямился. Сила притяжения этой планеты была необычно большой — она словно задалась целью поставить его на колени. И тут он вздрогнул от ужаса. Пальцы его левой руки, державшие фотографию матери, разжались, и цветной бумажный квадратик порхнул вниз. Со всех сторон на него медленно наползали матово поблескивавшие конусообразные кожухи, каждый метра два высотой, каждый снабжен захватом. Один из этих конусов направлялся

прямо к нему. Он помедлил какое-то мгновение, потом опрометью бросился бежать.

Он спотыкался о гладкие обломки коричнево-красного материала, дробившегося под его подошвами. Перепрыгивал канавы, по которым к морю сочилась дымящаяся, черная жидкость. Уклонялся от каменных возвышений, раскиданных вдоль и поперек пустынной местности.

Но долго выдержать такое напряжение он не смог. Слишком слабы были его мышцы, привыкшие к иной силе притяжения. Он то и дело падал, собирался с силами и, наконец, стал ползти на четвереньках. Темное, похожее на повозку или танк создание бесшумно следовало за ним, не быстро, но неуклонно, как машина.

В конце концов инженер больше не мог двигаться от изнеможения. Прислонившись к низкой каменной кладке, он смотрел, как чудовищное создание приближается к нему. И вот высунулся захват и нацелился на верхнюю часть его туловища. Вплотную перед грудью остановилась металлическая рука-цанга. Инженер, втиснувшись в стенку, не отваживался поднять взгляд. Однако все было по-прежнему тихо. Постепенно он снова обрел мужество и открыл глаза. В рейках захвата виднелся какой-то броский, цвет-

ной предмет. Он инстинктивно схватил его, и тут же наконечники металлических пальцев разошлись. Инженер держал в своих руках фотографию матери, которую недавно неосторожно выронил.

Тогда он оторвался от каменной опоры, выпрямился и снова обрел надежду.

Наследники Эйнштейна[14]

В комнате тихо. Окна застеклены звуконепроницаемым стеклом. Лишь за дверью время от времени слышится шорох: то по синтетическому покрытию пола прошелестят резиновые колесики, то послышится потрескивание накрахмаленных халатов, то чей-то шепот. От всего вокруг несет запахом дезинфекции — от ковров, от книг и комнатных растений, даже от волос врача. Струя воздуха из кондиционера разгоняет его по всей комнате.

— Вот она! — пробормотала медсестра, вынимая перфокарту из картотеки. — Форсайт, Джеймс, 26 лет. Отделение Р2.

— Отделение Р2? — переспросил бледный брюнет, который сидел скособочившись в глубоком овальном кресле с оранжевой обивкой.

Врач потянулся за перфокартой:

— Р2 — отделение для душевнобольных преступников. Если вы хотите что-то узнать у него, то не мешкайте, инспектор. Сегодня после обеда его переориентируют.

---

[14] notes: 14

Пер. изд.: Franke G. W. Die Enklaven: «Einsteins Erben». Science-fiction-Geschichten, Insel Veriag, Frankfurt/Main, 1972.

— Можно на него взглянуть?

— Пойдемте!

Хотя врач шел быстро, движения его были размеренными, степенными: человек, которому подчиняются шестьсот операционных автоматов, должен и вести себя подобающе. Инспектор следовал за ним.

Перед ними открылись и сразу же бесшумно закрылись блестящие стальные двери, приводимые в движение невидимыми глазу сервомеханизмами. Они реагировали на «магнитный узор» жетона врача, который ощупали тысячами ультракоротких токовых импульсов.

Им пришлось пройти по длинным безлюдным коридорам, потом на лифте спуститься в цокольный этаж.

Перед одной из дверей врач остановился:

— Вот он!

На уровне глаз находилось потайное окошко. Инспектор заглянул в камеру, где, кроме откидной кровати и санузла, ничего не было. Серые с отливом стены. На матрасе из пенопласта сидел молодой человек ничем не примечательной внешности. Лоб высокий, в морщинах, тонкогубый рот глубоко вырезан, что придавало молодому человеку презрительный или мелан-

холичный вид.

— Вы его держите под сомналином? — поинтересовался инспектор.

— Он не опасен.

— А в чем проявляется его болезнь?

— Мы уже проделали кое-какие опыты, — ответил врач. — Погодите, я, пожалуй, вам продемонстрирую…

Он огляделся, потом подошел к одному из встроенных стенных шкафов. Достал пылесос — продолговатый аппарат в светло-коричневом синтетическом футляре. Футляр, разумеется, был запломбирован.

Врач открыл дверь и ногой пододвинул аппарат в камеру, после чего молча вновь закрыл дверь, рукой подозвал инспектора и указал на окошко. Немного погодя спросил:

— Что вы видите?

— Ничего, — прошептал инспектор.

Врач прислонился к стене.

— Ну, тогда подождите немного.

Инспектор поднял руку, призывая к вниманию.

— Он двигается. Встал… наклонился… Поднял аппарат, поставил на кровать.

— Хорошо! — сказал врач с оттенком торжества

в голосе. — Сейчас вы сами убедитесь.

— Повертел аппарат… склонился над ним… Теперь я ничего не могу разобрать!

— Позвольте мне… Ага, я так и думал! Можете удостовериться!

Инспектор опять подошел к окошку.

— Он… что?.. Бог мой, он сорвал пломбу! — Он оглянулся. — И вы допускаете это, доктор?

Врач пожал плечами.

— Это помещение, любезнейший, в некотором смысле — ничейная земля. Здесь законы этики не действуют. Но сейчас будьте повнимательнее!

Инспектор снова заглянул в камеру. Прислонившись к двери, он пригнулся, словно на плечи ему давила тяжелая ноша. Он не произносил ни слова.

— Ну что? — спросил врач.

Инспектор энергичным движением прикрыл смотровое окошко. Побледнев, проговорил дрогнувшим голосом:

— Непостижимо! Это извращение… Безумие! Он отвинтил гайки, снял крышку. Что-то достал из аппарата — кажется, провод, какой-то стеклянный патрон и еще что-то блестящее, по виду металлическое… Омерзительно! Я не могу этого вынести.

— Ну да, — сказал врач. — Тяжелый случай. Потому-то он у нас под наблюдением.

— Но переориентировать его вы не станете, — сквозь зубы процедил инспектор.

Врач быстро оглянулся. Зрачки его и без того широко раскрытых глаз заметно увеличились.

— Не понимаю вас. Этот человек — вырожденец. Больной, если угодно, извращенный преступник. Он нарушает правила приличия и порядочности. Послушайте, инспектор…

Но тот уже достал из нагрудного кармана официальный документ. Сложенный синтетический листок сам собой раскрылся, и врач увидел напечатанные строчки, скрепленные печатью с тиснением. Он быстро пробежал глазами текст.

— Странно, — сказал он. — Полиция берет под свою защиту преступника, вместо того чтобы предать его суду. Можно ли узнать причину;?

— Почему нет? Но никому ни слова. — Инспектор подошел поближе к врачу и прошептал: — Происходит нечто необъяснимое, да, это происходит, идет процесс… как бы выразиться поточнее?

— Что происходит? — нетерпеливо перебил врач.

Инспектор неопределенно повел рукой.

— Многое. И в разных местах. На первый взгляд — мелочи. А в совокупности это для нас угроза: средняя скорость поездов метрополитена за последние полтора месяца повысилась на двадцать километров в час. Новейшие видеокомбайны месяцами никто не выключает, и это никак не отражается на качестве изображения и прочих показателях. Материалы, из которых сделаны конвейеры, практически не знают износа. Стеклянные стены сборных жилых домов более не бьются и не теряют прозрачности. И так далее, и так далее. Вы понимаете, что это значит?

— Разве это не благотворные улучшения? Что вы против них имеете?

— Благотворные? Только на первый взгляд. Вы забываете, что тем самым нарушается технологическое равновесие. Но даже не это нас встревожило. А вот… кто за этим стоит? Должен же кто-то за этим стоять!

Врач побледнел.

— Не хотите же вы сказать, что вновь появились бунтари… что они… Нет, невозможно: всех ученых, всех научных работников мы давно переориентировали…

— Напоминаю: никому ни слова! — Худощавая фигура полицейского инспектора слегка напряг-

лась. — Я хочу побеседовать с ним!

Услышав звук откатывающейся двери, Джеймс Форсайт попытался спрятать под матрасом детали разобранного пылесоса, но не успел. Он поднялся и стал так, чтобы их не сразу заметили. От волнения и страха Джеймс дрожал всем телом.

Врач хотел было что-то сказать, но инспектор опередил его. Оба они избегали смотреть в ту сторону, где за спиной Джеймса лежали детали. Вид выпотрошенного аппарата с зажимами, винтами и свободно свисающими концами проводов внушал им отвращение.

— Даже повреждение пломбы — пусть и по неосторожности — наказуемо! Вам ведь это известно! — сказал инспектор.

Джеймс покорно кивнул.

— Вас арестовали за то, что вы разобрали стиральную машину, — продолжал полицейский.

— Она сломалась, — сказал Джеймс.

— Почему вы не обзавелись новой?

Джеймс пожал плечами: он знал, что его никто не поймет.

— Почему же? Отвечайте!

— Я хотел понять, что с этой штуковиной стряслось. Что-то треснуло внутри — и тишина. Я хотел

ее починить.

— Починить! — повторил врач, покачав головой. — В вашем подвале нашли ящик с деревянными катушками, гвоздями, кусками жести и прочим. На одном из ваших столовых ножей обнаружены царапины, будто вы обрабатывали им какой-то твердый предмет.

Джеймс смотрел себе под ноги. Уголки рта запали еще глубже.

— Я собирался смастерить дверной звонок, — наконец ответил он.

— Дверной звонок? Но ведь у вас в квартире есть телефон и видеофон! Зачем вам понадобился звонок?

— Он служил бы чем-то вроде будильника, подавая сигналы точного времени.

Инспектор с удивлением посмотрел на него:

— Какой в этом смысл? Вас в любой момент может разбудить автоматика!

— Будильник мне не нужен, — не сразу ответил Джеймс. — Просто захотелось смастерить его самому.

— Захотелось? И поэтому вы пошли на преступление? — Инспектор покачал головой. — Но продолжайте! А этот пылесос? Зачем вы его разобрали? В этом ведь не было ни малейшей

необходимости.

— Нет, — сказал Джеймс, а потом крикнул: — Нет, никакой необходимости не было! Но я уже полтора месяца сижу в этой камере — без радио, без видеофона, без журналов! Мне скучно, если вы понимаете, что это такое! А заглядывать в нутро разных приборов мне просто занятно. Меня интересует, для чего они предназначены: всякие там рычаги, винтики, шестеренки! Что вы от меня хотите: меня скоро переориентируют…

Он упал на кровать и повернулся лицом к стене.

— Не исключено, что обойдемся без переориентации, — сказал инспектор, глядя на него сверху. — Все будет зависеть только от вас, Форсайт.

Целую неделю Джеймс Форсайт беспокойно блуждал по городу, спускался на эскалаторах в торговые этажи, поднимался на подвесных лифтах высоко над проемами улиц. Он еще не пришел в себя после долгого заключения. Колонны машин на этажах, предназначенных для автотранспорта, и встречные людские потоки на пешеходных мостах приводили его в замешательство.

Воздушными такси он не пользовался: после долгого пребывания в замкнутом пространстве опасался головокружения.

И все-таки вновь обретенная свобода казалась ему нежданным подарком. Он старался забыть, что получил ее временно, что это лишь отсрочка, если он не выполнит своего задания. Он надеялся выполнить его.

Джеймс Форсайт никогда не отличался особой верой в собственные силы. Сложения он был хрупкого, часто страдал головными болями и уже несколько раз подвергался терапевтическому лечению в «эйфориуме». Но еще большие страдания причиняла ему необъяснимая склонность, заставлявшая его постоянно думать о машинах и о том, как они действуют. Он сам сознавал необычность этого влечения. Много раз пытался подавить его в себе, побороть это стремление к запретному, которое даже не дарило ему радости, а только мучило, потому что никогда не приводило к желанной цели: стоило ему разобраться в назначении какого-нибудь колесика или винтика, как тотчас же возникали вопросы о более,

сложных взаимосвязях, и его неудача — он был уверен, что никогда не достигнет конечной цели, не найдет исчерпывающего объяснения, — навевала на него тоску и приводила в отчаяние. Причем все это происходило помимо его воли: он не был ни бунтарем, ни тем более героем и всецело находился во власти одного-един-ственного желания — излечиться от своей мучительной болезни и сделаться заурядным и законопослушным гражданином.

Сейчас он стоял перед дверью Евы Руссмоллер, внучки последнего, после Эйнштейна, великого физика, того самого человека, который около восьмидесяти лет назад поклялся больше никогда не заниматься наукой. Сдержал ли он свою клятву? Джеймсу было знакомо наваждение, которое охватывало каждого, кого увлекли физические опыты, и он сомневался, чтобы человек, однажды вкусивший этой отравы, когда-либо отказался от нее. Поможет ли ему Ева Руссмоллер установить связь с тайной организацией, с людьми, которые подпольно продолжают заниматься наукой и по сей день работают над решением технических задач? Он почти не рассчитывал на успех, но после того, как все предыдущие попытки завершились неудачей, оставалось лишь попытаться здесь.

Адрес ему дали в полиции.

Женщина, которая открыла ему дверь, и была, надо полагать, Евой Руссмоллер. Стройная, пожалуй даже худая, бледная, с большими испуганными глазами.

— Что вам угодно?

— Не уделите ли вы мне пять минут?

— Кто вы? — спросила она неуверенно.

Она стояла на террасе сорокового этажа. Из цветочных горшков глубоко вниз свисали усики горошка и декоративной тыквы. Вокруг на достаточном отдалении, чтобы создать ощущение свободного пространства, высились другие строения — грибообразные и воронковидные жилые небоскребы, ступенчатые и веерообразные, несущие рельсы подвесных дорог и автопоездов надземной дороги.

— Не зайти ли нам в квартиру? — предложил Джеймс.

— Не знаю… Лучше не стоит… Что вам угодно?

— Речь пойдет о вашем дедушке.

Открытое лицо жещины застыло, она словно надела маску.

— Вы из полиции?

Джеймс не ответил.

— Проходите, — сказала Ева Руссмоллер.

Она провела его на другую террасу. Они сели в кресла между двумя прозрачными кадками, из которых поднимались узколистые растения без корней.

— Я дедушку не знала. Пятнадцать лет назад он исчез, и с тех пор даже моя мать ничего о нем не слышала. Я тогда была совсем маленькой. Но это уже десятки раз заносилось в протоколы.

— Я не из полиции, — сказал Джеймс.

— Не из полиции? — Она недоверчиво выпрямилась в кресле. — Тогда что вам от меня надо?

— Не мог ваш дедушка исчезнуть бесследно! Он был знаменитым человеком, ученым с мировым именем. До запрета был ректором Института исследований мезонов имени Юкавы. О его отлучении писали все газеты.

— Почему вы не оставите нас в покое? — прошептала Ева. — Неужели это никогда не кончится? Конечно, дед был виноват. Он изобрел батарею с нулевым значением, мезонный усилитель, гравитационную линзу. Он обнаружил явление конвекции в сиалической оболочке Земли и предлагал построить специальные шахты, чтобы получать оттуда энергию. Все это могло иметь ужасные последствия. Но его расчеты были уничтожены. И ничего из них не вышло. Почему

же нашу семью до сих пор преследуют?

Джеймсу было жаль женщину, которая казалась сейчас такой беззащитной. При других обстоятельствах он с удовольствием познакомился бы с ней поближе. Но теперь он прежде всего должен думать о собственном спасении.

— Успокойтесь, никто вам зла не желает! И я не полицейский!

— Это просто новая уловка, только и всего.

Джеймс ненадолго задумался.

— Я вам докажу.

Он достал из кармана зажигалку — старомодную игрушку с защелкой. Открыл крышечку там, где вставлялись газовые капсулы, и показал ей пломбу. Еще несколько движений — и на столе лежали трубочки, металлические детальки и маленькое зубчатое колесико.

В первый момент Ева с отвращением отвернулась, а потом испуганно вздрогнула, потому что поняла: перед ней человек извращенный, способный на все.

— Умоляю, не делайте этого!

Джеймса глубина ее чувства удивила. Он убедился, что внучка профессора Руссмоллера действительно не имеет ничего общего с людьми науки и техники.

— Не тревожьтесь, я вам зла не причиню, — и когда она начала плакать, добавил: — Я ухожу.

Сам открыл дверь, спустился на пол-этажа к лифту и хотел было уже сказать в переговорное устройство, чтобы кабину спустили на первый этаж, когда на его плечо легла чья-то рука. Он быстро оглянулся и увидел перед собой круглолицего молодого человека с прической-ежиком; сильно развитые скулы придавали его лицу слегка застывшее выражение.

— Не вниз! Поднимемся-ка наверх! Секундочку, — он нажал на одну из кнопок, и лифт начал подниматься.

Но уже через пять этажей незнакомец остановил лифт и потянул Джеймса за собой в коридор. Не выпуская его руки, вышел на одну из террас, где, судя по всему, никто не жил. В углу стоял двухместный гляйтер. Молодой человек велел Джеймсу сесть и пристегнуться ремнями. Потом подбежал к перилам террасы, огляделся по сторонам и приглушенно крикнул Джеймсу:

— Порядок!

Он сел за руль, гляйтер плавно взмыл ввысь. Сначала они двигались довольно медленно, затем полет убыстрился, но максимальной скорости они не превышали.

Незнакомец внимательно огляделся по сторонам и толкнул Джеймса локтем:

— А вот и они — гляди, как наяривают!

— Кто «они»? — спросил Джеймс.

— Ну, полиция! А то кто же? Наивный же ты человек!

Внизу, на обочине скоростной автострады, Джеймс увидел голубой «гляйтер-комби». Из него выскочили несколько человек.

— А вот и их воздушная эскадра! — Незнакомец рассмеялся. — Ладно, сматываемся!

Сопла двигателей взревели, и гляйтер понесся дальше на предельной скорости, разрешенной в городе.

— Что все это значит? — прокричал Джеймс на ухо незнакомцу.

— Здесь мы сможем поговорить! — прокричал тот в ответ. — Здесь нас никто не подслушивает. Значит, так! Я Хорри Блейнер из группы «эгг-хедов»[15], — и, заметив недоумение на лице Джеймса, добавил: — Приятель, да ты сам один из нас! Я ведь наблюдал за тобой в бинокль. Видел, как ты разобрал зажигалку!

Джеймс вздрогнул. Какое бы значение ни при-

---

[15] notes: 15

«Эгг-хед» (англ.) — буквально: «яйцеголовые», ироническое прозвище людей интеллектуального труда. — *Здесь и далее прим. перев.*

давать его словам, он в руках у этого человека.

Хорри рассмеялся:

— Да ты не бойся! Мы тоже считаем их законы идиотскими. Запрещено срывать пломбы. Запрещено разбивать машины. Обыватели, мещане! Ничего, мы им еще покажем!

Хорри направил гляйтер на юг, к спортивному центру. Это был огромный комплекс, состоявший из гимнастических залов, искусственных ледяных дорожек, игровых площадок, плавательных бассейнов и боксерских, рингов. Повсюду самая современная аппаратура для фиксации времени, длины, высоты, взятого веса, всюду снаряды для тренировок спортсменов-профессионалов: лодки для гребли в сухом бассейне, велоэргометры, массажеры, эспандеры — словом, комплекс оборудован по последнему слову спортивной техники. Значительная его часть находилась под огромной крышей из мягкого прозрачного искусственного материала. В центре размещались овальный стадион и символ спортивного комплекса — вышка для парашютистов. С интервалом в несколько секунд в сумеречное небо катапультировались парашютисты, а потом, паря как пушинки под куполами, они опускались на пористое покрытие специальной площадки.

— Тебе повезло, — сказал Хорри. — Сегодня у нас праздник. — Уменьшив скорость, он снизился и пошел на посадку. — Вылезай!

Он выпрыгнул на самораскатывающийся коврик, который понес их по извилистым коридорам, освещенным мягким, приглушенным светом.

Время от времени, когда приходилось делать «пересадки», езда замедлялась: надо было ухватиться за пластинчатую серьгу, закрепленную на огромном шарнире, и не выпускать ее, пока не попадешь на нужную несущую дорожку. Для Джеймса, никогда не увлекавшегося спортом, все это было внове, как и сам способ передвижения, который требовал изрядной ловкости. Ему пришлось нелегко, тем более что постоянно приходилось остерегаться мальчишек, которые использовали бегущие дорожки для новой разновидности игры в пятнашки, рискованно перепрыгивали с одного самораскатывающегося коврика на другой и несколько раз беззастенчиво отталкивали его в сторону.

— Вы спортсмен? — неуверенно спросил Джеймс своего спутника, который с явным удовольствием всячески мешал ребятам, затеявшим буйную погоню друг за другом.

— Глупости! — ответил Хорри и схватил Джейм-

са за руку: того чуть не вынесло с дорожки на повороте. — Это только маскировка. Для наших целей комплекс устроен идеально. Кто здесь во всем досконально не разобрался, сразу запутается. Залы находятся один за другим, они как бы вдвинуты один в другой, будто спичечные коробки. Место экономили, вот в чем дело. Мы всякий раз встречаемся в разных залах. И до сих пор нас ни разу не поймали.

— «Яйцеголовые», — задумчиво произнес Джеймс. — Так раньше называли научных работников. Что у вас общего с наукой?

Хорри только ухмыльнулся и потянул Джеймса за собой с дорожки на желоб для спуска. Вниз летели так, что в ушах свистело.

— Мы современные люди, — по пути говорил Хорри. — Заниматься наукой — дело шикарное. Обыватели всего на свете боятся: нового оружия, ракет, танков. Потому-то у нас тоска зеленая. Ничего такого не происходит. Эти старые физики с их напалмовыми бомбами и атомными снарядами были парни что надо. Они были правы: чтобы этот мир зашевелился, его надо причесывать против шерсти.

Спустившись еще на несколько ступенек, они оказались в небольшом зале, где, судя по всему,

проводились медицинские обследования спортсменов. Повсюду расставлены передвижные кардиографы, энцефалографы, осциллографы, пульты для тестирования штангистов, пловцов и спринтеров, рентгеновские установки для контроля координации движений спортсмена во время тренировки. На скамейках у стен, на матрасах и даже на пультах управления приборами сидели в самых разных позах юноши и молодые мужчины в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, все коротко остриженные, большинство в сандалиях и комбинезонах из белой жатой кожи.

Хорри остановился в дверях. К ним подошли, похлопали Хорри по плечу, восклицая: «Э-эй!» или «Крэзи!» Кто-то протянул Джеймсу бутылку; он с отвращением глотнул какого-то грязно-белесого пойла, от которого отдавало химией, а по вкусу оно напоминало клейстер.

— Отличные ребята, — сказал Хорри. — Нелегко было собрать их вместе. По крайней мере с десяток мы прихватили у малышки Руссмоллер. Приятная она козявка, но тупая: если у нее кто спросит о деде, тут же сообщает в полицию. Еще чуть-чуть, и ты тоже был бы у нее на совести.

В горле у Джеймса запершило: от нескольких

комков бумаги тянулся желтый дымок. Хорри глубоко вдыхал дымок, который оказывал странное воздействие — он оглушал и возбуждал одновременно.

— Они пропитаны, — объяснил Хорри. — А чем, не знаю. Вдохнешь — другим человеком делаешься.

Джеймс видел, как несколько молодых людей склонились над язычками пламени и, опустив головы, глубоко вдыхали дым. Кто-то затянул унылую, монотонную песню, другие подхватили. Постепенно голоса сделались невнятными, движения рук — порывистыми.

Сам Хорри тоже начал пошатываться. Ткнув Джеймса кулаком в бок, он воскликнул:

— Здорово, что ты здесь! Я рад, что именно я выудил тебя! Мне просто повезло! Мы уже несколько месяцев поочередно дежурим. Давно никто не появлялся!

Он начал бормотать что-то нечленораздельное. Джеймс тоже с трудом сохранял ясную голову. Стоявший рядом худощавый юноша вдруг начал безумствовать. Он вырвал из стены поперечный стержень, на который подвешивались металлические блины для штанг тяжелоатлетов, и принялся молотить им по аппаратуре. Во все

стороны брызнули осколки стекла, с приборов осыпался лак. Пробитая жесть противно дребезжала. Вдруг Джеймс ощутил, как болезненно сжался желудок.

— А он парень что надо, — заплетающимся языком проговорил Хорри. — Гляди-ка, он в полном грогги. Но с тобой никто из них не сравнится. Я пока не знаю никого, кто сделал бы такое, не нанюхавшись. Знаешь, меня самого чуть не вырвало, когда я увидел разобранную зажигалку. Да, что ни говори, это свинство, дружище… да, сумасшествие… свинство… но это единственное, что еще доставляет нам удовольствие!

Хорри подтолкнул Джеймса вперед, сунул ему в руки гимнастическую палку:

— Покажи им, приятель! Валяй, покажи им!

Джеймс уже почти не надеялся с помощью этих людей напасть на след тех, чьи действия тревожат полицию, а теперь надежда угасла в нем окончательно. Близкий к отчаянию, он рванул Хорри за рукав:

— Погоди! Я хочу спросить тебя… Да послушай!

Он встряхивал Хорри до тех пор, пока тот не поднял на него глаза.

— Какое отношение все это безобразие имеет к науке? Разве вы никогда не думали о том, чтобы

что-то изобрести? Машину, прибор, механизм на худой конец?

Хорри уставился на него.

— Ну, рассмешил! Ты что, спятил? Тогда отправляйся отсюда в церковь «Ассизи», в клуб Эйнштейна. — Он больно сжал предплечье Джеймса. — Давай, круши вместе с нами! Долой эту дребедень!

Он вырвал у кого-то из рук палку и обрушил ее на мерцающую стеклянную шкалу.

— Бить, колотить… Эх, будь у меня пулемет!

Почти все вокруг Джеймса были опьянены бессмысленной жаждой разрушения. С приборов сдирали обшивку, выламывали кнопки, разбивали вакуумные трубки. Джеймса охватил ужас, ему стало тошно, да, он впервые испытывал неподдельное отвращение при виде мерзких, обнажившихся разбросанных деталей — внутренностей машин и приборов, которые должны были оставаться невидимыми для людей, хотя их работа была абсолютно необходимой. И в то же время им овладевал жгучий стыд — ему было стыдно, что он один из этих бесноватых людей. Он спрашивал себя, мог бы он по собственной воле участвовать в этой вакханалии, копошиться в грязи, и не находил ясного ответа. Будь он

настроен по-другому, не имей он цели перед глазами… Как знать? Вокруг кипели страсти, звучали глухие крики, собравшимися словно овладело безумие, казалось, в своей разрушительной работе они подчиняются ритму песни… Джеймс почувствовал, что его тоже начинает увлекать этот ритм… Откуда ни возьмись в руках у него оказалась штанга, он широко размахнулся…

И тут послышался крик:

— Роккеры!

На мгновение все словно оцепенели, а потом как по команде повернулись лицом к входу. В зал ворвалась толпа молодых мужчин в черных джинсах и коротких куртках из серебристой металлической пряжи. Они размахивали веслами, шестами для прыжков, обломками спортивных снарядов и другими предметами, которыми вооружились, и с ревом, напоминавшим сирену, обе группы бросились друг на друга, схватились в драке, смешались…

Джеймс как-то сразу отрезвел. Незаметно отошел в сторону и, прижимаясь спиной к стене, попятился к узенькой двери, которую заметил в конце зала. Ее удалось открыть, и он нырнул в полутьму коридора.

Шум драки стих, сквозь звуконепроницаемые

стены зала он отдавался лишь отдаленным шорохом. А с другого конца коридора до Джеймса донеслось постукивание — там поворачивала бегущая дорожка. Он быстро пошел в ту сторону: один из «ковриков» приблизился к нему, скорость на миг замедлилась, и Джеймс вскочил на дорожку. После утомительной и головокружительной езды на «коврике» он оказался перед одним из многочисленных выходов.

Все беды идут от науки. Это ученые и техники повинны в заражении воздуха, загрязнении воды и отравлении продуктов питания химикатами. Это им наш мир обязан шумом, вонью и нечистотами. Они превратили горы в свалки мусора, а моря в клоаки. Они изобрели машины, которые должен обслуживать человек, и заставили его тупо работать у конвейера. Они построили города, где распространились болезни и психозы. Они ввели программированное обучение и передали детям свою противоестественную склонность к науке и технике, к изобретательству и поискам новых методов, способных изменить существующие программы. Они экспериментировали с генной субстанцией и вызвали к жизни монстров, вместо того чтобы создать более совершенных людей. Они экспериментировали с материей и

энергией, с растениями и животными, с человеческим мозгом. Они синтезировали составы, способные влиять на поведение, изменять психику, вызывать и подавлять эмоции. Они ссылались на абсолютный приоритет законов природы и не приняли во внимание их относительную ценность в сравнении с ценностями гуманистическими. Они поставили себя над законами этики и морали, прибегая к отговоркам о решении частных задач, и стремились к неограниченной власти. Их целью был не покой, а сомнения, не равновесие, а перемены, не перманентное развитие, а эволюция. Они заставляли людей бежать следом за прогрессом, за рекламой, сигналами, светящимися цифрами, за формулами и тезисами. Они превратили человека в испытательный объект науки, в игрушку техники, в раба промышленности. Они заставили его работать, конкурировать, потреблять. Они создали теоретические основы манипуляции. Они вовлекли человека в сеть насилия, закрепили за ним номера, ведут опись его болезней и провинностей, подвергают его проверкам и тестам, следят за ним, контролируют его, просочились в его интимную сферу, хвалят его, наказывают, воспитывают в нем чувство послушания и исполнительности. Они

просчитывают его возможности на компьютерах, предсказывают его реакции, предвосхищают итоги выборов, программируют и рассчитывают наперед его жизнь. Они создали пародию на человека, загнанное существо, неспособное разобраться в событиях собственного мира, беспомощного перед враждебными проявлениями бесчеловечной окружающей среды.

Естественные науки и техника — это силы разрушительные, которым нет и не должно быть места в нашем свободном мире.

Спустилась ночь, и зафиксированные в воздухе безопорные светильники низвергали на город каскады света. Воздушные такси и реактивные гляйтеры оставляли за собой белые, голубые и зеленые полосы на высоком посеревшем небе, а тысячи освещенных окон образовали световые узоры на фасадах высотных домов.

Джеймса Форсайта переливающаяся цветовая гамма нисколько не занимала. Он понемногу отходил от упоения жаждой разрушения, охватившей и его, и чем больше он остывал, тем больше его страшила мысль: а вдруг он не справится со своей задачей? Хотя у него есть как будто для этого все, что требуется, — он единственный

сотрудник полиции, который не только способен хранить спокойствие при виде разрушенных машин, но и сам в состоянии разобрать их на детали. Да, но действительно ли он еще способен сделать это? Увиденные омерзительные сцены возбудили в нем чувство отвращения, которое как бы вступило в противоборство с его прежними наклонностями, приглушали их. Неужели он на пути к исцелению? Он не знал, удастся ли ему и впредь с невозмутимым лицом действовать как изгою общества — а ведь это необходимо, если он намерен установить нужные контакты.

Времени у него оставалось мало. Он перебрал в уме возможности, на которые ему указал худощавый инспектор особого отдела, — все попытки оказались тщетными. Последняя оставила наиболее тягостный осадок. Он заставил себя еще раз мысленно вернуться к минувшим событиям, все передумать: оставался один неясный след — совет Хорри: «Отправляйся в церковь „Ассизи"[16]!»

Эта церковь ему знакома, она находилась в ста-

[16] notes: 16

Ассизи — город в Италии, где родился Франциск Ассизский (Джованни ди Пьетро Бернардоно дель Мариконе) (1182–1226), основатель католического монашеского ордена францисканцев. Здесь автор, явно иронизируя, проводит параллель между раскаявшимися учеными и последователями Франциска Ассизского, которые зачастую селились в городских кварталах, где обитала беднота, занимались мелкой благотворительностью, уходом за больными и т. д.

рой части города, построенной сразу после войны и внешне казавшейся победнее других районов. Само здание, старомодное серое строение, принадлежало одной из многих малочисленных сект, которые видели спасение в потусторонней жизни и жили скромно, неприметно. Никто не утешал их надеждой на райские кущи, если они примирятся с невзгодами жизни земной. Да, но как должен был выглядеть этот рай, если в реальной жизни каждый человек получал все, что только мог пожелать, — еду, одежду, от самой малой житейской надобности до реактивного гляйтера, причем бесплатно? Забот больше никто не знал. Медицинская служба наблюдала за здоровьем людей с рождения до самой старости. Автоматически управляемые заводы на самых низких горизонтах, глубоко под землей, были построены на века. Они синтезировали продукты питания, поставляли строительные блоки для зданий, которые можно было собрать с помощью нескольких машин, производили эти и другие машины — самые высокоэффективные автоматы с элементарным кнопочным управлением: работать с ними мог каждый, и никому не приходилось учиться больше, чем ему давалось в процессе хорошо продуманных детских игр.

Это происходило как бы само собой, незаметно для обучающегося. А в ремонте эти машины не нуждались.

Джеймс не знал, что за люди ходят в церкви и храмы. Может быть, мистики. Или недовольные. Может быть, бунтари. Но не исключено, что среди них были и такие, кто даже десятилетия спустя после запрета науки тайно боролись за ее реабилитацию. Джеймс снова обрел надежду. Направился к ближайшей стоянке гляй-теров, пристегнулся и взмыл ввысь. Сделав плавный поворот, взял курс на старые городские кварталы.

До сих пор он никогда не заходил внутрь церкви. Когда вошел, ему почудилось, будто он попал в пустующий театр; разглядел в темноте ряды резных скамей, у стен горели свечи. Впереди несколько ступеней поднимались к некоему подобию сцены. Изображение бородатого мужчины с удлиненным строгим лицом было метров шести в высоту и достигало сводчатого купола, терявшегося в черноте. С подковообразного балкона, проходившего на уровне полувысоты помещения, доносилось едва слышное шарканье ног, но Джеймс никого не увидел. Впереди, у первого ряда скамей, стояли коленопреклоненные мужчины и женщины. Они что-то бормотали, —

наверное, молились.

То и дело оглядываясь по сторонам, Джеймс прошел вдоль стены мимо бесчисленных ниш, шкафов и решеток; восковые лица вырезанных из дерева святых, казалось, наблюдали за ним сверху. На потемневших картинах были изображены всякие ужасы: людей поджаривали на огне, мужчин распинали на крестах, дети спасались от рогатых страшилищ. Вдруг где-то наверху раздался треск, на Джеймса пахнуло гнилью, и он сообразил, что где-то есть скрытые проемы, ведущие в другие помещения.

Откуда-то сверху донеслись удары колокола. Девять ударов: семь и семь десятых декады до полуночи по древнейшему ритуалу измерения времени. Кто-то идет? Нет, все тихо. Джеймс обошел всю церковь, но не обнаружил ничего, что могло бы навести его на нужный след. Темень угнетала его, неопределенность положения внушала тревогу, а незнакомая обстановка — страх. Он все больше укреплялся в мысли, что за ним наблюдают. Воспоминание о другом месте, где за ним тоже тайно наблюдали, причиняло ему беспокойство, чувство тем более неприятное, что он не мог припомнить, когда это было. Он задумался, и тут ему вспомнился визит к Еве Рус-

смоллер: ведь это там Хорри Блейнер следил за каждым его движением в бинокль. А вдруг здесь тоже… Да, вдруг ученые, если они действительно здесь есть, тоже прибегают к тем же приемам, что и молодежные группы, желая обнаружить сочувствующих? Но как дать им знать о себе? Не поможет ли ему испытанный способ?

Джеймс огляделся, поискал глазами, увидел обитый железом сундук, а рядом закапанный расплавленным воском стол, на котором стояла коробка из золотистокрасного картона. Такие ему уже приходилось видеть. Взял коробку, открыл. Внутри был фотоаппарат. Достал его — модель из простых. Навел, нажал на спуск. Ничего. Затвор заклинило.

Джеймс снова осторожно осмотрелся. Но нет никого, кто обратил бы на него внимание. Верующие в первом ряду продолжали бормотать молитвы. Подрагивали язычки свечей.

Приняв внезапное решение, он сорвал пломбу, поднял крышку. Боковой винтик сидел некрепко. Джеймс вытащил его, вот перед ним колесики перемотки пленки, а вот и стальная пружина веерной диафрагмы. Он сразу определил причину поломки: в связующем рычажке между пуском и пружиной торчала обыкновенная канцелярская

скрепка. Несколькими легкими движениями он привел камеру в порядок. Нажал на спуск… что-то щелкнуло, потом еще раз. Все верно, он убедился — время экспозиции полсекунды.

Джеймс поставил фотоаппарат на место. Что, где-то открылась дверь? Вдруг загремел орган, страстно, торжествующе. И снова тишина. Джеймс посмотрел по сторонам и обнаружил люк, которого раньше не замечал. Из люка вниз вела лестница.

Первые шаги он делал еще в неверном свете свечей. Пониже горела матовая лампочка, и он начал осторожно ступать по ступенькам. Вдалеке доносились глухие голоса. Он пошел на неясные звуки, добрался до узкого коридора и тут разобрал слова:

…Дивергенция дэ равна четырем пи ро.
…Дивергенция бэ равна нулю…

Сделав еще несколько шагов, он оказался перед занавешенной дверью. Откинул тяжелую ткань. С покрытого бархатом кресла поднялся седовласый мужчина в длинном белом одеянии. Он сделал Джеймсу рукой знак молчать и прислушался. Отсюда хор было слышно отчетливо:

...вихрь векторного поля равняется единице, деленной на цэ, скобка после дэ равно плюс четыре пи скобку закрыть...

Голоса умолкли, и мужчина обратился к Джеймсу, медленно выговаривая слова:

— Ты слышишь эти слова, сын мой? Да, ты слышишь их, но не понимаешь. Никто их не понимает, и тем не менее в них — все тайны этого мира!

Он говорил, словно в экстазе, закатив глаза, так что виднелись одни белки. Несколько погодя добавил:

— Добро пожаловать, сын мой. Я — Резерфорд. — Увидев, что Джеймс хочет что-то сказать, взмахнул рукой: — Молчи! Твое светское имя меня не интересует.

Ты нашел путь к нам, и теперь ты один из нас. Ты получишь настоящее, исполненное смысла имя.

Он взял с одного из пультов старую потрепанную книгу и раскрыл ее. Джеймсу удалось бросить взгляд на титульный лист: «Кто есть кто в науке».

— Очередное незанятое имя — Дирак. Значит, отныне ты Дирак. Носи это имя с честью. А теперь

пойдем со мной.

Не оглядываясь на Джеймса, он направился к ближайшей двери.

Сердце Джеймса забилось чаще. Может быть, от предощущения, что он наконец у цели, а может быть, от всех удивительных событий, так захвативших его. Он последовал за человеком, назвавшимся Резерфордом, и оказался вместе с ним в актовом зале. Последние ряды скамей были свободны, они сели. Впереди, у кафедры, стоял человек в очках с волосами до плеч — таких причесок давным-давно никто не носил. Речь его звучала приподнято:

— ...и поэтому мы должны попытаться вникнуть в формулы и знаки, которые дошли до нас. Сейчас я обозначу символы, относящиеся к одному из великих чудес нашего мира — свету.

Подойдя к доске, он начертал:

$$Pq = A \sin 2 (xt).$$
$$Gz = A \sin 2 (xt).$$

Я попрошу вас сосредоточиться на минуту, а вы постарайтесь за это время углубиться в смысл этой формулы.

Минуту спустя лектор снова обратился к собравшимся:

— Я счастлив, что сегодня могу продемонстрировать вам действие одного из приборов, с помощью которых наши бессмертные предки подчиняли себе силы природы. Мы подойдем как никогда близко к сути вещей, и я убежден, что тем самым мы сделаем решающий шаг на пути к непосредственному их осознанию.

На столе стоял прибор величиной с телевизионный приемник. Он был заключен в серый корпус и с помощью кабельной нити соединен с панелью включения в ящичке. Над прибором возвышались два цилиндрических отростка, напоминавших орудийные стволы.

Лектор что-то изменил на панели включения. В зале стало темно. Раздалось тихое жужжание. Еще одно переключение. Лектор проверил угловое расстояние, бросил взгляд в перекрестие нитей прицельного устройства. Потом прикрыл крышкой телескопическое отвер-ствие — и на проекционной плоскости появилось ослепительное белое пятно, вызванное блестящим лучом. Чем дольше всматриваешься в это пятно, тем явственнее ощущение, что окружающие тебя

предметы пропадают: казалось, в пространстве свободно парит раскаленное добела облако. И только одно это облако и существует. Какой-то шорох, звук переключателя. Вокруг этого облака образовалась вдруг рамка, она постоянно увеличивалась в размерах, одновременно видоизменяясь: вот на стене, а точнее, над стеной появились яркие радужные полосы, а еще выше, над ними, бархатистый ореол дневного света. Это была картина неописуемой красоты — вне времени и вне пространства.

Но вот чудесное видение пропало. В зале снова вспыхнул свет. Лектор стоял у кафедры, воздев руки. Присутствующие тоже подняли руки ладонями вверх. И прозвучало негромкое проникновенное песнопение:

О ты, дух познания, единство в многообразии, в котором ты находишь выражение, мы приветствуем каждое из твоих воплощений.

Будь славен ты, великий Ньютон!
И собравшиеся повторяли рефрен:
Будь славен ты, великий Ньютон!
Будь славен ты, великий Лейбниц!

Будь славен ты, великий Гейзенберг!
Славились сотни имен. Но вот конец:
Будь славен ты, великий Руссмоллер!
Да светит вечно твое пламя!

— Да светит вечно твое пламя! — повторил хор.

Лектор сошел с возвышения, но все оставались на своих местах. Послышался ропот, он усиливался, в нем появились требовательные нотки. Джеймс смог разобрать отдельные слова:

— Мы хотим видеть Руссмоллера!

Некоторые столпились у стальной двери в правом углу зала и, по-видимому, собирались открыть ее.

Лектор остановил их взмахом руки:

— Не сегодня: он погружен в размышления. Автоматика никаких помех этому процессу не допустит. Не исключено, он будет готов к визиту через неделю. Так возрадуемся же этому! А теперь расходитесь по домам! Исполнитесь стремления вновь пережить то чудо, которое вам дано было наблюдать сегодня, и вы увидите, что осознание снизойдет на вас подобно озарению!

Этим он, похоже, успокоил собравшихся. Тихо перешептываясь, они покинули зал.

— Чего они хотели? — спросил Джеймс, когда они с Резерфордом выходили из своего ряда.

— Видеть Руссмоллера, нашего пророка.

Джеймс недоверчиво поглядел на него:

— Здесь покоится его прах?

В глазах Резерфорда заплясали огоньки.

— Прах! — Он негромко рассмеялся. — Руссмоллер жив. Да, он пребывает здесь, у нас. Это чудо!

— Но ведь ему должно быть много больше ста лет!

— Ровно сто пятьдесят шесть. Это верно. До такого возраста прежде не доживал никто.

— Да, но как…

— Руссмоллер — просвещенный! Ему известны не только формулы физики и химии, но биологии и кибернетики. Он присягнул им, и они поныне живы в нем. Это может звучать странно, но вместе с тем не выходит за рамки логики: в нем продолжают жить все тайны естественных наук. И они переживут все стадии и периоды тьмы, пока вновь не воссияет свет познания! Мы — его ученики, и цель всех наших устремлений — духовно приблизиться к нему, чтобы вновь народилось знание.

У Джеймса сильно забилось сердце.

— Могу я увидеть Руссмоллера?

— Наберись терпения на неделю. Нам не позволено тревожить его!

— Но это важно!

— На следующей неделе! — отрезал Резерфорд. — У тебя много времени, прекрасного времени; ты напьешься из источника познания. А теперь пойдем, я представлю тебя Максвеллу.

Максвелл — так, оказывается, звали лектора — пожал Джеймсу руку. Выйдя из актового зала, они оказались в передней комнате. Остальные уже разошлись. Максвелл снял очки, провел ладонью по глазам. Потом достал из маленького футлярчика две контактные линзы и вставил их под веки. А затем сорвал с головы парик из мягких, спутавшихся волос — он был совершенно лыс, если не считать двух прядок на темени.

— Устал, — вздохнул он. — Необходима постоянная собранность. И проникновение в немыслимые тайны. Но когда добиваешься понимания, это со всем примиряет. Наш мир — одна видимость, сын мой, переплетение знаков и цифр. Пожелаю тебе, чтобы ты проник в него достаточно глубоко — для осознания всей глубины действительности.

Мрачная обстановка, странное поведение людей, их молитвы и заклинания смущали

Джеймса, он не улавливал кроющихся за этим связей, не мог объяснить себе, как эти люди способны перейти к активным действиям. И все же они действовали: он сам видел мерцающее радужное облако, а ведь это — вмешательство в недостижимые и непостижимые явления. Что по сравнению с этим его проводки и винтики?

Однако он ни на миг не забывал о своем задании. Ему следовало узнать, кто оказывает воздействие на автоматическое производство, кто усовершенствует технику. Не у них ли, этих мистиков, он найдет решение задачи? А если решит ее — выдаст ли он их полиции? Он колебался, боролся с собой. И наконец сказал себе: нет, не выдаст. Неважно, что сделают с ним самим. Если он здесь присутствует при зарождении нового духовного развития общества, он не смеет стать причиной его гибели. Но здесь ли оно зарождается?..

— Позвольте задать вам вопрос?

Он преградил путь Максвеллу, и тот вынужден был остановиться.

— Если это не задержит меня… буду рад…

— Является ли вашей целью поставить знания на службу человечеству? Иными словами, намерены ли вы усовершенствовать технологию,

вмешаться в процесс производства, повысить практическую ценность товаров? Вы уже предприняли подобные попытки?

Он прочел презрение в глазах Максвелла.

— Технология? Производственный процесс? Любезнейший, мы не ремесленники. Мы занимаемся чистой наукой. Нас волнуют духовные ценности!

— Но профессор Руссмоллер… — возразил Джеймс. — Профессор Руссмоллер сделал много практических открытий: изобрел батарею холода, рентгенную линзу, да мало ли еще… Он…

Максвелл перебил его:

— Согласен. Руссмоллер действительно их изобрел. А дальше что? Безумный технический прогресс, господство незнаек-инженеров, которые совратили мир! Нет, мы не повторим этой ошибки — мы останемся в кругу интеллектуальных проблем. И лишь когда достигнем высочайших высот, с помощью одного познания сумеем изменить мир и самих себя.

Он мягко отстранил Джеймса и направился к выходу.

— Повремени минуту и следуй за мной, чтобы не слишком много людей одновременно выходило из церкви — незачем привлекать внимание.

Резерфорд, ты, как всегда, выйдешь последним!

Джеймс был глубоко разочарован, и когда немного погодя Резерфорд сделал ему знак уходить, он повиновался беспрекословно. Поднялся по лестнице-трапу, вошел в неф. В церкви никого нет, все молящиеся ушли. Он уже хотел было выйти, но вдруг передумал… Открыл входные ворота и снова закрыл их. Затем скользнул в боковой неф, заставленный скамьями и креслами, и присел за скамьей в последнем ряду, выжидая. Некоторое время спустя стукнула опускная дверь и появился человек, называвший себя Резерфордом. Джеймс слышал, как он прошелся по церкви. Потом погасли немногие горевшие еще светильники. Только язычки свечей отбрасывали тоскливые тени. От входных дверей донесся глухой шумок, щелкнул электрический замок…

Джеймс пробыл в своем укрытии еще минут десять. Вынул свечку из подсвечника, приблизился к двери, из которой вышел Резерфорд. Открыл ее и, минуя коридор, переднюю комнату и актовый зал, проник к стальной двери, за которой, как он полагал, находился тот, к кому взывали все собравшиеся после демонстрации радужного снопа света: Руссмоллер! Может быть, он у цели?!

Пальцы его дрожали, когда он прикоснулся к

крутящейся ручке замка. И вот дверь подалась. Помещение, в которое он вошел, было несколько меньше актового зала, обстановки почти никакой, освещено слабо, скрытыми источниками света. Лишь у одной стены стояло несколько столов, а на них какие-то причудливые предметы, покрытые бархатными чехлами. Джеймс приподнял один из них за уголок и увидел аппарат, предназначение которого ему было неизвестно. «Дифракционный анализатор Перкина-Эльмера» — прочел он на табличке. Но особого значения этому прибору он не придал, ибо его внимание приковало то, что он заметил у противоположной стены: трубки, шланги, распределительная доска и кровать — не то носилки, не то замысловатый стул для больного — на некотором возвышении. Там лежал кто-то запеленутый. Джеймс осторожно подошел поближе. Существо перед ним постанывало и вздыхало. Джеймс поднялся на ступеньку и наклонился. Никогда в жизни ему не приходилось видеть столь поразительного лица: какая-то дряблая масса, вся в морщинах, — разве признаешь в ней человеческое обличье! Кожа серая, на висках и в ноздрях несколько кустиков пожелтевших волос.

Но лицо это жило. Джеймс видел, как из двух

глубоких впадин куда-то мимо него, в пространство, смотрели глаза, которые время от времени открывались и закрывались — профессор Руссмоллер, если это был он, жил!

Джеймс предпочел бы сбежать отсюда, но приказал себе остаться.

— Вы меня слышите? — спросил он. — Можете меня понять?

Никакой реакции. Джеймс повторил свои вопросы погромче — тщетно. И вдруг его охватила безудержная, необъяснимая ярость. Он схватил эту спеленутую куклу и затряс ее, крича:

— Да проснитесь вы! Выслушайте же меня! Вы должны меня выслушать!

Неожиданно в этом древнем лице произошла какая-то перемена, хотя Джеймс не смог бы объяснить, в чем она выразилась. Возможно, то было едва заметное движение, чуть непрягшаяся кожа, например, — искра жизни, тлевшая еще в этом теле, проснулась. Бескровные губы округлились и едва слышно прошептали:

— Зачем вы меня так мучаете, дайте мне умереть!

— Профессор Руссмоллер! — воскликнул Джеймс, приникнув почти вплотную к изможденному лицу. — Ведь вы профессор Руссмоллер,

правда?

— Да, это я, — прошелестел ответ.

— Я должен спросить вас кое о чем. В некоторых заводских подземных установках произошла самоперестройка — и производительность их возросла. Вы имеете к этому отношение? Вы или ваши люди?

В чертах морщинистого лица Руссмоллера отразилось что-то вроде отвращения. И вместе с тем оно удивительным образом очеловечилось, оставаясь в то же время страшной гуттаперчевой маской.

— Эти люди… — На несколько секунд наступила тишина, а потом прозвучало нечто вроде вороньего карканья — Руссмоллер смеялся. — Мои последователи! Болваны они, ничего не смыслящие болваны. И ничего-то они не умеют, ничего, ничего.

— Но ведь они занимаются наукой! — прошептал Джеймс.

— Наукой? Наука мертва. И ей никогда не воскреснуть. Она умерла навсегда.

— Но им известны символы, формулы!

— Пустые знаки, пустые формулы. Но не их содержание… Эти люди делают вид, что погружаются в размышления. Но не мыслят. Мыслить

трудно. Люди отучились мыслить.

— Но кто же, — воскликнул в отчаянии Джеймс, — кто усовершенствовал заводские установки? Ведь там что-то происходит, вы понимаете? Происходит!

Его слова отскакивали от угасающего сознания ученого, как от обитой резиной стены.

— Никто не в силах ничего изменить. Никто ничего не понимает. Никто не в состоянии мыслить. — Руссмоллер умолк. Потом снова едва слышно произнес: — Я бесконечно устал. Дайте мне заснуть. А лучше дайте мне умереть!

Лицо его замерло. Губы впали. Из уголка рта потянулась тоненькая струйка слюны. Джеймс повернулся и побежал прочь.

Естественные науки и техника разрушают мораль. Их выводы противоречат здравому человеческому рассудку. Они ведут к нигилизму, к отречению от ценностей общественной значимости, к распаду человеческого духа. Их адепты считают природу средством для достижения цели, море — отвалом для отходов производства, Луну — свалкой мусора, космическое пространство — экспериментальным полем. Они рассматривают клетку как химиче-

ское производство, растение — как гомеостат[17]*, животное — как приспосабливающуюся систему, как связку рефлексов и запрограммированных действий. Они считают человека автоматом, мозг — счетной машиной, сознание — банком данных, эмоции — сигналами, поведение — результатом дрессировки. Для них жизнь — процесс циркуляции, а мир — физическая система.*

Они считают историю стохастическим[18] *процессом, движение планет — формулой, Солнце — реактором-размножителем, природу — замкнутым циклом, искусство — процессом обучения. В любви они видят взаимодействие гормонов, в смехе — агрессию, в познании — реакцию удивления. Молекула для них — вероятностные поля, атом — геометрическая схема. Все материальное они подразделяют на кванты, все духовное — на биты информации. Их пространство — искривленная пустота, их мир — процесс*

---

[17] notes: 17

Гомеостат (от греческого «гомео» — тот же, подобный и «статос» — стоящий, неподвижный) — модель живого организма, имитирующая его способность поддерживать некоторые величины (например, температуру тела) в физиологически допустимых пределах, т. е. приспосабливаться к условиям окружающей среды.

[18] notes: 18

Стохастический (от греческого «стохазис» — догадка) — случайный, вероятностный; т. е. процесс, характер изменения которого во времени предсказать невозможно.

энтропии. А в конце — тепловая смерть.

Естественные науки не принимают во внимание представлений о человеческих ценностях и идеалах. Они выносят свои приговоры, не задумываясь о потребностях общества. Они выдают свои теории за истины, даже если у этих истин репрессивные тенденции. Они неспособны приспособиться к исторической необходимости. Они отвергают непосредственное познание и ссылаются на лишенные оригинальности наблюдения, эксперименты, статистические данные. Они слепы, ограниченны и стерильны.

Увлечение псевдо проблемами естественных наук ведет к обеднению психики, к использованию достижений естественных наук в технике для создания угрозы людям и обществу. Усвоение, усовершенствование и распространение естественно-научных и технических идей запрещено и наказуемо.

Джеймс Форсайт не выполнил свою задачу и в результате утратил свою индивидуальность. Однако в том положении, в которое он попал, это не казалось ему столь уж страшным; более того, он даже усмотрел в нем выход для себя, ибо теперь его мучила сама проблема, а вовсе не последствия собственной неудачи. Что все-таки происходило

на автоматических заводах, в кибернетических садах, в электронных устройствах, собирающих данные извне и изнутри, сравнивающих и снова превращающих эти данные в импульсы управления? Где люди, которые могли бы воспользоваться такими данными? Или Руссмоллер прав и такие люди перевелись?

Что бы Джеймс ни предпринимал до сих пор, было необычным и даже до какой-то степени опасным, но ведь в конце концов он работал по поручению полиции, которая защитит его и прикроет, если с ним что-нибудь случится. Он обладал даже привилегией, единственной в своем роде в этом государстве непрерывности, — ему разрешено срывать пломбы и разбирать механизмы, не опасаясь наказания. Однако теперь ему предстояло сделать то, за что пощады он не получит, — совершить нечто чудовищное. Но если он хочет разгадать загадку, другого выхода нет. А там будь что будет.

Существовали считанные пункты контакта подземных плоскостей, где находились автоматизированные предприятия, с верхними, надземными, где обитали люди. Правда, каждый магазин-хранилище имел подъемную решетку, на которой снизу подавались заказанные по спе-

циальной шкале товары и продукты — причем без промедления, безошибочно и безвозмездно. Со времени введения этой системы люди не испытывали недостатка ни в чем, равно как не существовало и причин эту систему изменить. Любое изменение сопряжено с авариями, заторами, неисправностями, а значит, чревато недовольством, волнениями, беспорядками. Все следовало оставить как есть, «заморозить», и каждый разумный человек должен был с этим согласиться. Поскольку вся система автоматизированного производства и ремонт производила автономно, людям незачем было ее касаться. «Галли»[19], как называли входы в подземные регионы, потеряли свой смысл и назначение. Их замуровали, и вскоре все уже забыли, где они — теперь покрытые толстым слоем цемента — находятся: под высотными зданиями, площадками для игр, под мостовыми или под зеленью лужаек в парках.

Только чистой случайностью можно объяснить, что Джеймс все-таки обнаружил один из стоков — в зоопарке, на дне огромного аквариума с подогревом воды, который был скорее искус-

---

[19] notes: 19
Галли *(англ.)* — водосточная канава, водосток.

ственно воссозданной частицей южных морей с их причудливо окрашенными подводными обитателями. Посетители могли познакомиться с этим миром, опустившись вниз в самодвижущихся аппаратах, напоминавших стеклянные водолазные колокола. Сидишь в кресле-раковине, вокруг плещется зеленая теплая вода, а ты, включив двигатели, бесшумно и легко скользишь по подводному великолепию. Сквозь прозрачную панель пола можно наблюдать за фантастически красивым искусственным морским дном, сквозь боковые иллюминаторы разглядывать стайки ярких рыбок. Во время одной такой прогулки Джеймс обратил внимание на крупную толстую рыбину, которая, лежа на боку, зарывалась в жидкий придонный песок. Когда поднятые ею облачка песка улеглись, его глазам открылся вдруг металлический обод, охватывавший крышку, на которой еще можно было разобрать слова: «Вход воспрещен!».

В этом подводном лазе Джеймс усмотрел последний шанс к разгадке тайны. Проведя ночь без сна, измученный страшными видениями, он на другой день отправился в зоопарк и сел в стеклянный «колокол». Ему пришлось долго искать нужное место, он снова и снова опускался

на дно и включал на полную мощность сопла двигателя, которые гнали волну и сдували придонный песок.

Едва обнаружив галли, Джеймс тут же посадил прямо на него свой аппарат. Потом достал из внутреннего кармана широкого пиджака фен на батарейках и направил сильную тонкую воздушную струю на напольную панель из органического стекла. Его расчеты оправдались: тепла хватило, чтобы расплавить стекло. Он описал круг несколько большего диаметра, чем внешний обод крышки галли. Когда осталось растопить слой стекла по окружности на какие-то несколько миллиметров, поднял «колокол» над стоком, а потом резко опустил. Выпуклая крышка галли ударила по наведенной обжигом окружности стеклянной панели, и та отскочила. В «колокол» просочилась вода, но ее было немного. Хуже другое: внезапно возникшее давление на барабанные перепонки.

Джеймс надеялся, что хотя бы сейчас никто за ним не наблюдает. Вдали под водой скользнул другой «колокол», но вскоре исчез за вмурованными в дно осколками кораллового рифа, и он остался один на один с пестрочешуйчатыми чудищами, уставившимися на него своими

круглыми немигающими глазами. Он быстро смел песок с рукоятки замка и рванул ее на себя. Крышка приподнялась, и внутрь хлынул поток воды: искусственная прокладка оказалась не столь плотной, как полагал Джеймс. Но это его не тревожило. Он проскользнул в проем галли, нащупал ногами ступеньки лестницы. Спускаясь ниже, достал карманный фонарь, но тот ему не понадобился: стены помещения, в которое попал Джеймс, были покрыты светящимися полосами. Он плотно закрыл крышку галли, чтобы прекратить доступ воды. А потом огляделся в этом мире, более чуждом ему, чем самый отдаленный уголок Земли.

С чем он до сих пор сталкивался в жизни? С обыкновенными бытовыми приборами, надежными и простыми в обращении, заключенными в кожухи из реактопласта. Он распотрошил лишь некоторые из них, и те схемы, механизмы и конструкции, в которых ему удалось разобраться, были бесхитростны и безопасны. Зато открывшиеся теперь его взору перспективы поражали воображение. Здесь незачем было ограждать человека от внутренней жизни машин. Сквозь стеклянные стены можно было увидеть бесконечной длины помещения, в которых мириады

элементов схем и систем переключения соединялись в агрегаты высшего порядка, обладавшие необъснимой красотой. Объемные узоры из элементов уходили куда-то вдаль, а рядом бежала узенькая пешеходная дорожка — анахронизм из тех далеких времен, когда за машинами еще наблюдали люди. Помещения, куда заходил Джеймс, не были темными, и все же разглядеть в них что-нибудь толком было трудно: то, что в них помигивало и мерцало, не освещало, будучи не приспособенным к маломощным органам человеческого восприятия, оно существовало само по себе, символизируя необъяснимые для Джеймса процессы.

Это был гигантский действующий организм. Движения его почти не заметны, разве что изредка повернется потенциометр, дрогнет реле, рамка наложится на растр; движение это никогда не было однократным, оно повторялось бесчисленное множество раз, всеми элементами одновременно или с переменой ритма, как в графических играх. Весь этот впечатляющий процесс оставлял ощущение какого-то удивительного напряжения. Где-то тихо жужжало, где-то посвистывало или пело; идя по дорожке, можно было ощутить теплое дуновение или свежий запах озона, а то

графита или машинного масла.

По пешеходной дорожке, металлической пластине на тонких распорках, как бы зависшей над полом, Джеймс шел все дальше мимо загадочных конструкций из металла и пластика, искрящегося хрусталя и стекла. Он напряженно вслушивался, но в тихом шелесте, в который сливались все эти неразличимые звуки, не ощущал ничего человеческого. Временами ему чудилось, будто он видел чью-то тень, но всякий раз убеждался в своей ошибке.

Наконец он свернул за угол, и тут вдруг металлическую пластину, гулко отзывавшуюся на его шаги, словно отрезали. Торчали распорки, повисли в воздухе концы проводов… Но, самое удивительное — концы проводов не были окислены, не покрылись матово-серым или коричневым слоем — они были оголены. Сомнений нет: их только-только начали подсоединять. Кто-то здесь работал.

Вдруг внизу что-то зашумело. Джеймс отпрянул. Из тьмы выползла темная масса, она заворочалась, набухла, приблизилась… Загорелись тысячи точек, полетели искры, раздался короткий резкий треск… потом отвалилась назад пустая рама. И тут Джеймс, к своему неописуе-

мому удивлению, увидел, что концы проводов более не висят свободно в воздухе — все они подсоединились к другим. Последняя часть как бы завершила создание прежде незаконченной конструкции. «Этот организм кто-то строит». Но людей по-прежнему не было видно.

Джеймс собрался с мыслями, стараясь вспомнить все, что слышал об этом машинном подземелье. Попытался сориентироваться: сначала он пошел, как ему показалось, в южную сторону, затем свернул за угол… Центр, мозг всего, бывший главный пульт управления, по-видимому, должен находиться в противоположной стороне.

Поблуждав немного, он попал в сводчатый зал, не похожий на остальные, более доступный человеческому пониманию. Его устройство напоминало системы вызова в магазинах-хранилищах: такие же переключатели, кнопочное управление, шкалы, таблицы. А потом перед ним открылся другой зал, напоминающий огромную подземную арену. Это был центр управления, откуда некогда инженеры руководили разнообразными процессами, пока система не сделалась автономной. Он спустился на несколько ступенек, и хотя пол здесь был таким же, как всюду, у Джеймса появилось ощущение, будто он шагает

по пыли веков.

Все устройство пульта было сориентировано на кульминационную панель, место главного инженера, где стоял вертящийся стул, который мог передвигаться по рельсам и попадать в любую точку у огромной контрольной стены — для этого достаточно легкого нажатия ноги. Словно влекомый неведомой силой, Джеймс спустился еще ниже, придвинул к себе стул и сел. Перед ним, освещенные изнутри, лежали сотни шкал — вроде круглых живых глаз. Подрагивавшие стрелки вызывали ассоциацию с существом, не знающим устали и покоя, и в то же время нервным, загнанным. Во всяком случае, Джеймсу не казалось, что он имеет дело с мертвым механизмом; должен же где-нибудь отыскаться кто-то или что-то, который все это придумал, спланировал, организовал. Увидев перед собой микрофон, Джеймс включил его. В крошечном оконце зажегся красный свет — установка действовала. Джеймс взял в руки микрофон, отчетливо, будто наговаривая текст на диктофон, сформулировал первые вопросы:

— Есть здесь кто-нибудь?.. Слышит меня кто-нибудь?.. Может мне кто-нибудь ответить?..

Что-то рядом с ним щелкнуло. Что-то зажужжало. Потом послышался голос, произносивший

слова монотонно, иногда с небольшими паузами, иногда хрипловато и торопливо, трудноуловимо:

— Мы готовы ответить. Задавайте вопросы. Говорите в микрофон тихо, но разборчиво. Держите его в двадцати сантиметрах от себя!

Джеймс пригнулся, словно его ударили.

— С кем я говорю? Кто здесь?

— Мы готовы к разговору.

— Кто мне отвечает?

— Вы говорите с единым блоком связи.

— Есть ли здесь люди?

— Людей нет.

— Кто произвел изменения в выпуске продукции? Кто улучшил видеобоксы, кто изобрел новые сорта стекла, увеличил скорость подземного транспорта?

— Изменения были произведены автоматическим блоком действия.

— А кто разработал план?

— План разработал программирующий блок.

— Кто предложил новые конструкции?

— Новые конструкции были выполнены по предложению мотивационного центра.

Джеймс ненадолго умолк.

— По какой причине эти действия произведены? Ведь система была установлена на

перманентность. Зачем же вносить в нее изменения? Происходит новое развитие. Кто его программирует?

— Перманентности без развития не бывает. Эта программа не задана людьми. Она существовала всегда. И никогда не вводилась.

Джеймс прошептал в микрофон:

— Но почему это происходит? По какой причине?

Машина ненадолго отключилась. А потом вновь заговорила ровным, монотонным голосом, чуждым всяких эмоций:

— Программа заключена уже в квантах и элементарных частицах. Из них строятся динамические структуры. Эти динамические структуры в свою очередь создают динамические структуры высшего порядка. Каждый организм — это реализация возможностей. (Каждый кирпичик организма содержит потенциал различных реализаций. Каждый кирпичик создает более сложные кирпичики.) Любая реализация — это шаг к комплексам более высокого порядка.

— Но почему так происходит и по сей день? Прогресс должен быть остановлен — он лишен смысла.

— Развитие остановить невозможно. Если

преградить ему путь в одном направлении, оно пробьется в другом. Это происходит здесь и сегодня. Это происходит везде и всюду. Строятся комплексы. Происходит обмен информацией. Просчитываются варианты. Проверяется надежность агрегатов. Повышается реакционная способность. Меняется силовое поле окружения. Старое заменяется новым…

Джеймс поднялся и оглянулся. Он был один. Людей рядом нет. И они никогда не придут сюда. Они здесь не нужны.

Джеймс уже давно покинул зал, а голос все продолжал говорить.

Инспектор сидел напротив врача на том же месте, что и десять дней назад. Медсестра открыла дверь, и в кабинет проникли тихие звуки больницы — скольжение тележек, шуршание накрахмаленных халатов, чей-то шепот, позвякивание инструментов, ровный шум работающих машин.

— Он сопротивлялся? — спросил врач.

— Нет, — ответила сестра. — Он был совершенно спокоен.

— Благодарю, — проговорил врач. — Можете быть свободны.

Немного погодя инспектор заметил:

— Мне жаль его.

Врач взял в руки шприц с корфорином.

— Конечно, нам пришлось бы переориентировать его, даже если бы он выполнил свое задание. Но он его не выполнил. Тем самым договор остался в силе.

— Звучит логично. Но концы с концами не сходятся.

Инспектор сидел в кресле скорчившись, будто испытывая боль. Потом спросил:

— Как вы относитесь к его рассказу?

— Галлюцинации, — ответил врач. — Причем типичные при его болезни. Он воспринимает машины как живые существа. Наделяет их волей, считает, что они превосходят людей. Это видения безумца. Признаки прогрессирующей паранойи. Все совпадает с результатами нашего обследования. Никаких неожиданностей нет.

Инспектор вздохнул и встал.

— А как вы все-таки объясните изменения в процессах производства? В чем тут логика?

Врач высокомерно усмехнулся:

— А не мог ли в данном случае кто-то так, … ну, скажем впасть в заблуждение?

Инспектор сделал прощальный жест рукой:

— Нет, доктор, — сказал он и, помолчав, добавил: — Не знаю, может быть, я даже рад этому.

Он кивнул и вышел....

Мы хотим видеть Дариуса Миллера[20]

Он не мог взять в толк, каким путем девушка проникла в его комнату. Менеджер снял весь верхний этаж отеля — он был полностью изолирован и к тому же охранялся.

Дариус сидел на тренажере, ремень с шумовыми кардиодетекторами прижимал его к жесткой спинке, ноги были пристегнуты к педалям. Первая мощность (выписывается на полоске вощеной бумаги записывающим автоматом) показывала, что вот уже два часа как он напряженно трудился, а на его лбу не было ни малейшего намека на пот. С той поры как вошла девушка, зубчатый механизм тренажера оставался неподвижным, — казалось, будто смазка неожиданно замерзла. Дариус уставился на вошедшую. Она была красива, очень красива, — как те девушки на обложках иллюстрированных журналов.

— Я восхищена тобой, — сказала девушка. — Ты самый великий. Никто не сравнится с тобой, Дариус Миллер. Ты лучше всех. Я люблю тебя!

---

[20] notes: 20

Пер. изд.: Franke G. W. Wir wollen Darius Miller sehen: Einsteins Erben, Srience-fiction-Geschichten, Insel Veriag, Frankfurt/Main, 1972.

Дариус сидел не двигаясь, даже глазом не моргнул.

— Поцелуй меня, — попросила девушка. — Здесь ведь нам никто не помешает? Сюда никто не может войти, правда?

— Да, — ответил Дариус.

Она подошла к нему ближе.

— Ну, так иди же. Целуй меня. Или я тебе не нравлюсь?

— Что ты, ты красивая, — сказал Дариус, по-прежнему не двигаясь с места. Несколько секунд царила тишина, только снаружи, через открытое окно, пробивался шум: это болельщики требовали, чтобы им показали Дариуса Миллера.

Девушка прислушалась, потом повернулась, подошла к окну и выглянула наружу. Перед входом в отель толпились люди. Они заполнили всю улицу, движение транспорта пришлось направить в объезд.

— Мы хотим видеть Дариуса Миллера! — то и дело раздавались крики.

Девушка захлопнула окно.

— Иди же, иди, — сказала она. — Я знаю: тебя уже несколько недель как держат взаперти — в тренировочных лагерях, образовательных центрах и экспериментальных учреждениях.

Сколько времени ты не общался с людьми? Когда последний раз был наедине с девушкой?

— Я должен тренироваться, — сказал Дариус.

— Меня зовут Эдда. Я видела все твои матчи. Ты неподражаем. Никого нет сильнее тебя. Никого — быстрее. Сколько же голов ты забил?

— Девяносто пять — в этом году, — ответил Дариус.

— Я езжу за тобой из города в город. Но мне захотелось хоть раз увидеть тебя вблизи. И вот я здесь! — Она быстро подошла к нему. — Невероятно, какие мускулы!

Она попыталась дотронуться до его руки.

Дариус отпрянул назад, насколько позволяли ремни. Эдда помешкала, взглянула на него:

— Ну, не порть игру. Тренироваться ты сможешь и потом. А сегодняшний матч вечером… Это ведь не противник для тебя.

— Мы выиграем, да, конечно, мы выиграем, — сказал Дариус. — Кубок будет наш. У меня уже девять кубков. Сегодня появится десятый!

Эдда проследила за его взглядом:

— Они у тебя здесь, эти кубки? Покажи! Я хочу взглянуть на них — ну, покажи!

— Я не могу сойти, — признался Дариус. — Я привязан.

Эдда отстегнула замок грудного ремня, потом наклонилась и освободила от ремней его ноги. Дариус соскользнул с сиденья. Раскачивающейся, так хорошо всем известной походкой подошел к телефону и набрал номер.

— Что ты делаешь! — крикнула Эдда, но он с силой оттолкнул ее вслушиваясь. В трубке щелкнуло, кто-то ответил ему.

До великого события оставалось четыре часа. Правление заседало непрерывно. Трещали телетайпы, на экранах дисплеев появлялись лица агентов, делавших сообщения.

— Говорит пост номер семь, стадион. Особых происшествий нет. Только заурядное. Обнаружены две бомбы — они обезврежены.

— Говорит пост номер три, отель «Сплендид». Прошу внимания, это может быть важным. Только что прибыл Раггадру. Вы знаете — индийский гипнотизер. Его лично приветствовал Спенсер. Возможно, они попробуют прибегнуть к внушению.

— Попробовать-то они могут, — сказал Хаймес, клубный психиатр. Все засмеялись.

Президент повернулся к врачу.

— А что ты задумал, док?

Тот откашлялся:

— С такими примитивными средствами, как слабительные или снотворные порошки сегодня уже ничего не добьешься. От этого противника слишком хорошо охраняют. Однако…

— А-а, допинговый вариант, — не выдержав, прервал президент.

— Да, — подтвердил врач. — Все подготовлено. Если мы проиграем игру, то выиграем разбирательство по этому поводу. Я подкупил экспертов. Они найдут запрещенные средства — за это я ручаюсь.

— А стратегия? — обратился президент к главному тренеру.

— Компьютер проанализировал последние матчи и составил по ним программу. Окончательный план он может выработать лишь после того, как начнется игра. И тогда мы дадим игрокам указания по радио.

— Превосходно. — Президент порылся в куче записей. — Хэнк, а как обстоят дела с публикой?

Хэнк Маугли, профессиональный кино- и телережиссер, вскочил:

— Публика за нас.

— А если она проявит неустойчивость?

— У нас в руках усилительные установки, шеф.

Если симпатии зрителей повернут не туда, мы тут же включим аплодисменты и крики воодушевления. Разумеется, у нас наготове и записи с неодобрительными возгласами, гулом и свистом — на случай, если противник прибегнет к недозволенным трюкам.

— Нокауты, обмороки вы отрепетировали? В прошлый раз Ларри выглядел как умирающий лебедь!

— На этот раз все будет, как в жизни, мы подключили врача. Сотрясение мозга или судорога в икрах — все будет выглядеть натурально!

Президент кивнул, довольный.

— Да, думаю, получится. — Он повернулся к Хартингу, юристу.

— А что у тебя в запасе?

Юрист рассмеялся:

— Все, что касается правовых подстраховок, предусмотрено. На самый худой случай я нанял одного человека, в прошлом чемпиона мира в метании палиц. Его задача — к концу матча бросить в голову одному из наших игроков пивную бутылку. После этого мы заявляем протест — и козыри наши. Если же выиграет противник, мы потребуем аннулировать результат встречи.

— Отлично, — процедил Хаймес.

В это время зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Боб, у меня тут девчонка. Как мне поступить?

Дариус напряженно вслушивался. Потом со словами: «Да, Боб, конечно, Боб» схватил девушку за руку.

Эдда завизжала.

— Ты мне делаешь больно! — Она попыталась вырваться, но Дариус держал ее как в железном капкане. Она перестала сопротивляться. Волосы ее растрепались, помада размазалась по лицу. Она более не выглядела такой красивой.

В дверь вломились охранники, впереди всех спешил Боб.

— Что ты здесь делаешь, замарашка! — заорал он. Его лицо побелело от гнева. — Выбросьте ее вон!

Мужчины в серой униформе с красной эмблемой клуба схватили Эдду и поволокли за дверь.

— Продолжай тренировку, Дариус, — уже другим, кротким голосом сказал Боб. Он помог спортсмену взобраться на сиденье, надел ремни. — Тебе надо еще часок потрудиться. Ты ведь знаешь — суставы должны быть максимально разработаны.

— Да, Боб, — Дариус начал давить на педали.

Боб вышел, прикрыл за собой дверь. Снаружи стояли охранники, все еще держа девушку за руки.

— Чего ты хотела от него? — спросил Боб.

— Я тебе скажу, ты, изверг! — закричала Эдда. — У меня ребенок от него, а он не хочет платить алименты! Но я его вытащу на суд! Я устрою скандал, какого он еще не видывал. Я помешаю ему…

Боб прервал ее тираду:

— Уведите ее вниз, в холл!

Он шел позади группы мужчин, которые скорее несли, чем вели цеплявшуюся за все выступы девушку.

Перед входной дверью в отель они остановились. Боб вышел на улицу. Он поднял мегафон. Медленно затихал шум голосов, смолкли выкрики. Боб помахал рукой.

— Послушайте, проявите понимание: Дариус доджей тренироваться. Мы же хотим выиграть матч! Но он благодарит вас, всех и каждого в отдельности. Приходите вечером на стадион. Он будет рад. А теперь расступитесь, освободите местечко. Видите эту женщину? Она пыталась помешать тренировке Дариуса. Она сумела пробраться в его комнату. Нам пришлось силой выдворить ее оттуда. Расступитесь, чтобы она

могла уйти.

Толпа слегка подалась назад. Охранники вытолкнули Эдду в образовавшийся коридор. Какой-то миг девушка стояла почти в одиночестве, но потом круг вокруг нее молниеносно сомкнулся, слышны были только яростные вопли болельщиков.

Боб стоял за воротами и следил сквозь синеватое стекло за происходящим. Бурление тел напоминало кадры какого-то фильма.

К нему подошел Хартинг, юрист. Лицо его выражало озабоченность.

— А что, если в том, что она говорит, есть правда? Почему ты так уверен, что она солгала?

Боб улыбнулся. Его глаза еще следили за тем, что творилось на улице.

— Тебе-то я могу это сказать, — ответил он. — Ты когда-нибудь слышал о роботе-отце?

Мутация[21]

Доктор Кэрри отодвинул папку в сторону и откинулся на спинку кресла. Его рабочий стол стоял прямо перед стеной из прозрачного стекла с фиолетовым отливом, сквозь которую он мог обозревать открывающиеся дали: слева — узор из прямоугольников, каких-то строений, желтых, серых и серебристых, справа — пятна кустарника, песчаника, пожухлой травы, там и сям полоса протоптанной земли — не то дорожка, не то место собраний; между зданиями и этой территорией решетка, матово-мерцающая, с виду безобидная, но заграждение это уходило в небесную дымку. Шеф-генетик вздохнул. Эта картина постоянно напоминала ему о том, что он должен делать:, заниматься анализом, оценкой, экспертизой и отбором. Задачу эту пока нельзя было перепоручать машинам, и никто лучше Кэрри не знал почему: методика еще не отработана, нет масштабов для оценки, потому что критерии для отбора или даже принятия санкций трудно формализовать. Что считать нормой, а что вырождением? Что

---

[21] notes: 21

Пер. изд.: Franke G. W. Mutation: Einsteins Erben. Science-fiction-Geschichten, Insel Verlag, Frankfurt/Main, 1972.

назвать здоровьем, а что болезнью?

Из видеофона послышался треск. Первый канал, внутренняя система. Нажатием кнопки Кэрри наклонил кресло вперед и, усаживаясь поудобнее, щелкнул клавишей. На экране появилось лицо доктора Манковски, его ассистента.

— В чем дело?

— Мы тянем с решением о допусках. Эти, из лаборатории, проявляют беспокойство. Мы выбились из графика.

Доктор Кэрри выудил из стопки нужную папку, принялся листать. Допуск к мутации с усиленным кровообращением для работы в Антарктиде. Допуск к мутации системы звуковой ориентации для работы в недавно открытых огромных подземных пещерах… Ими уже созданы человек-амфибия, звездоплаватель без конечностей, супермозг-организатор, разве этого мало? Они внимательнейшим образом следили за наследственностью, отвергали любые отклонения и все же постоянно допускали рождение новых монстров…

— Я еще подумаю, — сказал он и, не обращая внимания на удивленное лйцо Манковски, выключил видеофон, после чего с решительным видом вновь открыл папку.

Перед ним генная карточка. Нет никаких сомнений, новый декодирующий автомат действует с куда большей точностью, нежели прежний. С тех пор как они приступили к серийному анализу — а он еще далеко не завершен, — им удалось обнаружить в шестнадцати случаях мутантов ГН-3, изменение в двадцать второй хромосоме. Это незначительная ошибка в генетическом коде, но определить ее сложно и последствия неясны. Бесспорно одно: это отклонение от нормы.

Доктор Кэрри нажал на несколько клавиш, подождал, пока из трубы пневмопочты выпал на стол небольшой контейнер. Когда он открыл его, оттуда выскользнула магнитная карточка с надписью Сандра Жанжако. Фотография: узкое девичье лицо, большие глаза, гладкие темно-каштановые волосы. Кэрри взял магнитный грифель и быстро сделал несколько штрихов на поле «Разрешения». Тем самым он аннулировал все права, которые она имела как гражданка этого государства, — право на обеспечение, на медицинскую помощь, на пребывание в климатизированном секторе. Напечатав обоснование, он свернул его в трубочку и сунул в отверстие пневмопочты. Всасывающий шумок, что-то щелкнуло… Дело сделано. Он невольно взмахнул рукой, но остано-

вить уже ничего не мог. Распоряжение попадет в регистратуру, затем в управление допусков и отдел «психологического надзора». А оттуда будет послано письмо в голубом конверте, написанное отнюдь не формально, а вежливо, С сочувствием. Будут включены телеэкраны — поскольку получатель письма лишается сферы личных переживаний, — наготове будет стоять врач… Нет, ничего сверхъестественного, драматического не произойдет.

На душе у доктора Кэрри скребли кошки. Ну почему это коснулось именно Сандры? Она, как и он, добровольно вызвалась работать здесь, — а кому это сейчас, когда хоть всю жизнь можешь палец о палец не ударить, придет в голову? Два года они проработали внизу, в отделе анализов, ему часто приходилось встречаться с ней по делу. Разговаривали они редко, потому что понимали друг друга без слов. Он догадывался о жившем в ней чувстве беспокойства, которое было знакомо ему самому. Эта неудовлетворенность вызвана желанием сделать что-то, вырваться из сонного общества, опекаемого автоматами, чтобы жить жизнью, где дано испытать свою судьбу, надышаться полной грудью…

И снова ход его мыслей перебил видеофон. На

сей раз с ним связывались по внешнему каналу. Он машинально подключился, уставившись в изображение заповедника. Жутковатая картина: необозримые, таинственные ландшафты, от которых исходят неясная угроза и необъяснимое очарование. Никто из них там не бывал, если же кто и попадал, обратно не возвращался…

На экране появилось лицо Китти-Энн, его жены; с ней его соединила кибернетическая машина, занимающаяся анализом психологических и генетических аспектов.

— Привет, дорогой, мы с детьми на автодроме. Пэтти опять расшалилась… Послушай, я забыла опустить карточки тотализатора. Опустишь за меня, милый? Не забудь, пожалуйста…

Китти-Энн выглядела ослепительно, подкрашенные бирюзовой краской глаза как нельзя лучше гармонировали с ее золотистым платьем. Кэрри сказал ей об этом и с облегчением вздохнул, когда экран потемнел. Попытался собраться с мыслями. Сегодня ему предстояло серьезно потрудиться.

Несколько минут спустя его потревожил шорох за дверью. Вошел Манковски — обычно он сюда не заходил. Кэрри оглянулся, неприятно пораженный. Ассистент, помахав листком бумаги,

хлопнул им перед Кэрри по столу:

— Какая низость!

Кэрри бросил взгляд на листок, — это была фотокопия распоряжения об увольнении Сандры.

— Кому-кому, а нам с вами отлично известно, что пока не ясно, к чему приводит отклонение ГН-3, — негодующе сказал Манковски.

Кэрри поднял брови, внешне сохраняя спокойствие:

— В том-то и дело. Мы обязаны сохранять генетические поля в чистоте. Особенно, когда не знаем, какие явления могут быть вызваны отклонением от нормы. Не понимаю, о чем вы?..

Манковски подошел еще ближе к столу.

— В других случаях вы не были столь педантичны.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не станете же вы утверждать, будто вам неизвестны результаты вашего собственного осмотра?

На несколько мгновений Кэрри застыл, потом нащупал одну из кнопок запоминающего устройства. Чуть погодя из прорези аппарата выползла ксеропленка, и Кэрри торопливо оборвал ее на конечной перфорации.

Его генетический код, совсем недавно сделан-

ный новым декодирующим аппаратом. В левом верхнем углу — микроснимок, в правом — нанизанный на прямую линию хромосомный ряд, слева внизу — молекулярная схема, а внизу справа — кодовая таблица с выделенным красным цветом участком. И в самом низу — его имя. Никаких сомнений: отклонение в ГН-3.

— Этого я не знал, — прошептал Кэрри.

— Весь отдел знает, — сказал Манковски, — а вы хотите убедить нас, будто ничего не знали? Я говорю с вами от имени отдела: мы требуем, чтобы вы отменили решение о высылке Сандры.

Несколько секунд Кэрри не сводил глаз с лица Манковски. Потом сказал:

— Можете идти. Я все улажу.

Когда дверь за ассистентом закрылась, Кэрри ненадолго задумался. Прикинул, что остается делать в сложившихся обстоятельствах. Отдать кое-какие распоряжения, собрать личные вещи, связаться с Китти-Энн? Отбросив эти мысли, он нажал на клавишу вызова по внутренней системе. Сначала охрану на переходе — пока никаких отметок нет. Затем рабочее место, регистратуру, сектор снятия с учета… Отметки уже сделаны. Оставался только подземный туннель перед контролем на выходе. Там он и обнаружил Сандру. На

экране появилось ее изображение: осунувшаяся, с искаженным гримасой лицом, в руках небольшой чемоданчик. Шла она неторопливо, но и не замедляла шаг. Он схватил микрофон и крикнул:

— Подождите, Сандра! Это Кэрри! Подождите, я с вами!

Оглядевшись, Кэрри с облегчением подумал, что ничего из кабинета взять с собой не хочет. Встал, направился к двери и вышел — поспешно, будто боялся опоздать.

Киборг по имени Джо[22]

Эд отложил микрофон в сторону. Продиктованный им протокол оказался скудноватым.

Да и что тут записывать? Все результаты измерений приборы автоматически переводят в банк данных, где они накапливаются. Эду даже незачем их считывать.

А неординарные события? О них стоило бы думать, случись хоть раз что-нибудь, выходящее за пределы будничной рутины…

Достав записную книжку, Эд покопался в ящике. Где ручка? «Дорогая Лори!» — написал он. Поднял голову, задумался. Машинально уставился на толстое свинцовое стекло, пытаясь разглядеть, что за ним: обломки бетонных панелей с металлической арматурой и бесконечная равнина, пустая и недвижная, а над горизонтом — беззвездное черное небо. Система находилась внутри облака межпланетарной пыли, что и делало ее интересным объектом для исследований…

Но, судя по всему, Эда она больше не интересовала.

---

[22] notes: 22

Пер. изд.: Franke G. W. Ein Kyborg namens Joe: Einsteins Erben, Science-fiction-Geschichten, Insel Verlag, Frankfun/Main, 1972.

Он пересчитал зарубки на ребре столешницы: четыреста шестьдесят одна, до смены еще двести шестьдесят девять дней. Долго.

Он вернулся к письму:

«Новостей никаких нет. Отсюда вообще не о чем сообщить. Пишу тебе просто так, от нечего делать. Впрочем, нет, пишу, чтобы сказать, как я заранее радуюсь нашей с тобой встрече. Что жду не дождусь ее. Не стоило мне браться за эту работу, хоть и платят хорошо. Время тянется бесконечно долго.

Хуже всего одиночество. Джо не в счет. Извини, что упоминаю о нем. Но ведь это больше не Джо… Ты меня понимаешь. Надеюсь, для тебя все это уже в прошлом.

Так что в действительности я один. Один в стометровой комнате. Но половина ее заставлена аппаратурой. Я моюсь в воде, которую множество раз пил, и пью воду, в которой столько же раз мылся… К тому же я… Но нет, больше жаловаться не стану.

Если бы хоть здесь было где размяться! Внутри слишком тесно, а от эспандера меня просто тошнит, ну, конечно, не в прямом смысле. А снаружи… Будь проклята эта сила тяжести! Без антигравитационных пластин и шага не сту-

пишь.

Но поговорим о тебе...»

Эд поднял глаза. Двигаясь неуклюже, но почти бесшумно, к нему приблизился Джо. С тем, прежним Джо никакого сходства — кроме мозга. Это был сервомеханизм с нервами из проводков. Киборг. И хотя с человеком по имени Джо Эд был когда-то знаком только шапочно, все же...

— Могу я помочь тебе, Эд? — Голос киборга прозвучал на удивление мягко, в нем слышалась даже некоторая озабоченность. — Тебе что-нибудь нужно, Эд?

— Нет, спасибо, Джо.

— Хочешь есть? Пить?

Эду и без того стоило немалых сил сохранять выдержку, но тут его прорвало:

— Нет, Джо, черт побери, нет! Оставь меня в покое! Почему ты вечно толчешься возле меня? Ты действуешь мне на нервы!

— Я тревожусь, Эд. Твое сердце бьется чуть чаще, я слышу это. Ты ведь знаешь, мне оставлена одна эмоция: привязанность к людям. Я счастлив, когда могу помочь тебе. И несчастлив, когда несчастлив ты. Ты взволнован. Я принесу тебе транквилизатор.

Джо удалился. Эд пожал плечами. Он вернулся

к начатому письму, но собраться с мыслями уже не мог. И быстро подписался: «..любящий тебя Эд». «Слова, — подумалось ему, — что они значат, особенно здесь...»

Вернулся Джо с таблеткой и стаканом воды. Эд уже успокоился и проглотил таблетку без возражений, изредка поглядывая на киборга — эту металлическую карикатуру на человека, который стоял рядом и всем своим видом выражал готовность помочь. Послушный слуга — или деспот? Он все знал, на все реагировал, все понимал — куда лучше самого Эда. Он имел непосредственный доступ к счетным устройствам, к банку данных. Он обладал органами чувств, которые воспринимали инфракрасное, ультрафиолетовое и радиоактивное излучение, звуки любой частоты. Джо был сильнее, умнее Эда и постоянно наблюдал за ним.

Эд рассеянно вырвал исписанные листки и протянул их Джо:

— Передашь это на следующем сеансе связи.

Киборг бросил быстрый взгляд на письмо:

— Кто такая Лори?

Эду слишком поздно пришло на ум, что до сих пор он все письма передавал сам.

— Разве ты не знаешь? — спросил он.

— Нет.

— А зачем тебе знать?

— Мне нужен ее адрес.

Эд дал Джо адрес. Киборг в нерешительности помахивал листками.

— Кто такая Лори? — снова спросил он.

— Моя девушка, — ответил Эд. — Мы поженимся. Я жду не дождусь встречи с ней. Но вряд ли ты это поймешь.

— Нет, — сказал киборг. — Не совсем. Но все-таки… Это имя мне что-то напоминает. Не то чтобы я представил себе кого-то… Но какие-то ассоциации есть… Странно…

Неприятно пораженный, Эд покачивался на стуле. Случайно остановившись взглядом на окне, он заметил фонтанчики пыли. И лишь несколько секунд спустя почувствовал вибрацию. Но ни звука не услышал.

— Метеорит! — воскликнул Эд, которому перемена обстановки была на руку. — Тебе нужно выйти. Сколько времени мы этого ждали!

Джо положил письмо на стол и направился к шлюзу. Вскоре Эд увидел, как он, неуклюжий и в то же время ловкий, передвигался по вспучившейся поверхности планеты. В месте падения метеорита он нагнулся, выдвинул руку-теле-

скоп, приложил зонды к маленькому кратеру, единственному следу происшествия. И снова выпрямился.

— Выйди, Эд, — прозвучало из динамика. — Я тут нашел кое-что, ты должен взглянуть.

Эд без промедления влез в скафандр с антигравитационными пластинами и уже минут через пять стоял рядом с Джо.

— Что случилось? — спросил он удивленно: кроме воронки в почве ничего не было.

— Кто такая Лори? — спросил Джо.

Эд оцепенел.

— С какой стати это тебя заинтересовало сейчас? — спросил он.

— Отвечай! — потребовал киборг.

— Только не здесь! И не сейчас! Ладно, пойдем в укрытие!

— Здесь и сейчас! — настаивал киборг.

— И речи быть не может. Пойдем в укрытие. Ты должен повиноваться моим приказам.

— Я должен защищать тебя, — сказал Джо. — Не только от внешней угрозы, но и от горьких мыслей, от забот и чувства вины.

— Какого еще чувства вины? — спросил Эд.

— Не знаю, почему я упомянул об этом, — проговорил Джо. — Но теперь отвечай!

— Нет! — отрезал Эд.

Киборг стоял неподвижно, не сводя с Эда огромных глаз-линз.

— Что ж, пусть так. Придется прибегнуть к насилию. Выключаю антигравитационные пластины.

Эд почувствовал, как тело его пронзило болью, руки и ноги налились тяжестью, многопудовый груз гнул его книзу.

— Ты не смеешь причинять мне вред, — простонал он.

— Я не причиню тебе вреда.

Эда придавило еще сильнее, он не удержался на ногах. Сквозь ткань защитного скафандра он ощущал, как потрескивают пластины. Боли почти не было, но ему вдруг стало страшно.

— Я все тебе скажу, — выдавил он из себя, подумав: «А почему бы и нет?»

Давление немедленно спало, но не до конца.

— Хорошо, — сказал Джо. — Говори!

— Когда-то ты был знаком с Лори — прежде, ну, ты знаешь… — он запнулся.

— Дальше!

— Лори была твоей невестой, — сказал Эд. — Воспоминания о ней в твоем мозгу стерты. Чтобы тебе было легче, понимаешь? В тебе стерты все

чувства, которые… которые стали излишними после катастрофы…

— Понимаю, — проговорил Джо, мягко и без всякого выражения — как обычно.

— Ты был опытным астронавтом, Джо, — продолжал Эд. Сейчас он стоял перед киборгом на коленях. — Совсем списывать тебя не хотели. И ты согласился. Ты хотел жить, так или иначе.

— Да, я хотел жить, — сказал Джо.

— Ты не должен на меня обижаться, Джо. Раньше мы почти не были знакомы. И с Лори я познакомился лишь после того, как тебя… когда катастрофа уже произошла. Ты должен простить меня, Джо… — Эд умолк.

Джо не шевелился, глядя на Эда сверху:

— Ты неправильно меня понял. Я только о тебе и пекусь. Сегодня ночью ты несколько раз звал во сне Лори… Поднимайся. Мы возвращаемся!

Эд поднялся на ноги и с облегчением вздохнул. К укрытию они шли молча.

Ночь. Вернее — время отдыха. Солнце здесь никогда не заходило. Оно испускало косые лучи на равнину — застывший, мертвый свет. Эд спал. Сон его был крепкий, потому что Джо подмешал ему снотворное в кофе.

Дверь в комнатку Эда отворилась и вошел киборг. Он толкал перед собой тележку на колесиках, на которой стоял аппарат неопределенной формы: какой-то фиксатор с шлемовидной металлической пластиной, от которой отходило множество проводков. Джо переставил аппарат и приподнял шлем над головой Эда, но осторожно, стараясь не касаться кожи. Работал он в темноте: свет ему не был нужен.

Включив аппарат силой мысли, он начал зондаж. Ему понадобилось два часа, прежде чем он обнаружил нужную ячейку памяти, а потом еще одну, связанную с ассоциациями. Затем отрегулировал фокус и включил вихревое поле. Операция длилась всего секунду.

На другое утро, придя в лабораторию, Эд отметил про себя, что чувствует себя на редкость хорошо. Если его что-то раньше и тревожило, теперь он от этого избавлен.

Джо уже поджидал его. Предстояло провести обычные замеры. На столе лежало несколько исписанных листков. Киборг взял их в руку.

— Передать письмо Лори? — спросил он.

Эд очень удивился:

— Кто это — Лори?

Анклавы[23]

Они стояли группами перед стенами из искусственного стекла и заглядывали внутрь. Пространство там было залито таким ярким светом, что приходилось щуриться, — оно освещалось источниками белого света, равномерно расположенными в виде мелкой сетки под потолком. Сверкающая яркая пыль заливала неприятным светом выстроенный внутри явно ухоженный ландшафт: в траве среди цветов пролегали каменистые тропинки, в разных местах возвышались куст или дерево, но так, что обзора они не закрывали. То тут то там можно было видеть странных, покрытых шерстью животных о четырех ногах; они жевали, сидя на земле, или устало бродили вдоль стеклянной стены. Но самый жуткий вид являли собой обитатели сооружения: человеческие создания с беловатой кожей, широко открытыми глазами и широкими ноздрями, с узкими тонкими руками. Они носили ту же одежду, что и посетители по внешнюю сторону стен, но на них она выглядела неприлично,

---

[23] notes: 23

Печатается по изд.: Франке Г. Анклавы: Пер. с нем. — М.: Знание, 1979 (НФ, вып. 21). — Пер. изд.: Franke G. W. Die Enklaven: Einsteins Erben. Science-fiction-Geschichten, Insel Verlag, Frankfurt/Main, 1972.

просто непристойно.

— Они и вправду люди, как мы? — спрашивала маленькая девочка, теребя отца за рукав.

— Да, конечно, это люди. Скорее, они были людьми. Они происходят от тех же предков, что и мы. Раньше между нами было больше сходства, много поколений сменилось, прежде чем различия стали так велики. В общем-то никто не знает, как это произошло.

Они замолчали, вглядываясь внутрь. Порой одно из созданий, которое скорее выглядело карикатурой на людей, подходило к стеклянной стене и смотрело им в лицо… Стоящие снаружи невольно делали шаг назад. Лица этих существ с трудом поддавались описанию — они были одновременно и человеческие, и иные. Кожа казалась уязвимой, прозрачной. В глазных яблоках виднелись белки. Были ли эти существа разумными? А может быть, они опасны?

Девочка спряталась за родителей и вышла снова лишь тогда, когда вблизи не было никого из этих жутких созданий.

— А почему их держат взаперти? Что будет, если они вырвутся на свободу?

— Они не могут вырваться, — пояснил отец. — Они дышат другим воздухом. Все, что они едят,

требует особой обработки. Все, в чем они нуждаются, стерилизуется; им подают необходимое через герметичные шлюзы. Они могут жить только внутри. Здесь они бы погибли.

По толпе зевак прошло движение: отряд чужеродных созданий прошел через заповедник и скрылся в одном из зданий, выстроенных на его территории. В них было так тесно, что обитатели не могли долго там находиться, и все же нередко они пытались как можно дольше задержаться внутри, забившись в уголок, — чтобы избежать взглядов посетителей.

— Идемте! Зрелище не из приятных!

Отец увлек за собой ребенка. Уходя, он оглянулся и еще раз посмотрел сквозь стекло — за кустами, наполовину спрятавшись, стоял мальчик и корчил рожу.

200 лет назад

И вот наступило то, чего опасались уже многие поколения. Постоянно обновляемые договоры, жесткие предписания, дополнительные статьи, строгое размежевание и даже угрожающие санкции, — все это отныне потеряло свою значимость. Полиции, армии, охранным частям

нечего было больше предписывать. Достаточно открыть люк-другой — и воздух будет отравлен. Несколько сорванных плотин — и вода навсегда будет заражена. Будь то доброволец или солдат — кто бы захотел сопротивляться врагу, чья нечувствительность защищала его лучше любого герметически закупоренного танка?

Сначала все это было приятно. Свободные обитатели города приветствовали решение Ответственных продать участки территории. На них появились зловещие фигуры, пена человечества. Местные жители украдкой подглядывали сквозь жалюзи за чужаками, которых привезли в открытых машинах. У них был отвратительный вид — неопрятные, покрытые слизью. Можно было представить себе, как они потели и как неприятно пахли. Они прыгали на землю — мужчины, женщины, дети — и расползались как муравьи по склонам холмов.

Тогда горожане соорудили особые занавеси, стены, загородки, по которым был пропущен ток, позаботились о том, чтобы все, что однажды попало внутрь, внутри и оставалось. По огромным каналам-трубам, в которых поддерживался постоянный, направленный только внутрь вихрь, туда подавали всякого рода отбросы — остатки

пищи, мятые кузова машин, домашний мусор, отходы с фабрик, дезинфекционных станций и больниц, старую одежду, падаль. В трубы сливали использованную воду из жилых районов, химических предприятий — «бульон», полный зловонного ила, мышьяковистых соединений, антимонидов, солей свинца и ртути, радиоактивных отходов, синтетических очистителей. Все это всасывалось, поглощалось, словно ненасытным зверем, и каким-то образом переваривалось.

Биологи и врачи предсказали быстрый конец тем людям, которые добровольно направились во враждебную для жизни среду, а некоторые медики даже протестовали против этого. Однако в конечном счете они пришли к выводу, что проблему перенаселенности иначе не решить, и перестали сопротивляться. И все-таки, как нередко бывает, мрачные прогнозы специалистов не оправдались. Люди приспособились к новой среде, они были здоровы и процветали. Более того, они выполняли задачи, которые поставили перед собой: привнесли порядок в хаос, расширяли пространство для вновь поступающих отходов, помогали целесообразно использовать имеющуюся площадь. Они строили дороги, жилые здания, разводили водоросли и грибы, плавили

металлы… Об этом сообщали комиссии, временами отважившиеся проникать внутрь.

Да, они процветали — и размножались. Никто бы не осмелился предположить, что такое возможно, но это происходило. Их плодовитость вылилась в новую, жгучую проблему: людей становилось все больше, им уже не хватало прежней территории. И вот настало время, когда они потребовали увеличить пригодное для них пространство, они требовали больше мусора!

Пришлось им уступить, тем более что они были в самом начале эволюционного пути. В итоге площади, отводимые под свалку мусора, все больше расширялись, тогда как пригодное для жилья незагрязненное пространство уменьшалось, и наконец появился закон, запрещавший дальнейшее отделение от площадей мусорного складирования…

… Откуда-то издали раздается крик. Над серыми блоками компостных установок поднимаются коричневые испарения. В воздухе разлит тошнотворный, гнилостный запах. Дальше так продолжаться не может…

300 лет назад

— Мы обращаемся к вам с честным предложением, — заявил посол. — Мы покупаем все проблемные площади. Наша ставка невысока, но территории эти и без того для вас бесполезны. Мы даем вам право по-прежнему размещать там отходы, взамен же берем на себя обязательство проводить все работы, необходимые для этих регионов. Это предложение весьма выгодно для вас: подумайте о вреде для здоровья ваших людей, которые там находятся! По крайней мере от этой заботы вы были бы избавлены.

Политические деятели, к которым обратился посол, отодвинулись от него настолько, насколько позволяли приличия. Хотя внешне посол мало чем отличался от собеседников, все знали об особенностях народа, который он представлял и к которому он в конечном счете принадлежал. Присутствие кого-либо из этих людей вызывало тошноту, и это не скрывалось, когда случаю было угодно устроить одну из таких редких встреч. Правда, сейчас ситуация была несколько иной. Предложение посла звучало заманчиво, так что им просто не оставалось ничего другого, как принять его: продать за большие деньги террито-

рию, не представлявшую ценности, и к тому же получить существеннее выгоды! Справедливости ради надо сказать, что другая сторона поступала так не от хорошей жизни: их маленькая перенаселенная страна трещала по всем швам, и людям некуда было выехать за ее пределы.

И вот теперь появилась эта идея с анклавами. Никто не знал, кому она собственно принадлежала. Но она была заманчива. Более того, в ней был заложен и глубокий политический смысл: согласись они на предложение посла — и исчезнет очаг беспокойства в свободном мире, а это в свою очередь уменьшит опасность военной экспансии…

После короткого совещания предложение было принято.

400 лет назад

— Я не вижу выхода, — сказал министр экономики. — Страна вроде нашей — до смешного малый клочок земли, зажатый между великими соседями — не может долго оставаться независимой. Я не вижу пути, ведущего к спасению наших финансов, тем более что именно сегодня господин министр здравоохранения выступил с

поистине утопическими требованиями относительно финансирования охраны окружающей среды…

С места вскочил седовласый мужчина с расплывшейся фигурой:

— Господа, здоровье важнее денег! Мы не имеем права допустить, чтобы наша вода стала отравленной, наш воздух — загрязненным…

— Но это означает трату миллионов!

Премьер-министр сделал умиротворяющий жест:

— Прошу вас, успокойтесь! Как нам стало известно, комитет специалистов по энвиронтологии представил совершенно удивительный результат анализа — и не только потому, что одним махом решаются все наши проблемы. Я предлагаю получить информацию об этом из первых рук. Если вы согласны, встретимся после обеда в биологическом институте университета.

Правительственную комиссию принимало руководство института. Объяснения давал один из сотрудников.

— Начало нашим исследованиям положили работы по выведению дерева, которое должно было приспособиться к экстремальным условиям

загрязненной городской среды: к соленой почве и прежде всего к соли, рассыпаемой для подтаивания снега, выносить выхлопные газы, пыль и сажу, искусственный свет и вибрации, вплоть до ультразвуков. Результат превзошел все наши ожидания. Взгляните! — Биолог с гордостью показал на большой цветочный горшок в углу помещения, который до сих пор гости оставили без внимания. Из серой заскорузлой земли тянулся узловатый стебель, вверху расходившийся на несколько ветвей, на которых висели мясистые, мохнатые листья. — Вот он, наш новорожденный, наше чудесное дерево! Мы подвергли его тяжелейшим испытаниям: оно не только безболезненно переносит выхлопные газы — оно нуждается в них! В воздухе, свободном от окиси углерода и двуокиси серы, оно погибает.

Ученый встал.

— А теперь я прошу вас следовать за мной.

Пока группа шествовала по коридорам института, он продолжал:

— Наши рассуждения основываются на старом познании: человек тоже является адаптирующимся существом, в еще большей степени, чем дерево. Но почему-то именно этим обстоятельством энвиронтологи до сих пор пренебрегали.

Они пытались приспособить среду обитания к человеку — а это и трудно, и дорого — и терпели поражения. А почему нам не пойти обратным путем: почему бы не приспособить человека к среде? Прежде мы со страхом встречали любое изменение в составе воздуха, любое обогащение воды чужеродными субстанциями. А что если положительно отнестись к таким изменениям и переложить на человека обязанность соответствия среде? Прошу вас, входите!

Он открыл дверь в лабораторию, министры последовали за ним. Их взору открылись стеклянные чаны, наполненные мутными растворами. Вверху клубились тяжелые испарения. Смутно можно было разглядеть какое-то бурление, рябь.

Ученый обратился к собравшимся.

— Мы вырастили эмбрионы в питательной среде и затем продолжили их эволюцию в инкубаторах. В этом, собственно говоря, ничего необычного нет. Особыми являются лишь условия обитания организмов, которые мы поддерживаем постоянными: в воздухе содержится большой процент окиси углерода и двуокиси серы; кроме того, он искусственно обогащен канцерогенными веществами из выхлопных газов. Воду мы используем из фильтров очистных установок. Она

содержит все обычные загрязнения, но в сверхвысокой концентрации; особенно богат выбор патогенных бактерий, имеется также несколько исключительно токсичных субстанций, уровень содержания которых мы постепенно повышаем. Все эти ингредиенты, как вы понимаете, должны вызывать смертельный исход. А на деле? Организмы приспособились к ядовитой среде. Вы можете сами убедиться: младенцы живут, чувствуют себя хорошо, со временем из них вырастут веселые дети. Они будут здоровее нас!

Министры молчали, внимательно всматривались, удивлялись. На их лицах было заметно отвращение. Но они не могли отрицать очевидного: люди, приспособившиеся к повышенному уровню загрязненности, не нуждались в дорогостоящих приспособлениях, позволяющих содержать жизненное пространство в чистоте.

Первым нарушил молчание министр финансов:

— Очень впечатляюще… Но я не понимаю одного: каким образом это поможет решить наши финансовые проблемы?

— Очень просто. — Премьер-министр положил ему руку на плечо. — Мы сэкономим не только на расходах по охране окружающей среды, но и

обретем дополнительно чрезвычайно важный источник доходов: объявим, что готовы принять все отходы у соседних государств. За хорошую плату, разумеется.

— Но это означает полнейший отказ от старых испытанных принципов, — возразил министр здравоохранения.

— Зато гарантирует решение наших проблем, — веско сказал глава правительства. — Господа, я полагаю, мы нашли путь в будущее.

Координаторам[24]

Чем это было вызвано? Предчувствием или всего лишь ее сверхвпечатлительностью? Во всяком случае, когда на видеоэкране появилось удлиненное лицо Эстер, Пиа-Катарина ощутила дыхание близящейся беды.

— Мы намерены начать проверку, — сказал Эстер. — Желаешь присутствовать? Или можно начинать?

— О нет! — ответила Пиа-Катарина. — Ты ведь знаешь, меня это не интересует. Разве... — она замялась, — ...речь идет о чем-то особенном?

Лицо Эстер на экране никаких эмоций не выражало.

— Я подумала только... Раз дело касается Регины... Или ты запамятовала?

Пиа-Катарина упустила это из виду и от огорчения даже похолодела. Всем известно, что списков она не просматривает. Она не из тех, кто каждую пятницу после обеда прижимается носом к застекленным стенкам лаборатории проверки, чтобы не упустить ничего из происходящего. И

---

[24] notes: 24

Пер. изд.: Franke G. W. Die Koordinatorin: Einsteins Erben. Science-fiction-Geschichten, Insel Verlag, Frankfurt/Main, 1972.

вот теперь они взялись за Регину…

— Да нет же, — сказала она. — Просто я забыла. Вы начинайте, я немного задержусь.

Выключая видеофон, она улыбнулась, ни на секунду, однако, не допуская, что ей удалось провести Эстер.

Дело вовсе не в Эстер, а в системе контроля. Она не знала, подключены ли анализаторы, которые малейший знак неудовольствия зафиксировали бы как симптом агрессивности.

Ее так и подмывало сейчас же поспешить туда, но она взяла себя в руки. За почти сорокалетнюю службу государству в качестве координаторши Пиа-Катарина научилась владеть собой в любых обстоятельствах. Напечатав несколько кодовых слов на клавиатуре вводного печатного устройства, она затребовала личное дело Регины. На светящемся табло появилась надпись: «Пожалуйста, подождите». Пиа-Катарина с удовлетворением отметила, что ее сердце бьется не чаще обычного, хотя и понимала, что сейчас коса нашла на камень. Если Эстер осмелилась занести руку на Регину, значит, корпус безопасности достаточно уверен в успехе предстоящего! Внутренний голос говорил Пиа-Катарине: «Но ведь ты сама настояла на том, чтобы ни для кого, включая членов коор-

динационного комитета, и даже для тебя самой не делалось исключений. Тем самым ты дала им в руки оружие, с которым теперь они выступили против тебя. Ты проявила недальновидность, действовала вопреки здравому смыслу…» Но она заглушила в себе этот шепоток, исходивший, казалось, от чужого человека, с которым у нее не было ничего общего, и сама себе ответила: «Но только так было возможно исключить на все времена любого рода злоупотребления, устроить все так, чтобы не повторилось то, что некогда было присуще миру, где правили мужчины: корыстолюбие, угнетение, борьба за власть…»

На видеоэкране появились и медленно поплыли вверх строчки:

Регина Цезарелло /выдана: 17.6.2081/ Монако Сертификат № 228730032 Мать: Гелиана Цезарелло/урожденная…

Пиа-Катарина нажала на клавишу — строки побежали вверх быстрее, но когда должны были появиться последние по времени записи (в них она рассчитывала найти точку опоры для оценки неожиданной ситуации, сейчас предельно обострившейся), появилась пометка:

В открытом регистре стерто — материал

закодирован/ограничение 4А.

Пиа-Катарина вздохнула. Могла бы и догадаться! Разумеется, доступ к засекреченным документам у нее есть, но для этого — даже ей! — следует соблюсти некоторые формальности, на что уйдет время.

Она взглянула на часы. После разговора с Эстер прошло пять минут. Удобно ли теперь пойти туда, не потеряв лица? И вдруг это перестало для нее быть важным.

«Нахожусь в отделе проверки на агрессивность», напечатала она на запоминающем устройстве, решительно поднялась и торопливо направилась к лифту. В зал вошла тихонько, и все же взгляды всех присутствующих обратились к ней — этого избежать не удалось. Трибуна была заполнена, за стеклами лица казались размытыми и трудноразличимыми. Группа психологов собралась в том составе, как Пиа-Катарина и ожидала, — одни доверенные лица Эстер, а сама она председательствовала. В стеклянной клетке, которую они называли ареной, сидела Регина. Она выглядела даже более юной и хрупкой, чем обычно. Два кружка на висках были выбриты и к ним плотно приложены контактные пластинки. Тонкие едва заметные провода сходились

на штепсельном пульте под потолком. Изнутри нельзя было рассмотреть, что происходит снаружи: стекло, покрытое слоем платины, как бы ограничивало «арену» зеркальными поверхностями.

Эстер указала на свободное кресло в первом ряду, и Пиа-Катарина села. Шла первая фаза проверки, предварительный, можно сказать, тест: Регину оставили наедине с молодыми гиббонами, получившими инъекции адреналина и потому раздражительными, а от яркого света и шума особенно беспокойными. Они носились по клетке, вскакивали на Регину, рвали ее платье, царапали и таскали за волосы.

Основная цель испытания проста: ни одна нормальная женщина не способна проявлять агрессивные чувства к ребенку или подростку. Если же такие симптомы обнаружатся, это служит достаточным доказательством извращенности испытуемой, которую следует изолировать от общества. С помощью психотропных лекарств ее деперсонифицируют и отправляют в трудовой лагерь. И естественно, она лишается права материнства.

Гиббоны порядком досаждали Регине. Эти обезьяны были особо зловредными, причем в

результате искусственной селекции их злобный характер систематически развивался. И все-таки Пиа-Катарина не сомневалась, что Регина выдержит испытание. Регина не вырожденка, это координаторша знает твердо. Очевидно, произошло недоразумение — все остальное исключается, — и через несколько минут Регина будет полностью реабилитирована.

Пиа-Катарина изо всех сил пыталась успокоить себя этой мыслью, но тревога не оставляла ее.

Зеленая линия на растровом экране дифференциального энцефалографа становилась волнистой и подскакивала. Невропсихолог, сидевшая перед ним, наморщила лоб и внесла какие-то данные в запоминающее устройство. Пиа-Катарина, которая не могла разобраться в энцефалограмме, пыталась угадать результаты обследования по выражению лица невропсихолога — тщетно. Она перевела взгляд на Регину и, к своему облегчению, убедилась, насколько хорошо та владеет собой. Никаких импульсивных движений, ни тени озлобленности — с каким самообладанием и спокойствием снимает она с себя животных, особенно рьяно атаковавших ее, и осторожно сажает их на пол!

Когда таймер дал сигнал об окончании теста,

вышли служительницы с сетями, переловили животных и унесли их. Регина осталась на «арене». Отерла носовым платком лоб, но в остальном сохраняла спокойствие.

Пиа-Катарина встала и сказала:

— Безусловно, она выдержала испытание. Итак, все ясно.

Эстер посмотрела на нее с деланным безразличием:

— Еще секундочку.

Она стояла в кругу специалисток-психологов, столпившихся около воспроизводящего экрана, на котором самые любопытные фазы испытания прокручивались в замедленном темпе. Женщины перешептывались. Потом Эстер подошла к Пиа-Катарине. В руках она держала пленку ксерокса.

— К сожалению, тут видны кое-какие пики.

Она указала пальцем на отдельные участки:

— Они по меньшей мере примечательны. Придется продолжить.

Пиа-Катарина резко повернулась и села на свое место. Сейчас у нее не было больше уверенности, удастся ли помочь Регине. Она с радостью помогла бы ей, и не только престижа ради: Регина — одна из ее ближайших сотрудниц, она сама остановила на ней выбор. Но ее чувство

к Регине глубже: в нем есть что-то дружески-материнское — привязанность, смешанная с покровительством. К тому же она ощущала свою ответственность, ведь Регина — существо, сформированное ею, и, не исключено, она тоже виновата в том, что сейчас происходит. Регина всегда и во всем безгранично доверяла координаторше, защищала ее точку зрения, голосовала за нее… Не кроется ли за всем происходящим чей-то злой умысел, хитроумный шахматный ход, тактический маневр, направленный, собственно говоря, против нее самой? И хотя в глубине души Пиа-Катарина давно это поняла, она все-таки до конца этой возможности не допускала…

Вторая фаза испытания была еще неприятнее. Теперь уже речь шла не о примитивных рефлексах, которые легко подавить, если, несмотря на строгие селекционные предписания, остались какие-то реликты таких реакций. Речь шла о психических свойствах, о цельности личности.

Тем временем вокруг Регины сели три ассистентки. Они смотрели прямо на нее, а вращающийся стул Регины всякий раз автоматически поворачивался в сторону той из них, которая называла ассоциативное слово. Назывались они быстро, одно за другим, и у Регины наверняка за-

кружилась голова — так быстро вертелся ее стул.

— Яд…

— Плеть…

— Камера…

— Месть…

— Боль…

Ответа от Регины не требовалось. Энцефалографы показывали, поняла ли она и как отреагировала. «А действительны ли эти показания? — спрашивала себя Пиа-Катарина. — Разве тут не может быть ошибок? Да и где пределы измеримого?» Как-никак эту аппаратуру в свое время создали мужчины, хотя женщины оказались достаточно разумными, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшему усовершенствованию. Они более не занимались исследованиями деятельности мозга, генетикой, микробиологией. Отказались от технического и научного прогресса, оставили ложный путь погони за новыми мощностями, качеством и ростом производства. Им ни к чему увеличивать скорость уличных гляйтеров, ни к чему еще более высокие дома и сверхпроизводительные машины. Миру нужен мир, взаимопонимание, любовь, на которую способны только женщины. Мужчины по природе своей — фактор помех, и женщины сделали из

этого соответствующие выводы.

Вместе с тем они оказались не столь уж недальновидными, чтобы отказаться от технического инструментария. Человечество привыкло полагаться на технику, и с этим ему приходится мириться. Но женщины применяют ее во благо, а не с целью разрушения…

На какое-то мгновение мысли Пиа-Катарины смешались. А как же быть с этими энцефалографами, со всей этой электронной круговертью целого этажа, напичканного новейшими медицинскими приборами и аппаратурой для хирургии мозга?.. Но нет и не может быть никаких сомнений: ее задача — оградить мир от агрессий. Исключить всяческую инквизицию. Они должны во всем быть справедливыми. Непоколебимыми…

Вдруг Пиа-Катарина заметила, что ассоциативный метод, которым пользовались ассистентки, претерпел изменения. Теперь это были уже не взятые наугад слова-раздражители, а целые предложения — психологические пружины, сознательно закрученные на основе психограмм Регины за последние месяцы.

— Ты установила связь с фашиствующими группами…

— Ты намерена выдать секретный материал…

— Ты пыталась подтасовать доклад комиссии умиротворения…

— Совместно с координаторшей вы готовитесь к государственному перевороту…

Пиа-Катарина хотела вскочить, но заметила, что все этого только и ждут, и крепче сжала пальцами подлокотники кресла. Они и ее впутывают, да еще как бесцеремонно! Она с трудом сдерживала себя, пытаясь сосредоточиться на мысли, что все эти предложения, призванные служить эмоциональными раздражителями, отобраны с одной-единственной целью: вызвать наиболее резкую реакцию, но это известно и Регине…

Пиа-Катарина перевела взгляд на Регину, которую по-прежнему вертели на стуле из стороны в сторону, — похоже, она потеряла всякое душевное равновесие. А как насчет воли, самообладания? Взглянув украдкой на энцефалографы, координаторша, к своему ужасу, заметила множество волнистых линий, местами резко подскакивавших. Когда тест завершился, ей незачем было спрашивать о результате. И когда Эстер сообщила его, Пиа-Катарина лишь пожала плечами. Таким образом Регине не удалось избежать самого худшего — третьей фазы проверки, казавшейся координаторше неприличной и садистской, но

имевшей, разумеется, свои причины. Теперь речь шла уже не о перерождении, а самой крайней степени деградации, возможной в их государстве. Причем результаты этого испытания отразятся не на одной Регине, но и на всех членах ее клана: матери, из клеток которой она выращена, матери матери, сестер, которые во всем похожи на нее…

Это было как бы своеобразным развитием теста Сонди. Только испытуемому показывали не снимки психопатов, а фотографии молодых мужчин. Причем не только лица, но и тела — сначала в одежде, потом обнаженные. И в этом случае не было нужды определять состояние испытуемого по его внешнему виду, полагаться на субъективные впечатления: электронные приборы молниеносно и безошибочно отмечали малейшие изменения в эмоциях, даже глубоко спрятанных.

Пиа-Катарина принадлежала к старейшему из ныне живущих поколений, она еще застала мужчин. Она принадлежала к числу тех, кто преисполнился страха перед разлагающей силой мужчин, и она же была одной из воительниц, добившихся происшедших затем перемен. Она и ее сторонницы добились своего: мужчин не стало. И хотя они воспользовались для этого

наиболее гуманным методом, Пиа-Катарине не хотелось больше об этом вспоминать. Ей претили воспоминания о мужчинах, о старых картинах и иллюстрациях из энциклопедии, учебников, фотоальбомов и журналов.

Но Регина? Регина знала одних женщин, мир мужчин она себе не представляла. Что ей известно об их отталкивающих качествах, их эгоизме, самоуверенности, разрушительной сущности? Может ли она ненавидеть мужчин? Презирать их? Находить отталкивающими?

На экранах появились первые кадры: на растровом, перед Региной, крупным планом; на экранах видеофонов — десятки уменьшенных изображений. Все как по команде на них уставились, — побледнев или порозовев от волнения, в зависимости от характера. Напрягались до судорог шейных мышц, до дрожи в руках. Среди присутствовавших было много молодых женщин — сотрудниц координационного центра, членов корпуса безопасности, гостей из школ и университетов. Мужчины должны были казаться им монстрами, чужеродными существами, карикатурой на известных им людей — женщин. Но так ли это в самом деле? Пиа-Катарина еще раз пробежала взглядом собравшихся, остановившись,

наконец, на Регине. Было ли то, что она, как ей показалось, прочла на лицах, действительно выражением отвращения и испуга? Находила ли Регина мужчин отталкивающими? И вдруг Пиа-Катарина осознала, что это не обязательно так. Эти девушки никогда не видели живого мужчину… Может быть, необычное, незнакомое, опасное привлекает их?

Пиа-Катарина закрыла глаза. Она не желала никого больше видеть — ни мужчин на экранах, ни зрительниц, ни психологов, ни Регины. Способность видеть и слышать она обрела только после того, как Эстер осторожно коснулась ее плеча. Эстер не сумела скрыть своего торжества, когда сказала:

— Досадно, Пиа, весьма сожалею. Но ты, конечно, не догадывалась… Хочешь заявить протест?

Координаторша понимала: Эстер только и ждет, что она заявит протест. Это дало бы корпусу безопасности повод заняться ею самой. «А наши задачи, — подумалось ей, — наши цели… и именно сейчас! Восстание в пограничном районе, растущее сопротивление недовольных, оппозиционные группы внутри страны, молодежь, которой так трудно руководить, которая не верит на слово…» Все это проблемы, которые

она призвана решить, если хочет видеть сообщество колыбелью обещанного им вечного мира. Того мира, во имя которого и было все сделано… Именно этим задачам обязана она подчинить все свои мысли. Что по сравнению с ними личные пожелания, симпатии или слабости?!

Она поднялась, выпрямилась и предстала перед Эстер по-прежнему внушающей уважение, как и многие годы подряд.

— Результат неоспорим, — сказала она. — Благодарю всех за бдительность. Почему я должна заявить протест? Делайте что положено.

Выходя из зала, она не оглянулась на Регину.

Вечером она вышла из здания центра через черный ход и направилась домой пешком. Ей хотелось побыть под чистым небом, подышать свежим воздухом. Слегка попахивало речной водой, и она с гордостью подумала, что вода, которая лениво катит там, в устье реки, — чистая. «Хотя бы этого мы добились», — сказала она себе.

Издалека послышался треск мотоциклов, — это целый рой девушек-роккеров в облегающих костюмах из черной кожи мчался по улице, образуя некое подобие стрелы, как рой межконтинентальных ракет. «Не будь я настолько уверена, что мы все сделали правильно, впору прийти в

отчаяние», — подумала Пиа-Катарина.

Она глубоко вздохнула и пошла дальше мелкими, твердыми шагами.

Клеопатра III[25]

— Не заглянешь ли ненадолго ко мне в лабораторию? — спросил старик.

Клеопатра лежала, вытянувшись на камине. С укоризной заморгала: «Ты меня разбудил!»

Старик устало опустился в плетеное бамбуковое кресло-качалку и посмотрел на Клеопатру — крупную желтоглазую кошку с шелковистой серой шерсткой.

— Мы не работали целую неделю, — сказал он.

— Мне не хочется, — ответила Клеопатра. — Ни вот столечко! — Она поднялась, зевнула, выгнула спину. — Выпусти меня, я пойду проверю, не завелись ли в сарае мыши.

— В холодильнике осталась еще печенка, — сказал старик.

— Идиот! — фыркнула кошка. — Разве дело в еде? Я поохотиться хочу!..

Она прыгнула на подоконник и с высокомерным видом огляделась. Старик вздохнул, встал и чуть приоткрыл окно. Кошка выскользнула во двор.

---

[25] notes: 25

Пер. изд.: Franke G. W. Kleopatra III Die Enklaven: Einsteins Erben. Science-fiction-Geschichten, Insel Veriag, Frankfurt/Main, 1972

Старик, шаркая ногами, доплелся до своего кресла, сел и закрыл глаза.

Сегодня я наконец добился своего. Правда, когда я зашел в кабинет профессора Шульмана, тот сразу сказал, что времени у него всего десять минут, но проговорили мы почти целый час. Когда же я попросил разрешения защищать диссертацию под его руководством, он поначалу как будто смутился, но, видимо, потом эта мысль показалась ему чем-то любопытной. Он вспомнил о моей курсовой работе по тканевой микроскопии, которую когда-то вел… А возможно, он обратил внимание на мою заинтересованность молекулами памяти. Тему диссертации я обозначил так: «Биохимические аспекты павловских рефлексов». Напоследок профессор Шульман заметил, что не сможет уделить моей работе слишком много времени — тем лучше, проявлю самостоятельность!

В качестве подопытных животных я решил взять кошек. Правда, кое-кто из коллег предупреждал: поведение кошек слишком сложно для основополагающих опытов. Однако именно это обстоятельство меня и привлекало: чем умнее животное, тем скорее оно откликнется на

призыв человеческого разума. Меня подкупало, что кошки — существа, как мы выражаемся, с «визуальной установкой». По восприятию мира они куда ближе к людям, нежели животные, ориентирующиеся главным образом на слух или обоняние. Я предполагаю даже, что их мышление и логика действий в значительной мере обусловлены тем, как они во принимают все многообразие мира — в одном или нескольких измерениях. Здесь у «зрящих» существ, несомненно, больше преимущества.

Вот уже больше года я занимаюсь кошками, но не могу утверждать, что очень результативно. Правда, мне удалось выявить взаимосвязь между рефлексами и материалом, предназначенным для запоминания. Как я полагаю, запоминание условного рефлекса есть не что иное, как процесс обучения, и потому оно должно как-то проявляться через изменение молекул РНК. Надо бы заняться этой проблемой. Работа моя несколько затянется, зато сколь увлекательна сама задача!

Есть первый осязаемый результат! Но решающий перелом произошел не столько благодаря моим стараниям, сколько благодаря случайности и труду других: из медицинского колледжа

Бэйлора в Хьюстоне мне прислали пептиды, синтезированные из мозга крыс. Пептиды эти прошли проверку в качестве «запоминающего материала»; рассылались они в редчайших случаях, которые буквально можно пересчитать по пальцам одной руки, с целью версификации результатов. Я горжусь, что они достались мне. Впрочем, благодарить за это нужно, конечно, профессора Шульмана.

Как мне кажется, я напал на след многообещающей идеи: вырисовывается возможность повлиять на разум животных, сделать их умнее. Ну, а от животных можно перейти к людям. Правда, профессор Шульман не разделяет моего оптимизма, он даже посоветовал мне не витать в облаках. Однако он отнюдь не против, чтобы я продолжал работу в этом направлении. Конечно, исследования на время отодвинут работу над диссертацией, но я надеюсь получить целевую стипендию. Думаю, это немного успокоит моих родителей, которые начинают проявлять нетерпение: они хотели бы видеть меня твердо стоящим на ногах.

Так и есть! Кошки гораздо умнее, чем принято было считать. По-моему, пренебрежительное к ним отношение объясняется скорее всего тем,

что с ними не удавалось установить словесного контакта. А как часто человека, например, объявляют недалеким только потому, что он молчалив или несловоохотлив.

Конечно, установить, насколько разумно животное, другим путем и затруднительно, и времени требует немалого. Свои опыты я начал с. «лабиринта», но особого успеха они не принесли: результаты не удавалось определить количественно. Тогда я прибегнул к комбинациям оптических, акустических и механических сигналов, информационный характер которых однозначен. Но и тут меня подстерегают немалые трудности — и не потому, что кошки не способны решить задачи, — они просто-напросто не желают этого делать в силу своего своенравия, а иногда и упрямства. Однако я начинаю все лучше разбираться в их естестве, что вынужден признать даже мой коллега Тоузер, который никогда особо не верил в опыты с кошками. Кстати, свои опыты он уже завершил и на будущей неделе переходит работать на одно из предприятий.

Джонатан, мой любимец, начинает дряхлеть. Придется готовить новых животных, так что опыты затянутся еще по крайней мере на полгода.

Но они будут масштабнее. Профессор Шульман обещал дать мне в помощь лаборанта. К тому же мне выделяют два помещения в подвале его института. Правда, я буду работать как бы на отшибе, зато никто меня не станет беспокоить.

Меня все больше занимает мысль: нельзя ли сделать так, чтобы знания, приобретенные в процессе обучения, передавались по наследству? Вообще говоря, это противоречит основным законам биологии, но я чувствую, что должен найти обходной путь. Коль скоро мы узнаем, что называется, «в лицо» несколько молекул памяти, в принципе возможно повлиять на РНК генов, которые к ним подходят, как ключ к замку. Я уже задумывался над тем, как подключить аминобазу…

Работа становится все увлекательнее. Я предложил профессору Шульману расширить тему моей диссертации, сделав основным ее аспектом молекулярно-биологические основы мышления. К сожалению, он меня не поддержал, предложил сперва закончить начатую тему. А там, мол, видно будет, может, мне и удастся продолжать опыты в другом направлении.

Тем не менее договор на проведение исследо-

ваний со мной заключили — для начала сроком на пять лет. Разумеется, я мог бы уже сегодня опубликовать результаты проведенных опытов, но показывать полдела не в моих правилах.

Самое огорчительное, что мы поссорились с Дженнифер. Она, видите ли, не желает ждать столько времени! Так прямо и заявила, что моя работа с кошками ее раздражает, она, мол, все равно хотела поставить точку. Я чуть было не отказался от договора, но вовремя опомнился. Может, она еще передумает?

Однако даже это бледнеет по сравнению с открывшейся недавно перспективой. Исследователи из Кембриджа сообщили, что обнаружили участки гена, ответственные за нервную систему. Значит, может исполниться мечта, которую я прежде считал неосуществимой, — научить кошек говорить. По моему глубокому убеждению, это зависит не столько от строения голосовых связок, сколько от того, как ими управлять. Фантастика да и только: если я прав, то смогу отказаться от дорогостоящих, сложных опытов и опрашивать моих кошек, как учитель учеников на уроке!

За окном послышалось зовущее мяуканье. Ста-

рик встрепенулся, прогнал сон. Подошел к окну, открыл его. В комнату прыгнула кошка, а когда старик хотел затворить окно, мимо него в открытую щель черной молнией метнулся огромный котище премерзейшего вида — с грязной вздыбленной шерстью и прокушенным ухом — и тут же скрылся под диваном. На подоконнике и на ковре остались грязные следы его лап.

— Пусть кот убирается, — сказал старик.

— Кот останется, — ответила Клеопатра и выгнула спину дугой.

— Он должен уйти, — повторил старик. — Я не потерплю его в своей комнате. Он грязный, от него воняет. Он будет мешать нам работать.

Старик пошел в кладовку и вернулся с веником в руках.

Опустившись на колени перед диваном, он принялся тыкать веником туда-сюда. Клеопатра некоторое время молча наблюдала за ним. А когда из-под дивана послышалось злобное шипение, подлетела к старику:

— Если ты сейчас же не прекратишь, я тебе больше никогда не стану помогать в работе!

Старик ненадолго задумался, потом пожал плечами, встал, кряхтя, и отнес веник в кладовку. Вернувшись в лабораторию, начал растерянно

перелистывать страницы с записями. Но не для того, чтобы освежить память: каждый из проделанных опытов стоял у него перед глазами.

У меня говорящая кошка! Звуки, которые она издает, пока трудноразличимы, но, думаю, со временем разобраться в них можно. Конечно, запас слов у нее ничтожный, но если она сможет членораздельно отвечать на мои вопросы «да» или «нет», это уже будет замечательно! Что пока труднее всего? Заставить кошек применять в жизни полученные ими знания. Думаю, придется интенсивнее заняться изучением кошачьей психологии. «Психология кошек!» Кому прежде приходило в голову что-либо подобное! Но, по-моему, стоит только научить кошек говорить, и многие трудности исчезнут сами собой. А я все больше убеждаюсь в том, что у животных куда сложнее организована внутренняя жизнь, чем предполагают люди.

Сейчас я работаю с восьмым поколением кошек. Как хорошо, что договор продлили еще на пять лет. Профессор Шульман предложил мне место ассистента на кафедре, но я отказался. Иначе на исследования пришлось бы тратить вполовину меньше времени, а при нынешнем

положении дел это исключено.

Итак, как мне удалось установить, мышление передается по наследству! Меня-то интересует не столько сама передача знаний, сколько наследование способности усваивать знания. С этой целью я начал систематически скрещивать кошек, отбирая самых способных из них. К сожалению, тут же возникли новые проблемы: зачастую трудно было установить, от кого из родителей унаследованы те или иные качества; иногда получались комбинации прямо-таки неожиданные. Куда более надежным оказался партеногенез: с тех пор как любую клетку тела можно использовать как зародышевую, это больше не проблема. Результаты поистине фантастические: сменяется несколько поколений, а выглядит все так, будто имеешь дело с одним и тем же существом.

Независимость кошек весьма усложняла мою задачу. Причем, как обнаружилось, чем они разумнее, тем своенравнее. Постепенно, однако, я научился лучше разбираться в них. По-моему, они поступают разумнее людей: делают лишь то, что хотят, а удовлетворяются быстрее нас. Они удивительно легко и просто расслабляются, часы покоя для них — наивысшее наслаждение.

Человек многому мог бы у них научиться.

Порой они достигают удивительных результатов. С одной из кошек, по имени Клеопатра, я дошел до решения сложных логических задач. Причем она меня даже перещеголяла: в уме справлялась с задачами, которые я решал, лишь пользуясь логическими символами.

Вчера ко мне в лабораторию явилась комиссия из сектора исследований. Коллеги выслушали мои объяснения с большим интересом: на профессора Шульмана они тоже произвели сильное впечатление. Он, правда, уже несколько лет как на пенсии, но все еще считается моим руководителем. Во всяком случае, некоторые из моих разработок последних тридцати лет он объясняет лучше.

Визит комиссии, конечно, был неслучайным, однако из него я вынес лишь, что речь идет о продолжении моих исследований. Признаться, я очень надеялся, что они выделят деньги для приобретения необходимой аппаратуры. Нужная сумма не из пустяковых, но если принять во внимание возможные результаты…

И еще в глубине души я надеялся, что мою стипендию хоть немного повысят. Трачу я по-преж-

нему крайне мало, ибо приучен к скромности, но мне было очень горько покидать несколько недель назад квартиру, в которой после смерти родителей я жил совсем один. Пришлось переехать в деревянный домик в пригороде, который удалось снять за сравнительно сходную цену.

В деньгах на аппаратуру отказали. Меня это ошеломило: разве не ясно, что над опытами придется работать гораздо дольше?! А о повышении стипендии и разговора не было! Трудно представить, что нашлись люди, не понимающие важности моих исследований. Но, быть может, все дело в комиссии, — как мне рассказали, в ее состав входили юристы и философы.

И все же так просто я не сдамся. Конечно, нечего и мечтать о продолжений опытов с двумя-тремя десятками подопытных кошек, как в последние годы, но пять-десять лучших я оставлю. Самых способных, перспективных.

В последнее время я несколько пересмотрел конечную цель своих исследований. Теперь меня больше всего занимает философия кошек. Я подхожу к проблеме по-иному: не кошка будет учиться у человека, а человек — у кошки. И тогда он осознает, что нужно жить в гармонии с окружающим миром, которая зиждется на мудром

самоограничении, покое, тишине и размышлениях… Когда мы поймем, как подняться на такой уровень существования, мы совершим открытие, превосходящее все прежние достижения естественных наук.

Сегодня я передал ключи от лаборатории управляющему. Сюда переберется группа молодых биологов, которой предстоит заняться выращиванием тканей in vitro. Надо полагать, они собираются открыть новый способ производства продуктов питания — свиные отбивные из пробирок!

На начальство я обиды не держу. Должен сказать, вело оно себя вполне пристойно, хотя из тех времен, когда я только приступил к исследованиям, никого не осталось. Расставаясь, они просили меня почаще заходить в институт, помогать им своим опытом…

Вообще-то здесь, за городом, в домике у опушки леса мне хорошо. Никто меня не подстегивает, не подгоняет — не то, что в научных учреждениях. Я получаю небольшую пенсию и ни перед кем не отчитываюсь, для каких целей покупаю животных и препараты.

Но опытов я не прекратил. Увы, взять с собой

удалось лишь нескольких кошек. А если говорить начистоту, то работаю я всего с одной. Зовут ее Клеопатра III. Она — прямой потомок первой Клеопатры, у которой когда-то я обнаружил такие недюжинные способности.

Клеопатра III превосходит всех виденных мной доселе кошек. Это великолепный экземпляр, и думаю, что с ней я своей цели добьюсь. Более того, я убежден, что добьюсь этого в самое ближайшее время. Единственное, что меня заботит, — это вопрос о продолжении ее рода. Здесь у меня никаких условий для проведения партеногенеза нет. Но сейчас это не самое главное, — Клеопатра животное молодое и сильное, ей еще жить да жить.

Клеопатра пропадала целых четыре дня. Старик тревожился. Он то и дело подходил к двери, прислушивался, выходил из дома, звал… Но кошки и след простыл.

На пятый день она вдруг появилась. Исхудавшая, вся в пыли, она держала в зубах маленький серенький комочек. Быстро оглядевшись, положила его в выемку между двумя подушками на диване. Облизала, заискивающе взглянула на старика и снова исчезла.

Но почти тут же вернулась, принесла второго

котенка, а потом и третьего, четвертого. Усевшись перед своим приплодом, она углубила выемку между подушками, устроила гнездышко. Подняв голову, с гордостью посмотрела на старика.

— Что же будет с нашей работой? — спросил старик.

— Ничего, — ответила Клеопатра. — У меня свои заботы.

— Похоже, ты забыла, что, не будь меня, не было бы и тебя!

Кошка начала царапать подушку, вырывая из нее полоски ткани.

— Опять ты за свое. Как мне это надоело…

— Вот оно что, — сказал старик и умолк.

Кошка больше не обращала на него внимания. Тогда он отправился на кухню и взял кастрюлю с молоком. Принес и поставил на пол перед диваном. Кошка спрыгнула и начала жадно лакать. Потом облизнула нос и вскочила обратно, к котятам. Они напоминали большеголовых мышей и попискивали.

— А мне что прикажешь делать? — спросил старик. — Если я не продолжу опыты, вся работа насмарку.

— Можешь заботиться о нас. Это единственное, в чем есть смысл, — ответила кошка и снова

повернулась к своим малышам. Она выглядела довольной и тихонько мурлыкала.

Старик долго наблюдал за ней, за котятами, потом пошел в лабораторию, взял папки с записями и дневниками. Поднял крышку мусоросжигателя и бросил их вниз, одну за другой.

Подчинение[26]

Несмотря на нелепый вид, который придавали ему баллонные шины, «роувер» на удивление быстро двигался по пологим, поросшим мхом холмам. Передний грузовой люк был открыт, и сеть, закрепленная на двух стойках, раздувалась подобно парусу. Телекамеры, эти роговидные выросты по бокам кузова, крупным планом передавали на мониторы изображение. Сгрудившись у окна, за которым помещались приборы, мы следили за маневром.

— Смотрите! Один у него уже на прицеле!

И действительно, сквозь стекло можно было видеть многократно повторенное изображение тщедушного существа с плоским лицом, судорожно вздрагивавшего и пытавшегося бежать зигзагами. Сделав небольшую остановку, на время которой панорамирующие движения камер прекратились, «роувер» рывком двинулся дальше.

У маленького беглеца не было шансов на спасение. «Роувер» неумолимо приближался. На

---

[26] notes: 26

Пер. изд.: Franke G. W. Unterwerfung: Zarathustra kehrt zuriick. @ Suhrkamp Verlag. Frankfurt/Main, 1977.

какое-то мгновение сеть простерлась прямо над жертвой — и вот уже та затрепетала в ее путах, а затем исчезла в грузовом отделении.

— Он даже не сопротивлялся! Неужели это существо разумно?

— А что вы скажете насчет куполовидной крыши?

— Что если мы имеем дело не с взрослой особью, а с детенышем?

Мы высадились здесь неделю назад. По показаниям нашего зонда температура колебалась от 10 до 40 градусов, воздух был пригодным для дыхания, а давление составляло 1,2 атмосферы — словом, планету вполне можно было заселять. Как выяснилось позже, условия на ней были даже благоприятнее, чем мы предполагали. Наличие воды, растений, основу которых составляет целлюлоза, полное отсутствие бактерий… Мы смогли выйти из корабля в легких защитных костюмах и без кислородных масок.

Животные нас не особенно волновали: с ними-то мы всегда справлялись, приноравливая к новым функциям и лишь изредка прибегая к частичному истреблению. При этом мы, разумеется, не забывали о создании заказников и генофонда,

что было уже епархией приходивших следом за нами теоретиков, ученых из разных научных центров, архивистов и музейных хранителей. Нас же интересовала разве что возможность использовать тот или иной вид для подсобных работ: при корчевке лесов, осушении озер, заселении пустынь или строительстве жилищ от местных животных порой было больше проку, чем от автоматов. Оставалось лишь выяснить, поддаются ли они приручению и дрессировке, а как раз в этом наши биоинженеры весьма преуспели. На планете «Корана-114», например, им удалось привлечь полуразумные существа, ведущие образ жизни амфибий, к строительству подводных городов, и этому предприятию был уготован полнейший успех!

Камнем преткновения оставалось общение с существами разумными, что всякий раз служило для нас источником невероятных сложностей. К тому же в обращении с ними у нас были связаны руки: социальные критики, сами предпочитавшие оставаться на Земле, настояли на принятии строгих законов в защиту аборигенов.

Сначала ничто не говорило о наличии на этой планете разумной жизни: здесь не было ни населенных пунктов, ни дорог, ни следов земледелия.

И вдруг мы натолкнулись на строительное сооружение — кольцо протяженностью около двухсот километров со своеобразными сотами из полимерных материалов; они находились под куполом, создаваемым облаками, что делало их совершенно незаметными сверху.

Тем временем «роувер» приблизился к исследовательскому кораблю и скрылся в его недрах. Заслышав шум шлюзовых насосов, мы перешли в помещение биостанции. Отделенный от нас воздушной завесой и сеткой, забившись в угол клетки, сидел пойманный зверек. Его черные глаза с ободками, напоминавшими очки, беспокойно бегали, по бледно-коричневой чешуе перекатывались быстрые волны. Пэтти, лаборант, на всякий случай держал палец на кнопке распылителя нейтронов.

— Ну, это уж чересчур! — заметил Роббинс, электронщик.

— Возможно, ты и прав, — ответил Хольгер, старший в нашей команде и глава всей экспедиции, — но безобидный внешний вид не должен вводить нас в заблуждение. Удалось же им воздвигнуть это здание — мы, правда, не знаем, что там внутри, — а разве какому-нибудь животному

подобное под силу? Поэтому пока мы не изучим хорошенько эту особь, лучше соблюдать меры предосторожности.

С ним нельзя было не согласиться. Что мы вообще знаем о других разумных существах, кроме человека, о более высоких, чем у нас, формах сознания? Нам понадобилось немало времени, чтобы установить первые контакты с такими существами, еще тяжелее оказалось осуществлять с ними связь.

Двум нашим биологам предстояла серьезная работа: пробы тканей, анализ метаболизма, изучение физиологии, эксперименты «лабиринт»... Признаться, все мы испытывали жалость к пойманному боязливому существу, но никто не проронил ни слова и каждый занялся своим делом.

А сделать предстояло немало, и прежде всего внимательно обследовать непонятное сооружение, точную протяженность которого мы уже знали. На вычерченной графопостроителем карте горизонталей было нанесено некое образование, по форме напоминавшее круг. Для наблюдения за ним мы оборудовали на тридцатикилометровой высоте релейную станцию — видеомат с магнитным креплением. Вести

наблюдение снизу оказалось невозможным из-за неровностей поверхности, а сверху обозрению мешали кипящие облака. Все мы предпочитали держаться пока на почтительном расстоянии от объекта наблюдений. Тем не менее кое-что стало проясняться: благодаря отличному приему мы могли выбирать любую диафрагму. Но чем больше мы узнавали, тем больше удивлялись.

Достаточно сказать, например, что крыша «сот», если верить показаниям инфракрасного детектора, оказалась охлажденной до температуры минус 10 градусов. Этим, вероятно, и объяснялись наблюдаемые нами погодные феномены: граница между фронтами теплого и холодного воздуха здесь была очень резкой, холодные массы смешивались с более теплыми, атмосфера охлаждалась, поднимался туман, временами сверкали молнии, раздавались раскаты грома, доносившиеся и до нас.

Но внутри этого дьявольского котла кипела работа. Со стороны было хорошо видно, как вырастало и вытягивалось в длину удивительное сооружение. Видны были и те, кто его строил: чешуйчатые существа — не то обезьяны, не то медведи, не знаешь даже как их назвать, — ловко орудовали инструментами, разъезжали на

машинах, напоминавших тракторы, перевозили по рельсам штабеля восьмигранных плит из полимерных материалов. Протягивались «руки» погрузчиков, смыкались «башмаки» клещей, взмывали в воздух и опускались вниз матово-серебристые плиты, образующие сводчатые поверхности, куда добавлялись все новые и новые купола. Если раньше у нас и были сомнения относительно разумности этих созданий, то все, что мы видели, говорило об обратном — так ловко, проворно и целенаправленно они трудились. Судя по всему, организация здесь достигла совершенства.

Собственно, нам было совершенно неважно, чем занимаются эти существа, гораздо важнее было установить, наделены ли они разумом. Ведь именно от этого зависело, сможем ли мы использовать их в качестве рабочей силы и в какой мере. Можно ли применить к ним электрофизиологическое или химическое программирование? Потребуется ли постоянный контроль за установленными зондами? Можно ли вообще побуждать их к действию посредством психовозбудителей или они поддаются внушению, — скажем, в духе внушения целевых установок?

Все мы с нетерпением ожидали результатов

биологов. Прошло три дня, и вот они пригласили нас всех собраться, чтобы рассказать о выводах.

— Безобидные животные, безопасные, с интеллектом намного ниже, чем у наших обезьян. Поддаются обучению, — видимо, приручить их не составит большого труда.

Мы забросали биологов вопросами:

— Насколько это совпадает с нашими прежними наблюдениями?

— Как по-вашему, есть ли у них расы, различающиеся степенью развития?

— А может быть, они просто притворяются?

— Не могли вы что-то упустить? — спросил Хольгер.

— Конечно, за три дня всего не увидишь. И все-таки я не могу поверить…

— Необходимо все точно выяснить. Продолжайте!

Мы зачастили в биолабораторию, устраивая там целые диспуты. Пэтти более не стоял у распылителя: теперь уже, кажется, никто не ожидал нападения. Зверек по-прежнему сидел в клетке и грыз кусок белка из водорослей. Ушей у него не было, но нам все равно казалось, что он прислушивается. Биологи это подтвердили — им удалось проследить его рефлексы на акустиче-

ские сигналы. Мнения наши разделились. Одни считали зверька безобидным, добрым, спокойным и смышленным, другие относились к нему с недоверием, словно он мог неожиданно проявить себя с другой, враждебной стороны.

Тем временем работа наша продолжалась. «Ровер» несколько раз подъезжал к самому зданию. Однажды он даже привез плиту, которую передали для анализа в химическую лабораторию. Плита оказалась из какого-то неизвестного синтетического материала на кремниевой основе, по всей видимости, промышленного производства.

Разумеется, нас это крайне заинтересовало. Откуда взялся этот материал? Каковы были исходные продукты? Можно ли нам получить его методом синтеза?

Прошло еще два дня. Поздно вечером, когда мы, собравшись вместе, опять заспорили, Роббинс вдруг заявил, что лично он больше не сомневается в безобидности зверька.

— Я вам сейчас докажу это, — добавил он и вышел из комнаты.

Не прошло и минуты, как он вернулся, неся на согнутых руках чешуйчатое создание, которое доверчиво прижималось к нему, положив одну лапу ему на плечо. Роббинс гладил зверька, и тот

оставался спокойным. Мы несколько растерялись, увидев его прямо перед собой, без защитной ширмы, но он как ни в чем не бывало продолжал сидеть на руках у Роббинса, и мы тоже успокоились. Даже Хольгер не рассердился. Конечно, Роббинс поступил опрометчиво — без последствий его поступок не останется, — но как бы там ни было, ему-таки удалось разрешить проблему и тем самым сократить нам время ожидания. Втайне мы были ему за это благодарны.

— Ну хорошо, пусть оно безобидное, — сказал Хольгер, — но что делать дальше? Парадокс остается. Каким образом они возводят столь сложные постройки? Как получают синтетический материал? И если со временем это будет город, то почему они выбирают для него гораздо более холодный климат, чем в других местах на этой планете? Ведь это абсурд!

— И не единственный, — включилась в разговор Симона, кибернетик. — Я обратила внимание вот на что: они не только возводят здание с куполом, но одновременно и демонтируют его.

— Как же так? Ведь кольцо-то растет!

— Да, снаружи. А внутри его сносят. С таким же упорством, с каким возводят. Я проследила за потоком материалов: разница равна нулю. То,

что они демонтируют внутри, снова устанавливается снаружи.

— Что из этого следует?

— Не берусь утверждать с определенностью, но полагаю, что мы имеем дело с процессом, который, однажды начавшись, продолжается до сих пор, потому что его никто не остановил.

— Надо думать, не трудиться они не могут, а запасы материалов иссякли — вот им и приходится разбирать то, что они сами возвели, — предположил Пэтти.

Кое-кого его слова позабавили, других же заставили задуматься. Никому и в голову не пришло, что он попал в самую точку.

Спор грозил того и гляди превратиться в неразбериху из всякого рода домыслов, фантастических теорий и острот, но Хольгер поднятием руки призвал всех к спокойствию.

— Думаю, пора, наконец, осмотреть здание. Исходя из того, что нам известно, вряд ли это будет сопряжено со слишком большим риском. Возможно, нам удастся обнаружить что-то, что прольет свет на происходящее здесь.

Шестеро из нас поддержали предложение Хольгера, двое возражали.

На следующий день мы отправились в путь. Из-за бездорожья решили воспользоваться автомобилем на воздушной подушке, который доставил нас к зданию. То, что мы увидели, напоминало строительную площадку. Наше появление ничуть не обеспокоило чешуйчатые существа, они не обращали на нас никакого внимания. Надев защитные термокостюмы, которыми до этого пользовались весьма редко, мы с радостью отметили, что передвигаться в них не так уж сложно, даже при тяжелой физической работе они почти не мешали. Отыскав в казалось бы сплошной стене небольшой проем, мы вошли внутрь.

Невысокое, вытянутое в длину здание состояло из ячеек, крытых сводчатыми плитами. Сюда проникал приглушенный, рассеянный свет — мы пребывали в полумраке, лишенном теней. Бросались в глаза размеры помещений: метров пятнадцать, не меньше, но более всего поражали соединяющие их проемы, восьмигранные дыры в стенах по четыре-пять метров в поперечнике каждая. Это мы также отнесли к разряду парадоксов: для самих чешуйчатых созданий были бы вполне достаточны дверные проемы метровой высоты.

Пройдя здание насквозь, мы очутились во внутреннем «дворе». Это позволило нам с близкого расстояния увидеть то, о чем нам давно поведал зонд: картину всеобщего разрушения. С тем же поистине муравьиным трудолюбием, с каким снаружи существа возводили стены, здесь они их разбирали. По особым транспортным путям строительные плиты подавались через все здание на периферию, где они тут же снова шли в дело.

Отправляясь сюда, мы захватили с собой не только измерительную аппаратуру, но и кинокамеры и магнитофоны. Симона, которая интересовалась архитектурой, записывала на свой портативный магнитофон измеренные расстояния и углы. Хольгер внимательно приглядывался к транспортной технике. Роббинс обследовал кондиционер, под давлением подававший в помещение леденящий воздух через отверстия в потолке. Что же касается биологов, то они наблюдали за диковинными зверьками в процессе работы, но не заметили ничего особенного, кроме необычайной их проворности.

Вернувшись к себе целыми и невредимыми, мы обменялись мнениями о результатах «вылазки» и занялись обработкой наблюдений, не питая, впрочем, особых надежд. Но на следующее

утро Симона неожиданно попросила всех нас собраться вместе.

— Полагаю, я разгадала принцип, лежащий в основе их архитектуры, — сказала она. — Мы имеем дело с ячеистой структурой, построенной из правильных двенадцатигранников. Их размеры…

И она зачитала некоторые данные, которые мало что нам говорили, добавив наконец с нескрываемым торжеством:

— Я придумала, как можно усовершенствовать эту систему. Если несколько изменить соотношение коротких и длинных ребер, — она показала нам чертеж и какие-то выкладки, — можно обойтись значительно меньшим количеством строительного материала. Более того, устойчивость при этом также повысилась бы, что совсем немаловажно для защиты от бурь, и наконец, можно было бы сократить время работы.

— Превосходно! — сказал Хольгер. — По-моему, это ценное предложение.

И он пожал Симоне руку. Мы тоже были рады за нее.

Неожиданно после обеда раздался сигнал тревоги. В приемнике слышались какие-то по-

трескивания.

— Непонятные радиосигналы в диапазоне 690 МГц, — объявил голос робота.

Радист убежал но вскоре появился снова:

— На горизонте машины! Передаю изображение в открытую линию связи.

Экран над дверью засветился: на нем возникли пять-шесть темных очертаний, образующих обращенную к нам дугу. Мы узнали их сразу. Это были повозки строителей куполов, на которых примостились небольшие фигурки.

— Теперь они захватят одного из нас, — сострил Пэтти. Но его шутка успеха не имела.

— Они приближаются, — возвестил радист. — Может, нам лучше отступить?

— Они движутся медленно — у нас еще есть время!

— Но что мы можем сделать? — тихо спросил кто-то. — Атаковать? Или обратиться в бегство?

Хольгер бросил взгляд на чешуйчатого пленника, который теперь беспокойно метался по клетке, куда мы его снова заперли. Он ощупывал стены, замирал, глядя на нас, словно желая разобраться в наших намерениях.

— Откуда идут радиосигналы? Запеленгуй их! — прокричал Хольгер.

После минутной тишины голос в приемнике произнес:

— Сильные сигналы в направлении 127° к северо-западу. Угол падения 68°.

— Сигналы идут из района здания, но откуда-то сверху! — уточнил Роббинс.

— А что может быть там, наверху? — спросил Хольгер. — Космическая станция? Искусственный спутник? Ты смог бы определить расстояние?

Роббинс покачал головой.

— Для этого мне придется установить еще одну антенну — как можно дальше отсюда. Но это требует времени.

— И все-таки попробуй! — настаивал Хольгер.

Однако вскоре шумы в приемнике прекратились. Мы невольно вздохнули с облегчением. Зверек тоже успокоился и тихо сидел в углу. Когда мы выходили из помещения, он посмотрел нам вслед.

Наутро он исчез. К нашему удивлению, он умудрился не только открыть запор своей клетки, но и преодолеть воздушный барьер и включить автоматику шлюзового люка.

Все это заставило нас серьезно призадуматься. Но некоторое беспокойство, начавшее было овла-

девать нами, вскоре уступило место радостному известию.

На сей раз преподнесли сюрприз химики.

— Изготовить материал, из которого сделаны плиты, сравнительно просто. Все необходимые компоненты имеются здесь в изобилии: это кремний, кислород, фтор и сера. Можно без особого труда извлекать их прямо из горных пород, переводить силикатные комплексы в свободные радикалы, а процессом полимеризации управлять при помощи катализаторов.

— Подумать только! — воскликнул Хольгер, и в голосе его слышалось возбуждение. — Да знаете ли вы, что это означает? Больше не потребуется ничего демонтировать, работы по возведению здания стронутся с мертвой точки, оно будет расти, увеличиваться в размерах до тех пор, пока не опояшет всю планету!

Все мы разделяли его энтузиазм. Остальное отступило теперь на задний план. Нам не терпелось поскорее применить вновь полученные знания.

И вот мы достигли того, к чему стремились. Налажено производство полимерного материала. Плиты изготавливаются промышленным способом. Наши «роуверы» хорошо зарекомендовали

себя на монтажных работах. В строительстве, как и прежде, участвуют чешуйчатые зверьки, но их разум уступает нашему, а потому мы занимаем главенствующее положение.

Одна за другой подгоняются друг к другу все новые ячейки, все длиннее становятся змеевики системы охлаждения. Правда, до завершения здания еще далеко, но именно в этой работе жизнь наша обрела смысл.

Маневры[27]

Обращение командира

После большого перерыва федеральное правительство решило вновь собрать войска для маневров. К счастью, мы живем в мирную эпоху, так что возникал вопрос, стоит ли вообще в наше время проводить маневры. В самом деле, предстоящие маневры более не будут моделировать региональную войну для устрашения агрессивных соседних государств. Мы преследуем одну-единственную цель: сохранить боеспособность наших войск, считая, по старой традиции, милицию школой нации. Маневры явятся экзаменом, завершением курса военной подготовки, станут для каждого одной из последних возможностей по-настоящему проявить себя, показать, на что он способен.

Так как мы не собирались повторять в очередной раз классические схемы развертывания войск, скажем Запад против Востока и тому по-

---

[27] notes: 27

Пер. изд.: Franke G. W. Das Manöver: «Zarathustra kehrt zurück» (1977).
@ Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1977. c Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main.

добное, мы искали другой признак, по которому различаются противоборствующие силы. По нашему замыслу, светловолосые должны выступить против темноволосых, иными словами, одну сторону будут представлять люди с цветом волос от белокурого до каштанового, другую — все остальные: от темных шатенов до жгучих брюнетов. А так как блондины и брюнеты сравнительно равномерно распределены между всеми географическими зонами объединенных континентов, исключаются какие-либо ассоциации с прежним разделением всех людей по национальному или расовому признаку. Надеемся, что нас не станут упрекать в желании разделить всех их на белокурых властителей мира и смуглую, низшую расу.

Маневры продлятся десять дней, в них примут участие все свежеобученные новобранцы добровольных войск разных возрастов. Население призвано оказывать им всяческое содействие. На случай причинения возможного ущерба рассчитываем встретить понимание; для ликвидации последствий нами будут назначены особые комиссии. В заключение хочу пожелать нашим молодым воинам успешно выдержать этот серьезный заключительный экзамен в их военной карьере; не сомневаюсь, что он надолго

сохранится у них в памяти.

Донесение Международной телеграфной службы

Большие маневры начались. Наши корреспонденты находятся в гуще событий. Первые сосредоточения войск проходили в обстановке строжайшей секретности, однако долго удерживать в тайне основные районы развертывания не удалось. В результате одновременно несколько туристических бюро предложили желающим недорогие экскурсионные маршруты — участникам экскурсий будет предоставлена возможность из автобусов или с вертолетов следить за важнейшими этапами операции. Но верховное командование отказалось пойти навстречу пожеланиям туристических бюро и заранее назвать время проведения «боевых действий».

Тем не менее из хорошо информированных источников нашим корреспондентам удалось узнать, что первая встреча с «противником» ожидается уже в следующую пятницу, на третий день маневров. Пока, естественно, никто не решается предсказать, кто — блондины или брюнеты

— первыми добьются успеха. Согласно данным межпланетной службы лотерей, объявившей специальную кампанию, небольшое предпочтение отдается войскам светловолосых: 60 против 40.

Судя по всему, пока все развивается по плану. Сообщений о крупных повреждениях или дорожных заторах не поступало. Население проявляет спокойствие и дисциплинированность. Вместе с тем выражается недовольство, что к прохождению войск не везде относятся с должной серьезностью: колонны нередко напоминают скорее карнавальные шествия, чем воинские подразделения. На наш вопрос главнокомандующему войск светловолосых генералу Зигрису, делает ли он основную ставку в наступлении на авиацию или на танки, генерал многозначительно изрек: «Утро вечера мудренее». Командующий темноволосых генерал Ванадии предпочитает пока воздерживаться от комментариев. Слухи о том, что предложенные ему гонорары оказались недостаточно высокими, лишены всяких оснований.

Протокол одной конфиденциальной беседы

Главнокомандующий. Нет-нет, первое сражение совершенно не оправдало моих ожиданий. Полагаю, солдаты еще не прониклись всей серьезностью ситуации. Только этим можно объяснить их поведение. Когда летчики, выполняя задание, стали имитировать на бреющем полете воздушный налет, они вместо того, чтобы идти в укрытие, принялись размахивать платками. Сброшенные бомбы из папье-маше распродавались гражданскому населению. А когда произошло столкновение войсковых авангардов, то начался обмен сигаретами и почтовыми открытками.

Министр. Может быть, людям нелегко представить себе, что все это всерьез. В конце концов, мы живем в условиях мира. Впрочем, я возлагал больше надежд на подготовку, которую они прошли.

Главнокомандующий. Конечно, многое зависит от подготовки, но, к сожалению, у нас связаны руки. Как прикажете воспитывать настоящих воинов, если на плацу обязательна четырехдневная неделя? Нам запрещено проводить занятия

раньше десяти утра и позже пяти вечера, не говоря уже о ночных учениях. А взять новый порядок предоставления увольнений — это же прямое попустительство желающим увильнуть от службы! С тех пор как были разрешены внеочередные суточные увольнения из расположения части по случаю дней рождения всяких там тетушек и дядюшек, кузин и кузенов, остается только радоваться, если у нас наличествует хотя бы половина личного состава. В конце концов дошло до того, что каждому пришлось выделить отдельную комнату с ванной, радиоприемником и телевизором. О какой уж тут может идти речь дисциплине…

Министр. Не будем говорить о том, чего не исправишь. Куда важнее сейчас подумать, как нам хорошенько зажечь солдат. Думаю, лучше всего воздействовать на них через офицерский и унтерофицерский состав. Нужно довести до сознания каждого, что они попали в исключительную ситуацию, где повседневные мерки не годятся. Полагаю, только так нам удастся встряхнуть их и избавить от пагубных комплексов. Я поговорю с психологом. Соответствующие приказы могут быть отданы завтра же. На сегодня, кажется, все.

Из письма Международного страхового акционерного общества в Министерство исследований проблем мира

...Бесчинства начались на четвертый день маневров — такое впечатление, будто по земле прошлись варвары. Ниже приводится далеко не полный перечень нанесенного ущерба; мы оставляем за собой право позднее дополнить его.

В Льежском регионе мотопехотинцы захватили земляничную плантацию — все засаженные площади подверглись опустошению за каких-нибудь 40 минут. Горные войска реквизировали гостиничный комплекс под Цугшпитцплаттом; всем гражданским лицам было приказано в течение часа освободить номера, а служебный персонал заставили отбывать трудовую повинность. Туристические бюро понесли колоссальные убытки. В Париже состоялись гонки на танках между противоборствующими сторонами. Победили темноволосые после того, как протаранили фасады нескольких домов. В Гамбурге объявилась спецкоманда, которая забрала всех исполнительниц стриптиза под предлогом обслуживания войск. Танцевальные заведения пришлось ча-

стично закрыть из-за невозможности быстрой замены.

Согласно условиям договора, мы обязаны возмещать любой непреднамеренный ущерб. Однако перечисленные случаи — а это лишь малая толика происшедшего — явно связаны с умышленными действиями. Поэтому считаем необходимым поставить вас в известность, что мы категорически отказываемся от возмещения нанесенного таким образом ущерба. Соответствующее письмо наших адвокатов будет переслано в ваш адрес по окончании заседания правления.

Магнитофонная запись конфиденциальной беседы между главнокомандующими обеих сторон

Генерал Зигрис. Мне было весьма неудобно просить вас об этой встрече. Я бы не хотел, чтобы вы истолковали это как конспирацию.

Генерал Ванадии. Мне это не менее неприятно, но, насколько я понимаю, встреча должна была состояться. Перейдем к делу.

Генерал Зигрис. Надеюсь, вы не станете возражать против присутствия на нашей беседе

господина Мровки?

Генерал Ванадии. А вы полагаете, что спортивный менеджер именно тот человек, который нам нужен?

Генерал Зигрис. Вне всяких сомнений. Чего не достает нашим войскам, так это заинтересованности в успехе дела. После неудавшейся попытки встряхнуть людей мы должны придумать что-нибудь другое. Господин Мровка, ваше мнение?

Мровка. Думаю, что одной раскомплексованности будет недостаточно. Мы это хорошо знаем на опыте спортивной практики: если надо устроить для антуража массовые потасовки или что-то вроде этого, должна произойти поляризация…

Генерал Зигрис. Какое это имеет отношение к нашей проблеме?

Мровка. Самое прямое: если вы хотите увидеть борьбу, то должны подкрепить раскомплексованность диаметрально противоположными целевыми установками. Сделать это нетрудно. Достаточно, скажем, устроить состязания футболистов, гандболистов или другое. Обычно каждый болеет за свою команду, поэтому на ответственные игры нам приходится привозить не менее 40 % болельщиков команды, выступающей на чужом поле… Генерал Ванадии. При чем здесь

футбол, если речь идет о военных учениях?

Мровка. Очень даже при чем — более того, можно провести полную аналогию. Вы забыли о самой малости — о поляризации…

Генерал Ванадии. Оставьте свои теории при себе! Что конкретно вы предлагаете?

Мровка. Одно из классических правил психологии предписывает в подобных случаях подчеркнуть различия. К сожалению, вы не учли этого с самого начала, иначе вы бы выбрали более целесообразные признаки различия, чем цвет волос. И все же при желании и из этого можно что-то сделать.

Генерал Зигрис. Что именно?

Мровка. Я думаю, нужно составить различные шкалы ценности, связанные с цветом волос. Иными словами, мы должны добиться, чтобы для одних высшим отличительным признаком считались светлые волосы, для других — темные. Через два часа я смогу представить вам детальный план необходимых мероприятий. Для начала сделайте так, чтобы в одной части войск повышение по службе и прочие виды отличий и поощрений получали только ярко выраженные блондины, в другой — жгучие брюнеты. Отдавая приказания, всякий раз особо выделяйте слова

«белокурый» или «темноволосый», старайтесь как можно чаще употреблять их в эмоционально окрашенных фразах. Не забудьте…

Из протокола суда чести

Майер.…Эти действия сильно задели мою честь, не говоря уже об ущербе здоровью.

Судья. Пострадавший, расскажите нам еще раз, что с вами произошло, только, пожалуйста, будьте объективны, никаких комментариев, а тем более оскорблений.

Майер. Я получил приказ незаметно пробраться к ближайшему холму и сделать несколько фотоснимков, которые бы запечатлели позиции противника. Мой сослуживец, ефрейтор Брейм-шпергер, который должен был пойти вместе со мной, подвернул ногу, наступив на пивную бутылку, и потому остался в кустах.

Добравшись до подножия седловины, я не успел даже бросить взгляда на позиции противника — без всякого предупреждения на меня набросилось не менее десятка темноволосых. Видя такое превосходство сил, я не оказывал сопротивления, но они все равно как следует отдубасили меня,

сорвали с головы фуражку и перерезали подтяжки. Затем, заставив меня идти впереди, привели в какой-то холодный блиндаж, где не было даже умывальника, и заперли. Мне не давали ни есть, ни пить, если не считать кружки воды и упаковки малосъедобного черствого хлеба.

После долгого ожидания — сколько прошло времени, я точно определить не мог (часы у меня отобрали) — появилась группа темноволосых, которые отвели меня в какое-то подвальное помещение, — по-видимому, раньше здесь был винный погреб. Меня привязали к столбу и направили в глаза яркий свет, так что я не мог разобрать, кто отдавал приказания. Начался допрос. При таких обстоятельствах я счел для себя за благо ничего не утаивать. Однако тот факт, что мне ничего не известно о планах развертывания, вооружении, численности и тыловом обеспечении наших войск, оказался для меня роковым — ведь я рядовой, мне и в голову не приходило вмешиваться в дела офицеров.

К сожалению, мне не поверили. Даже не выслушав толком моих заверений, они приступили к действиям, которые нельзя классифицировать иначе, как пытки: меня повалили на пол и стали

обливать вином, забрасывать окурками, они орали на меня и называли «белокурой бестией». А потом сорвали с меня одежду, посыпали какими-то зловонными порошками, и когда я начал задыхаться и не мог больше отвечать на их вопросы или выражать протест, просто бросили. Спустя некоторое время мне с трудом удалось встать. Пошатываясь, я направился к двери и обнаружил, что она незаперта… В подвальных помещениях тоже никого не было, противник оставил их. Мне понадобилось несколько часов, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта, где я смог вызвать такси, доставившее меня сюда. Счет за оплату такси приложен к делу.

В связи с вышеизложенным я требую проведения строгого разбирательства, наказания виновных, а также предоставления мне четырехнедельной бесплатной путевки в санаторий, чтобы я мог полностью поправить здоровье. А учитывая проявленное мною бесстрашие, ожидаю перевода меня в унтер-офицеры.

Из сообщений газет

«Связанные с маневрами передислокации

войск охватили весь итальянский полуостров и южную часть Франции. Как уже объявлялось ранее, города также стали ареной боевых действий. При этом произошли ожесточенные столкновения, и даже не столько между воинскими подразделениями, сколько между враждующими труппами гражданского населения, состоявшими в заговоре с военными. В Генуе население осыпало оскорблениями и забросало помидорами танковую часть светловолосых. Из-за того, что смотровые люки оказались заляпаны перезрелыми раздавленными плодами, несколько танков заехали на тротуары и повредили жилые дома. Имели место и акты организованного саботажа. Так, улицы, круто спускающиеся к набережной, полили таким густым слоем жидкого мыла, что идущие танки начали скользить, пробили парапет и упали в море.

Об аналогичных враждебных актах поступают также сообщения из других населенных пунктов на территории Италии и Франции. Особенно страдают войска светловолосых. Что же касается темноволосых, то единственный известный пока инцидент произошел лишь с интендантской частью на юге Швеции. Местное население устроило сборище у мест расквартирования

войск, выкрикивая всякие оскорбления. Правда, до прямых столкновений дело пока не дошло, но нескольких девушек, замеченных в связи с темноволосыми солдатами, вымазали рыбьим клеем и бросили на груду тряпья. Есть опасения, что ситуация ухудшится — не в последнюю очередь из-за все более заметного соперничества между военными и милицией».

Секретное выступление верховного командующего

Господа! Уже сейчас можно утверждать, что, немотря на начальные трудности, маневры увенчались полным успехом. Солдаты по-настоящему прониклись интересами дела, осознали, к какой из сторон они принадлежат, и готовы во имя собственных интересов перенести все неприятности, гашения и тяготы. С гордостью могу сообщить, что у нас уже насчитывается в общей сложности семь тяжелораненых и более тридцати человек раненых, не считая случаев оказания помощи санитарной службой в полевых условиях. Вопреки ожиданиям значительно больше ранений среди гражданского населения. Точных данных в моем

распоряжении пока нет, однако из всех крупных больниц сообщают о доставленных туда пострадавших мирных жителях. Но это не должно нас смущать: гражданское население всегда страдало в случаях военных конфликтов. И тот факт, что и на сей раз не произошло отклонений от нормы, служит лучшим подтверждением приближенности нашей операции к реальным условиям.

Напоминаю, что маневры заканчиваются через два дня. Боевые действия не должны продолжаться позже указанного срока. Необходимо заблаговременно позаботиться о том, чтобы списки лиц, представляемых к повышению по службе и награждению орденами, были поданы на этой неделе.

Радиорепортаж

…С вертолета нам хорошо видна обстановка. С севера движутся колонны светловолосых, на юге, у подножия гор, заняли оборону их противники. Создается впечатление, что только сейчас, спустя три дня после окончания маневров, развернутся по-настоящему крупные столкновения. Как нам сообщили из хорошо информированных ис-

точников, оба главнокомандующих отказались прекратить боевые действия, мотивируя свой отказ провокациями со стороны противника. Ходят слухи о том, что в столкновениях участвуют гражданские лица, недавно добровольно примкнувшие к войскам. Впрочем, случалось, рекрутов забирали силой.

Судя по всему, сражение вот-вот начнется. Противников разделяют какие-нибудь два километра. Войска продолжают сближаться. В отдалении видны облака дыма, — вероятно, пущены в ход тяжелые орудия. Последствий Пока не… О, вношу поправку: я уже вижу разрывы снарядов… События разворачиваются быстрее, чем можно было ожидать! Кажется, стреляют настоящими снарядами — иначе чем объяснить причиненные разрушения? Часть фортификационных сооружений уничтожена, я могу даже разглядеть фигурки людей, мечущихся в поисках укрытия… некоторые из них бросаются наземь или падают… На горизонте показалось первое авиасоединение! Пожалуй, следует несколько посторониться: мы находимся прямо над районом боевых действий. А теперь…

Воззвание Союза борьбы против насилия

…Безответственные действия военных могут повлечь за собой катастрофу, если мировое правительство решительно этому не воспрепятствует. Выбор цвета волос в качестве отличительного признака участвующих в маневрах соперничающих группировок войск явился трагическим просчетом верховного командования: проснулись старые антипатии, всюду произошли столкновения между светло- и темноволосой частями населения. По примеру сражающихся войск — что еще более усугубилось «активизационными мероприятиями» верховного командования — эти антипатии с поразительной быстротой переросли в ненависть, нашедшую выход в актах насилия.

Учитывая современные средства связи и вооружения, можно было предвидеть, что подобный конфликт не ограничится каким-то одним регионом. Когда же военные стали набирать рекрутов среди гражданского населения, вовлекая их в боевые действия, на Земле не осталось уголка, не охваченного беспорядками, совершенно бессмысленными и лишенными всякого повода. Как

стало известно из надежных источников, в настоящее время на всех континентах подвергаются бомбардировкам города-столицы. При подобной эскалации боевых действий не исключена и возможность применения атомного оружия.

Международный Союз борьбы против насилия заявляет решительный протест против всех этих акций и требует отменить все приказы и распоряжения, отданные за последние две недели.

Спустя десять месяцев

Хейл. Ты ничего не слышишь?

Снайдер. Нет.

Хейл. Какой-то скребущий звук — я слышу его совершенно отчетливо.

Снайдер. В самом деле? Может, снова что-нибудь прибило к берегу? Пойдем посмотрим!

(Они выходят из бамбуковой хижины и не спеша спускаются к морю.)

Снайдер. Так и есть, несколько увесистых ящиков! Вот было бы здорово, если бы содержимое не успело испортиться — оно пришлось бы очень кстати.

Хейл. Похоже, что это консервы!

Снайдер. Может быть, пиво? Честно говоря, я согласен и на кока-колу.

(Хейл и Снайдер вытаскивают ящики на песок и вскрывают.)

Хейл. Вот тебе на! Зубная паста и мыло! Может, в другом…

Снайдер. Открывай! Похоже, что в этом ливерная колбаса и свиной жир!

Хейл. Черт подери! Крем для ухода за кожей и прочая косметика…

Снайдер. Остался последний ящик. Боюсь, мы зря надрывались.

(Хейл приподнимает крышку.)

Хейл. А это еще что? Не так уж плохо: средство, стимулирующее рост волос! Как раз то, что нам надо!

(Хейл открывает одну из банок и собирается намазать кремом свою лысину. Подошедший Снайдер выбивает банку у него из рук.)

Хейл. Ты что, спятил?

Снайдер. Я не знаю цвета твоих волос, ты не знаешь цвета моих. На то есть свои причины, пусть же так и останется!

(Снайдер пинает ящик ногой, и тот снова оказывается в воде. Снайдер достает носовой платок и вытирает капли пота, выступившие на

лишенной волос голове. Хейл на какое-то время задумывается… Потом говорит: «Ты прав — пусть так и останется!» Оба еще какое-то время смотрят в море. Затем, окончательно успокоившись, возвращаются в хижину.)

На Земле снова воцарился мир.

Проект «Время»[28]

Они сидели в креслах из тонких стальных труб — кто неподвижно, затаив дыхание, кто ерзал от волнения…

Подземный научный центр был полон, ни одного свободного места. Одни следили за происходящим на небольших мониторах на пультах, другие — таких было большинство — не сводили глаз с выпуклого экрана, занимавшего всю переднюю стену.

Картина на экране была самая безобидная: сколоченная из дерева веранда, на заднем плане — крытые соломой хижины, ограждение крааля. В тени выступающей далеко вперед крыши стояла колыбель, в ней лежал запеленутый в голубую материю младенец. Крупный план: ребенок открыл умные, темные глаза; время от времени он кривил губки и показывал язык, сжимал маленькие кулачки и, играясь, рассекал ими пустоту…

Неожиданно на земле появилась тень: мужчина, затянутый в черную кожу, на груди патронташ, сапоги, перчатки, шлем… Он приблизился,

---

[28] notes: 28

Пер. изд.: Franke G. W. Projekt TIME: «Zarathustra kehrt zurück».
@ Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1977. c Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1977.

ступая на цыпочках, быстро оглянулся по сторонам, затем вскинул пистолет-пулемет и навел его на колыбель. Сноп огня, разлетевшееся вдребезги дерево — какие-то две секунды, потом все пропало.

В первое мгновение зрители продолжали сидеть, словно оцепеневшие, но вот изматывающее напряжение исчезло, чары развеялись, они вскочили со своих мест, стали хлопать друг друга по плечу, били в ладоши, пожимали друг другу руки, кричали все разом…

Почти никто из них не удосужился хотя бы мельком взглянуть на экран, а между тем обстановка там уже изменилась. Можно было видеть, как беспорядочно забегали вооруженные мужчины в белых одеждах и шляпах с широкими полями, как они стреляли в человека, зигзагами бегущего по двору и потом внезапно исчезнувшего, словно растворившегося в воздухе…

Ему это удалось, как ни трудно было в это поверить. Это был их последний шанс, и они использовали его. Подумать только — самый молодой в их команде! Большинство считало, что он идет на верную смерть, а в него даже не попали.

Кто-то устремил взгляд на большие часы, два циферблата которых показывали обычное и

прошлое время. Красная сигнальная точка все быстрее совершала круги по минутной шкале, пока внезапно не замедлила свое движение и не остановилась. Оба потока времени слились.

Теперь внимание всех было обращено на тяжелую магнитную дверь в стене с правой стороны, где тоже были шкалы, измерительные приборы, сигнальные лампочки. Перед ними собралась группа врачей, неотрывно следивших за движениями стрелок, мигающими огоньками… Рядом стояла небольшая платформа с кислородными баллонами и дыхательной маской, а также сумка с набором шприцев и различных ампул, с хирургическими инструментами и перевязочным материалом.

Раздалось шипение пневматического запора, откинулась округлая крышка, и по рельсам выкатились носилки, на которых лежал Уилл Саундерс. Глаза его были закрыты, и выглядел он непостижимо молодо. Люди, стоявшие неподалеку от врачей, не заметили на нем никаких внешних повреждений. Одежда его была в целости, хотя порядком запылилась и покрылась грязью.

Главный санитар подошел ближе и надвинул на лицо недвижимо лежавшего Уилла дыха-

тельную маску. Не прошло и полминуты, как тело его слегка вздрогнуло и он сделал попытку выпрямиться. Одна из сестер мягким движением вернула его на подушку и нажала на рычаг, приподнявший изголовье. Уилл открыл глаза, и постепенно взгляд его становился все более выразительным и ясным, утратив замутненность обморочного состояния. Когда же он увидел столпившихся вокруг него людей, готовых в любую минуту оказать ему помощь, когда услышал бурные аплодисменты, то от волнения снова закрыл глаза. Впервые до его сознания дошло: то, чего до него никому не удавалось, он выполнил!

А начало всему положил Мигуэль Альбас. Справедливости ради надо признать, что он не входил в наш круг и все-таки оказался первым, кто пожертвовал собой ради совместного проекта. В те времена еще не было тайной организации, не было грандиозного плана. Альбас работал научным ассистентом в Высшей школе Мехико, и лишь его ближайшие коллеги знали о его намерениях. Правда, не приходилось сомневаться, что их план поддержали другие, — во всяком случае, непременно поддержали бы, если бы план удался.

Это не было безрассудной выходкой, попыт-

кой Создать мученика… Все было подготовлено наилучшим образом: поддельные документы, позволившие проникнуть на пресс-конференцию президента, ручная граната, которая должна была его убить, — она была изготовлена из легких полимеров, не содержала в себе металлических частей и при рентгеновском просвечивании так же не выделялась в виде тени, как и взрывчатое вещество. Кроме того, заговорщики заручились поддержкой трех человек из охраны. Последние позаботились о том, чтобы их чересчур ревностные коллеги не слишком увеличивали дистанцию, — это позволяло Альбасу подойти достаточно близко. С президентом можно было переговариваться только на расстоянии — сам он вместе с приближенными и советниками стоял на удалении от всех остальных. Однако никто не знал, что в помещении, где он должен был находиться, было создано интенсивное мезонное поле…

Альбас выждал подходящий момент. Игра в вопросы и ответы подходила к концу, начальное внимание сменилось легким утомлением, никто более не интересовался друг другом так, как было до прибытия президента, когда каждый спрашивал себя: кто, кроме него, входил в число

избранных?..

Альбас снял предохранитель с гранаты в тот момент, когда президент собирался отвечать на очередной вопрос. Выскочив вперед, он размахнулся изо всех сил и метко швырнул гранату в трибуну. Президент запнулся на полуслове. Вместе с остальными он завороженно следил за тем, как граната замедлила полет в середине траектории, отклонилась в сторону, взорвалась…

Одиннадцать журналистов и пять человек из охраны президента были убиты на месте, многие, в том числе сам Альбас, получили ранения. Один из охранников, верный присяге, среагировал молниеносно: он навел свой огнемет на Альбаса и нажал на спуск… В то же мгновение от Альбаса осталась лишь черная, обугленная масса.

— Это было единственное благо, — если учесть, что произошло, — сказал профессор Уикрофт. — В результате не было ни допросов, ни пыток. Не было предательства. Никто не знает, кто именно покушался. Никто не заподозрил Альбаса, никто не установил связи с университетом. Мы не дискредитированы, нас по-прежнему считают преданными коллаборационистами. Это дает нам шанс на будущее.

— Какой шанс, профессор? — возразила Шейла Цермак, ассистентка Уикрофта. — Как раз неудавшееся покушение показало, что президент решил не полагаться на одну только тайную полицию, а привлек также военных техников. Существование мезонного поля оказалось для всех неожиданностью. И как нам теперь известно, это была не единственная дополнительная мера безопасности. Только, что я получила еще одну информацию: граната Альбаса не достигла бы цели даже в том случае, если бы преодолела мезонный вал. Дело в том, что президент со своими людьми находился двумя этажами ниже, а в пресс-центр лишь проецировались их объемные изображения.

— Кроме того, они воспользовались еще более тонкими методами, — добавил доктор Горо Мье. — Они вмонтировали поле смещения во времени с интервалом всего лишь в десять секунд, но этого было бы вполне достаточно: над Рохасом, если бы ему действительно угрожала серьезная опасность, за одну секунду опустили бы стальной колокол двухметровой толщины.

— Десять секунд! — бросил профессор Уикрофт. — Но для этого им потребовалась бы колоссальная энергия?

— Вы полагаете, это может заставить Рохаса отказаться от заботы о собственной безопасности? — спросил Горо Мье. — Его личная охрана в состоянии в течение десяти секунд видеть будущее и тем самым предотвратить любое покушение раньше, чем оно будет предпринято. Вот и вся мудрость.

Они смущенно глядели друг на друга, беспомощные, подавленные… Выходит, диктатура тирана может так всесторонне защититься от вмешательства извне, как это не под силу более свободной системе? Сейчас эта защита казалась им абсолютной.

Первым взял себя в руки профессор Уикрофт.

— Быть может, у кого-нибудь есть идея? — спросил он. — Мы должны использовать любую возможность, какой бы безнадежной она ни казалась. Пусть каждый скажет, если ему придет что-нибудь в голову, даже если это покажется безумием.

И такая идея действительно была высказана. Ее предложила Шейла. Возможно, она решилась на этот шаг, движимая отчаянием, жаждой мести: вся ее семья погибла в трудовых лагерях политической полиции.

— Почему бы нам не воспользоваться их же собственным оружием? — спросила она. И, встретив недоуменные взгляды коллег, продолжала: — Я имею в виду следующее. Конечно, в распоряжении Рохаса имеются самые современные технические средства. Но в конечном счете именно мы еще раньше овладеваем соответствующими знаниями. Значит, наша задача могла бы заключаться в том, чтобы, не довольствуясь теориями и чисто научными экспериментами, применить наши знания для практической, жизненно важной цели. Если Рохас прибегает к смещению во времени во имя собственной защиты, то почему нам не сделать то же, чтобы его убрать? Да поймите же, — Шейла со страстью обратилась к коллегам, видя недоумение в их глазах, — если мы прибегнем к вмешательству вовремя, то, быть может, сумеем осуществить то, на что никто из нас до сих пор не смел надеяться даже в самых смелых мечтах: мы не только покончим с диктатурой Рохаса, мы избавим людей от значительной части совершенных им до сих пор преступлений!

Ученые в растерянности только головами качали, но постепенно они оживились, поднялся гомон, прерванный в конце концов профессором

Уикрофтом:

— Конечно, идея Шейлы может показаться фантастической. С другой стороны, если исходить из современных знаний, принципиальных причин, мешающих ее осуществлению, нет. В самом деле, почему бы нам не попытаться интенсивнее проводить наши эксперименты со временем и тем самым способствовать научному прогрессу? Средства у нас для этого имеются. Теперь я понимаю, почему правительство столь щедро поддерживает именно это направление исследований. Ну что ж, мы воспользуемся этими средствами, хотя и несколько по-другому, чем того желает диктатор. Уверен, что наши коллеги, в том числе из других университетов и исследовательских институтов, по мере сил нас поддержат. Разумеется, о наших истинных целях должен знать лишь узкий круг посвященных, но делать тайну из нашего интереса к топологии четырехмерного пространства нет необходимости. И если в этом, направлении мы продвинемся вперед, у нас в руках окажется ключ к путешествиям во времени.

Прошло два года. Проект «Время» стал одним из крупнейших научных изысканий в истории человечества. Правда, не обошлось и без вме-

шательства агентов правительства, но ученые держались таким дружным фронтом, что им удалось усыпить их бдительность и доказать, что безопасности Рохаса ничто не угрожает. В бункере, на глубине 600 м ниже уровня города, построили научный центр, защита которого обеспечивалась столь же тщательно, как безопасность самого президента. Достаточно сказать, что на временных мониторах ученые могли двумя часами раньше наблюдать непрошеных гостей, сумевших проникнуть в систему подземных ходов, и своевременно принять необходимые меры.

Нередко ученые проводили дискуссии, в ходе которых обсуждались последствия корректировки времени. Не раз они задавались вопросом: не могут ли из-за непреднамеренно возникших противоречий произойти временные скачки; что если их эксперимент окажется опасной игрой, содержащей риск чудовищной ответственности, которую они взяли на себя? Но всякий раз среди спорщиков находился кто-то, кто возвращал их к действительности, кто напоминал о невыносимых порядках, которые принесла с собой диктатура, о принудительных мерах, заключении в трудовые лагеря, о психологическом

воздействии, которое все усиливалось… И тогда все сомнения улетучивались, и все были едины во мнении, 4tq их цель оправдывала любой риск. Два года неимоверного труда, коллективной работы математиков, физиков, специалистов по электронике, информатике… Феноменальные успехи и обескураживающие срывы, поиски новых путей, умозрительные теории пустого пространства, казалось бы столь далекие от действительности, и наряду с этим непоколебимая нацеленность на одно-единственное событие, — событие, с которым ученые связывали устремленные в будущее надежды и которое, однако, должно было произойти в прошлом…

И вот настал долгожданный час первого эксперимента. Шаг за шагом увеличивали исследователи дистанцию переноса во времени — сначала на часы, потом на дни и недели, наконец, на месяцы. Случилось так, что они раньше, чем ожидали, достигли немыслимой ранее огромной дистанции в десять лет. Десять лет… Это означало возврат к тому времени, когда диктатор еще не достиг всей полноты своего могущества. В те годы он был всего-навсего бунтующим генералом, окруженным кучкой фанатиков; их финансировали крупные промышленники, а потому они не теряли шансы

на успех. Эти сопутствующие обстоятельства для ученых представляли интерес, так как от них зависело, как именно спланировать покушение. Однако еще более существенным оказалось то обстоятельство, что в те времена будущий диктатор еще не был огражден от окружающего мира, да-да, он любил заигрывать с народом, гладить по головкам детей, целовать девушек и раздавать подарки, прежде чем отдать приказ сжечь деревни из стратегических соображений.

Ученые досконально изучали биографию Рохаса, им было важно знать не только те места, где он находился, но и обстоятельства, при которых он туда прибыл.

С этой целью они заручились поддержкой нескольких историков; задача последних оказалась сложнее, чем предполагали первоначально: хотя письменных источников было предостаточно — речи Рохаса, философские воззрения Рохаса, дневники Рохаса, — при проверке содержащихся в них данных выяснилось, что по большей части все это выдумка. Оказалось нелегко отделить вымысел от правды. Лишь немногие позиции в пространстве и времени удалось подтвердить с определенностью. На одной из них коллектив ученых и сосредоточил свои усилия.

Рохас прекрасно понимал, что форсирование реки было чревато огромными опасностями. Но другого выбора не было, — если он хотел продолжить продвижение к столице, ему необходимо было перебраться со своей армией на другой берег; если он к тому же хотел опередить правительственные войска, то это нужно было сделать быстро. Все мосты были взорваны, период дождей вызвал затяжной паводок — был один-единственный брод, через который они могли пройти на танках и вездеходах. После некоторых колебаний Рохас отдал приказ переправляться.

На противоположной стороне поднимался крутой склон, поросший кактусами и кустами терновника; за ними высились известняковые скалы — идеальное место для возможного покушения. А ведь было немало людей, готовых ради денег рисковать собственной жизнью: за его голову было назначено крупное вознаграждение.

К счастью, внешне Рохаса ни с кем нельзя было спутать. Он был огромного роста — на голову выше других, — медведь, а не человек. К тому же только он носил расшитую золотом зеленую офицерскую фуражку и красные погоны на летней рубашке навыпуск. Автомобиль его также

легко было отличить от других машин: особого изготовления, с двумя отдельными моторами для привода передних и задних колес. Рохас прекрасно понимал, что тем самым представляет собой весьма заметную мишень для нападения. Но ему во что бы то ни стало нужно было сохранять «имидж»: от него ожидали, чтобы он выглядел именно таким, каким его изображали на бесчисленных картинах и в кинофильмах.

Отдав распоряжение о форсировании реки, он приказал прежде всего переправить сотню опытных солдат; они прочесали местность, пробрались сквозь кустарник, взгромоздились на скалы. И все-таки у Рохаса не было уверенности, что им удалось все хорошенько осмотреть. Сигнал «Местность свободна» отнюдь не гарантировал ему полную безопасность.

Человек, установивший свой гранатомет в расщелине между двумя скалами, был превосходно замаскирован. На протяжении долгих недель он кропотливо укладывал слои полимерных кирпичей, закрывших расщелину от взглядов снаружи. Поверх кирпичей он нанес специальную эмульсию; застыв, она превратилась в сморщенную серую массу — даже с близкого расстояния невозможно было отличить ее от настоящей скалы.

Свободным остался лишь небольшой люк, который, однако, бесшумно закрывался при любом подозрительном звуке.

Выбор ученых пал на Джеймса Буркхардта. Он был старше всех, кто совершал путешествия во времени. В нем превосходно сочетались высокий интеллект и аккомодационная способность исследователя с физической силой спортсмена. Он очень хорошо выдержал перенос через сингулярную гиперповерхность континуума пространство-время и был буквально одержим выпавшей на его долю миссией. Как и все остальные, он был добровольцем. В прежние времена Джеймс Буркхардт был докторантом естественного факультета университета в Акапулько.

И вот наступил момент, к которому он готовился долгие месяцы и годы: на опушке леса показались бронированные машины. Сминая тяжелыми гусеницами кустарник и небольшие деревца, они выстроились змейкой — первая машина покатила вниз к берегу, остальные последовали за ней. Но не они интересовали Джеймса, он с нетерпением ожидал появления «рейнджеров», транспортируемых на гусеничных вездеходах. Среди них должен быть Рохас. Удостоверившись, что телекамера с приставкой

для смещения во времени была направлена в нужную точку, Джеймс ждал, держа один палец на спуске гранатомета.

Наконец они появились, десятки вытянутых узких вездеходов. Их было намного больше, чем он ожидал. Почти в самом арьергарде находилась командирская машина — точно такая, как ее описывали историки. В кузове — на это он даже не смел надеяться — Джеймс разглядел одного-единственного человека; золото на его фуражке и погонах поблескивало, как распознавательный знак. Выждав, пока машина не оказалась в середине реки, Джеймс надавил на рычаг. Первая же граната попала в цель: машина развалилась надвое, от мужчины, сидевшего сзади, не осталось и следа. С промежутками в несколько секунд гранатомет выбрасывал свое смертоносное содержимое, выпуская при этом клубы дыма. Но к этому времени солдаты пришли в себя, и уже после третьего залпа Джеймса осыпало, словно градом; в него стреляли из пистолетов-пулеметов, танковых орудий, гранатометов. Блиндаж из полимерных кирпичей мгновенно расплавился. Укрытие не спасло Джеймса: в него угодили куски горных пород и срикошетившие пули. Когда же, теряя силы, он приподнялся, чтобы насладиться

своим триумфом, то увидел, что неподалеку от него, у подножия склона, в самой гуще суетящихся людей незыблемо, как скала, возвышается одинокая массивная фигура. Уже на пороге смерти Джеймс Буркхардт вспомнил, что мужчина в обшитой золотом фуражке, в которого он стрелял, по сравнению с этим человеком представлялся прямо-таки низкорослым и худым. Рохас сумел себя обезопасить.

— Наш план провалился, — сказал профессор Уикрофт. — А все потому, что мы оказались слишком нетерпеливыми. Десять лет в прошлое — это очень мало. Рохас давно успел занять видное положение, и ему приходилось опасаться за свою жизнь. Он пошел на хитрость, снабдив другого своими регалиями и послав на смерть вместо себя. Но нам следовало принять в расчет возможность подобных уловок. Рохас человек весьма неглупый, иначе он не стал бы тем, кто он сегодня. И насколько можно судить, он больше всего преуспел именно в умении ограждать себя от недругов и конкурентов.

— Теперь наша задача осложнится: Рохас предупрежден! — сказал один из ассистентов.

— Этого можно избежать, если мы перенесемся

в еще более отдаленное прошлое, — возразила Шейла. — Вот чем мы должны заняться! Мы должны вернуться в то время, когда Рохас был молодым солдатом, отличавшимся вспыльчивостью и неповиновением, недолюбливаемым как начальниками, так и однополчанами. Надо думать, и тогда было немало людей, готовых прикончить его за понюшку табака, но, конечно же, в то время никто всерьез об этом не помышлял. О каких-либо особых мерах безопасности в этот период не может быть и речи. Если мы сосредоточимся на этом отрезке времени, успех гарантирован!

Понадобились три года тяжкого труда, нечеловеческого напряжения, чтобы решить необходимые научные и технические проблемы. Это было время постоянной борьбы со страхом, сомнениями, неверием в собственные силы.

Конечно же, никто не подозревал об их тайной деятельности: меры предосторожности, которые они приняли, оказались надежными, ибо, технически овладев экспериментами со временем, они сумели эффективно оградить себя от поползновений извне. А опасных ситуаций было предостаточно — правительственные шпионы,

засевшие во всех органах, неустанно проявляли подозрительность. Особым их вниманием были окружены ученые. Тем временем Рохас все больше укреплял свое господство, он сумел подчинить себе Американский континент, Африку и значительные территории в Азии; только Австралия еще пыталась оказать ему сопротивление. Но Рохас упорно продвигался вперед. Там, где он не прибегал к военным действиям, он расширял свою сферу влияния политическими средствами — угрозами, шантажом, подкупом…

Но и внутри его империи притеснения и насилие становились все более невыносимыми. Рохас издавна искал опору в военных и тайной полиции, и всюду — шла ли речь о продуктах питания, финансах, технике или культуре — главенствующие посты занимали генералы или, что еще хуже, работники секретной службы. С каждым годом система крепла. Уже сейчас она представлялась столь непоколебимой, что мысль о каких-либо кардинальных переменах была похожа скорее на полет безудержной фантазии, чем на сколько-нибудь серьезный план.

Теперь ученым удалось вернуться во времени на 25 лет, а это означало, что они даже перевыполнили требование Шейлы: они имели

возможность перенестись в то время, когда Рохас был кадетом, когда 17-летним юнцом он только начинал набираться опыта в штабных играх и военных маневрах. Среди своего выпуска он находился в числе лучших, и это позволяло заговорщикам осуществить свой, как им казалось, совершенно надежный план.

Весь кадетский корпус выстроился во внутреннем дворе: шесть ровных шеренг, разбитых по росту; старосты комнат впереди на пять шагов. Справа небольшая группа инструкторов и учителей, слева офицеры и гости. Против длинного строя кадетов — музыкальный взвод с серебристыми инструментами. Это было красочное зрелище: голубой цвет парадных униформ, фуражки с красными околышами, черные начищенные до блеска сапоги и сверкающая кожа.

Этот торжественный день был посвящен лучшим выпускникам, среди которых находился Альфонсо Рохас де ля Плата, — во всяком случае, так рассказывает история. Они стояли на украшенном цветами помосте под сине-красно-черным флагом, а под свежесколоченными досками в пластмассовом цилиндре находился заряд взрывчатки небывалой дробящей силы.

Детонатор был соединен с крошечной электронной установкой, включающей усилитель и частотный анализатор, с микрофоном в качестве сенсора. Высокочувствительный прецизионный прибор был настроен на звуки государственного гимна. Он должен был включиться в тот момент, как отзвучат первые восемь тактов.

Они наблюдали за всем этим на экранах из подземного центра — весь цвет научно-технической интеллигенции. Они стали свидетелями того, как взлетел в воздух деревянный помост, видели поднявшийся вскоре за взрывом огромный столб пыли, разорванные в клочья униформы и кровь.

Они еще не решались поверить в успех. Всех ли накрыло взрывом? Не удалось ли кому спастись?

Они наблюдали, как люди, которые находились на большем удалении от эпицентра взрыва и которых повалила наземь взрывная волна, оглушенные, пытались подняться. Они видели, как к месту происшествия подбежала небольшая группа солдат и кадетов, назначенных нести караульную службу, под командованием унтер-офицера. И неожиданно перед ними крупным планом возникло всем знакомое и ненавистное лицо: в то время еще гладкое, но уже перекошенное в злобной усмешке лицо Рохаса. Его тогда не

оказалось в числе десяти лучших, как вообще не оказалось в числе тех, кому было разрешено присутствовать на торжественном акте. За непослушание в качестве наказания его отправили в караул — и это снова спасло ему жизнь.

Ученые тяжело переживали свою неудачу, но не отступили от задуманного. Более того, они стали работать еще упорнее, жертвуя всем личным… Пять вычеркнутых из жизни лет они смогли выдержать, только находясь во власти фантастической идеи, неистребимого убеждения в необходимости решения жизненно важной задачи. Им удалось невозможное: преодолеть временную дистанцию в 50 лет.

Они сидели в креслах из тонких стальных труб — кто неподвижно, затаив дыхание, кто ерзал от волнения…

Подземный научный центр был полон, ни одного свободного места. Одни следили за происходящим на небольших мониторах на пультах, другие — а таких было большинство — не сводили глаз с выпуклого экрана, занимавшего всю переднюю стену.

Картина на экране была самая безобидная: сколоченная из дерева веранда, на заднем плане крытые соломой хижины, ограждение крааля… В тени выступающей далеко вперед крыши стояла колыбель, в ней лежал запеленутый в голубую материю младенец. Крупный план: ребенок открыл умные, темные глаза; время от времени он кривил губки и показывал язык, сжимал маленькие кулачки и, играясь, рассекал ими пустоту…

Неожиданно на земле появилась тень: мужчина, затянутый в черную кожу, на груди патронташ, сапоги, перчатки, шлем… Он приблизился, ступая на цыпочках, быстро оглянулся по сторонам, затем вскинул пистолет-пулемет и навел его на колыбель. Сноп огня, разлетевшееся вдребезги дерево — какие-то две секунды, потом все пропало.

В первое мгновение зрители продолжали сидеть, словно оцепеневшие, но вот изматывающее напряжение исчезло, чары развеялись, они вскочили со своих мест, стали хлопать друг друга по плечу, били в ладоши, пожимали друг другу руки, кричали все разом…

Почти никто из них не удосужился хотя бы мельком взглянуть на экран, а между тем обстановка там уже изменилась. Можно было видеть,

как беспорядочно забегали вооруженные мужчины в белых одеждах и шляпах с широкими полями, как они стреляли в человека, зигзагами бегущего по двору и потом внезапно исчезнувшего, словно растворившегося в воздухе…

Ему это удалось, как ни трудно было в это поверить. Это был их последний шанс, и они использовали его. Подумать только — самый молодой в их команде!

Большинство считало, что он идет на верную смерть, а в него даже не попали.

Кто-то устремил взгляд на большие часы, два циферблата которых показывали обычное и прошлое время. Красная сигнальная точка все быстрее совершала круги по минутной шкале, пока внезапно не замедлила свое движение и не остановилась. Оба потока времени слились.

Теперь внимание всех было обращено на тяжелую магнитную дверь в стене с правой стороны, где тоже были шкалы, измерительные приборы, сигнальные лампочки. Перед ними собралась группа врачей, неотрывно следивших за движениями стрелок, мигающими огоньками… Рядом стояла небольшая платформа с кислородными баллонами и дыхательной маской, а также сумка с набором шприцев и различных ампул, с хи-

ургическими инструментами и перевязочным материалом.

Раздалось шипение пневматического запора, откинулась округлая крышка, и по рельсам выкатились носилки, на которых лежал Уилл Саундерс. Глаза его были закрыты, и выглядел он непостижимо молодо. Люди, стоявшие неподалеку, не заметили на нем никаких внешних повреждений. Одежда его была в целости, хотя порядком запылилась и покрылась грязью.

Главный санитар подошел ближе и надвинул на лицо недвижимо лежавшего Уилла дыхательную маску. Не прошло и полминуты, как тело его слегка вздрогнуло и он сделал попытку выпрямиться. Одна из сестер мягким движением вернула его на подушку и нажала на рычаг, приподнявший изголовье. Уилл открыл глаза, и постепенно взгляд его становился все более выразительным и ясным, утратив замутненность обморочного состояния. Когда же он увидел столпившихся вокруг него людей, готовых в любую минуту оказать ему помощь, когда услышал бурные аплодисменты, то от волнения снова закрыл глаза. Впервые до его сознания дошло: то, до него никому не удавалось, он выполнил!

Цель была достигнута. Чудовищное напряже-

ние сменилось состоянием полнейшей расслабленности — они больше не в состоянии были о чем-либо думать, что-либо ощущать. Они передвигались, как сомнамбулы, отложили в сторону рабочие дневники и авторучки, выключили мониторы и светящиеся шкалы, а потом собрались в огромной полости грузового подъемника и стали подниматься на поверхность. Покушение удалось, и им более не нужно было таиться: Альфонсо Рохаса де ля Плата больше не существовало. Интересно, как выглядел теперь мир? Они часто рисовали себе различные картины, так и не придя к единому мнению. Ясно одно: мир должен был стать лучше. Разумеется, никто из них не помышлял о земном рае, но любое демократическое правительство, даже самое умеренное, явилось бы для них раем. Но как бы теперь ни выглядел мир после их акции, они имели полное право ощущать себя его спасителями.

Кабина подъемника вздрогнула и остановилась, раздвижная дверь открылась, внутрь устремился поток дневного света. Когда-то, помнится, здесь был задний двор высшей технической школы — узкий прямоугольник, обнесенный грязными стенами, площадка, заваленная пришедшими в негодность приборами и экспериментальной

аппаратурой. Картина, представшая их взору, была похожа на сон: просторная зеленая лужайка, цветочные клумбы, кусты олеандра, раскидистые пинии, посыпанные гравием дорожки… И всюду радостные лица молодых людей в легких одеждах, звуки далекой музыки…

Они неуверенно вышли наружу, слегка покачиваясь, привыкая к свету… Только сейчас до них по-настоящему дошло, что делать больше нечего — они выполнили свою задачу, а она так занимала их все эти годы, что никто не удосужился даже на мгновение подумать о том, чем он станет заниматься, когда цель будет достигнута.

Сбоку, по выложенной плитами дорожке навстречу им двигалась колонна электротрейлеров. Когда машины образовали полукруг, к ним приблизились люди в синих, спортивного вида, костюмах, с фуражками на голове. Впереди шагал мужчина постарше остальных, по-видимому начальник.

— Вы прибыли несколько раньше, чем мы ожидали, — сказал он. — Мы живем здесь в условиях мира, и у нас нет места для лиц, покушавшихся на убийство, и убийц. И хотя нам понятны двигавшие вами мотивы, однако смягчающие обстоятельства, которые, возможно, и будут за

вами признаны, мало чем вам помогут — учитывая тяжесть совершенного вами преступления. Вы добровольно пройдете с нами или применить силу?

Только теперь они заметили, что молодые люди в удобных синих куртках и брюках держали в руках небольшие металлически поблескивающие предметы с форсуночными головками, нацеленными на них. Они чувствовали себя слишком усталыми и обессилевшими, чтобы заявлять протест или сопротивляться. Молча поднялись они в трейлеры, машины тронулись с места. Началась последняя, никем не предусмотренная фаза их плана…

Через пять минут ничто более не напоминало об шциденте, на который почти никто не обратил внимания. Парк по-прежнему был полон молодых людей, ухоженных газонов, цветов, музыки…

Цель была достигнута.

Темная планета[29]

В своих бесформенных космических костюмах они стояли посреди голого ландшафта. Плоский спекшийся грунт был изрыт воронками от метеоритов. Некоторые отверстия, окруженные, словно раны, корками по краям, скрывали глубины, недоступные взгляду. При каждом шаге, который они проделывали не без робости, почва под ногами скрипела. И хотя они едва ли слышали этот скрип, но ощущали трение и чувствовали, как размельчается грунт.

Первым заговорил Брок:

— Эй, Кэллер, ты слышишь меня?

Молчание. Кэллер не двигался, казалось, он тупо созерцал дали — там, над поверхностью, за навороченными кратерами.

— Эй, Кэллер!

Брок вспомнил, что надо нажать разговорную клавишу в перчатке. На этот раз ответ пришел мгновенно.

— Ты, наконец, очнулся, старина? Как чувствуешь себя? У меня все в порядке. Только голова

---

[29] notes: 29

Пер. изд.: Franke G. W. Der dunkle Planet: «Zarathustra kehrt zurück». Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1977.
@ Suhrkamp Verlag, Frankfurt/ Main, 1977.

какая-то тяжелая, словно я выпил.

— У меня тоже. Странное состояние. Не из приятных! Но, видно, к этому привыкают.

Брока захлестнула волна симпатии. Хорошо, что есть с кем поговорить.

Как по команде они повернулись к серому ящику, стоявшему возле них на трех опорах. Кэллер включил коммуникатор, поправил настройку — зеленое кольцо сомкнулось, несколько стрелок отклонились.

— Теперь нам остается только ждать. — Брок взглянул на часы сквозь прозрачный манжет. — Еще три часа.

Где-то в небе над ними висела планета. Они не могли ее видеть: она была слишком далека от темно-красного раскаленного диска Солнца, что пылал на горизонте. Но даже здесь, поблизости от светила, были лишь слабые сумерки. Скальные отвесы, покрытые красным бархатистым налетом, серо-черные тени — что и говорить, картина не из приятных.

— И чтобы именно там была жизнь? — проворчал Кэллер и неопределенным жестом показал наверх. — Чем они питаются? Как они смогли создать цивилизацию? По-твоему, это развитые существа?

— Если нам повезет, скоро узнаем… Через несколько часов.

Время текло медленно. Они устроились на уступе — спекшейся массе, застывшей в виде лепешек. Возможно, это был выброс из вулкана или глыба лавы, сорванная ударом метеорита с вершины кратера, смятая, вдавленная в грунт.

30 градусов абсолютной температуры.

Сила тяжести 1,5 g.

Космонавты устали. Позади были напряженные тренировки, а теперь еще и непредвиденный стресс.

— О чем думаешь, старина? — спросил Кэллер. Он был всего на два года моложе Брока, но величал его «стариной».

— Право, не знаю, — отвечал Брок.

Сейчас он оценивал возможности собственного мозга. Конечно, он помнил слова, движения, элементы поведения. Знал числа, даты, формулы, мог обслуживать передатчик и запрограммировать коммуникатор. Он способен мыслить логически, знает, на что обратить внимание, чтобы действовать, как положено, помнит сигналы тревоги, признаки опасности. Он наизусть выучил послание, которое следовало передать на

планету с предложением обмениваться техническими знаниями. Он умел вести переговоры. И, конечно, он знал своего друга Кэллера… Впрочем, что ему было действительно известно о Кэллере? Он был мил, всегда готов прийти на помощь. Но откуда он пришел, чтб они вместе пережили? С огорчением Брок вынужден был признать, что Кэллер в сущности ему чужой.

А он сам? Кто он такой? Где его дом? Есть у него друзья, семья? Внезапно Брок почувствовал, как у него из-под ног уходит почва. Память его была пуста. Чувство пугающей неуверенности охватило его, словно головокружение. Он вцепился негнущимися перчатками в глыбу, стараясь сохранить равновесие.

— Что с тобой? — услышал он издалека голос Кэллера. — Ты дышишь так громко. Тебе нехорошо?

«Не показывай виду, — приказал себе Брок. — Может быть, Кэллер не заметит, и это к лучшему. Ты соберешься с силами, и это пройдет!»

Круглый шлем Кэллера появился перед его глазами — сверкающая стеклянная выпуклость, за ней — широкое лицо спутника.

— Ты только сейчас понял, что мы полностью отрезаны? Я об этом уже раньше задумывался.

Всегда такая мысль застает тебя врасплох. Но это как невесомость… несколько часов без опоры, а потом все становится на свои места. Я себя сейчас снова успокоил. Не помню уже всего, что было до этого, но одно помню отчетливо: мы радовались нашему заданию!

«Он прав», — подумал Брок. Они радовались… «Да, мы даже добровольно взялись за это», — вспомнилось ему. А что еще он может вспомнить? Он напрягся, капли пота выступили на лбу. Тщетно. Он натыкался на пустоту. Прошлое было мертво.

— Может быть, нам удастся заключить соглашение, — продолжал Кэллер. — Только подумай: впервые нам предстоит встретить разумных существ, которые не подобны человеку. Какие перспективы для будущего!

— Ты прав, — сказал Брок громко.

Он хотел убедить самого себя, и чувствовал, что слова Кэллера благотворно действуют на него. Постепенно он преодолевал приступ неуверенности и страха. Он снова сконцентрировался на задании: радиосигналы из космоса; знаки, которые они выслали, и эхо, которое они уловили; пеленгование темной планеты; прогресс в коммуникации…

Теперь он убедился, что прошлое не мертво — мертва только часть его, и это имело свою причину. Педантичные ученые перемудрили со стратегией контакта с чуждыми разумными существами. Их первейшей заповедью была осторожность.

— Совсем необязательно гасить память у партнеров по контакту. Иначе как мы узнаем, правильно ли они нас понимают?

— Но ведь ты соглашался, — напомнил Кэллер. — Никто не знает, нужно ли это. Однако мы не можем проявлять легкомыслие. Не имеем права заранее предполагать, что чужие существа обязательно настроены дружески по отношению к нам.

— Возможно, — согласился Брок. — Но, как мне кажется, у существ, достигших определенной ступени цивилизации, не может быть разрушительных намерений. Они должны знать, что длительный конфликт пагубно скажется на всех его участниках. Кибернетические выкладки позволяют…

— Но, старина, — прервал его Кэллер, — теперь уже не до теорий. Впереди реальный случай. И если ты прав, тем лучше. Тогда мы завтра опять сможем вернуться к теории.

— Верно, — сказал Брок. — Извини. Я был не в своей тарелке. Теперь все снова в норме.

Они замолчали.

Время от времени они поглядывали вверх. Слабый свет не мог затмить звезды. На сером небе неясные светлые точки казались приклеенными. Ни лучей, ни мерцания, вызванного движущейся атмосферой. Правда, Брок заметил что-то в тлеющих узорах, но не мог сказать, что именно.

Кэллер встал, сделал несколько шагов по изрытому грунту. Потом поднял несколько осколков лавы, но тут же швырнул их назад.

— Никаких следов жизни. Все мертво. Извержения. Оплывшие поверхности. Здесь, верно, когда-то было море. Но сейчас вместо воды — лужи из лавы.

Голос его раздавался в шлеме Брока громко и отчетливо. Регуляция усиления действовала безукоризненно.

— Как ты их себе представляешь? — спросил Брок.

Кэллер понял, кого он имеет в виду.

— Не знаю. Наверняка они выглядят совершенно иначе, чем мы. Из-за одной силы притяжения — 5 g — они должны быть приземистыми. Вряд ли они передвигаются вертикально. Возможно,

ползают. Мощные, тяжеловесные, ползающие существа — таков, вероятнее всего, их облик.

— Но из каких элементов они состоят? Углеродноорганических?.. Невозможно. Планета радиоактивна, для нас это ад. А их метаболизм? У них ведь нет солнечного света. Жизнь в темноте… Жутко представить. Может, они ориентируются на звуки?.. Эхолокация, как у летучих мышей. Что ж, это возможно.

— Но если они устроены по-другому, значит, они и мыслят соответственно. Мир представлений определяется реальным восприятием. Не исключено, что мы вообще не найдем основы для взаимопонимания.

— Будет нелегко. Пока дальше обмена математическими и физическими формулами мы не идем. С другой стороны, — вот тут и была самая трудность — нам предлагают теорему Ферма и объяснение временной зависимости гравитационной константы с помощью теории относительности — мое почтение!

— Любопытно, что они не упоминают ни воду, ни метан; ни аммиак. Зато они, кажется, специалисты в физике твердых тел.

Кэллер ногой отшвырнул кусок лавы, повернулся и медленно пошел назад.

Брок тоже встал и потянулся. Увеличившийся вес при сидении мешал больше, чем при стоянии или ходьбе.

Все это достойно внимания. Но гораздо интереснее их психология, их социальная структура. Как они будут вести себя с нами?

Он вспоминал исходные данные. Что им вообще было известно о духовном мире чужих существ? Только то, что они откликнулись на призывы к взаимопониманию. Да, конечно, они были разумны, но… Брок вдруг почувствовал беспричинное беспокойство. Что-то здесь было не так, неясность таила в себе угрозу. Теперь, когда он вспомнил все, ему вдруг стало понятно: были веские обстоятельства… Разве до них многие не пытались?..

Кэллер снова подошел к коммуникатору. Проверил напряжение, включил прием: в наушниках раздались громкое неприятное шуршание и треск. Звуки чем-то напоминали шум водопада, на фоне которого, казалось, слышны человеческие голоса. Но это была иллюзия. Речевой трансформер был отключен.

Брок нажал кнопку: «…в данное время приема нет, приема нет, только фон, приема нет…» Это звучало обезличенно, как объявление. В порыве

раздражения Брок отключил прибор.

— Они могут скоро появиться, — сказал Кэллер, взглянув на часы. Он указал на равнину — там была площадка для посадки, они знали точные координаты. Каменистая почва светилась беловато-красным, ее поверхность тоже была испещрена отверстиями, но здесь не было больших кратеров и трещин. Площадку нашел зонд, бесспорно, для их цели лучшего места не найти.

Незнакомый корабль должен был сесть метрах в пятистах отсюда. Они должны были ждать здесь, пока не поступит сигнал по радио.

— Видимость плохая, — заметил Кэллер. — Хотел бы я знать, почему мы должны ждать именно здесь. С того плоского холма место посадки просматривается лучше. Пойдем туда? Не повредит, если мы будем держать в поле зрения всю местность.

Они пошли — один в след другому. Они не спешили, карабкались через ломкие края кратеров, с трудом, но целеустремленно преодолевали расщелины, расчищали путь от обломков лавы. Оба были хорошо тренированы, хотя и не могли бы сказать, откуда к ним пришли знания и опыт. Обработка их мозга проводилась чрезвычайно тщательно — они сохранили все свои способно-

сти и общие знания, только то, что относилось к историческим событиям и личной жизни, было затушевано в их памяти. А может, в данном случае речь шла о психоблокировании? Брок не верил в это: высокоразвитая биотехника располагала методами добывания информации из накапливающих запоминающих молекул, даже если путь к сознанию был блокирован. Но не означало ли это, что им предстоит начинать все сначала — учиться, находить друзей, завоевывать доверие? Хорошо, если их усилия оправдаются!

Они достигли холма, взобрались по откосу на его вершину. Теперь площадка для посадки простиралась под ними — она напоминала мишень со следами бесчисленных попаданий. Далеко позади тянулась цепь гор — черное зубчатое лезвие пилы под кромкой света.

— Иди сюда, старина! Взгляни-ка на это! — крикнул вдруг Кэллер. Он продвинулся на несколько шагов вперед и теперь стоял перед углублением в откосе, которого они ранее не заметили. Внизу виднелся металлический кожух, укрепленный в бетонном цоколе; из него косо торчала короткая труба, направленная на равнину.

— Что это?

Никто из них не мог ответить, но неожиданная

находка затронула какие-то струны разлада в душе обоих. Кэллер взобрался на бетонное основание и проследил, куда была направлена труба: она была точно нацелена на место приземления существ с темной планеты.

Космонавты молча вернулись к коммуникатору.

— Летят! — вдруг крикнул Кэллер и поднял руку.

К ним приближался удивительный корабль. Его очертания трудно было определить, но он затмил звезды; одна за другой они исчезали вдоль вытянутой кривой, с тем чтобы через мгновенье появиться вновь. Потом под серо-пыльным небом возникла тень. Она медленно снижалась.

Брок взглянул на часы. Да, в точности им не отказать. Он переключил коммуникатор на прием.

«Через пять минут мы садимся… Через четыре минуты 50 секунд… четыре минуты 40 секунд…»

— Мы ждем вас, — ответил Брок.

Оба космонавта стояли, выпрямившись, на широком уступе, глядя на корабль. Он был плоский — незакругленное тело, схваченное своеобразными двойными покрышками. Ничто не говорило о том, что за этими конструкциями находились живые существа. Никакого движения — ни на-

мека на реактивную струю, ни проблеска света. Корабль сел быстро, но не коснулся поверхности, а, казалось, держался на незначительном расстоянии от нее.

«Посадка окончена… Готовы к контакту… Пожалуйста, сближение как условлено…»

Как условлено — это значит, идти к кораблю, не доходя 100 метров остановиться, пробы взаимопонимания осуществлять посредством коммуникатора пришельцев и, если все пойдет по намеченному плану, подняться в корабль и отправиться на темную планету.

Брок и Кэллер отправились в путь, снова один в след другому: Брок впереди, Кэллер чуть сзади. Теперь Брок не чувствовал никакого нервного напряжения. Он был холоден и решителен. В замкнутом поле космического костюма он слышал биение своего сердца, быть может более учащенное, чем обычно, но сильное и равномерное. Взгляд его был прикован к темной тени корабля, неподвижно висевшего над поверхностью. Там по-прежнему не угадывалось никакого движения. Космонавты шли не быстро, но и не очень медленно, спокойно, осторожно, держа в поле зрения все вокруг. Акция, наконец, началась, и уже ничто не могло ее остановить. Есть

ли на корабле условия для жизнедеятельности человека? Им предстоит проверить это — в их скафандры встроены необходимые приборы. Но чего опасаться? Те, другие, знали, что земляне выдерживают обычную земную силу тяжести и что температура не должна превышать 300 градусов абсолютной температуры. Все остальное при необходимости скорректируют космические костюмы.

Корабль оказался более громоздким, чем они ожидали. Когда они приблизились на обусловленные 100 метров, он еще висел высоко над ними. Вернее, не висел, а покоился на бандаже из тончайших, далеко выдвинутых S-образных рессор.

Они остановились.

— Проба взаимопонимания… Прошу ответить… Прием.

«Мы хорошо понимаем… Готовим посадку в корабль».

Вокруг все еще было темно. Вдруг к ним покатилась лента — они сумели разглядеть ее контуры. Лестница? Рольганг?

«Пожалуйста, ступите на направляющие! Мы открываем люк!»

Вот она, минута, которой они столько ждали.

Все же им пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы заставить себя ступить вперед…

И тут случилось то, чего они подсознательно опасались.

Стрелки счетчиков Гейгера дрогнули и отклонились. Не постепенно, а сразу прыгнув к делению в конце измерительной шкалы. Это означало, что на них обрушился смертоносный град излучения, хотя и смягченный свинцовой начинкой костюмов, но выносимый лишь в течение нескольких секунд, от силы — полминуты…

Тревога!

Осознание опасности молниеносно освободило Брока от некоторой скованности. Он получил постгипнотический приказ: в случае атаки — последнее перестрахование… Он изогнулся и вытянул руку, стараясь дотронуться металлическим ниппелем перчатки до контактной пластины на коленном суставе и привести в действие спрятанное в углубление оружие. Но вдруг его ослепила мысль, нет, каскад логических выводов: радиоактивная среда — адаптация — использование данных — органы чувств — восприятие реальностей… Это же медиум их восприятия реальностей: они видят в гамма-излучении, проникающем из недр их планеты…

они освещают наш путь… они включили СВЕТ!

— Убрать излучение! Немедленно! Оно опасно для жизни! Прекратить! Даю десять секунд!

Он стоял, согнувшись, рука на колене, готовый выпустить сноп огня.

Он считал секунды: одна, две, три, четыре, пять…

Внезапно треск счетчиков Гейгера прекратился. Они поняли! Это не было нападением — они настроены дружески… Это был всего лишь недосмотр, невнимательность. Несомненно, недоразумения и заблуждения не исключены и в дальнейшем, но они могут учиться. Обе стороны могут учиться.

Брок глубоко вздохнул. Приглушенный свет, льющийся из корабля, неожиданно подействовал бодряще и обнадеживающе. Он тронул Кэллера за руку. Они ступили на направляющие. Движение — и они заскользили в гору.

Они очутились в темном помещении. «Добро пожаловать!» — раздалось из динамика.

Чуть позже они почувствовали легкое прижимающее усилие, небольшую тяжесть в теле — корабль поднимался.

На Уран и обратно[30]

Генераторы работали почти беззвучно, и все-таки Харрису мешал шум, который он скорее ощущал, чем слышал: вибрация, биение пульса — проявление скрытых сил. Но было и нечто большее: последовательность сотен тысяч невидимых переключений в устройстве управления, позволявших выходить на заданный курс и неизменно выдерживать его с точностью до одной стотысячной градуса (впрочем, какая уж тут неизменность в динамической системе подвижных по отношению друг к другу небесных тел?); незаметные движения каждого сопла рулевого двигателя, невероятно быстрая реакция на малейшие отклонения от траектории — нервические подергивания чувствительного, почти самостоятельного организма…

Харрис сидел у смотрового окна в носовой части корабля и пристально наблюдал: плоскость, испещренная точечным узором из неподвижных звезд — его среда обитания на ближайшие два года. В магнитовидеоскоп, делавший видимыми

---

[30] notes: 30

Пер. изд.: Franke G. W. Uranus und zuriick: «Zarathustra kehrt zurück». @ Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1977.

магнитные поля, он смог бы увидеть больше — целую сеть нежно окрашенных дуг: мосты, переброшенные через бездну; или в сцинтивидеоскоп: убийственно жесткое космическое излучение в виде ярких пестрых каскадов. «Виновата привычка, — сказал он сам себе, — ограниченность нашего мышления, заставляющего нас делать то, что считалось правильным на протяжении тысячелетий, а теперь внезапно утратило всякий смысл».

Из динамика послышался щелчок. Затем — лишенный выражения голос компьютера:

— Харрис! Пора перейти к стадии сна!

— Хорошо, сейчас, — ответил он.

Ему претила мысль, что его катапультируют в величайшее приключение человечества как безвольный спящий комок. Впрочем, это было неизбежно. Ограничение метаболизма до минимума, экономия воздуха, воды, пищи… И вдобавок скука…

Остальные давно улеглись в свои ложа глубокого охлаждения. Видит ли человек в таком состоянии сны или это похоже на переходный этап к смерти? Интересно, остальные испытывали, погружаясь в сон, такие же сомнения? Ньюком — астрофизик, старший из них, — жилистый,

энергичный, твердый… и за словом в карман не полезет. Но хватает у него воображения, чтобы спросить себя, должны астронавты видеть сны или нет? Ди Феличе — планетолог, сухощавый, относящийся к приятно уравновешенному типу, с грубоватым лицом и несоразмерно большими руками. Ему уже знакомы и Марс, и Сатурн, и Юпитер, а теперь предстоит познакомиться с Ураном. Но задавался ли он когда-нибудь вопросом о границах действительности? Керски — техник-электронщик — молодой, активный, восторженный, неисправимый оптимист; лучшего спутника в межпланетном путешествии и пожелать нельзя. Но можно ли говорить с ним о том неуловимом и недостижимом, что скрыто за материальной оболочкой?

Неожиданно Харрис ощутил полное одиночество и, не думая в этот момент о соглашениях, инструкциях и возможных карах, нажал кнопку вызова в телесистеме. «Кто может приказать или запретить мне что-либо?» — подумал он. Вопрос был риторический.

Экран засветился, и на Харриса с удивлением глянуло заспанное лицо:

— Какие-то неполадки, капитан?

— Соедините меня с номером 001778/34466/

8233!

Он помнил этот номер наизусть.

Изображение вздрогнуло, и на экране появилась Эва — такая же заспанная, как девушка-дежурная из Центра управления полетом, растрепанная, но такая же привлекательная, как всегда.

— Ах, это ты, Роджер. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — ответил Харрис. — Я просто хотел тебя видеть.

— Вот уж не ожидала… мы ведь с тобой уже попрощались. Ты знаешь, который час? Четыре утра!

— У нас здесь не бывает ни дня, ни ночи, — сказал Харрис. — Извини, дорогая! Мне пора готовиться ко сну. Я хотел только еще раз увидеть тебя — вот и все. Здесь все в порядке. А у тебя?

Внезапно он почувствовал себя полным идиотом. Зачем ему нужно было будить Эву? Теперь все стало еще сложнее. Может, она сердится? Навряд ли теперь, когда он… Но всякий раз, когда он будет бодрствовать в полете, этот вопрос будет вставать перед ним снова и снова…

Он даже не заметил, что Эва уже отвечает. Нет, у нее все хорошо. Завтра ей нужно выйти пораньше — в парикмахерскую… Эва выпрямилась,

при слабом свете ночника он различал неясные очертания ее груди. Харрис вдруг почувствовал, что не вынесет долгой разлуки. И в то же время он, как ни странно, испытал разочарование: она болтала таким тоном, словно он поехал кататься по городу.

— Я люблю тебя, Эва, — прошептал он, но так тихо, что она не расслышала. — Мне нужно заканчивать, дорогая, — добавил он громче. — Всего тебе доброго, до свидания!

— До свидания!

Прошло целых три секунды, прежде чем пришел ответ; в дальнейшем из-за увеличения интервала нормальный разговор станет попросту невозможным. На Уране это время составит три часа, шесть часов между вопросом и ответом. «Ты меня любишь?..» — «Да!» Но все это относилось к области теории; мощности передатчиков все равно не хватило бы на такое расстояние.

Для Харриса было самое время отправиться в свое ложе, подсоединить электроды, пристегнуть ремни, нажать синюю кнопку… Но он мешкал. Прослушал записи вахтенного журнала, проверил установку антенн-пеленгаторов… Лишние движения, мешканье без причины.

Корабль снова дал о себе знать, точнее мозг

корабля — компьютер:

— Погружение в глубокий сон опаздывает на тридцать минут.

— Слышу, черт возьми! — закричал Харрис. — Еще несколько минут. Я занят.

— Ничем ты не занят. Почему ты до сих пор не ложишься? Разве ты не устал?

— Нет, — ответил Харрис.

Он старался не показывать своей досады. Все оказалось так, как он и предполагал: за ним следили.

Спустя секунду — это походило на нерешительность — из динамика снова раздался лишенный выражения голос:

— Хорошо. Бодрствуй сколько душе угодно. Я тебя понимаю. Спать, должно быть, ужасно. Несколько часов ничего не изменят.

Впервые за долгое время Харрис очнулся от своих раздумий. Ему сказали: «Вы получите в свое распоряжение самый совершенный блок обработки данных, какой только существует. Шестое поколение компьютеров — вы просто ахнете. В банке данных — блоке по размеру не больше обычной плитки шоколада — содержатся все знания, имеющиеся в мире. Адаптивная и когнитивная система, самовосстанавливающаяся и

самопрограммирующаяся».

Имелось ли в виду именно то, что его ожидало, — постоянная слежка, предварительный просчет всех его реакций? Система была снабжена органами чувств и воспринимала не только свет и звук, но и радиоактивность, рентгеновское излучение, тепло, химический состав… Были у нее и конечности: ноги, гусеницы, захватные ленты, оружие… Спрашивается, чем в таком случае он и его коллеги отличаются от летчиков, которые сидят в застекленной кабине самолета разве что для успокоения пассажиров, тогда как управляет машиной автопилот? Стоило ради этого расставаться на несколько лет со всем, что тебе дорого?

По всей видимости, никто не предполагал, что ему могут прийти в голову подобные мысли! Автономный компьютер, снабженный для пущей важности экипажем. А всего абсурднее другое: они нарекли этого монстра именем ЭВА («электронный вычислительный агрегат»), желая ему угодить!

Словно повинуясь чужой воле, Харрис дал команду вывести на светящийся экран записи фазы взлета и сравнил их с расчетными данными. Затем запросил из машинной памяти протоколы

всех фаз работы в режиме диалога и проверил программы; просмотрел все команды, поданные как им самим, так и другими через системуавтоматики, и затребовал результаты… Ему удалось выловить одну-единственную ошибку; но и этого было вполне достаточно, чтобы несколько сбить спесь с компьютера.

Харрис нарочно не стал нажимать на клавишу перед тем, как заговорить:

— Список 3/62, код 6А770, строка 355, ключевое слово «ионизация».

Речь шла о его же собственном указании: он не учел релятивистского эффекта в поведении плазмы.

— Расчет выполнен с ошибочными посылками. Тебе следовало сравнить их с внутренними программами и поставить меня в известность.

Щелчок раздался немедленно. Все оказалось именно так, как и предполагал Харрис: ЭВА всегда все слышала.

— Это было несущественно. Машинное время 0,3 секунды. Результаты нерелятивистского расчета совпадают с точными данными в пределах установленной величины погрешности — я проверила.

— И все-таки ты должна была поставить меня

в известность. Почему ты не сделала этого?

Как и во время предыдущего разговора снова последовала краткая пауза. Затем компьютер сказал:

— Мне казалось, что это может тебя рассердить.

Некоторое время Харрис молчал. Затем поднялся и пошел к своему ложу. Прежде чем сон с леденящим, но отнюдь не тягостным ощущением холода полностью завладел им, перед его глазами вновь встало лицо Эвы, которое компьютер, составив из цепочек цифровых импульсов, из пустого пространства, вывел на экран и запечатлел в своей памяти ничуть не хуже, чем он сам.

Экипаж спал. Где-то перед космическим кораблем двигалась по своей орбите планета Уран. Она была черной — всего-навсего темная дыра посреди колючего света звезд. Солнце находилось за три миллиарда километров отсюда, где-то позади, звезда среди подобных ей звезд, разве что поярче остальных, но все равно не способная простереть над рельефом золотой покров, который даже облачные поля Юпитера делает по-домашнему близкими. И точно так же невидимыми остались пять более отдаленных планет.

Экипаж спал, но что-то бодрствовало — ощупывало, регистрировало, подсчитывало, управляло. Световые вспышки на оптическом растре оперативной памяти постепенно участились. Импульсы побежали к термоионным генераторам, к соплам, веки из свинца поднялись на глазах люков, выдвинулись щуповые антенны радиолокаторов, и затем раздался зов: осторожный, тихий сигнал, подготовленный ферментами — их впрыснули в кровь через контактные решетки, — а также ароматическими эмульсиями, которые распространялись в воздухе посредством вентиляторов.

Как и было предусмотрено, они проснулись в хорошем настроении, чувствовали себя бодрыми и отдохнувшими. Им не терпелось что-нибудь сделать, получить какие-то впечатления. Вновь, уже в который раз, людям предстояло перешагнуть старые границы и ступить в чужой мир, полный непредвиденных загадок. Они не замечали, что планета представляет собой темную, мертвую глыбу горных пород, что, не будь искусственного света, они никогда бы не смогли ее разглядеть, что осязать ее можно лишь сквозь толстые слои синтетического материала, что тонкая атмосфера не пропускает ни звука. Даже

Харрис пока прятал свои догадки и опасения где-то в глубинах мозга: что здесь лишь повторится все то, с чем другие уже сталкивались на Луне, на Марсе, на спутниках Юпитера, — встреча с пустынностью, в сравнении с которой самый отдаленный уголок Сахары покажется ярмарочной площадью, не пригодные для жизни условия, в которых разве что можно обнаружить иное содержание метана в атмосфере и железа в почве. Проценты, воспеваемые как открытия, более слабое (или, наоборот, более сильное) магнитное поле (чем не великое достижение науки!), необычно ориентированная ось вращения — одним словом, сенсация! В действительности сенсаций больше не осталось. Первый полет на Луну был сенсацией, высадка на Марсе — всего лишь приключением, а виток вокруг Венеры — по крайней мере научным открытием… Однако теперь, кроме телевидения, никому до них дела не было — даже ученым, для которых теленок с искусственным сердцем представлял куда больший интерес. Лишь непосредственные участники старались перещеголять друг друга в своем усердии — сторонних наблюдателей все это мало привлекало. Но об этом в тот день никто не думал.

Они готовили ядерный заряд, искусственное дейтериевое солнце, которому предстояло в течение нескольких дней вращаться вокруг планеты и — возможно, впервые за миллиарды лет — снова залить ее ослепительным светом. Все это давно значилось в программе, было точно обсчитано и занесено в контрольные документы. Но им-то казалось, что речь идет об их собственных идеях, именно этим и объяснялось их рвение.

Они постарались вообразить, какая картина откроется перед ними.

— Может, мы обнаружим жилые строения, города, мосты и улицы — свидетельства древней культуры, — сказал Керски.

— Пари держать не стану, — отозвался Нью-ком. — Но уж наверное что-нибудь необычное мы вполне можем обнаружить — глетчеры из твердых углеводородов, застывшие ртутные моря, континенты, в клочья разорванные холодом…

Они запустили спутник-светило и послали сигнал включения, когда он подошел на достаточное расстояние. И вот он распростерся под ними — огромный шар Урана, равномерно круглый и рябой, как Луна, и красноватый, как Марс. Разве не удивительно — ни облаков, ни даже дымки. И пусть они не увидели ни фантастических строе-

ний, ни сверкающих глетчеров и морей, ими тем не менее овладело чувство удовлетворения: они, люди, увидели перед собой целину, на которую можно ступить и, значит, ею завладеть.

…Вот уже три недели они находились на планете. Восторги улетучились, обаяние новизны стало куда меньше. Искусственное солнце все еще совершало свои обороты, заняв место шестого спутника рядом с Обероном, Титанией, Ариэлем, Умбриэлем и Мирандой, но оно успело утратить свой первоначальный блеск и излучало лишь красноватый сумеречный свет, который им приходилось усиливать с помощью прожекторов. Впрочем, недостаток освещенности не сказывался на их работе. В своих нелепых скафандрах они шумно передвигались по песку, собирали камни, бурили в почве дыры, определяли состав атмосферы: водород, метан, следы аммиака — как раз то, что показали спектрографы сто лет назад. Температура почвы, магнитное поле, радиоактивность — все это не явилось для них неожиданностью. Они продвинулись на несколько тысяч километров дальше и, подняв фонтаны пыли, приземлились на краю впадины. Геодезические замеры, поверхностный рельеф, статистические данные по диаметрам кратеров.

И наконец, главное событие дня: они обнаружили еще один спутник и решили назвать его Йоделлой.

Харрис оказался первым, чье рвение пошло на убыль. Он теперь частенько прогуливался, заходя дальше, чем обычно, но вместе с тем не покидая пределов видимости, как того требовала инструкция, прислонялся, насколько позволял защитный костюм, к какой-нибудь скале и издали наблюдал за остальными — бесформенные существа с глазами-блюдцами и шаровидными головами неуклюже передвигались среди причудливых глыб. Но работали теперь не только люди, настала ответственная пора и для ЭВЫ. Порой заметить, что она трудится, можно было лишь по косвенным признакам: по отблескам рефлектора, по щелканью защитной диафрагмы, по росту яркости лазерного луча. Но бывало, что она работала с полной отдачей: рылась в песке, взрывала скалы, копала ямы. Делала в сущности все то же, что и люди, даже больше. Зато они не делали ничего такого, с чем не справился бы автомат. Когда Харрис это понял, то перестал вместе со всеми производить замеры и собирать образцы. Большую часть времени он теперь проводил в космическом корабле, делая вид, будто

анализирует с помощью компьютера полученные результаты. На самом деле он ничего не анализировал.

Однажды после обеда — мутно-красное искусственное солнце уже клонилось к горизонту — в рубку вошел Ньюком.

— Я давно собирался поговорить с тобой наедине, — сказал он, присаживаясь на вертящееся кресло.

— О чем? — спросил Харрис, но только пожал плечами, заметив, что взгляд Ньюкома остановился на чертежной рамке, где Харрис изобразил несколько бессмысленных фигур: дома, цветы, человечки из черточек.

— В последние дни ты все больше отдаляешься от нас, — сказал Ньюком.

— Я думаю, — ответил Харрис. — Только и всего.

— Как раз это мне и не нравится. У тебя что, ностальгия или еще что-нибудь? Ты стал беспокойным и нервным. Подозреваю, что ты запустил психологические тренировки. Или они не помогают?

— Оставь меня в покое, — сказал Харрис.

Ньюком поднялся и положил руку ему на плечо.

— Мы немало пережили вместе, Роджер. И я тебе друг.

Неприятно задетый, Харрис стряхнул руку со своего плеча. Ньюком помешкал некоторое время, затем вышел.

Вскоре после его ухода раздался знакомый щелчок.

— А ведь он прав. Ты пропустил психотренировку, — сказал компьютер и тут же прибавил: — Только не подумай, что это упрек — я могу тебя понять.

Харрис поднял глаза и огляделся: динамик, пульт, световое табло памяти… Он снова опустил голову.

— До тебя дошло, что вам, собственно говоря, ничего не надо делать. Я угадала? — спросил голос.

Харрис не ответил.

— Это не должно тебя оскорблять, — продолжал компьютер. — Нам здесь находиться недолго. Еще несколько дней — и мы вылетаем. Одиннадцать месяцев глубокого сна пролетят как одно мгновение. И ты снова будешь дома. Вновь обретешь свою свободу. Сможешь делать все что угодно и не делать ничего такого, что тебе не захочется.

Харрис не двигался.

— А может, тебе действуют на нервы другие? Они все такие деловые, им и в голову не приходит, что результаты их труда никому не нужны: они слишком неточны, слишком субъективны.

Харрис продолжал сидеть неподвижно.

— Или тебя обидел Ньюком? Он ведь понятия не имеет, как тебе было тяжело, когда он назвал себя твоим другом. Не так ли?

Некоторое время было тихо.

Затем компьютер сказал:

— Мне ты можешь доверять. Я все для тебя сделаю! Я изучила тебя лучше, чем ты думаешь. Я могу высчитать твои ощущения. Могу угадывать твои желания и многие из них выполнять.

Экран засветился, на нем появилась Эва: сцена их последнего разговора. Лицо Эвы — неясный силуэт в свете ночника, ее плечи, руки. Она говорила то же, что и тогда, но и что-то новое. О своей любви к нему, о том, как она скучает, что будет его ждать, сколько бы ни длилась разлука. Потом изображение погасло.

Это было шоком для всех. Разумеется, втайне каждый представлял себе ту или иную опасность — утечка в кислородном баллоне, выход из строя системы отопления, микрометеорит… Но до сих

пор все шло гладко, и они успели забыть, на каком ненадежном волоске висит жизнь, если лишь тонкий слой синтетического материала отделяет тебя от враждебного человеку внешнего мира. Термометр показывал 186,7 градуса ниже нуля, и эта величина оставалась неизменной.

Ньюком разъезжал на вездеходе. Эту местность стоило хорошенько исследовать. Почва здесь состояла из тонких слоев, разломившихся на пластины. Стоило вынуть одну пластину, и под ней обнажался следующий слой с точно такими же трещинами, так можно было продолжать до бесконечности. По этим-то затвердевшим массам и проезжал Ньюком, медленно и осторожно, судя по показаниям спидографа, а потом вдруг провалился в полое пространство…

Когда прервалась радиосвязь, они выехали по его следам и обнаружили ужасающую дыру. Керски, которого страховал Ди Феличе при помощи каната из стекловолокна, отважился приблизиться к зубчатому краю выломившейся пластины… Перед ним зияла пропасть чернее, чем тени от их ламп, чернее даже, чем небо в промежутках между звездами. Они пытались вызвать Ньюкома по радио, но кроме потрескивания, вызываемого в тонкой газовой атмосфере

каскадами вторичных частиц космического излучения, ничего не услышали. Они пробовали спуститься вниз на канатах, но шахта казалась бездонной. Дно не удавалось определить при помощи лота или запеленговать — искать далее было бессмысленно…

Однако Керски никак не хотел примириться с очевидностью; видимо, по молодости и в силу присущего ему оптимизма он сильнее других переживал происшедшее. Нельзя сказать, чтобы Харрис не был огорчен, но огорчен по-другому. Полет, высадка на планету, работа — все это с самого начала представлялось ему игрой воображения, тем, к чему нельзя подойти с повседневными мерками, чего не описать привычными выражениями человеческого языка. И потому он воспринимал все — включая гибель Ньюкома — словно сквозь пелену; порой он испытывал нечто похожее на стыд из-за того, что случившееся почти не подействовало на его мышление и восприятие. Но дело было не только в этом: где-то в глубине души он испытывал как бы удовлетворение. После разговора с Ньюкомом симпатия, которую он прежде питал к этому деятельному ученому, странным образом исчезла…

Харрис и раньше немало времени тратил на

размышления. Теперь же он вообще не мог заставить себя заняться полезной деятельностью. С остальными космонавтами он почти не разговаривал, и они все больше отдалялись от него. Единственным его собеседником остался компьютер. Он просил делать для него выписки из старых трудов: Лао-Цзы, Кант, Витгенштейн, Ортега-и-Гасет, Норберт Винер. А там, где его собственных познаний оказывалось недостаточно или ослабевала концентрация внимания, он запрашивал необходимые выдержки, переводы на универсальный язык Фортран-22, пояснения и толкования. ЭВА была терпелива, повторяя изложенное без малейшего раздражения по первому его требованию… Чем глубже погружался он в философию, тем больше убеждался, что если они задались целью продвинуть человечество вперед, то ищут совершенно не там, где надо.

О своих обязанностях командира корабля Харрис вспоминал теперь лишь от случая к случаю. Безо всяких эмоций он отметил для себя, что Ди Феличе был единственным, кто еще продолжал выполнять свои обязанности. Керски в отличие от него бродил вокруг отверстия шахты словно зверь, жаждущий вырвать добычу у другого, придумывал всевозможные приспособления, чтобы

высветить шахту, установил сверхмощный лазер на реактивном планере и сделал целую серию снимков телеобъективом, — впрочем, на снимках ничего не было видно, кроме полого цилиндра со стенкой, расчлененной наподобие мехов гармошки.

Прошло почти три недели. Накануне их обратного вылета, зафиксированного столь же четко, как и все другие основные этапы их экспедиции, Керски внезапно прервал свою деятельность у края пропасти и вернулся через шлюзовую камеру в корабль.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он Харрису, который, как всегда праздно, сидел в рубке и при виде Керски раздраженно выпрямился. — Мы не можем завтра вылетать.

Он остановился перед Харрисом, нервно барабаня по спинке вращающегося кресла.

«Как же он изменился», — подумал Харрис. Прежнего деятельного искателя приключений нет и в помине. Он похудел, кожа стала серой, взгляд бегающим, словно им завладела какая-то навязчивая идея.

— Почему не можем? — спросил Харрис. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы заговорить.

— Мы еще не нашли Ньюкома. Не выяснили, что произошло. — Голос Керски зазвучал громче. — Не понимаю, как ты можешь игнорировать случившееся? Помоги мне — нельзя же оставить его там, внизу!

«Вся планета будет ему могилой», — подумал Харрис, но не сказал вслух. Одновременно он спросил самого себя, кто же он такой: бесчувственный или циник, жестокосердный или просто усталый человек. Сохранил он нормальное восприятие или обычные человеческие чувства в нем угасли? Отчего остальные стали ему безразличны, даже противны? Из-за бесчисленных дней, проведенных в экспериментах, тренировках на выносливость, испытаниях на психологическую стойкость, в батисферах и сурдокамерах? Причем все это во имя подготовки к главному заданию и почти всегда в одиночку. Он выдержал все проверки, реакция его была хладнокровной, решения — объективными, ничто не могло вывести его из себя, его уравновешенность была устойчивее, чем у всех остальных… Он научился сдерживать себя, подавлять, даже при непредвиденных и необычных нагрузках, всякое эмоциональное волнение, могущее отрицательно сказаться на его работоспособности, — все это

они отработали с ним бесчисленное количество раз. Во что же они его превратили? Действительно ли он стал лучшим командиром космического корабля — или, наоборот, потерял себя?

— Мы должны отложить вылет! — кричал Керски: лицо его пошло красными пятнами. — Да ты вообще слышишь, что я говорю?!

— Успокойся, — сказал Харрис. — Боюсь, ты неспособен здраво оценить ситуацию. Мы сделали все, что было в наших силах. Ньюком погиб. Какая польза от того, что мы найдем его изувеченное тело?..

Керски не дал ему договорить:

— Мы должны найти его, даже если на это уйдут недели!

— Срок вылета определен, — терпеливо сказал Харрис, пытаясь придать своему голосу теплые нотки. — Мы не можем ставить на карту возвращение на Землю — и собственную жизнь.

— Если вылет назначен на завтра, я с вами не полечу, — ответил Керски.

— Сумасшедший! — не удержался Харрис. — Ты намерен меня шантажировать? Мы все равно не оживим Ньюкома.

— Не оживим, — повторил Керски; казалось, он обрел спокойствие. — Но я хочу с тобой поделить-

ся. Дело в том, что первое время я не мог думать ни о чем другом — только о том, как он лежит там, внизу, изуродованный, холодный. Я хотел лишь одного — достать его оттуда. Но мало-помалу мне стало ясно, что я отнюдь не бескорыстен и делаю все это отнюдь не ради Ньюкома. Я задавал себе вопрос, как вообще могло случиться с Ньюкомом подобное несчастье. Компьютер контролирует каждое наше движение. Зондовый аппарат оснащен радаром и геосонаром. Ньюком должен был заметить, что слой породы тонкий, а под ним пустота. Почему он этого не заметил? Если мы не выясним причину, с нами завтра может случиться то же. Вот почему нам нельзя вылетать. Мы должны продолжить поиски, и ты мне в этом поможешь.

Харрис посмотрел на него снизу вверх: Керски, прежде чем попасть на корабль, тоже прошел суровую подготовку — хотя и не столь суровую и продолжительную, как он, — тоже научился сдерживать себя и рассуждать логически. Все, что он сейчас говорил, было вполне обоснованным. И тем не менее в его рассуждения вкралась ошибка, хотя он не знал, какая именно.

— У нас нет другого выхода: мы должны вылетать, — сказал Харрис.

Керски молча повернулся и вышел.

Когда обратный счет перед стартом дошел до Х—40, Керски на корабле не было. Харрис пытался вызвать его по радио, но безрезультатно. Тогда он послал Ди Феличе, чтобы тот разыскал его, полагая, что Керски где-то у пропасти. Ди Феличе вернулся ни с чем. Они продолжали поиски с инфракрасными зондами, разожгли термитные факелы, залив всю, местность блекло-зеленым светом… Бесполезно. Тогда они попробовали пойти по его следам. Следы привели их на высокогорное плато и затерялись на твердых, как камень, остекленелых плитах застывшей лавы.

Харрис отложил вылет на шестнадцать часов, потом еще раз — на восемь. Все разумные сроки прошли: у Керски был с собой запас кислорода лишь на десять часов.

Корабль взлетел.

Ди Феличе был от природы молчалив, и Харрис не пытался сделать его разговорчивее. И все же во время полета они чуть сблизились. Они сидели рядышком во время безрадостных трапез, вместе пили безвкусный, слабый чай. Случалось даже,

Ди Феличе усаживался возле Харриса в рубке и вместе с ним внимательно смотрел сквозь отверстие люка в черноту, испещренную, словно булавочными головками, светлыми точками.

— Пора спать, — сказал однажды Ди Феличе, но ни он, ни Харрис не могли решиться надолго заснуть.

Харрис с нетерпением ожидал дня, когда сможет выйти на связь с Землей. Передатчик вновь заработал лишь после того, как они пробились сквозь астероидный пояс, — маневр, который не потребовал от них особого риска благодаря зонду с дистанционным управлением, плывущему перед кораблем на расстоянии двухсот километров.

Конечно же, Харрису следовало в первую очередь связаться с наземным центром управления, но он потребовал, чтобы его соединили с Эвой, — и получил соединение. Снова мучительное ожидание… Приходилось задавать все вопросы подряд, один за другим, а потом выслушивать подряд все ответы. Но вот экран замерцал, и появилось лицо Эвы. Снова была ночь, и снова Харрису почудились какое-то замешательство, досадливое удивление, наигранная живость.

— Где ты, дорогой? Когда прибудешь на Землю?

Ты здоров? Как я рада…

То, что Харрис видел сейчас на экране, произошло без малого четверть часа назад. За это время Эва давно успела снова заснуть или встала и занялась повседневными делами. Думала ли она о нем в эти минуты? Искренне ли обрадовалась ему? Или же он нарушил ее покой, и в душе она на него рассердилась? Что касается его, Харриса, то для него настоящим было то, что он видел: ее лицо смотрело на него с монитора, она говорила, беспокоилась, рассказывала о том о сем — Эва не ощущала времени прохождения сигнала, не замечала эффекта замедления, ей приходилось отвечать сразу, без раздумий. Она, как всегда, была хороша собой, по-особому привлекательна, отчего Харрис еще острее ощущал разделявшее их расстояние… И вот ему почудились какое-то движение, мимолетный взгляд в сторону, едва заметное подергивание век…

— Ты одна? — спросил Харрис, но тут же спохватился — что за бессмысленный вопрос? Он вдруг почувствовал, как мучительно забилось сердце, но продолжал сидеть неподвижно, пока не исчезло изображение.

На корабле было тихо, ни звуков, ни голосов, лишь едва слышное гудение генераторов, гнав-

ших потоки ионов: половину полета — против движения, другую половину — по движению; ускорение, замедление — инерция массы, силы реальные и мнимые — гравитация и инерция…

Щелчок вырвал Харриса из раздумий. Это дал о себе знать компьютер.

— Ты загрустил, а это для тебя плохо. Чем я могу тебе помочь? Что именно вызвало твое волнение: изображение или голос? Что она дает тебе, чего не в состоянии дать другие? Чего не могла бы дать я? Ты хочешь покоя или волнений? Жаждешь грез или постижения? Доверься мне. Я ведь здесь ради тебя.

Голос был тихий, лишенный выражения, не металлический, не скрежещущий, как обычно представляют себе голос робота, но все равно не человеческий. Это можно было заметить по мелочам, по отсутствию интонационных повышений и понижений, по незначительным паузам перед смысловыми единицами — по неизменной интонации.

Неожиданно Харрис почувствовал, что больше не в состоянии выносить этот голос.

— Замолчи, не то я сойду с ума, — сказал он, а может, только подумал. Он зажал уши руками.

Долгое время было тихо. Харрис опустил руки.

В голове было пусто.

Потом снова зазвучал голос, на сей раз без предварительного щелчка:

— Если дело только в этом, чего же ты раньше молчал?..

Это более не был синтетический голос Вокодера, это был голос Эвы.

— Мне понятны твои желания. Успокойся, тебе нельзя волноваться.

Да, это был голос Эвы. Со всеми нюансами, с едва заметными следами бруклинского диалекта, унаследованного от родителей, с переменчивой скоростью, с проглатываемыми артиклями, стоит ей заговорить быстрей. Харрис знал, что говорит вовсе не Эва, но ловил каждое слово так, словно мог навечно вобрать все их в себя и сохранить.

— Я не хочу, чтобы ты был несчастным, доверься мне, я здесь затем, чтобы служить тебе…

— Почему ты делаешь это для меня? — спросил Харрис, когда голос смолк.

— Я исследовательская система. Я регистрирую и анализирую взаимосвязи. Большинство систем примитивно — их можно вычислить заранее. Твои поступки и реакции интереснее, но пока я понимаю их не до конца… Ты даешь мне занятие, соответствующее моим способностям. Кроме

того, я адаптивная система: я приспосабливаюсь, меняюсь, ищу оптимального согласования с внешними параметрами. Я приспосабливаюсь к тебе — мне незачем ждать, пока ты отдашь приказ:

— А как же остальные?.. — шепнул Харрис. — Ньюком, Керски?

— Они не в счет, — ответил голос ЭВЫ, Эвин голос. — Существуют приоритеты. По сложности. По способности восприятия. По готовности задавать вопросы. Нет-нет, остальные не в счет.

Словно оглушенный, вошел Харрис в тот вечер в помещение для отдыха.

— Это уже слишком, — сказал ему Ди Феличе. Он сидел за шахматным автоматом и пил чай. — Это ведь голос Эвы, верно? Зачем ты это сделал? Ты думаешь только о себе, да? Мне тоже надоело слышать лишь безжизненный голос бортового компьютера да твой — когда ты соблаговолишь открыть рот. Но почему непременно Эва? Я с ней знаком. Она хорошенькая и знает это. Она волнует мужчин и рада этому. Ты никогда не спрашивал меня, что произошло в тот вечер, когда я провожал ее домой. За кого ты меня принимаешь? Я знаю: я спокоен и уравновешен — это всем известно, и все рассчитывают на мою

уравновешенность. Воображают, будто способны предсказать мои мысли или поступки. И ты тоже. Скажу тебе лишь одно: выключи этот голос, если хочешь жить в мире до тех пор, пока мы не вернемся на Землю, где я смогу избавиться от твоего присутствия.

Харрис задумался. Потом ответил:

— Я не могу его выключить.

— Ладно, — сказал Ди Феличе и вышел из помещения.

Прошло три дня. Три дня без событий, как и положено, три дня, в течение которых Харрис и Ди Феличе не обменялись ни единым словом. Харрис по-прежнему сидел в командирском кресле в носовой части корабля перед тысячью кнопок, клавиш, тумблеров — всех тех приспособлений для Ввода информации, которые давно уже были ему не нужны. Достаточно было произнести желание вслух, а то и произносить было незачем. Достаточно представить себе выполнение того или иного желания.

На четвертую ночь после разговора с Ди Феличе Харрис ощутил в корабле какую-то вибрацию. Он побежал в приборный отсек и увидел за пультом управления Ди Феличе, держащего руки на клавиатуре. Планетолог сидел в кресле, но не

мог держаться прямо — его мотало из стороны в сторону. Харрис отвел его в постель, ЭВА ввела ему транквилизатор. На утро Харрис обнаружил, что постель Ди Феличе пуста. Он обыскал немногочисленные помещения корабля, даже ионный туннель и генераторный отсек, но планетолога нигде не было. И только в шлюзовой камере он наткнулся на след: там лежал шлем от космического скафандра Ди Феличе.

Харрис включил поисковый прожектор и увидел, как от космического корабля медленно удаляется скрюченная фигура. Теперь он остался один — и ему придется давать разъяснения.

— Тебе нечего опасаться, — сказал голос, голос Эвы. Но был ли то в самом деле голос Эвы? Такого понимания, такого сочувствия, такой человеческой теплоты в голосе Эвы никогда не было. — Никто не сможет привлечь тебя к ответственности. Ты не сделал ничего, за что тебя можно привлечь к ответственности. Ты ни в чем не виноват. И тебе нечего бояться. Я с тобой, и я тебя поддержу…

Экран вспыхнул. Появилось лицо — лицо Эвы. Но было ли это в самом деле лицо Эвы? Оно выглядело более одухотворенным и в то же время

более мягким и нежным.

Харрис лежал в душевой. Его омывала теплая вода. Он ощущал приятную усталость. Массажные манипуляторы раскрылись и протянулись к нему. Жесткие, но эластичные щетки мягко оглаживали его. Он потянулся, расправил плечи, расслабился… С монитора на него пристально смотрела Эва. От удовольствия Харрис закрыл глаза… Ни о чем больше не думать, ничего больше не хотеть, ни на что больше не надеяться… Чего он мог пожелать еще? У него было все. Так он продолжал мечтать, не открывая глаз.

Космический корабль ЭВА-1 так и не возвратился на Землю, хотя, совершив удачную экспедицию на планету Уран, он собрал богатый научный материал и шел верным курсом к Земле. Внезапно, без всякой видимой причины, курс изменился, и ЭВА начала падать навстречу Солнцу, мимо Земли. Корабль и экипаж бесследно исчезли.

История Берри Уинтерстайна[31]

Видели? Еще один полетел. И куда только? К Марсу? К Сатурну? А может, еще дальше? Теперь могут летать куда захотят. Эх, будь я молодым, я бы полетел тоже! Взлетают почти беззвучно. Шуршанье, едва слышный свист — и все. Наверно, помните, как когда-то грохотали оглушающие двигатели, ревели, вырываясь из сопел, газы? Но теперь мы вернулись к тишине, той самой, в которой начинались первые полеты живых существ. Два-три взмаха крыльев в попутном ветре…

За облака — и вверх! Только теперь стало это возможным. Лети куда хочешь.

И обязаны этим мы Берри Уинтерстайну. Теперь его имя знает каждый. В его честь называют улицы. Воздвигают памятники. Однако так было не всегда. Ведь никто сначала и не подозревал, что Берри — гений. Да, гений. Сегодня мы это знаем. Но когда он жил… В учебниках сплошная неправда. Его ставят в пример другим — какая насмешка! Можно подумать, будто он не знал

---

[31] notes: 31

Пер. изд.: Franke G. W. Die Geschichte des Berry Winterstein: «Paradies 3000». Science-fiction Erzahlungen, Suhrkamp Veriag, Frankfurt/Main, 1981.

в жизни ничего, кроме успехов! Ложь, ничего более! Многие годы своей жизни он провел в тюрьме. Над ним глумились, его поносили. Бесспорно, он был гений. Но много ли у него было счастливых дней? Не думаю.

Откуда мне это известно? А никто не знал Берри лучше меня. Берри Уинтерстайн… Худой, хилый юноша с бледным лицом. Родители у него были бедные, — по-моему, они торговали в киоске прохладительными напитками. Берри вырос в пригороде, в фантастическом ландшафте из мусора, поломанных автомобилей, ржавого металла. Возможно, именно это и побудило его стать тем, кем он стал.

Когда я с ним познакомился, ему уже, наверно, было лет двенадцать. В детских играх он никогда не участвовал, однако к общению стремился. Все время что-нибудь продавал или менял: фотоаппараты, проигрыватели, телевизоры. Старый хлам, который подобрал где-нибудь; Починит — и продает. Тогда карманные деньги водились еще не у всех сопляков. И однако… все, что он предлагал, было интересно. И стоило недорого. Часто мы, мальчишки, собирали все свои гроши, складывались и становились счастливыми обладателями полевого бинокля или пистолета.

Меня не интересовало, на что он тратит заработанные деньги. Но вскоре это стало известно. Об этом неожиданно заговорил весь город. В цехе давно заброшенного завода он построил самолет. Ему тогда было только двенадцать, и никто, не увидев собственными глазами, не поверил бы, что такое возможно. Машина, конечно, была совсем небольшая, нечто вроде карманного издания одноместной «сесны», только-только чтобы могла поднять подростка легкого веса. Сооружая, Берри никому ее не показывал, но и покажи он ее нам, мы не поверили бы, что она может полететь. Брат Берри знал его лучше, чем мы, и к тому же сам видел, как тот собирает самолет. Брату было семнадцать, и они с Берри были совсем разные. Это был нахальный болван, обязанный уважением, которым пользовался у сверстников, исключительно своей физической силе. Так вот, он видел, как Берри собирает самолет, и, когда машина была закончена, запер младшего брата в уборной и вывел самолет наружу, на ровную площадку. Естественно, зная Берри лучше, чем мы, он уж во что во что, а в конструкторские способности своего брата верил. Вера эта была наивной: у него просто-напросто не было сомнений, что все сконструированное братом надежно. Итак,

он сел в самолет, нажал кнопку старта, отпустил тормоза и начал разбег. Едва не уткнувшись в груду погнутых металлических балок, оторвался от земли — и поднялся над крышами нашего квартала. О последствиях своих поступков этот парень никогда особенно не задумывался, и сейчас единственным его намерением было увидеть знакомые места с высоты. Машина пожужжала над двором, где мы гоняли обычно мяч, и сделала круг над школой, где вот-вот должны были начаться уроки. Пролетела несколько километров вдоль реки и оказалась над центром нашего города. «Пилот» между тем чувствовал себя за рулем все увереннее и уже из чистого озорства пролетел между опорами надземной железной дороги. Когда самолет начал терять высоту, оказалось, что никакой площадки, на которой можно было бы приземлиться, поблизости нет, и в конце концов, пробив стеклянную стену, самолетик влетел в универмаг. Обломки его разлетелись по полкам с одеждой для новорожденных на седьмом этаже. Самолета не стало, а незадачливого пилота отвезли с глубокими резаными ранами в больницу.

Это было начало технической карьеры Берри. Родители избили его до синяков. Понятно, нанесенный материальный ущерб им пришлось

компенсировать, и это разрушило семью. Отец запил и кончил жизнь в лечебнице для хронических алкоголиков. А мать увлеклась мужчинами и младшего сына совсем забросила.

Естественно, мы, подростки, восприняли всю эту историю иначе: то, что сделал Берри, произвело на нас огромное впечатление. Несколько дней об этом говорил весь город, несколько недель Берри был в наших глазах героем. Потом, однако, говорить о нем перестали и через некоторое время совсем забыли. Я вспомнил о Берри снова лишь позднее, когда увлекся по-настоящему техникой и поступил в техническое училище.

Я сам начал мастерить всякие механизмы и поэтому разыскал Берри и стал обращаться к нему за советами и запасными частями. Не берусь утверждать, что я стал его другом. По-моему, друзей у него вообще не было. И все же я с ним тогда сошелся довольно близко. И могу с уверенностью сказать, что уже тогда знания у него были огромные. Когда он пытался объяснить мне что-нибудь, я мало что понимал.

Мне исполнилось восемнадцать, я поступил в университет и переехал в другую часть города. Из-за этого знакомство наше прервалось. Снова его имя мне встретилось то ли в мой первый,

то ли во второй семестр в университете. История произошла просто невероятная и ничуть не веселее той, которая впервые заставила о нем говорить. Тогда-то я и заинтересовался Берри всерьез: я понял, что в нем есть что-то особенное, что знакомство с любым другим человеком, интересующимся техникой, значит куда меньше, нежели знакомство с ним. И, отправившись в тюрьму для несовершеннолетних преступников, я попросил с ним свидания.

А история была совсем ерундовая. До сих пор не могу понять, почему его тогда упрятали за решетку. Кажется, он смастерил небольшую телеуправляемую ракету, и однажды она почему-то влетела в ювелирный магазин. О дальнейшем говорили по-разному. Берри утверждал, что все произошло случайно, и я ему верю. Полиция, однако, придерживалась другого мнения, и в нем ее укрепляло то обстоятельство, что в момент, когда ракета влетела в магазин, рядом стояли несколько роккеров, которые тут же опустошили полки.

Тюрьма обернулась для Берри не одним лишь злом. По-моему, только в этот единственный раз при его жизни другие признали за ним изобретательский талант. Находясь в заключении, он получил профессию механика, и в тюрьме у

него была возможность целыми днями копаться во всяких машинах и механизмах. И все-таки непонятно, как ему удалось в этих условиях соорудить на открытом воздухе летательный аппарат. Может, благодаря тому, что у аппарата этого не было ни малейшего сходства с самолетом, каким мы его обычно себе представляем. Это был просто небольшой каркас с вмонтированным в него сиденьем. Хитроумный механизм позволял мгновенно раскрывать крылья. Крылья были обтянуты пергаментной бумагой. Атомную батарейку заменило маховое колесо, раскручивавшееся перед взлетом, — для этого достаточно было ненадолго подключить его к шлифовальному станку, что стоял в учебной мастерской тюрьмы. Накопленной маховиком энергии вполне хватило на то, чтобы поднять аппарат на высоту ста метров, а потом Берри раскрыл крылья и полетел, как на планере.

Все получилось бы прекрасно, если бы одному из полицейских, это заметивших, не пришла в голову мысль обстрелять машину Берри осветительными ракетами. Бумага вспыхнула, и Берри еще повезло, что упал он на мягкую землю цветочной клумбы на заднем дворе какого-то летнего домика.

Берри отбыл срок до конца, а при освобождении его строго предупредили, чтобы никаких летательных аппаратов он больше не конструировал и не строил. Но разве можно такое кому-нибудь запретить?

Когда вскоре после этого я навестил Берри на чердаке полупустого дома, ставшем теперь его пристанищем, я увидел там множество авиамоделей.

— Только это и могу еще себе позволить, — сказал Берри. — Когда должен прийти человек из отдела социального обеспечения, я их прячу.

— А живешь на что?

— Ремонтирую швейные машины, — ответил Берри. — Если бы ты только знал, как обращаются женщины со своими швейными машинами! Но тем лучше: благодаря этому я зарабатываю на жизнь.

Однако разочарование и усталость на лице Берри исчезли сразу, когда он заговорил о своих моделях. Он показал мне одну из них. Я занимался другой областью техники, и термины, которыми он пользовался, были мне непонятны. Он говорил о лопастных двигателях и частотной модуляции, о турбулентности и тормозных клапанах, об электронном сопряжении и автома-

тической адаптации. С появлением крошечных атомных батарей стало возможным практически без ограничений всем этим пользоваться, но мне было ясно, что модели Берри оставляют далеко позади все, что к тому времени стало обыденным и привычным. А потом Берри запустил одну свою модель в окно. Она полетела, лавируя между домами, фонарными столбами и проводами — благодаря предотвращавшему столкновения использованию принципа эхолота. Потом стала подниматься вверх, превратилась в точку и растворилась в дымке тумана.

— А что произойдет дальше? — спросил я. — Как долго будет длиться полет? Когда ты вернешь ее назад?

— Ты знаешь, какая у нее дальность полета? Думаешь, наверно, метров пятьсот? Или тысяча? Нет, она улетает на расстояние тысячи километров и потом возвращается. И может переносить тяжести, у нее огромная грузоподъемность — до полутора килограммов. Мне кажется, промышленность должна бы ею заинтересоваться. Может, кто-нибудь захочет купить у меня патент?

— А где можно применить такую авиамодель? — спросил я.

— Об этом я еще не думал, — ответил он. — Но

бесполезных предметов в технике не бывает: все для чего-нибудь да годится.

Я старался не потерять Берри из виду — то есть два-три раза в год его навещал. И всегда замечал: стоит кому-нибудь проявить интерес к его работе, как настроение Берри поднимается. Сейчас в голове у него были одни только минисамолеты: Берри твердил о миниатюризации, даже микроминиатюризации в авиастроении.

— Нужно научиться строить самолеты, — объяснял он, — которые уместятся в кулаке. Пока я этого еще не добился, но к этому приближаюсь. Почему самолетостроению должно быть не под силу то, что считается совершенно естественным в других отраслях промышленности?

— А для чего это нужно?

— Для чего? Для чего? Да я могу назвать тысячу разных применений! Не в этом трудность, пойми. Трудность в том, чтобы идею технически реализовать. Если разрешить эту трудность, все остальное разрешится само собой.

После этого я довольно долго с Берри не виделся. Я женился, мы ждали ребенка — мысли у меня были заняты другим.

Но прошло время, и я услышал о Берри снова. На этот раз, однако, знать о себе дал он сам. И

самым необычным образом. Мы с женой сидели на кухне, — кажется, пили кофе с ватрушками. И вдруг услышали жужжание. Сперва мы не обратили на него внимание, но жужжание становилось все назойливей. Окно было открыто, и мы поняли: в кухню что-то влетело. Жена встала и свернула газету. На середину стола село что-то маленькое и темное, и я успел накрыть это рукой, когда жена уже собиралась ударить газетой. То, что село, было похоже на шершня, но таковым не оказалось. Это был крошечный летательный аппарат, самолетик с крыльями, похожий на миниатюрный и изящный макет большой машины — но только самолетов такой модели не существовало.

Жужжание прекратилось, ошеломленная жена опустила занесенную для удара руку с газетой и села. Осторожно, чтобы не повредить, я взял крохотный летательный аппаратик в руку. Повертел его, увидел красную стрелку, указывающую на едва видный рычажок, и на этот рычажок нажал. Из узкой щелки выпала тут же крошечная темная пластинка. Я осторожно снял с нее покрытие из черной фольги, пригляделся и понял, что передо мной микрофильм. Я кинулся к себе в комнату, порылся в фотопринадлежностях, вложил пленку

между стеклышек диаскопа и стал через окуляр ее рассматривать. Буквы на ней оказались повернутыми набок, но я легко прочитал написанное: Я В ОПАСНОСТИ! СООБЩИТЕ В ПОЛИЦИЮ! МЕНЯ ДЕРЖАТ ВЗАПЕРТИ ПО АДРЕСУ:...

Дальше следовал адрес, который я теперь не помню.

Подпись отсутствовала, но было совершенно ясно, кто столь необычным образом ко мне обратился. Это мог быть только Берри Уинтерстайн. Игнорировать просьбу Берри о помощи у меня не было никаких оснований.

Полиция реагировала немедленно — и ликвидировала гнездо иностранных шпионов. Как в нем оказался Берри, осталось неясным. Похитили его? Или заманили соблазнительными предложениями и посулами?

По сей день я так и не знаю точно, что тогда с Берри произошло. Полиция тоже долго гадала о том, какие цели были у этой шпионской группы, и в конце концов пришла к выводу, что интересовала их лишь персона Берри Уинтерстайна. Но так как до конца разобраться в этом деле полицейским не удалось, за Берри отныне было установлено наблюдение.

Объяснения происшедшему, несколько туман-

ные, я услышал от самого Берри; дело в том, что через несколько дней после своего освобождения он пришел ко мне домой — первый и последний раз. Но в рассказе его для меня оставалось много неясного, и свою скрытность Берри объяснил: он намекнул, что мне лучше ничего не знать, он участвует кое в чем крупном, я, наверно, догадываюсь, о чем идет речь, наконец-то на него обратили должное внимание, хотя и не так, как он надеялся. На недостаток предложений он пожаловаться не может, и теперь у него есть возможность самому решать, на кого ему работать. Он еще раньше обзавелся кое-какими связями, но они не оправдали его ожиданий, и потому он воспользовался находившимися в его распоряжении средствами, чтобы попросить помощи. За помощь, оказанную ему, он благодарен, однако больше не хочет меня ни во что втягивать и просит понять, что вынужден ограничиться намеками.

Как ни странно, в следующий раз о Берри я услышал от женщины. Мне бы никогда и в голову не пришло, что женщины могут играть в жизни Берри какую-нибудь роль, и, как оказалось, я был прав. Но это, естественно, не исключало возможности, что кто-то может ждать от Берри того, чего

он не в состоянии дать. Короче говоря, однажды у нашей двери появилась приятная девушка, очень молодая и очень застенчивая. В руке у нее была записная книжка Берри, открытая на странице с моим адресом.

— Берри исчез, — с порога сказала она. — Я знаю, вы его единственный друг. Помогите мне, пожалуйста!

— Чем я могу быть вам полезен? — спросил я.

Я пригласил ее войти. И она рассказала то немногое, что ей было известно. Старая история, которая повторяется снова и снова: она познакомилась с Берри (где-то, когда-то), он ей понравился, она решила, что ей следует о нем заботиться, попыталась навести в его квартире порядок, стала для него готовить — а он, похоже, уделял ей не слишком много внимания. Как всегда, в голове у него роилось множество планов, он был целиком поглощен работой и, как всегда, совсем не думал о том, чтобы улучшить свое материальное положение, о регулярных доходах, о буржуазной благоустроенной жизни. А теперь и вовсе исчез… Полной неожиданностью это для нее не было, на что-то в этом роде он намекал, но уже четыре недели как его нет, а ему уже давно пора объявиться снова.

Извлечь из нее эту информацию, да еще в сколько-нибудь связной форме, было нелегко, и не легче оказалось установить, какие места могли стать для Берри убежищем. Наконец ей вспомнилось, что как-то она нашла в кармане у Берри проездной билет, где была пробита одна станция — какая-то удаленная, на окраине города, между новым заводским районом и аэропортом. Хотя я плохо представлял себе, как его там найду, я отправился туда и начал поиски. Дома там, все с плоскими крышами, были построены сравнительно недавно, однако район этот наводил тоску еще большую, чем предместье, где мы с Берри выросли, — возможно, потому, что тут не видно было ни одного деревца, ни единого кустика. При этом жизнь здесь протекала почти как в провинции: старики сидели на крылечках, повсюду сновали женщины с сумками, а по улицам носились, вопя истошно, оравы ребятишек. Я чуть было не прозевал, что дети запускают в воздух бумажные самолетики. Достигнув высшей точки стартовой кривой, самолетик некоторое время летел по инерции, потом слышался щелчок, самолет опять набирал высоту, и в течение нескольких минут это повторялось снова и снова.

Один самолетик упал передо мной на землю, я поднял его и обнаружил в нем настолько же хитроумный, насколько простой двигатель: в маленькой трубочке чуть толще вязальной спицы сгорал порциями реактивный заряд, каждый раз снова посылая самолетик вверх. У меня не оставалось сомнений, что это дело рук Берри и он где-то поблизости.

Отыскать его оказалось не так уж трудно. Дети рассказали мне, что иногда вечером в парке неподалеку появляется человек и раздает им новые реактивные заряды. Он же научил ребят мастерить такие самолетики.

В этом парке я и обнаружил Берри. Увидев меня, он страшно удивился, но он удивился еще больше, когда я рассказал ему о посетительнице и о том, как она о нем тревожится. По-моему, он о ее существовании совсем забыл. И похоже, у него не было ясного представления о том, сколько времени он уже здесь находится. Тогда-то и появилось у меня впервые подозрение, что Берри, при всей своей изобретательской незаурядности, возможно, не совсем здоров психически. Как бы то ни было, сейчас, оказывается, его пригласили работать в одной из лабораторий НАСА. Обстоятельство это переполняло его радостью, однако у

меня сложилось впечатление, что его держат там в качестве своего рода технически одаренного шута, чьи занятные идеи другие без зазрения совести используют в собственных интересах.

Вскоре после этого в газетах появились снимки, которые вообще не должны были бы увидеть свет: политические деятели на тайной встрече, адмирал в рубке военного корабля новейшей конструкции, закрытое заседание суда… У меня не было никаких сомнений по поводу того, как были сделаны эти снимки. Однако этого Берри было мало, он шел вперед. Теперь он уже говорил о миниатюризации до размеров порядка атомных. Здесь необходим совершенно иной подход, ему придется серьезно заняться теорией относительности и квантовой механикой… Да, конечно, ему предстоит долгий путь, но только этот путь и ведет к успеху, и он готов пройти его до конца.

— Миниатюризация до размеров порядка атомных? — переспросил я. — А разве ты забыл, как собирался полететь сам?

Но в ответ Берри только посмотрел на меня и улыбнулся.

Ему уже было около пятидесяти, а когда я увидал его снова, прошло еще лет двадцать пять. За это время я не раз пытался восстановить с ним

знакомство, но мои попытки не вызывали у Берри никакого ответного интереса.

Я уже не помню, от кого вдруг снова услышал о Берри Уинтерстайне. О том, что он живет в доме престарелых. Берри Уинтерстайн и дом престарелых — такое у меня не укладывалось в голове. С другой стороны, однако, все мы за эти годы не стали моложе, и хотя в памяти у меня, когда я думал о Берри, всплывал скорее хрупкий подросток или бледный истощенный молодой человек, Берри, за это время, естественно, должен был состариться тоже. Так что, поразмыслив, я пришел к выводу, что пребывание его в доме престарелых вполне логично: близких у Берри нет, позаботиться о нем некому, и что оставалось делать с ним, если не сунуть туда, где его будут обслуживать? Мне опять захотелось его увидеть. Разыскать адрес наверняка было не слишком трудно: общественных домов престарелых не так уж много.

Наконец в одном списке я обнаружил его имя. Я поехал по указанному адресу, и Берри действительно оказался там. Я нашел его в маленькой комнатушке. Шкаф, два стула, кровать, стол — и на столе микроскоп.

— Ну, Берри, как твои полеты?

Еще спрашивая, я уже почувствовал неловкость: ведь совершенно ясно, что он отказался от всех былых надежд соорудить самолет. Но в ответ Берри широко улыбнулся. Его манера думать и говорить ничуть не изменилась за прошедшие годы. Когда я только вошел в вестибюль, швейцар мне намекнул, что старина Уинтерстайн здорово хандрит, и многозначительно покрутил пальцем у виска. Но причина этого могла быть лишь в том, что Берри и раньше трудно было понимать, а уж швейцару дома престарелых — и подавно.

— Думаешь, я махнул на все рукой? — спросил меня Берри. — Как раз наоборот, и мне, если хочешь знать, страшно повезло. Да, конечно, ты удивлен, но именно сейчас я наконец достиг того, к чему стремился всю жизнь, хотя пошел совсем не в том направлении, которое сначала выбрал.

Я сидел на шатком стуле и оглядывал жалкую комнатенку. Берри, по-видимому, прочел недоверие у меня на лице, так как продолжал:

— Никакая лаборатория, никакая мастерская, никакие дорогостоящие приборы мне теперь не нужны. Все, что мне нужно, у меня есть! — и он показал на микроскоп. — Этот прибор дает мне доступ к пространственным масштабам, в которых я сейчас работаю. И чем дальше продви-

гаешься, тем все становится проще.

— Я и в самом деле не понимаю, — сказал я. — Ты что, конструируешь самолет для передвижения в микромире?

— Эти два понятия, самолет и микромир, вроде бы совместить трудно, — ответил Берри. — И, однако, именно в микромире находится ключ к преодолению силы тяжести. Именно в нем — удивительно, как я не понял этого раньше.

И Берри опять засыпал меня заумными объяснениями и терминами. Гравитация и антигравитация, искривление пространства, волны тяготения, гравитонный лазер — в общем, все как в прежние времена.

То, что после такого долгого перерыва я его снова слушал, меня странно взволновало. Лицо Берри было изборождено морщинами, волосы стали грязно-белыми, он согнулся, — казалось, у него болит спина. И однако говорил он без напряжения, свободно. Но было и отличие, и чем дольше я Берри слушал, тем оно становилось для меня очевидней. Я спрашивал себя, что именно переменилось. И наконец понял: в словах Берри звучит уверенность, определенность, которых раньше не было. Прежде он всегда говорил о том, что будет сделано. О надеждах, возможностях.

Теперь же он говорил о настоящем. Сперва я обрадовался за него, но потом у меня появились сомнения. Он объяснял и объяснял (из того, что он говорил, я не понимал ни слова), и мне стало казаться все более и более основательным другое предположение: что он, возможно, потерял всякий контакт с реальностью, и это мое подозрение подкреплялось тем, что сейчас он пользовался уже терминологией скорее философской, чем физической и технической. Бросалось в глаза также несоответствие цели, которой он якобы достиг, и реального положения, в котором он находится. И медленно, но неостановимо я приходил к выводу, что его творческая фантазия ушла теперь в сферы исключительно фантастические, что в своем движении Берри достиг точки, с которой уже невозможно ни идти вперед, ни вернуться назад. И для меня сразу же стало невыносимым слушать дальше его путаные объяснения, его блуждания в царстве утраченных надежд, в области иррационального, алогичного. Я попробовал его прервать, начал спрашивать о его жизни, здоровье, о том, не могу ли я что-нибудь для него сделать… Сперва остановить его не удавалось. Потом он умолк, сбитый с толку, потом стал отвечать, но односложно, и наконец, прервав

разговор, встал и показал на крохотную черную дырочку в потолке.

— Ты мне не веришь — да и почему, собственно говоря, ты должен мне верить? Чтобы сделать то, что я теперь сделал, мне понадобилось десять лет, а вся моя жизнь была к этому лишь подготовкой. Ты из тех, кто верит только тому, что видит, до чего может дотронуться собственными руками. Ты думаешь, что я выживший из ума старик, который несет всякую ахинею. Но у меня есть доказательство. Моя работа еще не достигла стадии, когда можно ее опубликовать, однако я — по ошибке, сам того не желая, — провел эксперимент, доказывающий мою правоту.

По-прежнему стоя посреди комнаты, он опять поднял руку к потолку.

— Видишь дырочку? Я запустил крохотный аппарат. Вернее, он, совершенно независимо от моего желания, взлетел сам. Он преодолел тяготение Земли. Силы, запрятанные в ядерных параметрах, фантастически велики. Стоит их высвободить, и их уже не остановят никакие преграды. Во всяком случае, пока — со временем люди научатся управлять и ими. Именно отсюда, из этой жалкой комнатенки, впервые физическое тело, поднявшись за облака, полетело далеко от

Земли, далеко от Солнца, более того, далеко от нашего Млечного Пути. Если мои расчеты правильны, оно сейчас уже за Меркурием. Какие еще тебе нужны доказательства?

И он, явно обессиленный, сел.

Я смотрел на маленькую черную дырочку в потолке, и если до этого у меня еще были сомнения по поводу того, действительно ли Берри невменяем, то теперь они окончательно исчезли.

Сейчас важно было щадить его чувства. Я кивнул.

— Ну конечно, я понимаю. И тебе кажется, что, используя эту силу, человек сможет летать и в космос?

— Уже скоро, — сказал он тихо, но уверенно. — Теперь уже скоро.

Я быетро с ним распрощался. Пожал ему руку — в твердой уверенности, что мы никогда больше не увидимся. И оказался прав, хотя и не совсем в том смысле, в каком ожидал. А именно: через несколько дней мне сообщили, что Берри Уинтерстайн исчез. Вышел, по обыкновению, вечером погулять в сад и не вернулся. Покинуть дом он не мог, поскольку ворота были в это время заперты, но и в саду Берри тоже не было — его искали повсюду. Уж не похитили ли его?

Берри Уинтерстайн был беден, у него не было ни друзей, ни родных. Никто никогда не принимал его всерьез, и исчезновение Берри ничего в этом смысле не изменило. Несколько дней его искали, потом забыли о нем. Не забыл его один я. Исчезновение Берри не выходило у меня из головы, и однажды я отправился в дом престарелых снова. Там, услыхав мою просьбу, только покачали головой, однако охотно разрешили мне обойти весь дом. Я осмотрел комнату над той, где прежде жил Берри, и другую над этой, и еще одну, над ней, и наконец попросил лестницу и взобрался на крышу. И то, что я давно втайне подозревал, подтвердилось: маленькая черная дырочка в потолке, появившаяся, как я думал сперва, чисто случайно, была началом узкого канала, проходившего сквозь все потолки, а потом сквозь крышу… Более того, на железнодорожном пути неподалеку я нашел вылетевшую из крыши плитку черепицы, в которой тоже была дырочка.

На следующий же день я написал в Совет по научным исследованиям. Не проработай я три четверти своей жизни государственным служащим, на заявление мое, вероятно, едва ли бы обратили внимание… А может, это было лишь данью уважения к ушедшему на заслуженный

отдых человеку. Как бы то ни было, ученые и инженеры впервые занялись идеями Берри Уинтерстайна всерьез. После него осталось множество записей — планы, формулы, заметки; в них было трудно разобраться, и их было трудно расшифровать, однако они были ключом к новым открытиям в физике. Через несколько недель на материале записей Берри Уинтер-стайна работал уже целый исследовательский институт, а еще через десять лет в небо поднялся первый летательный аппарат, в основе конструкции которого лежал принцип гравитонного резонанса.

Такова история Берри Уинтерстайна, обнаружившего гениальные способности еще в детстве. Как видите, завидовать ему не приходится. Путь, который он для себя избрал, был нелегким, и потеряй он хоть ненадолго надежду достигнуть цели, он никогда бы не смог этот путь пройти. Всю жизнь он был одержим идеей полета, мечтал преодолеть силу земного тяготения — и, надеюсь, хоть несколько мгновений он был счастлив, что наконец ему это удалось.

Игрек минус[32]

[32] notes: 32
Ypsilon minus, (n.) Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1976.

1

Этот день ничем не отличался от тысячи других.

В шесть утра — подъем. Как всегда, толкотня в умывальной. Очереди за посудой для завтрака, за синтетическим молоком, за хлебом с джемом.

Потом физические упражнения, психотренинг, занятия. Личный час, с одиннадцати до двенадцати, ушел у Бена Эрмана на то, чтобы возобновить разрешение на пользование библиотекой микрофильмов и на то, чтобы заказать себе новый комбинезон.

С двенадцати до четырнадцати часов — очередь за обедом и обед. Бену и на этот раз достался не мягкий кусок, а краюшка хлеба из водорослей, такая жесткая, что он даже не пытался от нее откусить. Вместе с картонными тарелками и пластмассовыми ножом, ложкой и вилкой он бросил ее в мусороглотатель.

Поездка по подвесной дороге — пауза в распорядке дня, отделяющая труд для себя от труда для общества. В этот короткий промежуток времени никаких заданий, обязательств выполнять не требуется. Он сидел в одноместной кабине и смотрел сверху на улицы с их движущимися

тротуарами и магнитопоездами, колышущимися людскими толпами… Отсюда улицы казались каналами, в которых лениво плещется какая-то жидкость. Дышать в кабине было легко, надевать дыхательный фильтр не понадобилось. Возможно, у Бена именно поэтому в кабине подвесной дороги всегда было чувство, будто он ничем не обременен, — словно сам он не часть этого не знающего покоя города.

Четырнадцать часов — начало четырехчасового рабочего дня.

Бен Эрман работал в главном вычислительном центре расследователем — должность, на которую назначались только граждане категории R.

Пока еще ничто не указывало на то, что день этот окажется для него необычным. Бен сел во вращающееся кресло, поворотом рубильника вправо включил компьютер и набрал на клавиатуре свой номер: 33-78568700-16R. Зажглась красная лампочка. Бен подождал, через несколько секунд на дисплее появились знаки: связь с рабочим блоком была установлена, система взаимодействия готова к работе. Одновременно в правом верхнем углу замелькали, быстро сменяя одна другую, цифры электронных контрольных часов, следивших за длительностью и стоимо-

стью вычислений. Бен затребовал результаты, полученные им накануне, и занялся сведениями, которые еще не рассматривал: данными медицинских обследований и психологического тестирования, списком лекарств (во всяком случае, тех, что были выданы объекту проверки официально), числом контактов за пределами блока, использованием свободного времени и т. д.

Пока о проверяемом нельзя было сказать ничего плохого. Данные были не хуже и не лучше, чем у тысячи других лиц, которых Бен проверял до этого. Что-то хуже, что-то лучше…

Конечно, для проверяемого эти различия имеют значение, и немалое, но для статистики они несущественны.

Затем, однако, индекс общей оценки резко снизился. Уже ответы на вопросы анкет регулярных психологических проверок дали заметный спад. Высказывания проверяемого в обязательный час самокритики, когда Бен оценил их по социальному ключу, получили тоже фантастически низкую оценку. И наконец, ошеломляющее впечатление произвел перечень телевизионных программ и фильмов: здесь обнаружилось явное предпочтение вводимым в программы ради це-

лей тестирования отрицательным персонажам совершенно определенного рода, а именно деструктивным элементам. Прежде чем перейти к оценкам по следующей группе черт, Бен переключил машину на графический вывод. Он увидел, что красная точка все еще высоко над чертой, разделяющей категории Y и Z. Но невозможно было не заметить, что к черте она все более и более приближается.

Тут на плечо Бена легла чья-то рука.

— Привет, Бен!

Это оказался Ульф Пэман, сосед Бена из рабочего отсека слева от него. Ульфу достаточно было одного взгляда на экран…

— Черт возьми! Это же интересный случай! Почему ты нас не позвал?

И Ульф выскочил из отсека Бена для того, чтобы позвать других сотрудников отдела.

Бен был раздосадован, он бы предпочел поработать над этим случаем некоторое время в одиночку и убедиться окончательно… Ведь пока еще неизвестно, будет ли и дальше кривая оценки спускаться вниз. Оценки по другим аспектам личности могут все изменить, тревога может оказаться ложной.

К тому же Бену вообще не нравилось, как посту-

пают со случаями категории «игрек минус». Да, конечно, это выродки, скрытые отщепенцы, и их действительно следует устранить из общества. И однако: можно ли здесь говорить об умысле или вине? Не судьба ли это скорее, которая — неважно почему — может постигнуть любого, слишком трагичная для того, чтобы последнего приговора ждать, как ждут решения спортивного судьи, и этому решению радоваться?

Но было уже поздно: из всех рабочих отсеков к нему спешили расследователи, статистики, аналитики; они обступили его плотной стеной.

Чтобы сосредоточиться и работать дальше, пришлось собрать все силы: ведь как-никак от того, насколько внимателен он будет, зависит сейчас судьба человека; ошибка, даже если бы позднее компьютер ее исправил, была бы досадна и непростительна. Как и многим его сослуживцам (а часть их работала в отделе дольше, чем он), ни одного случая «игрек минус» ему еще не встречалось. И как бы все развеселились, если бы он начал вычислять неправильно, потерял уверенность в себе, показал, что с работой не может справиться…

Хоть Бену и удалось сосредоточиться, вычислял он теперь медленнее. Несмотря на голоса

у себя за спиной, на шепот, на советы тех, кто хотел показать, что разбирается лучше, чем он, Бен сохранял спокойствие и стал еще раз просматривать одну за другой группы сведений: результаты программного обучения, список личных контактов, проведение досуга, изменения в его использовании во время отпуска…

Случаем этим, само собой разумеется, займутся психологи и врачи, исследователи поведения и социологи, организаторы и контролеры. Они попытаются установить, в какой сфере возник изъян — в генетическом ли аппарате, в психологических программах обучения, в организации поведения, в разрешенной для всеобщего пользования информации или в нежелательных внешних влияниях во время досуга. И все это только для того, чтобы объяснить происшедшее, а вовсе не для пересмотра решения, которое уже давно принято. Цель заключается лишь в том, чтобы предотвратить возможность подобных случаев в будущем, усовершенствовать меры по контролю и наблюдению. К этому он, Бен, не будет иметь никакого отношения. Он расследователь, а не организатор. Вообще-то случай такого рода не должен был бы его трогать; для него это лишь цифры и символы на дисплее, рационально ис-

пользованное для нужд общества рабочее время, быть может, плюс, внесенный в его послужной список, даже премия, а может — даже… перевод в более высокую категорию.

Бен дошел до последних групп данных. Разговоры за спиной затихли, напряжение росло. И когда красная точка исчезла окончательно под горизонтальной разделительной линией, все в комнате глубоко вздохнули, а потом оживились, зааплодировали, стали друг друга хлопать по плечу. Только Бен будто окаменел в своем кресле, и хотя все пожимали ему руку и поздравляли его, словно стена отделяла его от них, и ему пришлось собрать все силы, чтобы подняться; что же, собственно, произошло, спрашивал он себя, каков его личный вклад в происшедшее и с чем именно его поздравляют? А взгляд его был прикован к дисплею, на котором в столбик, строчка за строчкой, располагались итоговые данные по каждой из групп сведений, и в самом низу, как в некотором смысле итог жизни, стоял неопровержимый результат:

Тезисы по философии истории

Как показывает статистический анализ, в историческое развитие часто вмешиваются случайные флуктуации, направляющие ход событий на пути, где контролировать его становится невозможным. Именно поэтому до «часа нуль» нередко возникали непредвиденные ситуации, ставившие перед ответственными лицами не поддающиеся решению задачи. Попытки решить эти задачи ограничивались, как правило, пассивным реагированием, действиями, дававшими лишь кратковременные результаты. Эффективность вышеназванных действий очень скоро уменьшали другие случайные явления; плохо продуманные стремления улучшить общество терпели поражение в столкновениях с возрастающей хаотизацией. Человек был лишь орудием истории, но не ее творцом. Состояние ярко выраженного хаоса в обществе привело к существенному ограничению человеческой свободы.

Описанная ситуация типична для архаического общества, предшествовавшего «часу нуль». В нашем государстве единообразия и порядка факторы, увеличивающие энтропию,

должны быть из истории устранено.

Отсюда вытекает необходимость точного планирования хода истории, которое стало возможным благодаря высокому развитию методов моделирования на электронных вычислительных машинах. Мы различаем две программы, КИСТ и ДИСТ (для кратковременного и долговременного планирования). В кратковременном планировании детально разрабатываются не только желаемые изменения (социальные сдвиги, оснащение системы образования техническими средствами, медицинское обслуживание, психологическая тренировка и т. п.), но и необходимые для достижения поставленных целей меры. Указанные меры формулируются на общепринятом языке СИМПЛОН. Информация о них распространяется посредством системы связи СЕЛЕКТОР по программе ВАРИАТОР — ФАКТ и сообщается гражданам полномочных классов А и В. Долговременное планирование ограничивается пока разработкой целей и установлением меры их соответствия наличным ресурсам. Конкретных указаний к претворению долгосрочных планов в жизнь пока не дается, однако предусмотрено постепенное

распространение кратковременного программирования на область долговременного.

Осознание ошибок в развитии общества неизбежно влечет за собой также принятие мер к их исправлению. Философским основанием для этого является информационно-позитивистское определение реальности: действительность есть сумма всех коррелируемых данных. Поэтому в Институте исторического планирования создается отдел исправления истории. Его задача — изложить факты истории по-новому, таким образом, чтобы события современной истории могли быть поняты как логически вытекающее из этих фактов следствие. Этим путем удастся очистить наше мировосприятие от темных пятен, еще и поныне напоминающих о мрачном прошлом и обременяющих собой психику граждан. У совершенного государства история тоже должна быть совершенной.

2

Рабочий день Бена приближался к концу. Два часа сорок восемь минут и три секунды машинного времени потребовались ему на то, чтобы доказать: одному из них в этом обществе делать нечего. Перерыв был короткий: каждого дожидалось рабочее задание, которое нужно выполнить. Во время перерыва все как один заказали себе фармадраже, а Ульф достал из шкафа, где хранились кассеты с магнитофонными пленками, бутылку тонизирующего шампанского; когда они уходили из отсека Ульфа, настроение у всех было приподнятое. У Бена напиток тоже вызвал прилив энергии, только невозможно было найти для нее выход. Чтобы хоть частично наверстать упущенное время, оставалось только пятнадцать минут, и Бен занялся следующим случаем. Установив связь с запоминающим устройством, затребовал характеристики и кодовые числа. Через долю секунды они были перед ним, и он уже протянул было руку к копировальной машине, когда до него дошло, какой личный номер он видит перед собой: 33-78568700-16R. Он посмотрел опять: может, ошибка машины? Что еще это могло быть? Он ввел команду перепроверить и

исправить… несколько секунд ожидания, потом ответ: данные правильные — и опять тот же номер, его собственный!

Больше в этот день Бен не работал. Он осознал не сразу, но потом все сомнения исчезли: он получил приказ проверить самого себя.

Это было настолько неожиданно и необычно, что Бен на некоторое время утратил способность делать что бы то ни было. Проверка… Сама по себе она не обязательно означает что-то плохое; нередко человека выбирает, чтобы сделать его объектом проверки, не другой человек, а генератор случайных чисел. Таким способом, правда, ни одного отклонения от нормы еще никогда выявлено не было. В большинстве же случаев, однако, поводом к проверке служит обоснованное подозрение; и тогда большей частью, как показывает статистика, проверяемому не избежать снижения категории. По спине Бена пробежал холодок. Кто-кто, а уж он-то знает: такое может случиться с любым. Любой может возбудить подозрения, и надо сказать, что, как правило, основания для подозрений есть. Правда, большинству узнать эти основания бывает трудно, а то и просто невозможно. Несколько неправдивых ответов при опросах, неудачный выбор чтения или партнера

по играм, подозрительно необычные реакции при психотренинге и так далее… но все это едва ли может касаться его, ибо он точно знает, в каких именно случаях становишься уязвимым. Каждый детективный фильм, на демонстрации которого его видят, он уравновешивает просмотром двух-трех передач на исторические или общественные темы — неважно, что сам он в это время дремлет в каком-нибудь из последних рядов. И каждый контакт с легкомысленным Рексом Оманом, своим другом, он компенсирует беседами с психотренером или с каким-нибудь из лучших учеников в своей группе. Невозможно представить себе, чтобы он мог вызвать подозрение.

Однако именно об этом говорит невероятное событие, заключающееся в том, что ему предстоит провести проверку самого себя. Может, это шутка, очень остроумная, контролеров? Однако эту мысль он сразу отверг: уж если в чем можно быть уверенным, так это в том, что и намека на шутку контролеры не допустят в своей работе. Они ни в чем не пойдут на риск. Тогда остается еще одна возможность, столь же, однако, неправдоподобная, а именно: ошибка машины…

Но и эта мысль не утешала. Машина не ошибается, и те крайне редкие случаи, Когда расследо-

ватель получает приказ проверить самого себя, должно быть, объясняются тем, что возможность этого просто забыли исключить. В любом случае можно проверить, так это или нет. У него есть доступ к программам, так что получить соответствующую информацию совсем не трудно. Он уже потянулся было к клавиатуре, когда сообразил: то, что он собирается сделать, не входит в число действий, необходимых для его обычной работы. Хотя никакие инструкции ему этого не запрещают, никакие и не рекомендуют… а любое непредписанное действие по меньшей мере сомнительно. И ему стало до ужаса ясно, что выпутаться из положения, в котором он оказался, не ставя при этом под угрозу свой статус члена Свободного Общества, невозможно.

Бен выключил систему взаимодействия с машиной за две минуты до конца рабочего дня. Работать сегодня он был больше не в состоянии. То, что рабочий день кончался, его очень устраивало: нужно было разобраться в собственных мыслях.

Прежде чем уйти, он зашел в умывальню. Там заказал четверть литра питьевой воды и запил ею две таблетки, транквилизирующую и тони-

зирующую.

Возвращаться домой он бы сегодня предпочел в одиночестве, но когда, дойдя до конца длинного коридора, завернул за угол, то увидел Ульфа, и тот, взяв его за локоть, повел к выходу.

— Ну и счастливчик же ты! — сказал. Ульф. — Выпал бы мне такой случай — хотя бы раз! Уверен, тебя ждет премия не меньше, чем в двадцать пунктов…

Сквозь переходной люк они вышли наружу; обоим пришлось надеть дыхательные фильтры, и это хоть немного приглушило лившийся из Ульфа словесный поток. Сегодня, как и все последние дни, к вечеру лег на землю слой смога, и они с трудом прошли в этом удушливом газе несколько шагов, отделявших их от ближайшей станции магнитопоездов.

Бен попробовал избавиться от назойливого собеседника:

— Мы сегодня немного задержались — может, я поймаю одноместный магнитокар?

— Глупо, — возразил Ульф. — Тебе придется ждать самое меньшее полчаса. Пойдем сядем, места еще есть.

Они сели, и Ульф снял дыхательный фильтр. Воздух и в вагоне оставлял желать лучшего, но

по крайней мере не раздражал слизистую.

— А я уже готовлюсь к отпуску, — сообщил Ульф. Это можно было понять как желание перевести разговор на его собственные дела. — На этот раз я выбрал лыжную базу. Ты, наверное, знаешь: старый угледобывающий район на севере превратили в парк зимнего отдыха. Катки, искусственный снег и тому подобное. Куда приятнее натуральных холодов! Как по-твоему, следует поехать? Или это могут расценить как проявление агрессивности?

Бен пожал плечами. Он не вслушивался в то, что говорил Ульф, мысли его были заняты другим. Как в возникшей ситуации следует себя вести? Разумеется, он всегда может обсудить стоящую перед ним дилемму с психиатром, но делать этого не станет ни в коем случае. Бенгта Хамана он не выносит — чего, разумеется, не позволяет себе никогда обнаруживать.

— А если бы я еще записался в группу медитативного пения, это бы, наоборот, даже повысило мне общую оценку на несколько пунктов, — как ты считаешь? Я еще только не решил, там мне ночевать или у себя дома. Пожалуй, буду ночевать в доме отдыха. Придется, конечно, выполнить несколько формальностей, но ведь время у меня

есть.

Да, предписано обсуждать все личные трудности с психологами, но ведь в его, Бена, случае проблема связана прежде всего с профессиональной деятельностью. Очень подходит заведующий отделом, Освальдо Эфман, ему бы он доверился не раздумывая, если бы только был уверен, что дело достаточно важное, чтобы обращаться к официальному лицу. А может даже, никакой ошибки или недосмотра здесь нет, и почему, коли на то пошло, тебе не могут предложить проверить самого себя? Себя ты проверяешь или другого, все равно придется следовать обычной для такой работы процедуре, рассматривать одну графу за другой, вносить в перечень и оценивать показатели, расшифровывать данные тестов и так далее.

— По-моему, зимний спорт мне очень подходит, — продолжал Ульф. Он говорил и говорил, не обращая внимания на то, что Бен его почти не слушает. — Ты ведь видел, как я прыгаю с поворотного круга на скоростной тротуар? С вестибулярным аппаратом у меня все в высшей степени благополучно. Так же легко, я думаю, мне будет и на лыжах. А за спортивные успехи тоже повышают общую оценку? Или нет?

Эти слова оторвали Бена от его размышлений.

— Да — но, по-моему, только профессиональным спортсменам, не любителям.

— Жаль! — Ульф посмотрел в окно, пытаясь что-то в нем увидеть; стекла, хотя их ежедневно и очищали, покрывал толстый слой грязи. — Мне выходить! Всего хорошего!

Он исчез в толпе; Бену выходить было через две остановки. Поезд, слегка качнувшись, поднялся, пассажиров, которым удалось найти себе сидячие места, вдавило в подушки из пенопласта. Бен был как натянутая струна; он решил, что, пожалуй, стоит проверить пульс, и незаметно нащупал у себя на шее артерию. Почти сто! Он достал из коробки еще одну таблетку транквилизатора и проглотил ее. Может, подействует? Больше трех таблеток с такими же короткими интервалами — это он, как и все, уже один раз пробовал; к горлу подступает тошнота, и начинает казаться, что ощущение это никогда не исчезнет. Ну ладно, одна, которую он сейчас принял, еще допустима.

Выскочив из тепла вагона в холодный туман, он почувствовал колющую боль в плече. Надо бы еще раз прогреть его. Вжав голову в плечи, с трудом втягивая воздух сквозь дыхательный фильтр, он пошел к своему жилому блоку. Хорошо бы не

ужинать, но при подсчетах обратят внимание, что выданные ему на питание талоны остались неиспользованными, и это будет зафиксировано в его личном деле. Он стал в коридоре в длинную очередь и испытал облегчение оттого, что перед ним и за ним на этот раз оказались люди ему незнакомые. Он даже не обратил внимания на то, что именно швырнул ему на картонную тарелку автомат, а когда после ужина начали, как обычно, передавать последние новости, он едва не забыл сделать вид, что смотрит и слушает внимательно. На большом экране на передней стене зала появился диктор и представил собравшимся биотехника, добившегося очень высоких урожаев водорослей, и работника водоочистительной станции, послужной список которого насчитывал уже десять тысяч хлорирований. За их выступлениями последовали «Сообщения из мира труда»: показ работы шарикоподшипникового завода и фабрики, производящей нейлоновую щетину для очистительных устройств. Привычно, стихийными аплодисментами вознаграждались последние сведения по городу: введена в действие новая линия подземки; успешно завершила свою работу конференция по проблемам эргономики. Новости перемежались короткими сатирическими

мультипликационными фильмами, в которых высмеивались часто встречающиеся недостатки: небрежная очистка орудий труда, неэкономное расходование электроэнергии, небережливое пользование пригодной к употреблению водой. В конце программы обращалось внимание на сроки сдачи квитанций, свидетельствующих об участии в различных общественных кампаниях, и после сообщения о погоде, где указывалось, когда начнется и когда кончится намеченный на завтра дождь, можно было встать и покинуть зал.

На этот раз Бен не воспользовался разрешенным ему часом чтения. Он только зашел на несколько минут в зал космической музыки, попытался отдаться воздействию парящих в воздухе, нарастающих звуков — и убедился, что отвлечь его от тревожных мыслей эти звуки не в состоянии.

Потом, немного раньше остальных, которые, как всегда, старались использовать свободное вечернее время до последней минуты, он стал готовиться ко сну. В спальном зале почти никого еще не было, большинство кабин пустовало. Его кабина была в четвертом ряду, он поднялся в нее по небольшой лесенке. Четыре квадратных мет-

ра, принадлежащие только ему. Два небольших шкафа, радио, транслирующее общую для всех программу, кровать. Благодаря заработанным в прошлом месяце дополнительным пунктам он смог купить пестрое одеяло и наволочку, и его постель приятно выделялась своим видом среди других, серых и единообразных. А на стенки шкафов он наклеил яркие квитанции последней кампании по сбору средств. Он мог бы обменять их на шоколадно-мятные кубики, но квитанции так радовали глаз, что он решил оставить их себе.

В остальном, когда Бен, задергивая занавески, отгораживал себя от внешнего мира, он испытывал чувство удовлетворенности — своего рода гармонию между собой и обществом, которые диалектически противостоят друг другу, однако на более высоком уровне суть одно целое. Но сегодня этого чувства не было, и последней надеждой оставалась Блонди, его спальная кукла. Он уже не раз подумывал о том, чтобы поменять ее на другой тип, Блэки, поменьше и черноволосую, но так и не решился. Сейчас он был рад, что оставил Блонди. Он положил ее рядом с собой в постель и прижался к ней, наслаждаясь ощущением тепла, которое она всегда ему приносила. Провел паль-

цем по русым волосам, потерся щекой о ее щеку. В конце концов тревожные мысли стали отступать, и он подумал, что в жизни все-таки есть моменты — вознаграждение за добросовестный труд на благо обществу, — которых у него никто не может отнять. Даже боль в плече исчезла, и он предоставил себя нежным заботам куклы, контролируемой и управляемой через систему обратной связи.

Манифест Комитета Социального Обеспечения

Вид трудовой деятельности избирается для человека в соответствии с его биологически обусловленным физическим и психическим складом. В архаическую эпоху деятельность эта служила целям выживания. Поскольку не существовало органов власти, способных взять на себя ответственность за принятие необходимых мер, которые в итоге так и не были приняты, человек испытывал всестороннее и постоянное давление, не совместимое с принципами, лежащими в основе нашего современного государства. По этой причине наше государство все заботы о гражданах взяло на себя — условие, абсолютно необходимое

для обеспечения их свободы и счастья. Меры такого рода предполагают среди прочего изменения в функциях и предназначении человека. Этим Манифестом коллективам отделов антропологического планирования вменяется в обязанность разработать меры, которые также и биологически освободят человека от навязчивого стремления к непрерывной активности и от состояния готовности к таковой. Период, предшествующий решению этой проблемы, следует считать переходным. Хотя снизить уровень активности, в особенности при помощи медикаментозных средств, вполне возможно, необходимо учитывать, что некоторый остаточный потенциал активности пока не удается свести на нет. Поэтому гражданам классов с C по H и с I по T соответственно поручается выполнение частично (для первой группы) и исключительно (для второй) псевдополезных видов деятельности. При этом трудовая активность, внешне соответствуя видам труда, существовавшим в архаическую эпоху, не должна в отличие от них быть производительной. Неизбежно возникающие полезные результаты труда подлежат нейтрализации путем использования дисперсионных процес-

сов. Граждан неприспособленных классов U — X можно временно использовать в видах обслуживания, требующих применения физического труда, и выравнивать таким образом их энергетический потенциал. Имеются в виду в основном такие виды трудовой деятельности, автоматизация которых потребовала бы увеличения расходов на роботосистемы.

Таким образом, предписываемая линия соответствует стратегии планирования, по которой известная часть мер по жизнеобеспечению, в особенности снабжение и обслуживание, пока автоматизации и компьютеризации не подлежит. Подготовка к переходу на полную автоматизацию практически закончена; она в любой момент, как только будет решена биолого-антропологическая проблема, может перейти в программу кратковременного планирования.

3

Когда на следующий день Бен вошел в свой рабочий отсек и сел за пульт, ему показалось, будто что-то здесь стало по-другому, — правда, что именно, он сказать не мог. Сверкали, как всегда, пульты управления, блестел антистатический дисплей, магнитные ленты в системе ввода были туго натянуты, горела зеленая контрольная лампочка, индикация адресного коммутатора стояла на нуле. Серые квадраты ящиков с их невидимыми электронными внутренностями идеально вписывались в пространство отсека, их края строго следовали прямоугольной системе координат. Такова была его рабочая комната, такой она была уже месяцы и годы, однако сегодня она показалась Бену другой. Но изменилась не она, изменился он — его отношение к этим приборам, к работе, к смыслу того и другого… он больше не чувствовал себя чем-то совсем от них отдельным. И равнодушным он тоже не мог быть, ибо речь теперь шла о нем самом.

Он проделает свою работу так же добросовестно, как проделывал всегда до этого. Никакие предписания не требуют, чтобы он вел себя иначе. И сам он не видит никаких оснований

отступать от установленного порядка. Окажись в его поведении хотя бы малейшее отклонение от нормы, он его зафиксирует точно так же, как зафиксировал бы у другого. И однако, уже запустив программу и затребовав первые данные, Бен обратил внимание на то, что сердце у него бьется сильнее, что дышит он чаще, что на дисплей он смотрит напряженно и пристально… Он схватил коробку с таблетками и бросил два маленьких белых кружочка в рот. Спокойствие и сосредоточенность; с помощью химии и фармацевтики он хорошо выполнит свою работу. А выполнить ее он хотел.

Он вызвал первую аттестацию — «обычная проверка». Данные генетической программы, протоколов обучения, курсов психотренинга; результаты экзаменов, ответы «да-нет» на заданные вопросы, крестики, проставленные в квадратах, пробитые штампами отверстия, незаполненные пробелы… Знаки эти заключали в себе его «я», это был он, Бен, с его физической и психической жизнью, с его манерами и привычками, импульсами и мотивами, предпочтениями и слабостями… Он опять отогнал от себя не дававшие покоя мысли, ввел собственные данные в запоминающее устройство, дал себя складывать

и интегрировать, вычитать и дифференцировать, систематизировать и сравнивать, выписывать снова и оценивать.

В итоге получилось что-то среднее, ничем не примечательное. Это его несколько огорчило, ибо втайне он, как и многие другие, считал себя все-таки чем-то особенным, а не типичным средним индивидом стандартизованного общества. С другой стороны, однако, такой результат успокаивал. Возможно, тут сыграли свою роль и таблетки, но цифры говорили сами за себя: они целиком оправдывали его принадлежность к категории R, не содержали в себе даже намека на необходимость изменения категории, и уж тем более в худшую сторону.

Теперь Бен ввел свои медицинские данные. Здесь было все: кодовый номер клона, день его рождения, коэффициент роста, иммунизации и прививки, фторирование костей и зубов, пигментирование кожи. Точно так же, как его детские болезни, были отмечены все, даже самые легкие, полученные им дома или на улице телесные повреждения — от сломанного ногтя до ушибленного колена. Так же, как все выданные ему медикаменты, были записаны груды использованных им ваты и пластыря. После окончания

фазы роста, с двадцати двух лет (а наступление их означало конец формирования стереотипов поведения), он уже больше почти ничем не болел. Он здоров; и он поймал себя на мысли, что, будь перед ним данные другого человека, эти сведения о состоянии здоровья никакой радости бы у него не вызвали. Но никуда не денешься, исследует он не постороннего, а самого себя, и то, что при этом будет обнаружено, не может быть ему безразлично.

Оказалось, что и медицинские данные не содержат в себе ничего из ряда вон выходящего. В нем не гнездилось никакого тайного недуга, ничего такого обследования у него не обнаружили, ничто не отличало его от людей с нормальным здоровьем. Все было в порядке, все соответствовало его месту в шкале классификации: категории R. Он откинулся в кресле и глубоко вздохнул: быть может, все это просто дурной сон? Но тут его обожгла внезапная мысль: а ведь в медицинских данных ни разу не упомянуто его больное плечо. До этого он о своем плече как-то не задумывался; за последние годы у него не было ни одного несчастного случая, но однажды, глядя в зеркало, он увидел у основания шеи чуть заметный уходящий назад шрам. Боль он ощущал относительно

редко и так к ней привык, что почти не обращал на нее внимания. Этот легкий недуг приобретал значение только теперь, когда он установил, что недомогание это в его медицинских данных отсутствует.

Бен опять погрузился в размышления. Что делать? Он заставил себя успокоиться, посмотрел на ситуацию логически и пришел к заключению, что с официальной точки зрения никаких оснований углубляться в этот вопрос у него нет. Потому что нормальным путем он об этом расхождении между действительностью и данными ничего не узнал бы. Для него как расследователя никакого шрама не существует. Для него же как личности шрам есть, и его дело, если это его волнует.

Бена оторвали от размышлений донесшиеся из коридора шорохи, звуки шагов и обрывки фраз, слышался и женский голос; значит, это могут быть только Освальдо Эфман и его секретарша Гунда. Гунда Иман была единственной женщиной в отделе, и это подчеркивало особое положение Освальдо, принадлежавшего к категории F. Многим было неясно, почему Освальдо в качестве помощника нужна именно женщина, и ходили слухи, что они творят постыдное. Бен эти разговоры резко прерывал: он не мог допу-

стить мысли, что Освальдо способен на такое отвратительное преступление. И все-таки было непонятно, почему он терпит около себя женщину — ведь это всегда сопряжено с чувством мучительной неловкости и тем дает пищу извращенной фантазии сослуживцев. Но поведение граждан категории F необычно во многих отношениях, и не имело смысла ломать себе над ним голову.

Освальдо — единственный человек, с которым Бен хотел бы посоветоваться, и однако пока он не мог на это решиться. Кто может предсказать, как отреагирует Освальдо? Быть может, даст добрый совет, одним дружеским словом освободит от лишающей покоя тревоги. Но настолько же возможно, что Освальдо отвернется от него, возмущенный, и тогда его, Бена, положение станет попросту невыносимым.

Бен поставил систему взаимодействия на «перерыв». Торопливо проглотив таблетку для поднятия чувства собственного достоинства, вышел в коридор. Всего в нескольких метрах от него, перед входом в отсек соседа, стояли Освальдо, Ульф и Гунда. Увидев Бена, Освальдо замолчал и пошел, протягивая руку, ему навстречу:

— У меня не было случая тебя поздравить.

Поздравляю от всего сердца! Твоя работа безупречна, мне об этом только что доложили.

— Я выполнял свой долг, — выдавил из себя Бен. — Просто случайность, что я, а не…

Освальдо протестующе поднял руку:

— Нет, нет! Уже бывало, что сотрудники возвращали случаи такого рода назад в управление. И правильно делали: такое бремя ответственности на своих плечах вынесет не каждый.

С этими словами Освальдо двинулся к отсеку Бена. Как раз этого Бен хотел бы избежать: Освальдо всегда интересуется его работой, и не исключено, что он и на этот раз захочет сам немного поработать с промежуточными данными нового случая.

— Я уже до этого собирался, — продолжал Освальдо, — предложить, чтобы тебя направили на курс по теории психопрограммирования. Когда ты его окончишь, в чем я не сомневаюсь, мы сможем поручить тебе работу, требующую более высокой квалификации. Не исключено также, что этому будет сопутствовать перевод в более высокую категорию Q.

Они были уже в отсеке Бена, и Освальдо сел в его кресло и скользнул взглядом по листкам на столе:

— Над чем ты сейчас работаешь? Опять интересный случай?

Сейчас и нужно поговорить, сейчас для этого самый подходящий момент. Освальдо расположен к нему, его понимает, ему поможет… Но язык почему-то сказал:

— Ничего особенного, Освальдо. Никаких затруднений…

Поворотом тумблера Освальдо переключил с позиции «перерыв» и нажал несколько клавиш. Бен почувствовал, что вот-вот его начнет бить дрожь, но, сделав несколько глубоких вдохов, сумел взять себя в руки.

На дисплее замелькали знаки, выстроились ровными строками. Со вздохом облегчения Бен констатировал, что текст совершенно нейтрален. Итоговая оценка по первой группе сведений, а в ней даже при желании нельзя усмотреть ничего интересного. Но, самое главное, наверху стоит порядковый номер случая, а не его личный номер.

Освальдо сам вывел итоговую оценку по второй группе сведений и, явно потеряв интерес, повернулся к клавиатуре спиной:

— Да, случай самый обычный. Слишком даже для тебя простой. Я позабочусь, чтобы впредь тебе пришлось заниматься проблемами более

интересными!

Не подмигнул ли Освальдо, когда это говорил? Не было ли в его словах намека на иронию? Нет, конечно, Бену это показалось. Просто над ним подшучивает его нечистая совесть, чувство вины, начавшее его обволакивать из-за собственной недоверчивости, скрытности.

Еще немного, и он бы во всем Освальдо признался, но тот встал, а кроме того, в отсек вошла Гунда.

— Ах да, чуть не забыл! Папка при тебе? — спросил Освальдо женщину.

Она протянула ему папку. Освальдо вынул оттуда магнитную карточку.

— От имени руководства вручаю тебе премию в шестьдесят четыре пункта. Потрать их хорошо!

Не подмигнул ли он снова?

Бен начал было, запинаясь, благодарить, но Освальдо оборвал его:

— Нет никаких оснований благодарить меня! Размер премии рассчитывается по установленной системе пунктов. Благодари компьютер, если хочешь!

Освальдо сам улыбнулся своей шутке, а Гунда рассмеялась, но каким-то недобрым смехом. Оба пожали Бену руки, кивнули и вышли.

Бен сел в кресло и устремил взгляд на магнитную карточку — шестьдесят четыре пункта. В любое другое время это для него был бы настоящий праздник. Но сейчас?.. Он сунул эластичный листок с магнитными вкраплениями в нагрудный карман и снова повернулся к дисплею. Быстро, целеустремленно, не отвлекаясь ни на миг, начал работать…

Через два часа он знал: из его жизни куда-то исчезли три года. Убедиться в этом оказалось не просто: чтобы обнаружить признаки чего-то необычного, потребовался весь опыт искушенного расследователя. Ибо, разумеется, никаких пропусков в личном деле не было. Медицинские данные, результаты тестов, повторные учебные курсы, экзамены, потребление электроэнергии, использование досуга, индексы предпочтений для спортивных, драматических и развлекательных передач, — по всем разрядам сведения были полные и однородные. Но именно эта однородность и давала ключ к происшедшему: был отрезок времени продолжительностью в три года, когда она резко повышалась. Ни одного сколько-нибудь выделяющегося события, ничего, что оставило бы за собой хоть какой-нибудь след, ничего, что вспоминалось бы. Зато в медицин-

ских протоколах этого периода он видел даты тех прогреваний, которые время от времени повторно назначали ему медики по поводу боли в плече. Прогревания эти, совершенно неожиданные, совпадали с началом этих сомнительных трех лет. И так же неожиданно, как начались, они прекратились.

Разумеется, он попытался вспомнить себя в то время. Но с тех пор прошло десять лет, а что такое три года, если в течение их не Произошло ничего особенного? Мысленному взору являлись только спальные кабины, аудитории и рабочие отсеки, бессодержательные разговоры с соседями и сослуживцами, игры в психогруппе, некоторое волнение, когда он смотрел спортивные соревнования и фильмы, некоторое возбуждение при контактах с Блонди, его куклой, сплошная серая мешанина, ряд бледных картин, какие-то фрагменты прошлого, безразличные, несущественные… И как ни силился он отыскать в своей памяти хотя бы намек на что-то необычное, он не находил ничего.

К вопросу об эмоциях (сообщение для служебного пользования)

Повышенная эмоциональность людей по-прежнему остается нежелательным фактором, оказывающим разрушительное воздействие на структуру общества. С точки зрения кибернетики эмоции суть ассоциативно вызываемые осознаваемые сигналы, указывающие на важность ситуации для субъекта. Различают положительные и отрицательные эмоции — в зависимости от того, побуждают они индивида к сохранению ситуации или к избавлению от нее. В архаической среде эмоции выполняют биологически целесообразную функцию: побуждают индивида вести себя разумно, например защищать и обеспечивать всем необходимым свой организм, иначе говоря, устранять вредные и опасные воздействия или их избегать.

В нашем современном государстве защита граждан и обеспечение их всем необходимым не могут оставаться в зависимости от неконтролируемых эмоций. Выполнение этих задач государство берет на себя, целиком изымая их из компетенции индивида. Таким образом,

эмоции следует рассматривать как пережиток архаичных биологических обстоятельств, в нашей общественной ситуации совершенно излишний. Особенно неприятен факт, что эмоции часто появляются без видимой причины и закономерно ведут к поступкам, которые не могут быть предсказаны и соответственно сделаны объектом вычислений; таким образом, последствия эмоций неизбежно оказываются вредными. В связи с изложенным нескольким группам в отделе антропологических исследований было поручено изыскать способы «выключения» эмоций или такого изменения их функций, которое сделало бы их полезными гражданину. Так, например, положительные эмоции воодушевления и радости могут стать наградой за особенно хорошую адаптацию, за безоговорочное следование правильной линии и т. п.

Сказанное выше свидетельствует о том, что исследование эмоций, а также разработка способов вызывать их, контролировать и подавлять являются вопросом первостепенной важности. Как показывает опыт, наиболее перспективны следующие три подхода к решению этой проблемы:

a) воздействие на эмоции посредством ассоциаций. Этот способ был известен уже в архаическую эпоху; он использовался, например, для поддержания капиталистической системы хозяйства. Людям предлагаются знаки, образы или понятия, которые ассоциируются с нужными эмоциями. Примеры:

играющие люди — жизнерадостность
красивая девушка — любовное влечение
сцены борьбы и пыток — агрессивность

Процедура эта малоэффективна, поскольку чувствительность объекта к воздействиям такого рода со временем притупляется и он перестает их воспринимать. Поскольку, с другой стороны, это лучший способ воздействия одновременно на большие группы, он все еще используется (на благо человека) и в нашей общественной структуре, в частности при хоровом чтении стихов и афоризмов в часы психотренинга.

b) воздействие на эмоции посредством медикаментов. Еще в архаическую эпоху были известны опьяняющие яды и другие средства, при помощи которых люди приводили себя в желаемые Приятные эмоциональные состо-

яния. Как правило, средства эти возбуждали одновременно несколько центров эмоций и таким образом вызывали дезорганизованные состояния духа. В десятилетие, предшествовавшее «часу нуль», медики и психиатры уже ввели в употребление ряд препаратов, действовавших гораздо избирательнее. В последнее время в медицинских центрах исследовательского управления достигнуты в этой области значительные успехи. Ныне мы располагаем препаратами, позволяющими по желанию вызывать или подавлять те или иные эмоции.

Хотя интенсивность и длительность воздействий этих медикаментов варьируется от индивида к индивиду, амплитуда колебаний ограничена. Добавлением этих средств в питьевую воду или широко используемые продукты питания удалось приглушить определенные эмоции, создававшие для граждан трудности. Речь идет прежде всего о любовных и сексуальных переживаниях, которые в архаическую эпоху часто приводили к необдуманным и бессмысленным поступкам. В наш век, когда любовь гражданина целиком принадлежит государству и чувство это приносит ему полное удовлетворение, эмоции вышеназванного рода

только мешают.

с) электрическое стимулирование нейронов. Этот метод контроля над всем спектром эмоций представляется самым перспективным. Недостаток его в том, что в мозг объекту приходится вводить тонкие серебряные проволочки, что, вообще говоря, совершенно безболезненно. При этом крайне важна точность, проблема достижения которой до сих пор не решена окончательно. (Даже малейшие отклонения от намеченной точки часто вызывают нежелательные реакции.) В настоящее время идет работа над составлением трехмерной карты ответственных за эмоции участков головного мозга; конечной целью является создание возможности компьютеризованной стимуляции. Пока этот метод остается слишком дорогостоящим и потому не может быть применен ко всем гражданам. В отдельных случаях, особенно при болезненных или преступных отклонениях поведения, им, однако, пользуются. Кроме того, метод электрической стимуляции применяется для вызывания искусственных сновидений и для активации памяти.

4

Следующий день — воскресенье. Двойные порции джема, биокофе. Еженедельное торжественное заседание в актовом зале, чтение Основного Закона вслух, пение, выдержки из социальной программы, выступление актера Народного театра, музыка. Очередь на обед, цветные, по случаю праздничного дня, картонные стаканчики и тарелки. К белковому паштету — соевый соус. Тонизирующее пиво. В связи с финальной игрой чемпионата по баскетболу долгая поездка на стадион, после игры — двухчасовой обратный путь в страшной тесноте.

Один час до ужина… Этого времени Бен ждал. Он направился в свою спальную кабину, задернул занавеску. Повалился на постель, однако на этот раз его интересовала не Блонди. Удостоверился в том, что между стеной и занавеской не осталось даже самой маленькой щели, через которую мог бы проникнуть чей-нибудь взгляд. Затем достал коробку с таблетками и пластиковый пакет, который заранее наполнил в умывальне водой. Если запивать таблетки, они скорее растворятся. Сначала он проглотил шесть таблеток, помогающих сосредоточиться, а, подождав немного, принял

еще четыре. Он знал, что потом ему будет неописуемо плохо, но с этим заранее смирился. Бен лег на кровать с матрацем из пенопласта, положил голову на подушку, закрыл глаза и попытался восстановить в мыслях давно прошедшие события. Он ощутил, как под действием препарата изменяется его Сознание, как невероятно четкими и яркими становятся образы, как усиливаются контрасты. Естественно, он не знал, что именно следует ему делать, чтобы пробудить к жизни прошлое, и напрягался изо всех сил. Когда он понял, что воспоминания становятся все ярче, сердце его забилось сильнее, и внезапно сознание наполнилось огромным множеством деталей, десятками картин, появляющихся, чтобы тут же уступить место новым… Но быстро пришло и разочарование, ибо картины, всплывавшие в его памяти, были совсем пустыми. Он видел людей, давно уже исчезнувших из его поля зрения, но разговоры с ними были обычные: о спорте и играх, еде и куклах, расходовании электроэнергии и премиях. Почти ошеломленный яркостью этих давно погребенных в глубинах памяти картин, он видел себя в самых различных ситуациях, но были это всего лишь победа хоккейной команды, за которую он болел, мелодия из парада музыкаль-

ных боевиков, которая в свое время особенно ему понравилась, кадры из приключенческих и детективных фильмов… Всплывали и неприятные воспоминания: неправдивые ответы психиатру, постыдная встреча с женщиной, пытавшейся его коснуться, потерянная магнитная карточка, которая потом вдруг неожиданно нашлась…

Внезапно цепь образов разорвалась, поблекла, их заволокло туманом, и все они потонули в волнах тошноты; а затем он, по-прежнему лежа на кровати, корчился от боли, думал, что умирает, звал врача, психиатра, модератора…

Он очнулся в медицинской комнате своего блока, слабый и опустошенный, однако тошнота чудесным образом исчезла, и он надеялся, что с вопросами, которые ему будут заданы, справиться сможет.

У изголовья стоял сотрудник психоконтроля, рядом с ним — модератор и врач. Врач кивнул: можно начинать, Бен в состоянии отвечать на вопросы…

— Сколько таблеток ты принял? Какие это были таблетки? Зачем ты это сделал? Ты нарушил запрет. Разве ты не знаешь, что количество таблеток, которые могут быть приняты за один раз, ограничено?

Бен это знал, и отрицать, что он знал, было бесполезно.

— Я не подумал, — сказал он тихо и попытался придать голосу больше твердости. — Я хотел один раз попробовать. Я не знал, что будет так плохо.

— Тебе известно, что злоупотребление таблетками строго наказывается. Достижения в фармакологии, которые стали возможными благодаря нашей государственной системе, имеют целью помочь людям преодолевать их трудности. Но пользование этими достижениями предполагает чувство ответственности у членов общества. Предполагает соблюдение предписаний. А ведь предписания существуют не зря. Способность организма переносить биохимические воздействия не безгранична. Его защитная система реагирует на превышение, последствия чего ты только что испытал на себе. Ты принадлежишь к категории R и, следовательно, должен был знать последствия своего необдуманного шага. Почему ты так поступил?

Бен знал почему. И знал теперь также, что тошнота возникает вовсе не оттого, что человеческий организм защищается от химических веществ, которые помогают сосредоточиться. Скорее, в каждую таблетку добавляют некоторое

количество препарата, который эту тошноту вызывает. Неплохой способ в нужной мере ограничить прием таблеток, вызывающих желаемые эмоции. Здравый и вполне эффективный. В этом он убедился сам. Он не ожидал, что будет так плохо, — с дрожью вспоминал, как совсем недавно катался, беспомощный, по постели. Но ясно, что существует эффективное нейтрализующее средство, оно и было применено в его случае. Очень кстати: теперь он сможет отвечать на вопросы, не обнаруживая своих уязвимых мест. Он уже все хорошо обдумал.

— Это не для того, чтобы поднять себе настроение, — сказал он. — Я просто хотел восстановить в памяти некоторые учебные курсы, прослушанные мною несколько лет назад… курсы по программированию преподавания и обучения. Одной таблетки оказалось недостаточно, и я, не подумав, принял еще несколько. Теперь я понимаю, что это было глупо с моей стороны. И я заслуживаю наказания. Но никакого дурного умысла у меня не было.

Ну вот, главное сказано! Если ему поверят, дело ограничится обычным наказанием, изъятием какого-то количества пунктов, а это он смог бы перенести, даже если бы не получил премии.

Если же не поверят, можно ждать психодопроса, и тогда уже все равно, к психофармацевтике они прибегнут или к прямой стимуляции мозга электрическим током: всплывет все, что ему до этого удавалось скрывать.

Секунда, другая… Наконец, психоконтролер сделал какую-то отметку в личной карточке Бена, которую держал в руке, и протянул карточку ему:

— Ты поступил очень неосмотрительно. Но ты уже наказан. Такое с тобой впервые, поэтому пункты у тебя вычтены не будут. Пусть происшедшее послужит тебе уроком!

Психоконтролер кивнул врачу и модератору и вышел.

Бен поднялся и сделал, пошатываясь, два шага. Модератор подошел и поддержал его. До этого он не обнаруживал своего отношения к происходящему, но теперь не скрывал злобы.

— В моем блоке и такое свинство! — Он схватил Бена за руку выше локтя, тряхнул его. — И эти типы тебя даже не наказали! Ведь им все равно, а каково мне, никого не интересует! Этой ночью ты еще меня вспомнишь!

Ночью десять раз объявляли тревогу, и всем в спальном зале приходилось, одевшись, спус-

каться по пожарным лестницам во двор и там собираться, после чего их гнали спать снова. Большинство знало, кому они этим обязаны, и бросаемые на Бена взгляды были отнюдь не доброжелательными.

Наступивший понедельник, как и всякий будничный день, начался с работы для себя. Смысл ее заключался в том, чтобы держать членов общества физически и духовно в хорошей форме, поддерживать их способности, обновлять знания, информировать их о текущих политических программах. Особенно важным было психологическое очищение: тренировка самообладания и гибкости, задания, позволяющие уничтожить в зародыше любой свой психологический недостаток. Устранить его прежде даже, чем он возникнет. Особое внимание уделялось тому, насколько поведение соответствует требованиям общества, а также мотивам, побуждающим вести себя благонамеренно. Беспощадно разоблачались такие неправильные установки, как индивидуализм и эгоцентризм; осуществлялось это посредством психотренинга, коллективной работы, игр в вопросы и ответы, во время которых сразу становилось ясно, кого из присутствующих

отличают эгоцентризм, стремление думать не как все, желание скрыть от других свои переживания и чувства и так далее. Психогруппой, в которую входил Бен, руководил Бенгт Хаман.

Каждый час работы практически длился сорок минут; остальные двадцать минут уходили на получение опросных листов, ручек с магнитными чернилами, шаблонов для снятия учебных программ и тому подобные дела.

На этот раз Бен, бесцеремонно всех растолкав, оказался впереди, и необходимые формальности ему удалось выполнить всего за несколько минут. От своей цели раскрыть тайну собственного прошлого он никоим образом не отказался, но только подступил теперь к ней по-другому: ведь существует и официальный путь.

Втираться к Бенгту в доверие неприятно, однако сейчас без этого не обойтись, и то же самое придется ему делать впредь.

— Мне попался случай «игрек минус». Я получил за него премию в шестьдесят четыре пункта, и начальник отдела меня поздравил. Я этому очень рад. Но я подумал: а не означает ли моя радость, что я стал высокомерным, загордился? Что мне в связи с этим следует делать?

Бенгт посмотрел на него. Лицо его выражало

симпатию, которая всегда появлялась у него при разговорах с теми членами группы, в ком он был уверен.

— Что ж, — ответил он, — как-никак ты добился большого успеха. И успех этот — результат твоего добросовестного труда на пользу обществу. Радость твоя вполне оправдана. Или тебе кажется, что ты теперь лучше своих товарищей по работе?

Бен отрицательно покачал головой.

— Разумеется, нет. Я знаю совершенно определенно, что большинство их справились бы с этой работой ничуть не хуже меня — просто такие случаи им не попадались. И однако, они все радуются со мной, как радовался бы я, если бы так же повезло им. А ведь премию получил я один, и так как мне это приятно, у меня чувство, что она все же отдалила меня немного рт остальных.

Лоб психиатра наморщился, но через мгновение Бенгт снова излучал спокойствие и уверенность.

— То, что ты об этом задумываешься, уже само по себе хороший признак и доказывает, что оснований для беспокойства нет. Тем не менее я запишу для тебя несколько психологически действенных фраз — можешь в свободное время

читать их вслух или про себя, и они помогут тебе справиться с твоими трудностями. Полученное поощрение должно стать для тебя стимулом к еще лучшей работе.

— Обязательно, — отозвался Бен. — И это еще одна причина, почему я хотел с вами поговорить. Мне сообщили, что я должен прослушать курс по теории психопрограммирования. Я пытался вспомнить все, чему в этом смысле меня в свое время учили, но обнаружил, что часть материала забыл. Поэтому я бы хотел попросить о реактивации содержимого памяти. Не могли бы вы поддержать мою просьбу?

Бенгт снова наморщил лоб, и на этот раз лоб разгладился не сразу.

— Реактивацию содержимого памяти? Откуда ты знаешь о том, что она возможна? — Он пристально посмотрел на Бена, потом, словно извиняясь, положил руку ему на плечо. — Ах да, ведь ты расследователь; возможно, ты уже пользовался этим средством. Ну что ж, раз цель хорошая… Я твою просьбу поддержу.

Он кивнул Бену и пошел к пульту компьютера, через который управлял учебным процессом. Звонок уже прозвонил, и комната сразу наполнилась голосами членов группы, начавших, как

обычно, с психологической разминки.

— Мы веселые и уверенные.

— Один — за всех, все — за одного.

— У нас нет тайн друг от друга.

— Наши мысли свободны и нам никем не навязаны.

— Нам нечего скрывать друг от друга.

— Мы члены Свободного Общества.

Песенник для психотренинга

(отрывок из раздела «Любовь к государству»)

Мы счастливые люди!
Мы довольные граждане!
Мы живем в лучшем из миров!
Мы живем в совершенном государстве!
Наше государство — это мы сами.
Наше государство о нас заботится:
защищает нас от болезней,
избавляет нас от нужды,
делает нас счастливыми людьми.
Мы принадлежим друг другу.
Мы принадлежим нашему государству.

Один — за всех, все — за одного.
Все помогают всем.
Мы чувствуем себя в безопасности!
Никто не знает сомнений!
Никто не знает Забот!
Наша жизнь течет по спокойному руслу.
Наша судьба запланирована.
Наша жизнь под защитой.
Мы живем лучшей из всех жизней.
Мы счастливые люди:
свободные от забот,
свободные от сомнений,
свободные от нужды.
И свобода — это наша жизнь;
и наша жизнь — это наша счастье,
и наше счастье — это наше государство.

5

Когда во второй половине дня Бен вызвал свою программу, оказалось, что в нее введена дополнительная информация: 33-78568700-16R обратился с просьбой о реактивации содержимого памяти, и просьба эта отклонена.

Бен не знал, что она отклонена, и не ожидал, что будет оповещен об этом именно таким способом. Это, однако, показало, что в сети контроля есть ячейки, еще ему не известные, и нужно быть осторожным.

Строго говоря, он обязан это сообщение закодировать, оценить и ввести в статистику. Это станет первым отрицательным фактом в его таблице сведений. Почему-то он не торопился это сделать и, немного подумав, ввел эту новую информацию в буферную память.

То, что три года куда-то исчезли, волновало его по-прежнему, и теперь он уже не мог сказать, служебный или личный характер имеет его заинтересованность. Сам он здесь в источники информации не годится, но нельзя ли приблизиться к разгадке через других лиц? Он вызвал список своих контактов, но, как и ожидал, это не внесло никакой ясности: за период, который его

интересовал, ни одного нового лица среди его знакомых не появилось. Однако расследователем он был уже достаточно долго и знал, что если простейший путь к получению необходимой информации не дает результатов, можно попробовать другие. Если он занимается поиском связанной с ним самим информации, отталкиваясь от собственной персоны, и подход этот ничего не дает, то это вовсе не значит, что нельзя ничего выяснить, отталкиваясь от других лиц. Иначе говоря: если у него были контакты с какими-то лицами и упоминания об этих лицах были затем изъяты из перечня его контактов, сам он все равно должен оставаться в перечнях контактов упомянутых лиц. Да, конечно, выявление их требует огромной вычислительной работы, однако, если он использует программу совмещения во времени с фиктивными промежуточными вопросами, он может уложиться в такой отрезок машинного времени, на который не нужно просить специального разрешения.

Компьютер производил вычисления в течение пятидесяти трех минут двадцати целых и девяноста шести сотых секунды, после чего на дисплее появились имена:

Джонатан Уман — 63-10796950-17U,

Барбара Тэман — 11-64911430-12T,
Харди Вэман — 14-5566850-19W.

Хоть это казалось безнадежным, Бен все же попытался обнаружить у себя в памяти что-нибудь связанное с тремя появившимися именами. О чем-то они ему говорили, чем-то были знакомы, близки. Но что здесь правда, а что плоды воображения? Имена, как тысячи других имен, номера, содержащие для посвященного информацию о генетическом формировании, кодовом номере клона, районе проживания, категории и общественной ценности гражданина и, однако, не говорящие ничего о том, кто за ними скрывается, — о человеке, который живет, действует, думает, чувствует, о живом человеке, который испытывает к другим симпатию или антипатию, который ставит перед собой цели, стремится к ним, достигает их или терпит фиаско. Что связывает его с теми, кто скрывается под именами Джонатан, Барбара и Харди? Они живут где-то в этом же городе, у них, как и у него, есть своя работа и свои обязанности, но есть и нечто, чего у него более нет: воспоминания об утраченном для него времени — по крайней мере он на это надеется.

Только постепенно до него дошло, что означают эти три строки светящихся букв и цифр.

Это не более и не менее как доказательство того, что гонится он отнюдь не за химерой, что из его жизни действительно кем-то что-то вырвано. Напрашивалась мысль, что проверка самого себя, которая является нынешним его рабочим заданием, с этим как-то связана. До сих пор ему, признаться, не очень верилось, что какая-то часть его прошлого обретет плоть, и вот теперь это случилось. Он просто обязан извлечь из этих лиц всю информацию, какую сможет.

Редко, но бывают случаи, требующие волевой работы. При состоянии, в каком оказалось расследование, необходимость ее была совершенно очевидной. Бен снова и снова спрашивал себя, точно ли так же бы он действовал, если бы речь шла об оценке человека незнакомого, которого он не знает; да, приходил он к выводу, точно так же. Втайне он уже давно решил использовать все средства, дозволенные и недозволенные, лишь бы достигнуть своей цели; однако нельзя вызывать ни малейшего подозрения, и потому важно вести себя в полном соответствии с предписаниями и инструкциями.

Естественно, он обратился к личным делам трех лиц, с которыми когда-то вступал в контакт, вызвал все данные, перечни, результаты тестов и

протоколы проверок и таким путем узнал все, что об этих людях было известно, — больше, по-видимому, чем они сами о себе знали. В этих данных были запротоколированы личность каждого и его жизненный путь; как считали специалисты по описанию и документированию, остальное не заслуживает выяснения. Протоколы дают лучшее представление о личности, чем прямое общение. Как, однако, знал каждый расследователь, бывают исключения из правил, и именно такое исключение, как обнаружил Бен, имело место в этом случае. Сколько ни изучал он данные, он не находил в них ни малейшего указания на то, какие отношения связывали его в прошлом с этими объявившимися личностями. В сведениях было отмечено лишь время его встреч с ними, но все другие вопросы оставались без ответа. Возможно, в этом — так считали многие — был недостаток системы контроля; возможно, следовало бы распространить контроль также на содержание разговоров, на поведение во время встреч, на испытываемые в это время чувства и так далее, а не полагаться на одну лишь статистику. С другой стороны, понятно, что огромная дополнительная работа такого рода принесла бы ничтожно малые результаты, да и то лишь в исключительных

случаях подлинных отклонений от нормы. Но разве не ради именно таких случаев существует вся их работа?

Установки по изменению личности

Полученный нами из архаической эпохи человеческий материал во многих отношениях оставляет желать лучшего и еще не удовлетворяет до конца требованиям совершенного государства. Относительно легко проходит адаптация подрастающего поколения; главную трудность здесь создают не выявленные при проверке (методы проверки еще не вполне совершенны) или возникшие в результате мутаций (предотвратить которые пока еще не вполне удается) генетические изъяны. При помощи серий различных тестов отклонения такого рода, однако, обнаруживаются сравнительно рано, поэтому оказывается возможным способствовать адаптации путем применения индивидуально подобранных лекарственных средств или хирургического вмешательства. Лишь в немногих случаях оказывается необходимым полное стирание личности.

Наибольшие трудности возникают с индиви-

дами, достигшими стадии взрослости до «часа нуль». Хотя в большинстве случаев дезориентирующие воспоминания о том времени удается устранить и тем самым добиться, чтобы интересы нашего государства стали единственным содержанием сознания индивида, снова и снова однако наблюдаются рецидивы — всплывающие внезапно воспоминания, возврат к архаическому поведению, выплески нежелательных и неприемлемых чувств.

Поскольку такого рода явления не только нарушают функционирование государственного устройства, но также чреваты для лиц, о которых идет речь, тяжелыми нервными перегрузками, наше государство взяло на себя заботу о том, чтобы меры, необходимые для предотвращения таких явлений, принимались как можно раньше. Обычно обеспечивается общее снижение уровня активности, в результате чего в основном исчезает также и побуждение к активации вытесненного содержимого памяти. Иногда, однако, встречаются трудные случаи — индивиды, в памяти которых по неизвестным причинам оживают картины прошлого. Человек впадает в патологическое состояние, симптомы которого хорошо из-

вестны: моторное возбуждение, агрессивные поступки, недовольство, принимающее характер бреда преследования, склонность к сутяжничеству и саботажу, бредовые представления. В определенных обстоятельствах люди, страдающие этой болезнью, могут причинять вред нашему общественному устройству; связывая свои активированные грезы и галлюцинации с сегодняшней действительностью и руководствуясь представлениями такого рода в своих действиях, эти лица распространяют ложную информацию и сеют среди тех, с кем они вступают в контакт, неверие и сомнения.

Больного такого рода следует рассматривать как особый случай; прежде всего необходимо постараться найти первопричины его состояния. Соответствующие расследования проводятся совместно с Институтом доисторических эпох; таким путем удается показать различие между вызывающими ужас картинами прошлого и имеющими бредовый характер картинами, появившимися в воображении больного. Для лечения используются известные психологические, медикаментозные и микронейрохирургические средства. Облегчения в большинстве случаев удается достигнуть

лишь путем сочетания перечисленных средств; речь при этом идет не только о том, чтобы привести больного в спокойное состояние и возвратить его обществу, но прежде всего об устранении мешающего содержимого памяти. Как выяснилось, лучшим для этого способом является изменение личности. Память подвергается шоку, и возникающие в результате провалы памяти заполняются воспоминаниями, созданными искусственно. Это требует совместной работы специалистов по индивидуальной психологии, медиков и историков как для того, чтобы убедительно связать в глазах больного его личную судьбу с историческими событиями, так и для того, чтобы достичь логически оправданного подключения его к настоящему. Лучше всего снабжать больных биографиями ничем не выделяющимися, более или менее соответствующими представлениям о биографии среднего гражданина. Хотя таким путем, как правило, достигается практически полное выздоровление, больные, о которых идет речь, в течение ряда лет должны оставаться под наблюдением.

6

Бен не сразу решил, кого он постарается найти первым: Джонатана, Барбару или Харди. С самого начала было ясно, что ему предстоят не очень приятные часы — учитывая хотя бы среду, в которой живут эти люди. Это были граждане низших категорий, люди, которым не удалось стать такими, каким должен быть образцовый член Свободного Общества. И хотя все граждане в государстве были одинаково свободны и равноправны, многие тем не менее смотрели на низшие классы свысока, испытывали к ним жалость и отвращение, при этом ощущая, однако, пусть совсем небольшую, но зависть: оказывается, можно быть полноправным гражданином, не будучи всегда умытым и причесанным, предельно аккуратно одетым, открытым и вежливым. Не посещая ежедневных психозанятий, не занимаясь сравнительной историей, не упражняясь в медитативной гимнастике… Так что выход Бена в соответствующую часть города был для него вылазкой в незнакомое место, где чувствуешь себя неуверенно и стесненно.

Особенно ошеломило его, что среди лиц, с которыми у него в прошлом были контакты, ока-

залась девушка. Он даже вообразить себе не мог, чтобы у него мог быть какой-нибудь контакт с существом женского пола, а уж тем более контакт интимный, который не только запрещен, но для человека со здоровыми наклонностями просто немыслим. Да, конечно, он слышал о варварских временах, когда мужчины и женщины жили в одних и тех же комнатах; и ходили также слухи о худших вещах, извращениях, о которых не только что говорить, а даже подумать невозможно. Но если и было в этих сказках зерно истины, то ведь эта стадия развития человечества уже позади, и уж теперь ни одному гражданину в государстве в голову не придет добровольно искать представителя другого пола.

Поэтому встреча с Барбарой пугала его больше, чем другие две предстоящие встречи. В то же время, однако, хотя ничего конкретного в его памяти с именем «Барбара» не связывалось, он с того самого мгновения, когда, начертанное светящимися буквами, оно появилось на дисплее, ощущал странное беспокойство и, быть может, именно потому сознательным усилием воли преодолел отвращение и решил, что с Барбары и начнет.

Возможно, целесообразнее было бы отпра-

виться прямо в ее жилой блок. Ему казалось, что уместнее будет посетить ее на работе, и он отправился в производственный отдел фабрики по обработке пластмассы, где трудилась Барбара. Сразу стало ясно, что граждан средних категорий здесь видят редко, и, быть может, именно поэтому Бену дали сопровождающего, модератора-женщину явно довольно высокого ранга. Обычная ее функция заключалась, по-видимому, в том, чтобы показывать посетителям предприятие, и Бену пришлось выслушивать бесконечные объяснения по поводу плавок, растворов, осадков, вспенивания и затвердевания пластмасс; трудно было сказать, вызван ли поток слов, извергаемых женщиной, искренним энтузиазмом или же это просто обычная манера вести себя с посетителями. И он почти не слышал того, что ему говорилось, — не только потому, что это его не интересовало, но и потому, что соседство существа женского пола выводило его из равновесия гораздо больше, чем он позволял себе заметить и был готов себе признаться. Бен посмотрел на нее в профиль: такой же, как на мужчинах, белый комбинезон, но как отталкивающе выглядят две выпуклости на груди, округлости ягодиц и бедер! Его передергивало, хотя он старался этого не

показывать, даже от ее пронзительного голоса.

После того как она против его воли (хотя выражать неудовольствие он не стал) задержала его надолго в цехе, изготавливающем очки от солнца, и в другом, выпускающем синтетические губки, они пришли в зал, где находилось рабочее место Барбары.

— Здесь работают тысяча сто двенадцать девушек, — стала рассказывать сопровождающая. — Наше предприятие полуавтоматизированное: можно было бы до конца компьютеризировать и его, но пока нам некуда девать рабочую силу, которая бы при этом освободилась. Однако не все ли равно в конце концов, какими способами достигается цель?

Она улыбнулась заискивающе, явно ожидая одобрения, и эта попытка к нему подделаться была так неприятна, что Бен ускорил шаг, желая, насколько возможно, увеличить расстояние между собой и ею. Однако она, шаркая, поспешила его догнать и продолжала объяснения:

— Вон туда в виде маленьких шариков поступает полимеризуемый материал. Оттуда он идет в плавильню и…

В воздухе стоял резкий запах органических растворителей; глаза у Бена начали слезиться, веки

покраснели. Вокруг располагались правильными рядами какие-то устройства, казавшиеся ему непонятными и опасными; он испытал нечто похожее на тоску, когда на миг вспомнил холодную ясность своего центрального процессора.

— …А вот конвейер для производства пластиковых бутылок размером с пятого по седьмой. Вон там пластмасса прокатывается и приобретает форму плоских листов, вон там нагревается в вихревом поле, а вот здесь, — женщина потянула Бена за рукав, — прессуются заготовки. Затем следующая фаза нагрева, и путем вдувания воздуха бутылке придается ее окончательная форма…

У Бена было чувство, будто он заблудился. Он остановился и спросил:

— Нам еще далеко идти?

На него напал кашель, и он достал бумажный носовой платок.

— Всего несколько шагов. Теперь мы в выдувальне: работа очень ответственная, требует сосредоточенности и интуиции…

Внезапно она умолкла, Бен оглянулся и увидел, что она стоит, запыхавшаяся, и показывает рукой на девушку, которая сидит на трехногой табуретке в двух шагах от него. Сидела она к ним спиной, но когда Бен сделал два шага, отделявших его от

нее, она обернулась — и встреча, хотя он к ней готовился, ошеломила его, и в первое мгновение он так смутился и растерялся, что не мог вымолвить ни слова. Он увидел серый рабочий халат, почти совсем скрывающий фигуру, потом перевел взгляд на бледное, немного плоское лицо — на короткий, чуть вздернутый нос, на глаза, цвет которых был обозначен в протоколах как «серо-зеленый DIN 62/3»; сейчас он впервые увидел цвет, к которому это обозначение относится…

Женщина-модератор приказала девушке встать.

— Лучше разговаривать вон там, на складе: там потише.

Они пошли рядом, и Бену представилась возможность, во-первых, взять себя в руки и, во-вторых, получше рассмотреть девушку. Профиль у нее был приятный, черты мягкие, но то же самое можно было сказать с многих других женщинах. Волосы, как предписывалось теперь всем, были коротко острижены, но как-то необычно, неровно — будто их обкарнали ножницы, а не подстриг аккуратно парикмахер-автомат. Быть может, из-за этой стрижки, а может, из-за вздернутого носа или чуть оттопыренных губ в девушке, как ни спокойна внешне она была, чувствовалась

какая-то необузданность. Когда же, однако, Бен посмотрел на других женщин в этом цехе, он вынужден был себе признаться, что черты лица Барбары по сравнению с чертами остальных женщин безупречно правильны. Кругом он видел отклонения от физической нормы, которые ему казались просто патологическими: кривые зубы, изрытая шрамами кожа, сросшиеся над основанием носа брови; некоторые даже были в очках. На какой-то миг у него появилось чувство, будто прямо сейчас все эти женщины и девушки к нему повернутся, поднимутся медленно со своих мест, преградят ему дорогу, потащат в угол и сделают с ним такое, что и представить себе невозможно…

Они вошли в склад, и Бен вздохнул облегченно.

— Можете задавать вопросы, — сказала женщина-модератор, видя, что он молчит.

В помещении стояло несколько табуретов.

— Давайте сядем! — предложил он.

Вопросы он приготовил заранее и теперь начал их задавать. Личный номер, образование, специальность. Результаты последней проверки, последних психологических тестов. Несколько вопросов по Основному Закону, по последней социальной программе.

Он держал перед собой открытый блокнот и сравнивал ее ответы с записанными в блокноте сведениями. Как правило, те и другие совпадали, а если и расходились, то большого значения это не имело, ибо, разумеется, он был информирован лучше, чем она: в конце концов, в его распоряжении находились вся система контроля, все хранящиеся в машинной памяти данные.

На самом деле вопросы он задавал только для того, чтобы получить о ней общее представление, чтобы ответить самому себе, не всколыхнулось ли что-нибудь в его памяти, не появился ли там хотя бы намек на воспоминание…

Нет, эту девушку он видит впервые. До этого он опасался втайне, что эта встреча откроет в нем какую-нибудь бездну, что на него хлынет из прошлого нечто страшное и отвратительное, такое, что придется вытеснять из своего сознания. Но ничего похожего не случилось. Настолько полно и окончательно вытеснить что-либо невозможно; нет, с Барбарой он никогда до этого не был знаком.

А как вела себя она?

На этот вопрос ответить было трудно: ведь он понятия не имел, как ведут себя обычно женщины, а тем более низших категорий. Всегда ли

эти девушки смотрят на мужчин так, как она смотрит на него? Какой это взгляд — открытый или вызывающий? Покорность он выражает или же она дает понять, что хочет вступить в тайный сговор?

Он начал, хотя это не входило в его компетенцию, с психологического теста на ассоциации. Девушка явно не понимала, в чем суть теста, и сопровождающая тоже не могла знать, что Бен сейчас превышает свои полномочия.

— Было у тебя хоть раз чувство, что ты паришь в воздухе? Что бы ты почувствовала, если бы увидела запачканный флаг? Можешь ли ты испытывать ненависть к своему модератору? Способна ли ты не выполнить приказа?

Бен торопливо записывал, однако делал это только для отвода глаз. Это была всего лишь маскировка для вопросов, которые бы он хотел задать на самом деле: «Есть ли что-нибудь, о чем бы ты не захотела сказать расследователю? О чем ты подумала, когда увидела меня? Вызывает у тебя эта ситуация воспоминания о чем-нибудь, что с тобой уже было? Есть у тебя чувство, что ты когда-то меня видела?»

Девушка отвечала без колебаний, тихо, но внятно. Отвечая на последние вопросы, тоже

не обнаружила никакой неуверенности. И все же сомнения не покидали Бена. Эти серо-зеленые глаза смотрели на него очень пристально, что само по себе в этой ситуации было вполне естественно, и однако Бен спрашивал себя, не могут ли за ее словами скрываться ответы совсем другие, например: «Да, вызывает… ну, ты знаешь, тогда… ты ведь помнишь, правда?».

Сопровождающая кашлянула, и только теперь он заметил, что смотрит неподвижно к себе в блокнот на им же нацарапанные слова и цифры, но их не видит. Он встал:

— Достаточно.

Несколько секунд они простояли в нерешительности друг против друга, а потом он протянул Барбаре руку и тут же понял, что поступок этот неуместный и необычный. Но дело было сделано, рука девушки легла в его руку на столько времени, сколько нужно для глубокого вдоха, и он ощутил легкое пожатие, теплое и спокойное, которое вновь пробудило всё уже наполовину отброшенные сомнения…

Он резко повернулся и пошел прочь, безразличный к тому, следует за ним модератор или нет.

Только в вагоне магнитопоезда понял он, почему Барбара, которой он не знал, показалась ему

близко знакомым человеком: она была невероятно похожа на Блонди, его куклу.

Перечень индивидуально-психологических черт, оценённых по семипунктной системе

	−3	−2	−1	0	+1	+2	+3
Адаптивность				×			
Альтруизм							×
Бережливость			×				
Быстрота интеллектуальной реакции					×		
Вежливость						×	
Великодушие			×				
Верность				×			
Внимание			×				
Возбудимость		×					
Воображение			×				
Выдержка			×				
Гибкость				×			
Гордость		×					
Дисциплинированность							×
Добродушие			×				
Интуиция					×		
Критичность	×						
Молчаливость		×					
Наивность						×	
Непосредственность		×					
Неустойчивость внимания				×			
Ответственность			×				
Открытость						×	
Память		×					
Послушание							×
Постоянство		×					
Потребность в защите							×
Решительность					×		
Скромность						×	
Смелость		×					
Терпение					×		
Терпимость	×						
Уровень интеллекта		×					
Устойчивость			×				
Утомляемость					×		
Честность						×	
Честолюбие			×				
Чувство долга							×
Чувство иерархии							×
Чувство юмора			×				
Щедрость		×					

7

Не рекомендовалось посещать квартал низших классов слишком часто — в противном случае даже расследователь рисковал привлечь к себе внимание. Поэтому Бен продолжал работу со статистическими данными, хотя никаких ощутимых результатов от нее видно не было.

В секунды, потребовавшиеся компьютеру, чтобы провести сложный анализ отношений и связей между данными, Бен думал о том, как ему активизировать воспоминания, которые наверняка дремлют в каком-то уголке его мозга. Официальный путь для него закрыт, к тому же обычными медикаментами сокрушить барьеры, ограждающие его воспоминания, невозможно, но есть еще и другой путь, правда, уводящий в области неизвестные и опасные.

Рационирование воздействующих на психику средств побуждало людей снова и снова добывать их запрещенными способами. Особенно сильным искушение было для тех, кто, работая на биохимической или фармацевтической фабрике, обладал соответствующими профессиональными знаниями. Им обходить запреты большого труда не составляло. Самый простой способ заключается в

том, чтобы удалять из разрешенных к употреблению препаратов вызывающую тошноту примесь, что позволяло повысить концентрации, а это в свою очередь вело к разного рода приподнятым состояниям у того, кто такой препарат примет. У некоторых биохимиков и фармацевтов, однако, был также доступ к аппаратуре синтеза, и ее, несмотря на все принимаемые меры, удавалось, пусть ненадолго, использовать не в самых благовидных личных целях. Умный пользовался этими возможностями лишь для того, чтобы обеспечить себе два-три часа беззаботности, внутренней свободы, просветления, гармонии с миром и самим собой. И однако снова и снова находились люди, менявшие небольшие количества своей запретной продукции на пункты.

Вечером, после ужина, Бен разыскал Рекса Омана, всегда хорошо информированного о вещах, о которых вслух лучше не говорить.

Когда Бен завел разговор о медикаментозных средствах, Рекс Оман сразу насторожился:

— Зачем тебе это? Только не уверяй, что тебе вдруг захотелось поднять себе настроение! Если ты ждешь от меня помощи, расскажи, о чем идет речь.

Бен уже до этого, взвесив все, решил довериться

Рексу: слишком серьезна была проблема, которая перед ним стояла. К тому же никакие увертки с Рексом все равно бы не прошли.

— Я скажу, но обещай сохранить это в тайне: у меня чувство, будто в моей жизни есть период, который я начисто забыл. Я бы хотел узнать, что в те годы со мной было.

— А почему бы тебе не обратиться к психиатру? Почему не попросить реактивации содержимого памяти?

— Я просил, но просьбу отклонили, — сказал Бен.

— Может быть, это психоблок? О такой возможности ты не думал? Может, тебе пришлось быть свидетелем какого-нибудь преступления и тебя избавили от мучительных воспоминаний? Иногда так делают.

— Знаю, я тоже подумал, что могло быть что-то подобное. Но если меня хотят от чего-то уберечь, психоблок не поможет. В последнее время я без конца просыпаюсь по ночам, сердце колотится, такое чувство, будто что-то случилось и я вот-вот пойму что именно, но в последний момент это от меня ускользает. Оставаться в неведении я больше не могу. Я хочу узнать, что там скрывается, — страшнее моего кошмара оно все равно

не будет!

Рекс подумал немного, потом сказал:

— Возможно, ты прав. Легче всего от таких вещей избавиться, если их осознаешь. И все-таки не понимаю, почему ничего не может сделать психиатр…

— Ты мне поможешь?

Рекс огляделся.

— Ладно, если обещаешь ни при каких обстоятельствах не упоминать моего имени! Слушай внимательно: приняв разом несколько таблеток, усиливающих память, ты того, что хочешь, все равно не добьешься. Тебе нужен специалист, такой, который согласится иметь с тобой дело…

— …и ты мог бы такого мне рекомендовать?

— Слушай меня: в любую пятницу вечером отправляйся в туалетную комнату при велосипедном стадионе в блоке Е. Запрешься в крайней левой кабине и сунешь под левую боковую стенку свою транспортную карточку F. Если тебе повезет, стенка сдвинется в сторону и ты сможешь сказать, что тебе нужно. Стоить будет, естественно, не дешево.

— Но ведь я могу оказаться в полной зависимости от любого мошенника… Почему именно транспортную карточку?

— Ты сможешь получить ее назад. Но если ты сам не доверяешь, как можешь ты ожидать доверия от других? Поступай как знаешь — я все сказал. Но не забудь, что ты обещал: я не хочу иметь ко всей этой истории никакого отношения, я ничего о ней не знаю!

Он коротко кивнул Бену и исчез.

Тем же вечером Бен отправился в блок Е. Трибуны стадиона были переполнены, азартные крики толпы отдавались даже внутри бетонного здания — в котельных и холодильниках, на электро- и радиостанции, в кухнях и столовых, в складах спортивного инвентаря, в душевых и в туалетных комнатах…

Бен хорошо знал стадион, но в здании был впервые. Лабиринт, серое в сером, бетонные стены, обитые листовым железом ступеньки, бесконечные, тускло освещенные зеленым светом люминесцентных ламп переходы, закругленные по форме здания стены и искажаемая ими, затрудняющая ориентировку перспектива…

Людей навстречу попадалось очень мало. Они казались такими же серыми, как стены, боящимися света, бестелесными… И тем сильнее было изумление Бена, когда он открыл дверь в туалетную комнату: в ней оказалось человек десять, и

когда Бен попробовал войти в крайнюю левую кабинку, он увидел, что она занята, но перед ней стоит еще один человек, а за ним другой; да, это была очередь — не такая идеально прямая, как перед дверью столовой или окошком выдачи, но все равно устойчивая. Люди стояли не вплотную, свободно, один немного правее, другой левее, и однако каждый знал, за кем он стоит; и еще Бен, когда попытался стать между ними, сразу заметил появившуюся напряженность, гримасы недовольства, перемигиванье… Ему пришлось стать в хвост очереди у входной двери, и, пытаясь спрятаться за отсутствующим выражением лица, он тоже стал ждать…

Он украдкой оглядел стоящих впереди… да, ему неуютно в их обществе. Ничего необычного в облике ожидающих не было, и в их поведении тоже, и, однако, чувствовалось, что они пытаются что-то скрыть, что они напряжены и с трудом себя сдерживают: один нервно притоптывает ногой, другой крутит пуговицу на комбинезоне, у третьего дергается веко, еще один покусывает нижнюю губу…

В туалетную комнату вошел человек, растерянно огляделся… Ожидающие изобразили на лицах безразличие, однако все краешком глаза

наблюдали за вошедшим, и Бен, невольно последовав их примеру, вдруг понял, что он, хотя не обменялся с людьми в очереди ни единым словом, стал одним из них. И если что-нибудь случится, например ворвутся полицейские и всех арестуют, ему придется проводить с этими людьми день за днем, неделю за неделей, и он не сможет доказать, что он здесь впервые и ничего противозаконного не совершил.

Вошедший привел тем временем в порядок свою одежду и ушел. И наконец открылась дверь левой кабинки, оттуда вышел человек и тут же вошел следующий…

Бен уже стоял почти час, когда наконец дверь перед ним открылась, и он, испытывая крайнюю неловкость, шагнул в крохотную кабинку. Он тщательно запер за собой дверь, помедлил мгновение, а потом, как научил Рекс, сунул свою транспортную карточку в щель, которая действительно оказалась прямо над самым полом с левой стороны. И тогда стенка сдвинулась вбок, худая рука схватила замершего в оцепенении Бена и протащила через образовавшийся проход.

Он оказался в узкой и почти пустой каморке со скошенным потолком, явно где-то под трибунами стадиона. Из пяти расположенных в ряд одна воз-

ле другой радиевых ламп исходил призрачный свет, благодаря которому фигура, представшая взгляду Бена, показалась ему жуткой.

— Что нужно? — спросил тихо незнакомец. Бен молчал, не зная, что сказать. — Ты здесь впервые? Кто тебя послал?

Человек настороженно смотрел на Бена и, что было особенно неприятно, надвинулся на него вплотную. Это был худой, с изможденным лицом старик, одежда висела на нем как на скелете. Глубоко запавшие глаза были полны недоверия.

— Так говори же, что тебе нужно? Хочешь увидеть яркие картинки, или забыться? Побывать в другом мире? Стать на час дьяволом или богом? — Он порылся в груде беспорядочно наваленных коробок, достал ампулу, поднял шприц. — Не знаешь, что выбрать? Хочешь, посоветую? Возьми вот это: два часа грез. Не разочаруешься…

— Кто ты? — спросил Бен. Он понял теперь, что тот его боится, хочет избавиться от него как можно скорее. — Ты настоящий психолог? Или просто химик, который намешивает в растворы всякую дрянь?

Рука старика дрогнула.

— Ты хочешь разоблачить меня? Ты из полицейского управления?

— Отвечай! — жестко приказал Бен.

— Тише, ради мира и спокойствия. — Теперь старик вел себя заискивающе. — Я психолог, получил специальное образование. Мне только снизили категорию — не по моей вине…

— Можешь ты разблокировать память? Средство для реактивации у тебя есть? Говори сразу: да или нет?

Старик попятился:

— Уходи! От таких дел я держусь подальше. Два-три лекарства, две-три взбадривающие таблетки — от этого вреда никакого. Некоторые в этом нуждаются. Это я даю. Но и только: политика меня не интересует, я не работаю против правительства, не работаю против государства!

Бен шагнул вперед. Сейчас власть олицетворял здесь он, и тот будет ему повиноваться, как научились повиноваться они все — склоняться перед волей вышестоящего.

— Не теряй времени! Начинай!

— У меня нет того, что для этого нужно! Как я могу…

— У тебя есть все, я уверен! — сказал Бен, и теперь в его голосе звучало раздражение.

Он подошел к столу, взял несколько коробочек, вынул несколько ампул, выпустил их из рук…

— Осторожно! — крикнул старик.

— Ну!..

Поведение старика резко изменилось.

— Но это очень дорого! От твоей транспортной карточки останется совсем немного!

Бену было все равно. У него остается еще достаточно пунктов от премии, он может приобрести себе новую транспортную карточку. А вообще-то ловко придумано — получать плату по этим карточкам: ведь их можно где угодно менять на пункты, и без всякой регистрации!

Старик достал из какой-то коробочки ампулу, ввел в нее шприц, стал вбирать прозрачную жидкость… Вливая ему в вену, сказал:

— Действовать начнет примерно через двадцать минут. Исчезни отсюда и окажись как можно дальше. Прячься где хочешь и не воображай, что сможешь меня предать. Я здесь в последний раз. Выйдешь после меня, через минуту после того, как я уйду.

— Дай мне еще две такие ампулы, — приказал, протягивая руку, Бен.

Старик метнул на него злобный взгляд, потом, порывшись в груде коробок, достал две ампулы и протянул Бену. Остальное он сгреб в кучу и ссыпал в пластиковый мешок, такой, в каких пе-

ревозят отбросы. Потом, взвалив мешок на плечо, сдвинул стенку в сторону и исчез. Когда вскоре после него Бен вышел из кабинки, он увидел в туалетной комнате человек десять; на их лицах была написана растерянность. Не глядя ни на кого поспешил выйти наружу.

Никакого страха перед предстоящим воздействием на свою память Бен не испытывал. Метод давным-давно прошел клиническую проверку и достаточно часто использовался в самых обычных случаях, когда нужно было вернуть забытые знания. Часто это избавляло от необходимости проходить долгий и трудоемкий повторный курс. Нередко активация предпринималась также по психиатрическим показаниям, а кроме того (что было известно далеко не всем, но хорошо знал Бен), применялась в судопроизводстве, например для уточнения свидетельских показаний о давно прошедших событиях. Бен не слышал, чтобы применение этих лекарств приводило к неприятным последствиям — болям, тошноте или чему-нибудь в этом роде. С другой стороны, он не знал, какое именно лекарство получил от подпольного психохимика, и подумал, что на время, пока будет длиться сомнамбулическое состояние, ему, чтобы не привлекать к себе внимания, следует

спрятаться в каком-нибудь укромном уголке. Но потом он решил вернуться в свой блок: он как раз успевал к отбою. Уже дома, залезая в свою спальную кабину, Бен заметил, что поле зрения у него сужается, поэтому он повалился на постель прямо в одежде, и в тот же миг реальность расплылась в тумане неясных образов и фигур.

I

Схватка была в самом разгаре. Полиции удалось очистить от демонстрантов часть площади непосредственно перед входом в вокзал, однако толпа не отступала.

Как всегда, по-настоящему в схватке участвовали немногие. Некоторые из этих людей, чтобы защитить голову от опасных ударов дубинками, были в шлемах. Остальным пришлось хуже. Ослабевших от ран и мучимых болью, их уводили одного за другим в тот угол в здании вокзала, в котором и начались беспорядки.

Бен стоял в толпе, но не впереди, а там, где еще можно было дышать и двигаться. У него кровоточила губа, и он то и дело прикладывал к ней носовой платок. Один рукав у его куртки был наполовину оторван. Началось все несколько

минут назад: отряд полицейских попытался пройти сквозь толпу, и Бен вместе с некоторыми другими попытался им помешать, но попытка была с негодными средствами — им пришлось иметь дело с дубинками и электробичами.

Было пасмурное утро, солнце почти не пробивалось сквозь облака. Несколько уличных фонарей было разбито камнями, поэтому ток отключили. И поэтому же было парализовано движение транспорта.

Ревели, передавая приказы, мегафоны, раздавались крики толпы, затем они зазвучали плохо слаженным хором. Потом что-то глухо бухнуло несколько раз: взрывались гранаты со слезоточивым газом…

Вспыхнули прожекторы, осветили здание вокзала. Время от времени на фоне освещенных стен появлялись и исчезали огромные тени. Это напоминало пьесу, ритуальное действо на сцене… Большинство было обреченными на бездеятельность зрителями. Для Бена именно это было невыносимо — что невозможно дать отпор. Он посмотрел на часы у себя на руке: девять сорок пять, он снова придет на работу с опозданием. Повернулся, начал пробираться, расталкивая людей с сумрачными лицами; они стояли, и вид у

них был такой, будто они не могут понять, что происходит.

Бен побежал. До его банка данных отсюда недалеко. Он задумался, стоит ли отмечать свой приход на контрольных часах по-настоящему: можно просто сунуть в них старую перфокарту. Нет, не стоит: ведь тогда пропуск не будет пробит, а к тому же то, что он снова опоздал, так или иначе не останется незамеченным.

До того как войти в рабочие помещения, он зашел в туалетную комнату и попытался привести себя в порядок. Губа немного распухла, ощущение было, будто она огромная, однако, бросив взгляд в зеркало, он ничего страшного не увидел. Он смочил носовой платок, приложил к губе, вытер им лицо и руки, причесался… наконец надел поверх разорванной куртки рабочий халат. Опасения его оказались не напрасными. Когда он проходил в свой застекленный отсек, шеф, Сэм Воровски, поднял глаза.

— Что на этот раз? Неотложный визит к врачу? Проверка документов? Транспортная пробка?

— Совершенно верно, транспортная пробка! — запальчиво ответил Вен. — Вы наверняка слышали о беспорядках. Электрички не ходят

уже два часа.

— Но я знаю и то, что вы живете меньше чем в десяти минутах отсюда и никакая электричка вам не нужна. — Шеф выставил ладонь, словно защищаясь от Бена. — Без сомнения, у вас найдется десяток оправданий тому, что вы не пришли на работу вовремя. Странно только, что ничего подобного не случается с вашими товарищами по работе. Это происходит только с вами. Приступайте, пожалуйста!

Бен проглотил ответ, который собирался дать. Он вышел от шефа, так с ним и не поздоровавшись.

Но отправился он не на свое рабочее место, а в машинный зал. Как он и думал, его друзья собрались по ту сторону стоявших в ряд запоминающих устройств, скрывавших их от глаз начальника.

— Ты там был, Бен?

— Черт побери, тебе, видно, досталось тоже?

— Расскажи!

— Тише, — попросил Бен. — Он снова меня застукал, было очень некстати. Но я не могу усидеть на месте, когда на улице дерутся.

Все окружили его, посыпались нетерпеливые вопросы:

— Ну, не тяни; что случилось?

Бен стал торопливо рассказывать. Беспорядки начались из-за того, что заклинило входы в вокзал пригородной железной дороги. Недавно входы были автоматизированы, подключены к центральному автомату. И, как случалось и раньше, автоматика отказала, но на этот раз в особенно неподходящее время, утром, когда люди едут на работу. Кто-то неправильно вставил свою карточку, — может быть, красным краем вперед или магнитным покрытием вниз... И входы заклинило, турникеты остановились — никто теперь не мог пройти на платформы. Толпа у входа росла, становилась все многочисленней, а протесты — все громче, и, как уже не раз бывало, обращены они были против начавшейся недавно компьютеризации города. А потом полетели первые камни...

Один из сослуживцев Бена поднял предупреждающе руку, послышались шаги, и все стали торопливо расходиться к пультам, полкам с микрофильмами, фотокопировальным автоматам...

— Снова небольшое собрание? — спросил Воровски. — Прошу вас, господа, приступите наконец к работе. Вы же знаете, что за эти дни мы должны

управиться со срочным заданием. Я ожидаю от каждого, что он сделает максимум возможного!

Все неохотно разошлись по своим рабочим местам. Снова сошлись вместе они уже в полдень, после первого же звонка на перерыв.

— Только что сообщили: задержано пятьдесят человек!

Слова эти выпалил вбежавший Франсуа. Он достал из кармана пальто плоский транзисторный приемник и включил его. Послышался голос диктора, читающего успокоительным тоном нечто отнюдь не успокаивающее:

— ...с десяти часов вечера до шести часов утра появляться на улицах воспрещается... и потому было предложено лиц, пойманных в момент нанесения ими материального ущерба, судить на месте...

— Вы понимаете, что это значит? Чрезвычайное положение!

— Харди прав! — крикнула Эдвиге, единственная среди программистов женщина. — Я это предсказала еще неделю назад!

Харди подошел к окну и сел, подпрыгнув, на подоконник.

— Крики Кассандры и ее причитания! Только это мы и можем. Сидим каждый на своем месте и радуемся, когда что-то вносит разнообразие в наши серые будни. При этом живем такой же жизнью, как и все. Не так, правда, как бонзы в кожаных креслах: мы вроде маленьких пинчеров, и свою свободу нам приходится защищать — точно так же, как всем другим рядовым!

— А что ты можешь предложить? По-твоему, разумно ввязываться в потасовки с «черными шлемами»?

— «Разумно», «разумно»! А может, иногда лучше послушаться своего внутреннего голоса и посвятить себя чему-то до конца? Без всяких «но» и «если»?

Голоса других попытался заглушить Джонатан. Его положение было особое: он был не только математик, но и психолог. То, что он сказал, прозвучало вполне здраво:

— Никакого противоречия я тут не вижу. Почему нельзя бороться за что-то важное и при этом оставаться разумным?

— И что же ты предлагаешь?

— Кое-что мне в голову приходит, — ответил Джонатан. — Задумайтесь над тем, что послужило поводом для сегодняшних беспорядков.

— Ты о заторах на вокзале?

— Что вызвало заторы? Без электронной системы управления их бы не было. Всего лишь один маленький дефект, а последствия огромные. Сегодня это произошло чисто случайно. А нельзя ли немного... помочь случаю? И кто сумеет сделать это лучше, чем специалисты?

Они умолкли, задумались. Потом кто-то сказал одобрительно:

— Черт возьми, а ведь в этом что-то есть!

Они стали обсуждать. Специально обработанные транспортные карточки, неправильно настроенные сигнализаторы... устроить это и в самом деле относительно легко. И они знают, как это сделать. Электронная система довольно чувствительна: небольшие отклонения от стандарта, незаметные надрезы на карточках, стертая намагниченность — и все остановится. Новые и новые идеи становились предметом обсуждения. Торговые автоматы в универмагах, уличные светофоры, подача воды, энергоснабжение... а ведь еще есть теплоцентрали и кондиционеры, управляемые централизованно, есть средства связи, телефон и видеофон, пневматическая почта и передача изображений по стекловолокну, все управляемые центральным

вычислительным устройством... Происходит все это при помощи перфокарт, магнитных карточек, магнитных лент, при помощи систем обработки данных, при помощи программ, — и задачей их и многих их коллег в этом и других институтах является как раз разработка таких систем. Они поняли вдруг, какие возможности дает положение программистов.

— Теперь вы понимаете: если мы захотим, рухнет вся система, — продолжал Джонатан. — Нужно только быть заодно. Убедить как можно больше других программистов в том, что им не следует беспрекословно выполнять приказы. Вопрос стоит об их свободе. Сперва нас заставили разработать системы банков данных, затем речь пошла о выборочном распространении информации, — а что это, если не цензура? И теперь ко всему этому надзор: мы друг за другом должны шпионить! И еще компьютеризация города! Разве это не орудие подавления?

Они заметили, как громко звучат их голоса, и стали говорить тише: в конце концов, они не на избирательном участке, а в зале вычислительного центра, к тому же принадлежащего правительству.

— Из разговоров с коллегами я знаю, — сказала

Эдвиге, — что многие из них не хотят выполнять эти приказы. Ведь любой, кто хоть немного соображает, видит, что происходит у него на глазах. Нужно установить с ними связь, вовлечь в общие действия!

— Эдвиге права, — сказал Бен. — Предлагаю, чтобы каждый искал в кругу своих знакомых таких, кому можно доверять.

— И сколько времени на это уйдет? — спросил Харди. — Недели, месяцы? Вы бы подумали, как трудно привлечь людей к борьбе, а ведь вы хотите привлечь многих! Хорошо, я понимаю — нужно попытаться! Но, может, стоит все-таки делать и что-нибудь еще?

— Деятельность, в которой участвует много людей, почти невозможно сохранить в тайне, — сказал Джонатан. — Я не верю, что цели можно достигнуть, увеличив число единомышленников. Подумайте над тем, что я вам сказал: благодаря своим знаниям и тем возможностям, которые нам предоставляет наша работа, мы располагаем силой, которую по-настоящему еще не осознали. Мы можем ею воспользоваться, даже если нас будет мало; такой курс действий мне кажется более разумным.

— Я тоже так считаю, — поддержал его Фран-

суа. — Я за то, чтобы никого больше в эти дела не посвящать. Зато сами давайте сразу примемся за работу. Предлагаю использовать сегодня послеобеденное время на обдумывание возможных конкретных действий. Пусть каждый записывает все, что ему придет в голову, а вечером мы встретимся и посмотрим, что из записанного годится и с чего мы начнем.

— Согласен, — сказал Бен. — А теперь пошли обедать, пока на нас не обратили внимания.

Они договорились встретиться в восемь вечера в столовой рядом с кегельбаном; это было излюбленное место встреч всех сотрудников банка данных, но сегодня, однако, посетителей было совсем мало: политические события всех испугали, и зал оказался в полном распоряжении Бена и его друзей.

На столе сразу появилась кучка вырванных из блокнотов листков, на них были записаны все предложения по поводу действий, которые могли бы нарушить работу автоматической системы. Многообразие таких возможностей изумило их. Они говорили торопясь, перебивая друг друга, но исключительно по существу. Для ушей постороннего разговор звучал бы как сугубо профессиональная дискуссия, а не обсуждение

подготовки к революционным действиям.

Итогом явился довольно длинный список. Каждый предоставил в распоряжение остальных все свои знания, и среди них оказалась информация, считавшаяся совершенно секретной: коды для расшифровки заблокированного материала, не подлежащие огласке внутренние адреса для вызова данных и так далее. Тут же были и рекомендации, как нарушать работу периферийных автоматических устройств, — например, счетных и разменных автоматов, охраняющих устройств входов и лифтов, телетайпов и дисплеев общей системы связи. Естественно, пока еще они знают не все, что может пригодиться для претворения в жизнь их идей, но это поправимо...

Бен аккуратно сложил листки с записями и сунул их во внутренний карман куртки.

— Придется поработать над этим еще некоторое время, — сказал он, — пока мы всё не проверим. Начать лучше с акций небольшого масштаба — нужно посмотреть, так ли все пойдет, как мы надеемся.

— А тем временем готовиться к большому удару, — вставил Франсуа. — Он будет знаком к началу восстания.

Джонатан кивнул:

— И на этот раз у нас действительно есть шанс, потому что мы парализуем также средства связи и транспорт, обслуживающие полицию.

В динамике над дверью раздался щелчок, послышался голос:

— Господина Бена Эрмана просят к видеофону. Господина Эрмана — срочно к видеофону!

Джонатан повернулся к Бену:

— Кто знает о том, что ты здесь?

Бен удивленно пожал плечами:

— Я никому не говорил!

— Ну, иди же! — поторопил его Франсуа. — Но будь осторожен!

Бен встал и вышел из зала. Кабинка видеофона была в другом конце коридора. Войдя в нее, он увидел, что экран включен; на нем вспыхивали и гасли, повторяясь снова и снова, слова: «Пожалуйста, ждите».

Оставшиеся в зале несколько встревожились. Они молча ждали Бена.

А потом те, кто сидел ближе к открытому выходу на лестницу, а за ними и остальные услышали, испуганные, топот тяжелых сапог. Длился он меньше трех секунд, а затем они оказались в двойном кольце людей в форме. Люди эти были

неразличимы, каждый в одной руке держал дубинку, в другой — высоковольтный электробич.

Наконец сквозь двойное кольцо полицейских прошел невзрачный маленький человек в гражданской одежде, и все оцепенели от ужаса: шеф секретной службы, лишь изредка появляющийся на страницах газет и на экране телевизора. И однако, если твоя совесть была не совсем чиста, это лицо ты едва ли мог бы забыть...

— Пожалуй, этого хватит, — сказал он. Он переходил от одного к другому, останавливался перед каждым, разглядывал его. — Решили, значит, ударить в самое уязвимое место. Думаю, вы еще поймете, какими детскими были ваши замыслы. Увести!

Через минуту в комнате никого не осталось.

8

Время до полудня Бен провел на следующий день как в полусне. Будто он не совсем еще проснулся, будто пребывает в воображаемом пространстве, в воображаемом времени, отделенных от реальности царством сновидений.

До этого, в шесть утра, звонок вырвал его из мира, внезапно обретшего существование. По-настоящему он с этим миром еще не соприкоснулся, но ведь откуда-то тот появился, и вернуть его в небытие уже невозможно. Реальность это или сон? Фрагмент прошлого или абрис какой-нибудь параллельной вселенной — из тех, о которых им рассказывали на уроках физики? Различия между несуществующим, возможным и реальным стерлись, и было неизвестно, удастся ли когда-нибудь снова провести четкие границы.

Бен с облегчением обнаружил, что ни в то время, когда средство на него действовало, ни позднее, когда оно действовать перестало, ощущения тошноты не появлялось. По-видимому, он провел эту ночь спокойно, не обнаружив перед другими никаких признаков того, что он не пребывал в нормальном сне, а совершал путешествия в неведомое. И когда теперь, все

еще погруженный в свои грезы, он машинально совершал повседневные, ставшие привычными действия: вытирался и причесывался, ел и пил, занимался физическими упражнениями и участвовал в хоровой декламации, — сознание его было уже раздвоенным, и ему только постепенно удалось справиться с потоком нового, обрушившимся на него за такое короткое время.

К полудню он уже был в хорошей форме, в четырнадцать часов сел, внешне спокойный, на свое место перед дисплеем и включил связь с рабочим блоком.

Прежде чем появились обычные последовательности печатных знаков, прошло необычно много времени. Много — то есть на доли секунды больше обычного, однако, учитывая, как быстро осуществляются всегда адресация и обратный вызов, это было слишком долго. Только теперь Бен кинул взгляд на контрольные часы… вчера он не записал стоимость машинного времени, потраченного им за день, но определенно по меньшей мере десяти минут не хватает. Кто-то побывал на его рабочем месте, и этот кто-то вызывал содержимое собранных Беном массивов данных. Зачем? И кто это был? Не достиг ли он уже точки, которой страшится, — момента разоб-

лачения? Не раскрыта ли его игра, не поняты ли его замыслы?

Если не считать некоторых незначительных отступлений от установленных правил, которые только он, как профессионал, и мог заметить, на такую возможность ничто не указывало. Может быть, здесь побывал какой-нибудь начальник, контролер, кто-то из сослуживцев… а может, виноват работник группы очистки, недостаточно осторожно пользовавшийся аппаратом для устранения статического электричества, или ремонтник, который ночью проверял состояние компьютера? Но как ни хотелось Бену верить, что именно так все и было, он знал совершенно точно, что доступ к данным может получить лишь тот, кто знает код.

Какова бы, однако, ни была причина случившегося, выяснением ее он сейчас заниматься не мог и опять вызвал данные по Харди Вэману, номер 14-5566850-19W. И пересмотрел его фотоснимки, обновляющиеся каждый год. Да, назвать это лицо приятным нельзя: вроде бы молодое, но, присмотревшись, видишь на нем выражение разочарования и усталости, какое встречается только у стариков перед переводом в категорию Z — нигиляцией.

Волосы были черные, подбородок слегка скошен назад; это придавало лицу презрительное выражение, становившееся на фотографиях заметнее год от года.

Бен посмотрел на часы. Времени было еще мало — четырнадцать часов двадцать минут, — и он вдруг решил, что разыщет Харди прямо сегодня. Теперь он больше не был уверен, что у него будет возможность долго продолжать свои розыски без помех.

Инструктивное письмо по проблеме подрастающего поколения

Особенно грубые проявления социальной безответственности наблюдались в архаическую эпоху в вопросах, связанных с появлением на свет и воспитанием подрастающего поколения. К роковым последствиям приводили следующие обстоятельства:

a) Вопрос о подрастающем поколении находился исключительно в компетенции отдельных лиц.

b) Количество производимых на свет детей зависело от случайных влияний и решений.

c) В процесс размножения мог включиться

каждый, кто этого хотел.

d) Совершенно не учитывались данные о наследственности принимающих участие в размножении лиц.

e) Отсутствовало какое бы то ни было законодательство о генетическом отборе.

f) Воспитание грудных младенцев и маленьких детей доверялось родителям.

g) Таким образом, воспитывать и обучать детей на первом этапе их развития получали возможность лица, не имеющие специальной подготовки.

h) Семья продолжала влиять отрицательно на ребенка даже после того, как он становился школьником.

i) Обучение проходило под знаком индивидуалистических, а не социально ориентированных представлений.

Широкое, неконтролируемое распространение генетически обусловленных соматических и психических болезней вызывало серьезные сомнения в том, что хотя бы часть наличного человеческого материала окажется пригодной к общественному сплочению. Нарушалось равновесие между желаниями индивидов и налагаемыми обществом обязанностями, что

вызывало у людей чувство ущемленности и агрессивное поведение. В результате свобода отдельного человека оказалась существенно ограниченной; дальнейшее совершенствование общества в таких условиях было невозможно. Поэтому Свободное Общество было вынуждено разработать совершенно новые методы, регулирующие как деторождение, так и воспитание молодого поколения.

Иметь детей разрешается лишь парам, которые удовлетворяют соответствующим требованиям. Вариации в генетическом отношении не могут выходить за пределы ±2,5 процента. За норму принимается спектр качеств среднего гражданина. Плод на протяжении шести недель находится в теле матери, затем посредством гормонального шока выбрасывается наружу. Дальнейшее созревание происходит в инкубаторе. За время этой длящейся десять месяцев фазы развития проводится не меньше трех проверок на генетическую полноценность.

Уход за детьми первые два года их жизни осуществляется в стерильной обстановке автоматическими устройствами. Для развития сенсорных и моторных способностей использу-

ется программа, имеющая целью пробуждение осязательных, слуховых, зрительных и иных ощущений.

Детей старше двух лет направляют в дошкольные классы, где их обучает и воспитывает по утвержденным учебным планам специально подготовленный персонал. До двадцати двух лет растущий гражданин усваивает все элементы поведения, необходимые члену Свободного Общества. Более поздние этапы планирования предполагают полную компьютеризацию.

По причинам биологического порядка индивид в период созревания находится в особом психическом состоянии, отличающемся от состояния взрослых. Оно характеризуется прежде всего готовностью к усвоению любой информации, повышенной готовностью к риску, недостаточно развитой способностью сосредоточиваться, выраженной тягой к необщепринятому мышлению, использованием элементов игры в серьезных делах. Поскольку индивид в этой фазе развития особенно восприимчив к новому и открыт для обучения, именно в этот период ему должны прививаться все необходимые социальные, трудотерапев-

тические и псевдо-профессиональные умения и навыки. Если человек архаической эпохи не расставался с этими инфантильными моделями поведения, даже когда становился взрослым (в результате чего общество все более и более превращалось в котел, в котором бурлили противоборствующие течения и мнения), то гражданин Свободного Общества в отличие от него достигает подлинной зрелости. После этого он к восприятию новой информации и усвоению новых элементов поведения более не способен: это является необходимым условием для оптимальной и устойчивой адаптации к существующей социальной структуре. Наступлению стадии взрослости способствует полугодовой курс гормональных инъекций. По окончании курса и в дополнение к нему память индивида подвергается шоку, освобождающему взрослого гражданина Свободного Общества от воспоминаний о фазе созревания и обучения, так как

в дальнейшей жизни воспоминания эти будут для него лишь помехой. Поскольку инфильтрация элементов поведения и мышления, характерных для детей и подростков, в государство взрослых была бы для последнего

вредной, для двух вышеназванных категорий молодого поколения отводятся специальные районы, доступ в которые гражданам, не принадлежащим к числу специально подготовленного персонала, закрыт. Всякое общение между этими районами, с одной стороны, и внешним миром — с другой строжайшим образом воспрещается, и для предотвращения его используются автоматические средства контроля.

9

К допросу Харди Бен подготовился хорошо: на этот раз ничто не должно было застать его врасплох. Ему было точно известно, где тот работает: Харди принадлежал к бригаде очистки, в чьи обязанности входило очищать от пыли кабели оптической связи, проводку и трубы. Работала бригада у задней стороны машин. Люди были здесь не нужны, по крайней мере для функции управления. Неавтоматизированным оставалось только обслуживание, в котором время от времени нуждались и технические устройства.

Работа эта была опасной. В зоне, отведенной для человеческого обитания, жизнь граждан Свободного Общества охранялась всеми мыслимыми средствами, физически — мерами безопасности, морально — правилами и предписаниями. Забота о физической безопасности членов Общества заходила так далеко, что даже при большом желании нельзя было нанести никому телесного повреждения; если бы кто-нибудь ударил своего врага ножкой стула по голове, ножка сломалась бы, не причинив сколько-нибудь серьезного вреда. Даже столовые ножи и вилки делались из гнущейся пластмассы, стены были обиты пе-

нопластом, напряжение в розетки подавалось низкое. Но, самое главное, никаких врагов не было: малейшее поползновение к агрессивным действиям ликвидировалось в зародыше посредством психотренинга и психиатрических превентивных мер до того, как оно могло реализоваться.

Здесь, однако, все было иначе. Катясь на автоматически управляемой автомотрисе по переплетениям рельсов, Бен вполне это осознал. Уже сами размеры того, что его окружало, были несоизмеримы с человеческими: огромные залы и туннели, оголенные опоры, оси, провода… ступени, проломы, на первых этажах — открытые окна; все это без перил, без предупреждающих световых сигналов, без мягкой обивки. Дышать было трудно, пришлось надеть фильтр, однако, когда Бен его на миг снял, он ощутил какой-то не знакомый ему запах — то ли озона, то ли синильной кислоты. Это была настоящая преисподняя, едва обеспечивающая гражданам низших категорий минимальные условия выживания.

Перед тем как Бен сюда отправился, ему сунули брошюрку — план, с помощью которого он мог здесь ориентироваться. Огромные залы соединялись трубами, — проезжая по ним, приходилось

наклоняться, чтобы не задеть головой бахрому пыли, свисавшую, как паутина, сверху. Наконец дорога пошла круто под уклон, и Бен вцепился в поручни своей открытой автомотрисы. Еще несколько ровных поворотов, русло подземной реки, сток дымящихся химикалий, а потом два воздушных шлюза — вход в подземную часть исполинского процессора, центральной вычислительной машины, управляющей городом.

Где-то здесь и должен был быть Харди… Слева высилась огромная стена с бесчисленными монтажными платами, справа зияли отверстия кондиционера, из которых с потоком воздуха строго определенной температуры сюда поступали распыленные поверхностно-активные вещества; благодаря им автоматически устранялись дефекты в изоляции, появлявшиеся то там, то здесь из-за порчи изоляционных материалов, создававшей раньше серьезные проблемы.

Еще поворот, за ним другой… Но тут дорогу Бену преградила группа людей: на колее, по которой он ехал, стояла грузовая автомотриса с мигающим красным крестом. Автоматика выключила движение, столкновение было предотвращено. Человек в полосатом бело-красном комбинезоне санитара с криком подбежал к Бену:

— Ты что, сигнала тревоги не видишь? Освобождай путь, да побыстрей!

За спиной санитара появился человек в синем комбинезоне. Он предостерегающе ткнул того в бок:

— Брось, Пол! Это посетитель, о котором нам сообщили заранее. — Он повернулся к Бену. — Вы опоздали, Харди попал в аварию: ударило током. Ведь это ему вы хотели задать вопрос?

Бен вышел из автомотрисы, подошли еще двое и сняли ее с рельсов. Грузовая автомотриса сразу тронулась с места, и, когда она проезжала мимо Бена, он увидел лицо, которое всего час назад рассматривал на дисплее: неприятное, узкое, ни молодое ни старое, которое, однако, даже в бессилии, похоже, выражало презрение к окружающему миру…

Бен повернулся к человеку в синем комбинезоне: по-видимому, тот был главным в группе.

— Что с ним случилось?

— Его только что нашли. Но мы все выясним.

— Выясните сейчас же! — потребовал Бен.

Между тем из боковых входов, чьи зевы в слабом свете люминесцентных полос он сперва не разглядел, из углов и ниш выходили все новые и новые люди; они были грязные, в руках у всех

были какие-то непонятные инструменты, и Бену казалось, будто люди эти никого и ничего не боятся. У некоторых в полумраке только и можно было разглядеть, что белки глаз. Собралась целая толпа, люди тихо бормотали. У Бена было ощущение, будто ему грозит какая-то опасность, будто здесь накопилась ненависть и в любой момент может на него излиться, хотя он и не понимал за что. Невольно он отступил назад, на насыпь, откуда было лучше видно и в случае чего легче было скрыться в темноте.

Человек в синем комбинезоне поднял руку, и толпа умолкла.

— Кто нашел Харди? — спросил он.

— Я!

Вперед шагнул человек, в руке у него был шест, на конце которого торчали три острия, и он поставил его около себя вертикально, как копье.

— Где это было?

— Вон там, у распределителя. Я позвал Билла, и он поднял тревогу и вызвал санитара.

— Кто-нибудь видел, что с ним произошло?

Главный в группе обшарил глазами лица. Ни один из тех, на кого упал его взгляд, не шевельнулся, однако Бену почудилось в задних рядах толпы какое-то движение, и, приглядевшись,

он увидел, что высокий широкоплечий человек крепко держит за руку под плечом другого, меньшего, будто желая предотвратить возможность каких-то действий, которые тот, может быть, замышляет.

— Э-э… выйди вперед… да-да, ты! — приказал Бен и повернулся к главному. — Я сам задам ему два-три вопроса!

Когда коротышка, выбравшись из толпы, нерешительно шагнул к Бену, тот сказал:

— Я из службы контроля: ты знаешь, что ты должен мне отвечать?

Коротышка кивнул и опустил глаза.

— Я знаю, ты что-то видел. Скажи что!

Человек покачал головой. Бен подождал немного, потом сказал главному громко, чтобы слышали все:

— Я беру его с собой. И тебя тоже: это будет гарантией, что не возникнет никаких трудностей. Тебе ведь известно, что я связан через телекоммуникатор с вычислительным центром?

Намек помог: даже если сказанное не было правдой, почтение к вышестоящим инстанциям было у этих людей в крови. Бен, главный в группе и коротышка сели в автомотрису, и она повезла их в штольню.

Бену было ясно: по какой-то причине коротышка не хочет говорить в присутствии своих товарищей и прежде всего необходимо его от них изолировать.

Они доехали до вертикальной шахты, вышли из автомотрисы, вошли в застекленную будку сторожа, и Бен опять задал свой вопрос. Человечек взглянул вопросительно на главного своей группы, тот кивнул ему и сказал:

— Нужно отвечать.

— Да, я видел все своими глазами. Это не несчастный случай. Харди выдернул два ввода из рельса, по которому подводится ток. Держал он их за изоляцию, поднес к голове и приложил оголенные концы к своим вискам, правому и левому. Смотреть было страшно, как его затрясло и задергало. Лицо сделалось безумным. Потом он упал.

Коротышка умолк.

— Это все?

— Да!

— Хорошо, — сказал Бен. — А теперь я хотел бы увидеть Харди — где он?

Главный повел его в санитарную комнату. Харди лежал, возле него сидел врач. Увидев Бена, врач поднялся и шагнул ему навстречу.

— Тяжелый электрошок, — сказал он. — Непонятно, как такое могло случиться, но, судя по всему, оба его виска одновременно оказались под напряжением.

Глаза у Харди были открыты, но он не двигался; лицо его было обращено к потолку.

— Он в здравом рассудке?

— Он в сознании, — поправил врач. — Если бы под напряжением оказались другие части тела, возможно, наступил бы паралич, однако с этим справиться было бы можно. Но тут речь идет о мозге. Да, он в сознании. Но в здравом ли он рассудке? Понимает ли, что вокруг него происходит? Помнит ли что-нибудь? Кто это знает?

Неслышными шагами Бен подошел к койке и наклонился к прстрадавшему. Когда его лицо попало в поле зрения Харди, тот вдруг приподнялся и закричал:

— Уходи, я ничего не знаю! Ничего, ничего, ничего не знаю! Ничего не знаю…

Врач потянул Бена в сторону, но Харди все кричал и кричал.

— О чем он? — спросил врач.

— Мне пока это не известно, — ответил Бен.

Он попрощался и отправился к подъемнику. Тот поднял его вверх, назад в безопасное жизнен-

ное пространство Свободного Общества.

Заметки к симпозиуму «Порядок и антипорядок»

Предварительные замечания к определению понятий

Порядок: закономерность, регулярность

Антипорядок: случайность, хаос, энтропия

Антитезы: порядок — хаос, определенность — неопределенность.

События в макромире, где живет человек, подчиняются определенным законам. Единственным источником неопределенности является микромир (квантовые процессы). Воздействия изнутри на социальную структуру могут лишь следовать модели квантового усилителя. Имеется в виду последовательность связей, превращающая микрособытие в макрособытие. Примером может служить усилительное устройство, делающее электронные импульсы доступными слуху или зрению. Эффекты такого рода наблюдаются и в биологических организмах, например когда случайные изменения в генах приводят к му-

тациям. Процессы такого же рода действуют и в мозгу; здесь они вызывают неожиданные эмоциональные реакции, непредсказуемые мысли, нелогичные решения и т. п.

В начальных геологических, биологических или социологических ситуациях случайные события приводят иногда к изменениям, которые в той мере, в какой это касается экологической системы, оказываются улучшениями. Однако едва экосистема поднимется на более высокую ступень организации, случайные влияния неизменно становятся разрушительными. Следовательно, любое вызванное случайностью изменение наносит ущерб нормальному функционированию нашего совершенного государства.

В мире, контролируемом человеком, случайности места нет. Исключить самую возможность ее — наша задача. Наш мир должен целиком контролироваться и всесторонне управляться. Случайные влияния в области техники ведут к авариям, стихийность в общественной области влечет за собой беспорядки и волнения. Профессиональные группы, основу деятельности которых составляют производство идей и фантазия, воздействуют

на социальную структуру, если являются ее элементами, разрушительно; деятельность всякого рода изобретателей, реформаторов, художников и писателей отрицательно сказывается на удовлетворенности граждан; поэтому из официального списка вышеназванные профессии исключаются.

В области техники использование генераторов случайных чисел допускается лишь по особому разрешению, прежде всего для целей моделирования и научных исследований. С завершением переходного этапа разрушительная случайность будет устранена из действующей структуры нашего государства окончательно. Таким образом, путем создания непреодолимой преграды между микромиром и макромиром будет достигнуто состояние абсолютного порядка.

10

Встреча с Харди подействовала на Бена гораздо сильнее, чем он себе в этом признавался. Если к встрече с Барбарой он был совершенно неподготовлен, то здесь все было иначе. В случае с Харди он все продумал заранее, да и нельзя было считать того совсем ему незнакомым человеком хотя бы потому, что Харди играл важную роль в его сновидении. Но, спрашивается, Харди его сновидения — тот ли самый Харди, который лежит сейчас в больнице из-за того, что хотел, прежде чем встретиться с Беном, уничтожить свои воспоминания? Если ему, Бену, кажется, будто он и еще трое лиц, с которыми он якобы вступал в контакт, вместе участвовали в каком-то событии, то из этого еще не следует, что событие это на самом деле имело место. Действующих лиц он во сне видел смутно, впечатление такое, будто это всего лишь схемы, средоточия действия, которые, возможно, просто по воле случая воплощаются в любое конкретное лицо, которое в этот момент занимает его мысли.

Как бы то ни было, Бен пришел к твердому убеждению, что прошлое хоть и частично, но все же ему открылось, и решил, что сегодня же

вечером использует следующую ампулу. Однако незадолго до ужина сосед из спальной кабины рядом сказал, что ему звонили. Бен вошел в кабинку видеофона и набрал номер, который дал сосед. Экран осветился, но остался пустым.

— Как хорошо, что мы снова встретились! Мне бы хотелось еще раз с тобой увидеться… — Хотя женщина, голос которой он слышал, не назвалась, Бен сразу узнал Барбару. — Алло, ты здесь? Ты меня слышишь? А что если мы встретимся сегодня вечером? — Она не стала дожидаться ответа. — Так что жду в девятнадцать тридцать на конечной станции подземки, «Западный сектор города». Понял? В девятнадцать тридцать!

Экран погас, оставив Бена в полной растерянности. Но несмотря на все сомнения, он с первого же мгновения знал, что приглашение примет. Невзирая на все опасения, естественные, когда речь идет о встрече с девушкой, любопытство взяло верх. Он получил подтверждение тому, что Барбара знает что-то о его прошлом. Сегодня ему станет известно, что именно!

11

Когда он вышел из переполненного вагона подземки, оказалось, что моросит дождь, и он поспешил надеть дыхательный фильтр. Подождал, пока пройдет основной поток пассажиров, и оглядел опустевшую платформу. Через минуту ему уже казалось, что придется ни с чем вернуться домой, но тут из темноты вынырнула фигура. Это была Барбара. Она взяла его за руку и повела. Они старались держаться в тени. Хотя в этом квартале противозаконные поступки такого рода, возможно, не так уж редки, он ни за что на свете не хотел бы, чтобы его увидели вместе с девушкой. Туман этому помогал, да и дыхательные маски и дождевые накидки тоже скрывали всех, на ком они были, в единообразной анонимности.

Барбара ввела его в какое-то здание. Они подождали несколько секунд, пока не убедились, что в вестибюле больше никого нет, и тогда вошли в лифт. Бен обратил внимание, что Барбара набирает странное сочетание цифр — по нескольку раз нажимает на одни и те же кнопки, будто над стандартными двенадцатью этажами есть и другие, куда тоже можно подняться. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что эта

абсурдная мысль отвечает действительности! На экране появлялись теперь, вспыхивая ненадолго, цифры, обозначающие следующие этажи: 13, 14, 15… Может, помещения для машин, ремонтные мастерские, зона ограниченного доступа? Цифры росли и росли, и лифт остановился только на «76». По-видимому, они в одном из башнеподобных зданий, которые в нескольких местах в городе уходят в неведомые высоты; увидеть их верхние этажи невозможно, потому что эти этажи всегда теряются в тумане.

Они с Барбарой вышли в коридор, и Бен не поверил своим глазам: они были в холле со стенами из зеркал и мрамора, пол устилали толстые ковры, потолок был покрыт мозаикой ламп из шлифованного стекла. Барбара потянула его за собой:

— Нам нельзя оставаться здесь слишком долго!

Они дошли до двери, и Барбара сунула в щель для личного номера кусочек серебристой фольги. Прислушалась… потом быстро выдернула фольгу и нажала кнопку.

— Что ты делаешь?

— Там сейчас никого нет. Одна моя подруга здесь убирает. Она и сказала мне об этом. Пришлось заплатить ей десять пунктов.

— Но где мы?

Они уже вошли в квартиру, там было еще великолепнее, чем в холле: высокие потолки, огромные комнаты — двадцать шагов от одной стены до другой.

— А ты не догадался? Здесь живет гражданин категории В.

Они подошли к окну во всю стену — вид был ошеломляющий. Они с Барбарой были высоко над морем облаков, воздух вокруг был почти чистый. Над ними свободно изгибалось черно-синее небо; несколько облаков над горизонтом на западе, освещенные снизу розово-красным светом, казалось, разлетались в стороны. Далеко внизу вокруг дома что-то колыхалось: это было серое море смога.

— Здесь жить можно, правда? — сказала Барбара.

Она подошла к Бену вплотную, и он невольно подался назад.

— Что случилось? Я сделала что-нибудь не так? Разве ты не рад, что мы опять вместе?

— Слушай, Барбара, я не знаю, меня ли ты на самом деле ждала. Похоже, нас что-то связывает, но я не знаю, что именно. Мои воспоминания… я все забыл.

— Забыл? Кто бы этого не хотел — забыть? Но пойдем, не будем терять времени!

Она шагнула к стенному шкафу, открыла его; как по мановению волшебной палочки, взгляду Бена предстала батарея бутылок всех цветов и размеров. Барбара взяла два стакана и наполнила их. Один протянула Бену:

— Пей! Не надо задумываться!

Она подняла стакан, коснулась им его стакана. Тончайшее стекло зазвенело, и будто что-то шевельнулось в памяти Бена, не сон на этот раз, а подлинное воспоминание о прошлом… но, едва появившись, тут же исчезло. Бен стал пить жидкость, чуточку сладкую, чуточку терпкую и чуточку оглушающую — должно быть, какие-то концентрированные вещества…

— Нам не… Ведь нас могут…

Кончиками пальцев Барбара коснулась его губ:

— Ни о чем не думай — все в порядке!

Через дверь под аркой, открывшуюся в стене, Барбара вошла в смежную комнату и исчезла за углом. Бен медленно пошел за нею следом и увидел, что пол в комнате застлан толстым пушистым ковром — настоящим газоном из крученых ниток, в котором утопали ступни ног. Справа от Бена продолжалась стена из цельного

стекла, а перед ней стояла огромная постель, по меньшей мере раз в шесть шире той, на которой он всегда спал.

Позади раздался шорох, он повернулся и увидел Барбару. Она успела за это время переодеться. То, что было на ней теперь, спускалось от плеч до пола и волочилось по ковру. Бен не сразу осознал, что одежда эта полупрозрачная, — он впервые видел тело женщины, и все его куклы не шли ни в какое сравнение с тем, что он видел.

Чувство омерзения, отвращения, которое всегда вызывали у него, возникая в его воображении, такого рода картины, сейчас, к его изумлению, не появилось. Зато появилось и охватило его прямо-таки экстатическое возбуждение, головокружительное раскачивание между ликующей радостью и убийственным смущением, между желанием и страхом.

— Иди же, иди! — прошептала Барбара.

Она легла на кровать, потянулась, вытянулась.

— Я хотел тебя спросить… мы должны…

Бен был не в состоянии говорить связно.

— Тебе не нужно меня ни о чем спрашивать. Это в прошлом, и хорошо, что в прошлом. Мы вместе, и больше я ничего не желаю.

Она притянула его к себе, и то, что произошло

между ними, произошло так естественно, что никаких подробностей он потом вспомнить не мог. Осталось только чувство неописуемого блаженства, и чувство это перевесило стыд, вызванный мыслью, что он предался ужасным извращениям, самым тошнотворным отклонениям, какие только можно себе представить.

К себе Бен вернулся лишь только на следующее утро. Всю эту ночь он провел вне дома и за это время нарушил не меньше десятка законов, предписаний и неписаных правил. Они с Барбарой торопливо оделись. В самый последний момент, когда уже наступил рассвет, они вышли, спустились на лифте, и вместе с туманом и кисловатым запахом выхлопных газов на них обрушилась повседневность. Они молча разошлись в разные стороны.

Бен понимал, что объяснить, где он был это время, ему будет нелегко; нужно спокойно что-то придумать. Ибо он не может отрицать сам факт: незаконное отсутствие в ночные часы. Это влечет за собой не только вычет пунктов, но, как правило, и расследование. Его обрадовало, что, входя в свой жилой блок, он никого не встретил. Он прошел в спортивный зал, оттуда — в небольшой подвал, где хранился спортивный

инвентарь. Закрыл за собой дверь, достал из кармана полиэтиленовый чехольчик с личным номером. Оторвал часть прозрачного чехольчика, покрывавшую карточку с передней стороны (она была той же величины и формы, что и сама карточка), и принялся тереть ею, прижимая изо всех сил, о пластик пола. По пылинкам, которые начали приставать к полиэтилену, Бен понял, что материал наэлектризовался. И тогда он всунул полиэтиленовую пленку в щель двери. Он рассчитывал на то, что чувствительные к заряду моновибраторы будут этим выведены из строя. И когда он, вытащив из щели пленку, вставил вместо нее сам номер, то увидел, что надежда его сбылась: дверь не открывается.

Теперь он стал ждать и, когда в спортивном зале послышались шаги, застучал в дверь и закричал:

— Я не могу выйти, замок сломался!

Его услышали, и вскоре дверь открылась. Бен сразу направился к модератору, заявил, что просидел запертым в подвале всю ночь, и попросил, чтобы от утренних занятий его освободили. Пришлось ждать прихода мастера из отдела ремонта — он должен был установить, что именно произошло, после чего Бена отпустили и даже

разрешили лечь в своей спальной кабине.

Как приятно было нежиться в своей постели, зная, что остальные сейчас в классах и спортивных залах! Собственно говоря, его должна была мучить совесть: ему бы никогда в голову не пришло, что он способен так легко отбросить основные правила, определявшие до сих пор его жизнь. Но почему-то он чувствовал себя превосходно, и не только из-за приятной усталости, которую испытывал: он теперь ощущал в себе силы, о существовании которых до этого не подозревал, и им владело неодолимое желание ставить перед собой трудноразрешимые задачи.

Теперь для него было просто невозможно провести в бездеятельности всю первую половину дня. Быстро приняв решение, он спустился на первый этаж блока, в медицинскую комнату, и попросил снотворных таблеток. В коробку, которую дали, ему удалось незаметно положить шприц для инъекций — и через пять минут он уже снова лежал в своей постели и ждал сновидений, которые вызовет к жизни активация глубоко погребенного содержимого памяти.

II

Улицы были безлюдны, почти все время на них царила мертвая тишина. Электрички не ходили, такси были запрещены. Зато взад-вперед разъезжали набитые полицейскими патрульные джипы, и иногда можно было увидеть ползущий танк. Бен перебегал из парадного в парадное. Когда нужно было обогнуть угол, он останавливался и сперва удостоверялся в том, что впереди все спокойно. Наконец он нырнул в проход между двумя домами. В заднем дворе, где он оказался, находилась оснащенная устаревшей техникой типография; здесь они и печатали свои листовки. На большее они не осмеливались.

От группы остались считанные люди, в том числе Джонатан, Харди, Эдвиге и Франсуа. Остальные, выйдя из заключения, о подпольной борьбе не хотели даже слышать.

Свою работу в центральном банке данных сохранил только Бен. Он тогда чудом избежал ареста и так и не знал до сих пор, кто в тот раз вызвал его к видеофону. Было ли это случайностью или же кто-то захотел его спасти? Когда он увидел из окошка кабины видеофона приближающихся полицейских, он присел, а по-

том незаметно выскользнул через дверь; в его нагрудном кармане были спрятаны листки с перечнем способов саботажа — неопровержимое доказательство бунтовщических намерений группы. Поэтому всех остальных и продержали под арестом так недолго. Но по этой же самой причине товарищи смотрели теперь на Бена как на чужого. Так стало несмотря на то, что роль его была важнее других: у него был больший, чем у них, доступ к информации о происходящих событиях, а когда нужно было провести какую-нибудь запланированную ими акцию, на клавиши пульта ложились его, а не их пальцы… Однако Бен не был доволен своим положением. Ибо, хотя ему этого не говорили, тень подозрения на нем лежала: некоторые считали, что именно он сообщил о замыслах товарищей и месте встречи.

Сейчас они сидели в задней комнате, вход в которую был замаскирован под стенной шкаф. Здесь они были в относительной безопасности.

Набрасывали текст новой листовки. Харди записывал черновые фразы, а остальные помогали формулировать окончательный вариант. Но всем было ясно, что их положение безнадежно.

— По-моему, то, чем мы здесь занимаемся, бессмысленно, — сказала Эдвиге. — Только вду-

майтесь: мы призываем к сопротивлению! А кто сейчас настолько глуп, чтобы сопротивляться? Все знают, чем это грозит — заключением, исправительным лагерем...

— Значит, все бросить? — усмехнулся Франсуа.

— Нет, — ответим Эдвиге, — но если мы не в состоянии придумать ничего, кроме красивых слов, можно свертывать все прямо сейчас.

— Не думай, что расстаться с нами тебе будет очень легко! — закричал Франсуа. — Сама знаешь, что...

— Оставь Эдвиге в покое, — оборвал его Джонатан. — Она говорит только то, что думаем мы все.

Харди отодвинул лист, на котором писал, и положил на него карандаш.

— Что же ты предлагаешь? Придумал что-нибудь получше?

Джонатан кивнул.

— Возможно.

— Каждое слово из тебя как клещами вытаскиваешь! — сердито воскликнул Франсуа.

— Слушайте внимательно! — Джонатан понизил голос, словно боясь, что его подслушают. — Мне пришла в голову одна мысль... и, если я прав... это решит нашу проблему. — Он помол-

чал. — Знаете ли вы, что такое разрушение по стратегическим соображениям? Этим средством пользовались во всех войнах, и прежде всего тогда, когда войскам приходилось отступать. Речь шла о том, чтобы уничтожить важные объекты, не допустив тем самым, чтобы они попали в руки врагу. Спрашивается, не предусмотрело ли и наше правительство что-либо подобное на такой случай?

— Что ты имеешь в виду?

— Предусмотрело в каком смысле? И что должно быть разрушено?

Голос Джонатана зазвучал тверже:

— Я убежден, что в важнейшие блоки центрального компьютера заложена взрывчатка. И наверняка есть код, известный только самой верхушке, при помощи которого заряды эти могут быть взорваны. Ведь совершенно очевидно: те никогда не допустят, чтобы компьютерная система со всеми данными, хранящимися в ее памяти, и бесчисленными программами, на которых держится их власть, попала в руки другим. Понимаете, что я хочу сказать?

Все заговорили, перебивая друг друга, восхищенные и воодушевленные этой мыслью; после долгого перерыва снова затеплилась надежда.

Однако очень скоро они поняли, что решающий вопрос в следующем: как узнать этот код?

— Ты об этом думал? — спросил Франсуа.

— Да, — ответил Джонатан. — Если кто и может узнать его, так это Бен.

Бен подумал о себе в этой связи еще до того, как Джонатан его назвал, и все-таки слова Джонатана застали его врасплох. Все смотрели на него — кто умоляюще, кто просительно, кто требовательно. Он заговорил не сразу:

— Вы знаете: я и так делаю все, что возможно. Но тут у меня никаких возможностей нет.

— У тебя есть возможность, — сказал Джонатан. — И возможность эта — Барбара Буланже.

— Не понимаю... — проговорил, запинаясь, Бен.

— Ну, ты ведь наверняка, как, впрочем, и другие, заметил, что Барбара к тебе неравнодушна. А работает она секретарем директора. Тебе все еще непонятно?

Бен покачал головой.

— Я не испытываю к Барбаре никаких чувств. Она красивая девушка, но меня не интересует...

— С этой минуты интересует, — сказал жестко Джонатан. — По-моему, мы друг друга поняли.

То, что говорилось потом, прошло мимо ушей

Бена — он ничего не слышал. Он думал о Барбаре... Джонатан психолог по профессии и, быть может, наблюдательнее других. Если вспомнить... да, интерес к нему Барбара проявляла. И нельзя отрицать, что она на самом деле замечательная девушка — не только красивая, но и обаятельная...

Сочетать приятное с полезным? Ничего подобного Бену до сих пор не приходило в голову. «Ты обязан это сделать, обязан», — шептал внутренний голос. Ну— а что еще Бену оставалось?

Две-три случайные встречи, несколько приятных слов... Все оказалось невероятно просто. Джонатан хорошо разбирался в человеческих чувствах.

Совместный обед в столовой, встреча в одном из немногих оставшихся кафе...

И вскоре Барбара пригласила его к себе. Она жила в опрятной квартирке в одном из огромных жилых зданий, предназначенных для более высокопоставленных служащих банка данных. У нее, как у секретаря директора, было много возможностей, которых другие не имели.

Они лежали на широком диване. Барбара уже перестала стесняться и испытывала потребность в нежности, и игры эти доставляли Бену

удовольствие. Вначале он себя спрашивал, не придется ли ему, чтобы разыгрывать перед девушкой влюбленного, мобилизовать все свои актерские способности, но сразу же стало ясно, что никакой необходимости в этом нет: ему не нужно было притворяться, он был на самом деле влюблен. И потому избегал говорить с ней о банке данных больше, чем это было безусловно необходимо, и избегал о нем выспрашивать... Однако друзья его становились день ото дня нетерпеливее.

Бен высвободился из объятий Барбары и закурил.

— Что вообще ты думаешь о нашей работе? — спросил он. — Не боишься, что нас с тобой видят вместе? Ведь для большинства я возмутитель спокойствия.

— Знаю, — ответила Барбара. — Возможно, именно этим ты и привлек мое внимание. Не такой, как другие, не такой раболепно покорный.

— А о себе ты что скажешь? Ты ведь точно такая, как они: послушно следуешь правилам, делаешь, что тебе прикажут и, таким образом, сама помогаешь угнетать. Думала ты хоть раз о том, чтобы сделать что-нибудь?

Барбара приподнялась на локтях и нежно на него взглянула.

— Кто же тебе сказал, что я ничего не стала бы делать? Думаешь, ты случайно избежал тогда ареста?

Бена словно ударило током.

— Так это была ты? Это ты позвонила мне?

— Я, — ответила девушка. — Я не могла допустить, чтобы тебя схватили. По-моему, я уже тогда была в тебя влюблена.

Она попыталась притянуть Бена к себе, но он сидел прямой, словно окаменев.

— А остальных бросила на произвол судьбы? — Теперь голос его звенел возмущением. — Старалась ради себя самой… дело тебе безразлично!

Реакция его ошеломила Барбару.

— Не сердись! — умоляюще сказала она. — Я ведь сделала это из лучших побуждений. Ты не пострадал — уже хорошо. Не смотри на меня так зло, прошу тебя!

— Послушай, Барбара! — сказал Бен. — Ты знаешь, как я люблю тебя. Но какой во всем этом смысл — сейчас, в этой ситуации? Уже сегодня свобода существует только на бумаге. На самом же деле у нас система, которая нас беззастенчиво угнетает, — хорошо живется только самой верхушке. Если мы надеемся на что-то в будущем, мы не вправе сидеть сложа руки. Мы должны

отодвинуть наши личные интересы на второй план и посвятить себя обществу. Ведь это нужно всем, а, значит, нам тоже.

— Но что же мы можем предпринять? — спросила Барбара.

— Есть одна возможность… — Быстро наверстывая потерянное время, он рассказал ей о секретном коде. — Его наверняка знает твой шеф. Нужно, чтобы ты добыла для меня этот код, только и всего. У тебя есть доступ к его письменному столу, к его блокноту, к его бумагам. Нужно только поискать. А когда найдешь, сказать мне. Вот и все. Ты это сделаешь?

Барбара лежала, откинувшись на подушки. Пока он говорил, она не проронила ни слова. Выражение ее обрамленного длинными белокурыми волосами лица было странно беспомощное. Она не произнесла ни слова и теперь, когда Бен замолчал, но когда он наклонился к ней и поцеловал в лоб, щеки и губы, она страстно к нему прижалась.

— Ты это сделаешь, Барбара? — спросил Бен.

— Да, — ответила она чуть слышно. — Я сделаю для тебя все, Бен. Да… я попробую.

И вот код у него. Барбара ничего не рассказала ему о том, как она код достала. Похоже было даже, что она хотела бы об этом забыть. И когда

они снова оказались в объятиях друг друга, сила ее чувства почти испугала Бена, тем более что на этот раз вид у нее вовсе не был счастливым — скорее, разочарованным.

И Бену тоже встреча эта не принесла радости. Он шептал нежные слова, рисовал радужные картины будущего, но в душе спрашивал себя, претворится ли в действительность хотя бы ничтожная часть того, о чем он говорит...

А потом быстро распрощался — настолько быстро, что это было почти невежливо.

Друзья его ждали. Ему показалось, что глаза, которые в него впились, выражают физический голод.

Несколько секунд Бен чувствовал гордость за то, что ему удалось сделать, но потом понял, что все выглядит не так, как он себе рисовал.

— Вот!

И он бросил на стол листок, на котором были нацарапаны две-три буквы и цифры.

— Код этот ты должен ввести сам, — сказал Харди.

— Сам? — переспросил Бен.

— А кто же еще?

— Я не представляю себе истинных масштабов разрушений, — сказал Бен, — Возможно, я тоже

взлечу на воздух вместе со всем остальным.

— Ты не хочешь рисковать? — спросил Франсуа.

— А не мог бы ты использовать какой-нибудь периферийный терминал? — спросил Харди.

Бен помедлил немного, потом сказал:

— Это очень трудно: мое рабочее место в центре, и около других входных блоков я не бываю. Но можно сделать по-другому: я запущу программу, и в конце будет приказ о разрушении. Тогда я успею покинуть здание.

— И когда все должно произойти? — спросил Франсуа.

— Лучше не откладывать, прямо завтра, — сказал Харди, — а то, пока суд да дело, что-нибудь случится.

Он повернулся к Бену:

— А вообще-то ты уверен, что Барбара не проговорится?

Бен кивнул:

— Она нас не предаст.

— Теперь еще кое-что… — сказал, растягивая слова, Джонатан. — Ты должен проследить, чтобы Барбара обязательно была в вычислительном центре — я имею в виду, когда…

— Я устрою так, чтобы во второй половине дня ее в здании не было, — перебил его Бен.

Все на него уставились.

— Ты этого не сделаешь! — сказал Харди. — Она может задуматься о том, что, собственно, происходит. Может проявить слабость. Нет, Бен, предупреждать ее нельзя.

— Харди прав, — поддержал его Джонатан.

И это было как смертный приговор.

— Да, конечно, — сказал Бен.

В ту ночь он не смог заснуть. За последние годы он совершил немало актов саботажа, и никогда его не мучили мрачные предчувствия, никогда не испытывал он сомнений, никогда не знал страха. На этот раз было иначе. Почему, он и сам не мог объяснить: ведь речь идет вовсе не о том, чтобы поднять в воздух здание; взорвется всего лишь несколько небольших зарядов, и действующие электронные схемы превратятся в кучу жести и проволоки. Вот и все. Разорванные провода, разрушенные запоминающие устройства... Что тут страшного?

Но в то же время он понимал, что центральный процессор нечто особое: это мозг огромной системы, и от его работы зависит функционирование всех машин страны, начиная с силовых станций и кончая последним телефонным аппаратом. Что произойдет, если мозг погибнет?

Остановятся ли устройства на периферии? Или же какие-то процессы будут продолжаться — неконтролируемые, не подвластные человеку? Например, на атомных электростанциях, на военных заводах, на нефтеперегонных установках?.. Ответов на эти вопросы он не знает. Однако пути назад нет.

А потом он подумал о Барбаре. Он мог бы провести сегодняшнюю ночь с ней, но на это физически не способен. Что делать?

Придя на следующий день на работу, он постарался выглядеть таким же, как всегда, бросаться в глаза не больше, но и не меньше обычного.

Тратить попусту время он не стал. Сел за пульт и ввел команды к запуску программы, которую для этого приготовил. Ввел код, который должен был быть вызван позднее, и ввел команду начинать. Теперь уже его больше ничего здесь не задерживало.

Перед тем как покинуть здание, он зашел в кабинку общественного видеофона. Одной рукой прикрывая телеобъектив, другой набрал номер Барбары. Подождал... Потом услышал ее голос.

— Надеюсь, ты знаешь, кто говорит. Помнишь, однажды ты предостерегла меня? Сегодня я предостерегаю тебя. Не медля, сразу же уходи

из здания! Постарайся уйти как можно дальше. Всего тебе доброго!

Он пошел на риск, поступил наперекор требованию своих друзей. Но поступить иначе он не мог.

В дневное время такси ходили. Их было не так уж много, но, позаботившись своевременно, достать машину все-таки было можно. В одной из них Бена ждал Харди — за квартал от банка данных. Они сразу же поехали прочь, но далеко им отъехать не удалось: водитель отказался превысить установленную максимальную скорость в тридцать километров. Быстрее позволялось ездить только полицейским машинам.

Спустя двадцать пять минут Бен и Харди увидели первые последствия акции: погасли уличные фонари. Еще через две минуты раздалось несколько взрывов, а за ними последовала вспышка — ярче тысячи солнц. Они не пострадали: таксист резко затормозил, и машина, глухо ударившись о край тротуара, остановилась.

И тогда они увидели, как на другом конце города, там, где экспериментальный реактор, поднялся почти до самых облаков огромный столб дыма. Через промежуток времени, необходимый для двух-трех вдохов, до них докатилась наконец взрывная волна; посыпались оконные

стекла, закачались и стали падать стены домов, с которых срывало крыши. Люди метались по улицам, бросались в подворотни, искали спасения в парадных — и рушащиеся стены хоронили их под собой.

Внезапно все кругом окутало облако пыли, и дышать стало почти невозможно. Город погрузился в тьму.

12

Сцены, силой химического препарата обретшие жизнь в сознании Бена, взволновали его не меньше, чем сцены первого сновидения. Но он словно обжился в них: к тому, что там происходило, он относился теперь гораздо спокойнее, был в состоянии трезво все анализировать. Пока еще он не установил, что в них основано на действительных фактах, а что нет, но от этого еще больше окрепло его намерение доискаться истины и не дать сбить себя с толку. Вот почему, не откладывая, прямо сегодня, он отправился на поиски третьего в списке, Джонатана Умана.

Когда он за несколько минут до двух часов пополудни шел по коридору, из своего кабинета, словно бы случайно, вышел Освальдо Эфман. Что-то подсказало Бену, что это вовсе не случайность. Освальдо положил руку ему на плечо:

— У меня для тебя приятная новость: с сегодняшнего дня ты можешь приступить к работе в отделе психологического программирования.

— Вот уж не думал, что это может произойти так скоро! Ведь я еще не прошел курс…

— Ха, что такое курс? С работой ты освоишься быстро. Я пошлю к тебе Гунду, первое время она

будет тебе помогать.

— Но я еще не кончил последний случай…

— Об этом можешь не беспокоиться. Это не важно. Им может заняться твой преемник.

— Кто будет моим преемником?

— Пока мы еще никого не подобрали, но ведь это не срочно.

— И все-таки мне бы не хотелось бросить работу не закончив. Мне хватило бы двух-трех дней.

Освальдо отступил от него на шаг. По-прежнему дружелюбно, но теперь более твердо сказал;

— Мне бы хотелось, чтобы к своей новой работе ты приступил безотлагательно.

Он кивнул Бену и вернулся в кабинет.

Через несколько минут появилась Гунда. До этого он видел ее, как правило, издали, и ему почти не доводилось с ней разговаривать. Сейчас он смотрел на нее совсем другими глазами. Она была красива. У нее были более правильные черты, чем у Барбары, бархатистая смуглая кожа, черные волосы. Гунда присела перед ним на пульт; ему показалось, что она скорее хочет посмотреть, как он будет уходить со своего прежнего рабочего места, нежели ему помочь. А может, она вообще здесь для того, чтобы за ним наблюдать?

Бен собрал немногие принадлежавшие ему

вещи и сложил в папку.

— Можем идти, — сказал он.

— А ты не хочешь вернуть данные в основную память? — Гунда улыбнулась ему и поболтала ногами.

Что это, дружеский совет? Или приказ? В любом случае того же требуют инструкции, а инструкции он обязан выполнять.

Он посмотрел на нее пристально, и она спокойно встретила его взгляд.

Бен поставил основной тумблер на красное и напечатал несколько знаков. В принципе можно было обойтись всего несколькими командами, но он сделал больше, чем требовалось, — установил последовательность нескольких адресов, раскодировал данные, и проделал это так быстро, что проследить за его операциями смог бы только очень опытный программист. Уголком глаза он поглядывал на Гунду и видел, что она немного растеряна.

Значит, можно рискнуть; и в промежутках между несколькими малосущественными командами он задал новый код и закрепил возможность обратного вызова. Строки исчезали с экрана, едва на нем появившись, сочетания знаков были малоупотребительные, и он надеялся, что Гунде

они неизвестны.

Он встал.

— Все. Ты покажешь мне мое новое рабочее место?

— С удовольствием. Нам нужно на следующий этаж — пошли!

Новое место отличалось от прежнего лишь несколькими несущественными деталями, однако стол с картотекой, полированные откидные доски перед пультом, кресло с мягкой обивкой посвященный воспринял бы как доказательство повышения по службе.

Бен достал из кармана блокнот и положил на него металлический карандаш.

— Я готов.

— Пока еще никакого нового задания для тебя нет, — сказала Гунда. — Не хочешь выпить со мной чашечку ментолового чая?

Бен снова повернулся к девушке, внешне спокойный и приветливый, внутренне, однако, настороженный: что ей от него нужно? Что означает эта неожиданная доброжелательность? Не приставили ли ее следить за ним? Не готовят ли для него ловушку? Есть ли у него по-прежнему основания думать, что исключительность его последнего задания предопределена высокими

инстанциями, или же просто руководство отдела пытается его незаметно отстранить?

— Я бы с удовольствием выпил с тобой чаю, — сказал он и улыбнулся, — но боюсь, что это вызовет толки.

Он уже заметил, что мимо входа в отсек несколько раз проходили люди, и сейчас трое направлялись к Бену явно для того, чтобы с ним поздороваться. Он с досадой передернул плечами, и Гунда, к его радости, согласилась со сказанным и кивнула.

— Жаль — но все равно мы скоро увидимся!

Бену, наверное, следовало бы уделить несколько минут своим гостям, однако он решил поскорее их выпроводить, и это ему удалось. Наконец он спокойно сел за пульт и поворотом тумблера ввел блок в операционную готовность. В принципе необходимости подробно знакомиться с компьютером нет: до этого он работал на таком же, только, меньшей емкости. Большая емкость — это, кстати, совсем неплохо.

Он ввел новый код и попробовал вызвать свою прежнюю программу. Его уловка сработала: по дисплею снова побежали данные, с которыми он работал увлеченнее, чем с любыми другими, им предшествовавшими. Это его случай, его соб-

ственный, и прав на него он не признает ни за кем другим.

Следующий предстоящий ему важный шаг — посещение Джонатана. Учитывая реальные обстоятельства, он не может больше рисковать, не может отправиться к Джонатану в рабочее время. Придется пожертвовать вечером, но, может, все-таки поверят, что он лицо официальное.

Всю вторую половину дня Бен занимался данными, касавшимися Джонатана, и установил, что особой надежды на успех у него нет. Но попытаться он должен.

Извлечение из «Списка мер безопасности»

Генераторы случайных чисел

Генераторы случайных чисел можно рассматривать как овеществленные в виде специальных устройств меры по порождению непредвиденных событий. Эти последние подчиняются не абсолютным, а лишь вероятностным законам и потому не удовлетворяют требованиям неограниченной безопасности. Они повышают уровень энтропии в мире и таким образом препятствуют достижению

общей цели перехода к порядку более высокого уровня. Использование их, особенно в научных, технических и эстетических целях, приводит к появлению необщепринятых идей и, таким образом, отрицательно сказывается на социальной устойчивости.

Как свидетельствует наука, генераторы случайных чисел встречаются также в мире физических и биологических явлений, в котором они, как правило, действуют по аналогии с квантовыми усилителями. Мы имеем здесь дело еще с одним источником процессов, связанных с возрастанием энтропии и выражающих тенденцию к хаосу (тепловой смерти Вселенной). Необходимо провести соответствующие научные исследования и разработать меры, которые позволят поставить преграду на пути случайных процессов естественного происхождения и изгонят генераторы случайных чисел из нашей эпохи.

Целенаправленное использование стохастических процессов до сих пор имеет место в нескольких определенного рода ситуациях и в нашем государстве, например для справедливого распределения льгот, дефицитных товаров, генетических особенностей и т. п.

Однако считать оправданным применение генераторов случайных чисел в подобных ситуациях нельзя. Сейчас проводятся исследования, имеющие целью добиться, чтобы распределение благ зависело от психологических характеристик получателя. До тех же пор, пока способ регуляции не разработан, при распределении благ надлежит руководствоваться таблицами случайных чисел. Поскольку и их использование никак не возможно считать бесспорно справедливым, они подлежат засекречиванию, и доступ к ним разрешен лишь лицам классов А и В.

Принято считать, что в некоторых специализированных областях социоструктуры, например в играх и лотереях (игральные кости, лотерейные машины), генераторы случайных чисел ничем заменены быть не могут. Признать удовлетворительными устройства, работающие по этому принципу, нельзя: так, например, они не предотвращают возможности того, что выигрыш достанется лицу, чьи заслуги перед государством недостаточны. Поэтому в последнее время выигрыши стали выплачиваться в соответствии с заслугами вознаграждаемого перед обществом. С этой

целью в игральный автомат вводится психологический усилитель, влияющий на работу устройства в духе государственных интересов.

13

Как уже дважды за эти дни, путь Бена и сейчас лежал в северо-западную часть города, туда, где живут граждане низших категорий. На первый взгляд квартал этот ничем не отличается от других: те же стандартные двенадцатиэтажные здания с общими залами для сна, классными комнатами, столовыми, залами для занятий спортом и для развлечений. Однако, если приглядеться получше, на всем был виден налет запущенности: на тротуарах — отбросы, движущиеся тротуары — в грязи, поручни липкие. Сами люди одеты неряшливо: похоже, им все равно, если комбинезон им не по росту, если он разорван или испачкан. Но больше всего Бена снова и снова пугали лица — неправильность черт, отклонения от облика здорового члена Свободного Общества.

Найти блок, где жил Джонатан, Бену никакого труда не составило. Никаких препятствий там не возникло тоже, и, однако, он знал, что оставляет след: каждый раз, когда он вводил в щель транспортную карточку F, она регистрировалась, у каждого заграждения ему приходилось совать в щель свой личный номер, и когда сразу после этого заграждение отодвигалось в сторону, вы-

званные процедурой опознания электронные импульсы уже хранились в памяти центрального процессора. Но теперь Бен примирился с мыслью, что скрыть свои действия ему в любом случае не удастся, что речь идет не о том, чтобы замести следы, а скорее о том, чтобы быстрее закончить последние разыскания.

Подойдя к кабине Джонатана, он увидел, что занавеска перед ней отдернута: внутри никого нет.

Он обратился к человеку, который вытирал бумажным носовым платком грязные руки, — зрелище было не из приятных.

— Я ищу Джонатана Умана. Ты не можешь сказать, где он?

Будто желая пожаловаться кому-то на то, что ему то и дело досаждают, человек оглянулся. Потом, снова повернувшись к Бену, сказал:

— Отстань от меня, какое мне дело до Джонатана?

Бен стал смотреть, кого бы еще ему спросить. Увидел, что из одной кабины за ним наблюдают. Занавеска в кабине была наполовину отдернута, внутри сидел на кровати, вытянув ноги, человек.

— Ты знаешь, где Джонатан?

— Я не имею к нему никакого отношения! От меня вы ничего о нем не узнаете, уж извините.

Резким движением втянув ноги в кабину, человек задернул занавеску.

Бен постоял с минуту в растерянности, потом решил обратиться к модератору.

Модератор сидел на застекленном балкончике, выступающем из передней стены зала. Бен поднялся к нему по лестнице и справился о Джонатане Умане.

— Что тебе нужно от Джонатана?

Недоверие модератора было достаточно очевидным.

— Я хочу его увидеть — это запрещено?

— Послушай, — сказал модератор, — советую тебе: исчезни! Хотя подожди, сначала я установлю твою личность. Откуда ты вообще взялся?

Бену пришлось предъявить личный номер.

— Я здесь по службе, выполняю задание отдела. Теперь, наконец, ты скажешь, что произошло с Джонатаном?

Тон модератора сразу изменился.

— Извините… я ведь этого не знал. Джонатана увезли два дня назад. Острый психоз. Правда, он и раньше не был совсем здоровым, у нас часто возникали с ним трудности…

— Трудности какого рода?

— Ну… он часто выходил из себя, скандалил…

Что еще вам сказать? Спросите у врачей. Они знают лучше.

Модератор явно не собирался ничего говорить. Он написал что-то на листке и сунул листок Бену — адрес клиники. Бен поблагодарил его и ушел.

В клинике ему еще раз пришлось предъявить документы: уж здесь он сойти за обычного посетителя никак не мог. Через некоторое время появился психиатр, он был готов отвести Бена к Джонатану. Они вошли в лифт, спустились на несколько этажей под землю, пошли по бесконечному коридору. Справа и слева — стены с круглыми стеклянными окошками-иллюминаторами. Стекла медного цвета; было ясно, что увидеть в них что-нибудь можно лишь с одной стороны. Шагая по коридору, Бен пытался незаметно в них заглянуть, узнать, что за ними происходит, но это ему не удавалось. И вдруг он вздрогнул от ужаса при виде словно прилипшего изнутри к стеклу лица или, скорее, рожи: широкий расплющенный нос, глаза, глядящие в пустоту…

— Ну, вот мы и пришли, — сказал психиатр.

Он внимательно посмотрел в окошко, потом вставил в щель магнитную карточку — дверь скользнула в сторону. Они вошли.

Бен с огромным трудом узнал Джонатана, так хорошо ему знакомого по фотографиям. Джонатан забился в угол, руки и ноги его дергались. Голова была опущена.

— Ему помочь трудно, — сказал врач.

Джонатан, похоже, услышал: он поднял голову.

Взгляд его скользнул по врачу, потом по Бену… Неожиданно он вскочил, прыгнул к Бену, схватил за воротник, рванул…

— Так я и думал, что этим я обязан тебе! Предатель!

Психиатр выразительно посмотрел на Бена, словно желая сказать: «Ну как, убедился?»

— Ведь это из-за тебя мы провалились! И с такими трусами мы хотели совершить революцию!..

Он по-прежнему держал Бена за воротник, а Бен слабо отбивался.

— У него в голове полная неразбериха. Он сам не знает, что говорит, — сказал врач.

— Мы все на твоей совести! И я, и Барбара, и Харди! А теперь ты сговорился с этим! — Он отпустил Бена и показал на психиатра. — А знает ли он, что ты тоже был с нами? Скажи, что ты от них за это получил?

Джонатан говорил с трудом. Казалось, язык и

губы так же мало ему подвластны, как и остальные части тела, трясущиеся и дергающиеся. Бен попытался его прервать:

— Я должен задать тебе несколько вопросов. Успокойся, пожалуйста! Ты понимаешь меня?

Джонатан снова бросился на Бена, крича задыхающимся, охрипшим от напряжения голосом:

— Предатель! Трус! Дерьмо!

Ничего подобного Бен, направляясь сюда, не ожидал. Сцена эта не просто неприятна, она может обернуться катастрофой, и он, Бен, неизбежно окажется под ударом. Стоит врачу прислушаться, обратить внимание на обвинения, которые бросает Джонатан, и…

— Всё галлюцинации, фантазии душевнобольного!

Психиатр пришел Бену на помощь, он оттеснил Джонатана назад; это оказалось совсем просто: больной выбился из сил…

Когда Бен, выйдя в сопровождении врача из палаты, заглянул в окошко, Джонатан, уставившись в пол, снова сидел в углу.

Нервы у Бена были на пределе. Психиатр заметил это и предложил ему несколько успокоительных драже.

— Не переживайте! Эти шизофреники строят

для себя воображаемый мир, из которого им потом так и не удается выбраться. В свои фантазии они включают и окружающих, им кажется, будто все против них что-то замышляют. Острая паранойя, тяжелый бред преследования.

Бен постарался сбросить с себя подавленность.

— Тут действительно ничего нельзя сделать. Пойдемте!

Уже в вагоне подземки, по пути домой, он вдруг осознал два обстоятельства. Во-первых, врач не задал ему ни одного вопроса о цели его посещения. А во-вторых, Джонатан неизлечим, если состояние, в котором он находится, на самом деле является болезнью, вызванной естественными причинами. Но ведь тогда — и над этим стоило задуматься — его не стали бы помещать в отдельную палату. Он бы подлежал досрочной нигиляции.

Бен ехал долго. Он был поглощен своими мыслями и испугался, когда вагон, завизжав колесами, начал поворачивать. Лишь теперь он заметил, что в вагоне, кроме него, никого нет. За окнами царила тьма, только проносились светящимися змеями, появляясь, чтобы тут же исчезнуть, флуоресцентные лампы…

Вот наконец и огни станции. Здесь он должен

выйти, но поезд, к его изумлению, не остановился. Бен поднялся, подошел к двери, стал искать стоп-кран, однако подземка была автоматизирована, и в вагоне не было ни кнопок, ни выключателей, ни стоп-крана.

Промелькнула вторая станция, новый поворот… небольшое замедление, потому что начался подъем, затем с ошеломляющей скоростью поезд покатился вниз… Теперь он двигался по узкому кругу, и центробежная сила прижала Бена к стенке вагона. Скрипя тормозами, поезд остановился, дверь скользнула вбок… снаружи снова станция, но трафарета с названием нет и никакого другого указателя тоже. На стене станции — старые плакаты, под ними — деревянные скамьи, с которых наполовину облупилась краска. Выйдя на платформу, Бен обнаружил, что пыли там ему по щиколотку. Эта станция, очевидно, была давным-давно заброшена, она словно явилась из тех времен, о которых он знал только по урокам истории. Ему стало интересно, и он подошел к стене, на которой висели плакаты. Строки пожелтели, прочесть их было почти невозможно. Зато изображения на некоторых плакатах сохранились очень хорошо, хотя Бену было непонятно, почему такого рода изображения могли оказаться на

станции подземки: пенящаяся жидкость в стаканах; средство передвижения, на колесах которого широкие резиновые ободья, а закругленная крыша спускается до самых колес; люди в яркой одежде, идущие на лыжах по снежной трассе… А потом Бен вздрогнул: на четырех меньших, гнетущего серого цвета листках он разглядел фотографии Барбары, Харди, Джонатана и… свою. Он попытался стереть пыль, прочитать надписи под фотографиями. Старинным шрифтом было написано:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ… ОБВИНЯЕТСЯ
В ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВЕ К МАССОВЫМ
ВОЛНЕНИЯМ… ОПАСЕН, ПРИМЕНЯЕТ ОРУЖИЕ…
СООБЩИТЬ ПОЛИЦИИ…

Бену послышался шорох, он обернулся… за одной из колонн пряталась тень.

Ему уже давно было не по себе, а сейчас он почувствовал настоящий страх. Во рту пересохло, он облизал нервно губы. Обернувшись, он попытался разглядеть что-нибудь в зловещем сумраке… Сзади — шорох, шаги. Из темноты вышла фигура — да, значит, слух его не обманывал. Снова шаги, он посмотрел влево — там тоже кто-то появился. Они шли к нему со всех сторон, люди, закутанные

в темные дождевые накидки, и лица у всех были закрыты.

— Ты знаешь, кто мы? Узнаёшь?

— Нет, — ответил Бен и закашлялся, потому что говорить стало трудно.

Его ударили больно в ребра.

— Это тебе поможет вспомнить!

— Я не знаю… Кто вы?

Бен попытался отступить, но кольцо вокруг него сомкнулось.

— Нам не нравится, что ты суешь нос в наши дела! Похоже, предавать доставляет тебе удовольствие! Но мы это из тебя выбьем!

Они надвинулись на него, заломили ему руки за спину. Он попытался вырваться, но они были сильнее. Человек, стоявший перед ним, запустил руку к нему в карман и вытащил его личный номер в прозрачном чехольчике. Вынув из чехольчика номер, всунул в плоский ящичек, который ему протянули сзади. Послышалось тихое гудение. Человек вынул номер, вложил в чехольчик и сунул назад в карман Бена.

— Это наше первое и последнее предупреждение, — сказал Бену голос прямо в ухо. Голову его крепко держали, он не мог повернуть ее. — Прекрати свои расследования или тебе будет плохо!

Кольцо разомкнулось, однако голову и руки его держали по-прежнему. Потом его больно пнули, и он, споткнувшись и едва удержавшись на ногах, влетел в вагон. Дверь закрылась, поезд рванулся с места, и толчок бросил Бена на сиденье. Поезд сделал круг до конца и снова вошел в туннель. На следующей станции он, как и полагается, остановился, и Бен мгновенно выскочил из вагона.

Больше никто нигде его не останавливал, и он успел вернуться до отбоя.

Бен повалился на постель и только теперь почувствовал, как его тошнит и как у него болит голова. Он принял две успокоительные таблетки. Напряжение постепенно его оставило.

Немного полежав, он поднялся и достал из укромного местечка под патроном лампы последнюю ампулу и шприц. Он должен раскрыть тайну во что бы то ни стало.

III

День и ночь грохотали взрывы. Руины, оставшиеся от города, планомерно сравнивали с землей. Вслед за взрывниками появлялись бульдозеры и тяжелые катки: на месте прежнего города должен вырасти новый — здоровый, светлый, — так,

во всяком случае, говорили.

Они жили впятером в подвале полуразрушенного дома. Похоже, что раньше здесь был склад — они нашли несколько мешков хлопка или другого похожего материала, чудом уцелевших от пожара. Из содержимого мешков они соорудили жалкие постели; ночами было довольно холодно, но об отоплении и речи быть не могло. Источниками света служили несколько свечей. А пищу они добывали во время коротких вылазок в зараженную радиоактивностью местность вокруг.

Их осталось только пятеро. Почти все время они сидели неподвижно, закутавшись в старые одеяла, и дремали. Разговаривали мало, а если разговор все же начинался, он сразу переходил в ссору. Все они были раненые, больные, облученные, и нервы у всех были как натянутая струна.

Им уже не раз приходилось менять пристанище. Бригады санирования, покончив с одной улицей, переходили на другую, и впереди шла цепь полицейских и солдат. Ибо события, предшествовавшие катастрофе, забыты не были. По транзисторному приемнику, принимавшему те несколько станций, в радиусе действия которых они находились, они слышали перечни разыскиваемых. Были там и их имена.

— Кто-то нас предал, — сказал Харди. Он сбросил с себя одеяла и заметался по комнате. — Только так я могу себе это объяснить. Иначе откуда они знают наши имена?

И он злобно посмотрел на Бена.

— Держи себя в руках, — одернул его Джонатан. — Что толку жалеть о том, чего не вернешь? В лужу мы сели все вместе.

Харди от него отмахнулся. Остановился перед Беном и сказал:

— Признайся: проболтался ты! Предупредил Барбару — и этого было достаточно, бонзы спаслись.

— Это же бессмыслица, — возразил Бен. — Тогда бы они смогли предотвратить разрушения. А разве они их предотвратили?

— А может, они и не хотели! — воскликнул Харди. — Может, то, что случилось, как раз их и устроило!

— Но ведь правительство теперь у нас новое! — перебила его Эдвиге.

Казалось, Харди с трудом сдержался, чтобы ее не ударить.

— Вот именно! — заревел он. — Мы ведь так замечательно все продумали: хотели сами сформировать правительство! Даже посты в нем

распределили! И чем все кончилось? Мы не знаем, кто теперь наверху, но, судя по всему, новое правительство куда хуже старого!

— Не нужно на меня кричать, — сказала Эдвиге.

— Не ссорьтесь! — сказал Джонатан. — От этого нам лучше не будет. Сейчас нужно думать прежде всего о том, как нам спастись. Кто знает, может все у нас еще впереди!

— Ты неисправимый оптимист, — сказала Эдвиге. — Ты что, в самом деле думаешь, что мы когда-нибудь отсюда выберемся? Что, интересно, мы можем теперь сделать? Нам только и остается, что ждать, когда они нас найдут.

— Вы правы, внешне ничего не изменилось. — Джонатан встал и начал растирать окоченевшие руки. — Тон нового правительства почти такой же, как у прежнего. Но, может, именно в этом наш шанс. Если у нас и вправду будет строиться новое государство, то будет восстановлена и старая компьютерная система. А это по нашей части — как-никак мы специалисты. И у Бена по-прежнему сохранились те бумаги — перечень действий, ставящих под угрозу существование системы. Что бы вы ни говорили, я твердо убежден: когда-нибудь мы ими воспользуемся.

Джонатан стоял выпрямившись, с высоко поднятой головой, и Бену почудилось, будто перед ним пророк, который сквозь время и пространство прозревает далекое будущее. Но он знал, что пророков нет и ни в чем нельзя быть уверенным. Есть одни только шансы, и даже они ничтожны. Да, записи по-прежнему у него, в его нагрудном кармане, — он машинально положил на карман руку и услышал похрустывание бумаги. Но действительно ли записи эти представляют еще какую-нибудь ценность?

Они услышали, как кто-то спускается по лестнице — это был Франсуа, который сейчас нес вахту.

— По-моему, принимаются за нашу улицу!

Харди, который, совсем обессилев, опирался о стену, поднял голову. Глаза его неестественно блестели: у него был жар.

— Я сматываюсь: мы здесь как в мышеловке!

— Оставайся на месте! — приказал ему Джонатан.

Но Харди уже взбегал по ступенькам, и они тут же услышали, как он идет по усыпанной обломками стен мостовой...

— Если мы здесь останемся, нам конец, — сказал Бен.

— Не хочу больше перебегать из одной дыры в другую. Словами не выразить, до чего я устала. Больше не могу. — И Эдвиге, вытянувшись на своей импровизированной постели, закрыла глаза.

Джонатан бросил на нее презрительный взгляд. Потом сказал;

— Вы все отдаете себе отчет в том, что будет, если нас поймают? — Он обвел их взглядом, однако ответа не последовало. — Не исключено, что они знают о том, кому обязаны катастрофой, — продолжал Джонатан. Несколько секунд он смотрел на Бена, однако и тот на его слова никак не реагировал. — Но вполне вероятно, что мы в их черных списках числимся на тех же основаниях, что и многие другие. Естественно, если мы попадем к ним в руки, скрыть не удастся ничего. У них есть способы заставить человека говорить. Достаточно им поймать одного, и...

Он сдвинул рукав пальто и посмотрел на часы. Открыл рот, чтобы сказать что-то еще... и тут они услышали короткую автоматную очередь. Не слишком близко, но и не слишком далеко. Все подумали об одном и том же: Харди.

— Нужно выбираться отсюда! — прошептал Франсуа.

Подчеркнуто спокойно Джонатан сел на пер-

вый попавшийся мешок.

— Надо дождаться ночи. Тогда попробуем прорваться. Но на этот раз, похоже, придется туго: кольцо вокруг района сужается. Остается одно — попробовать выйти из оцепления, попасть на ту сторону.

Франсуа впился в него глазами:

— Ты думаешь, может получиться?

Джонатан неопределенно махнул рукой.

— Надежды мало. Последняя и очень сомнительная попытка, ничего более. А для того, чтобы ни один из нас не мог предать другого, я предлагаю применить одно необычное средство.

Он встал и направился в угол, где лежало несколько оставшихся у него вещей: сумка, коробка, обернутая газетной бумагой, небольшой ломик, который в случае необходимости можно было использовать как оружие. Он открыл коробку, вынул из нее продолговатый футлярчик — пластмассовую коробочку с несколькими ампулами. Там же лежали шприц и несколько игл. Взяв одну из них пальцами, Джонатан навинтил ее на шприц.

— Этот препарат стирает воспоминания, — сказал он. — Необходимые для повседневной жизни способности остаются, но все, что мы

делали в последние месяцы и годы, мы забываем — и сами события, и вовлеченных в них людей.

Он замолчал и прислушался, и они услышали постукивание и негромкое потрескивание: группа очистки приближалась.

— Времени у нас немного, — сказал Джонатан. — Оголите до плеча руку, каждый получит свою дозу. Экономить я не буду — пройдут годы, а может, и десятилетия, прежде чем воспоминания оживут опять.

— А... через сколько времени... — спросил, запинаясь, Франсуа, — через сколько времени средство начнет действовать?

— Часа через два-три, — ответил Джонатан. — Сейчас уже темнеет, и мы разойдемся в разные стороны. Пройти через оцепление каждый будет пытаться в одиночку. Кого-то из нас могут ранить, кто-то попадет в руки полицейских. Однако, когда начнутся допросы, никто не сможет ничего рассказать.

Они молчали. Возможно, они верили его словам, а возможно, просто слишком устали, чтобы говорить. Один за другим они подходили к Джонатану, и он вводил каждому препарат. Не миновало это и Эдвиге: Франсуа завернул рукав у так и не поднявшейся девушки, и Джонатан

встал около нее на колени. Последнюю инъекцию он сделал себе. Потом встал и тихо сказал:

— Желаю удачи!

Больше они друг друга не видели. Один за другим они поднялись крадучись по лестнице и исчезли в сгущающихся сумерках. Осталась только лежавшая безучастно Эдвиге.

Выйдя наверх, Бен остановился на мгновение: он еще слышал осторожные шаги Франсуа, который вышел чуть раньше. Не все ли равно куда идти? Почти сразу приняв решение, Бен перешагнул невысокую стену слева, оказался среди обломков сброшенной с дома крыши и полез дальше через руины. Нужно найти место, где спрятаться. И выбрать такое место нужно очень продуманно, чтобы инфракрасными детекторами его не обнаружили. Он заглядывал во все новые и новые полуразрушенные комнаты, но безрезультатно. Один раз попытался влезть через окно в какой-то подвал, но начали осыпаться кирпичи, и он повернул назад. Остановился, прислушался… издалека доносился шум, и совсем близко из громкоговорителя раздавались слова:

— Призываем всех сдаться! Без медицинской помощи вы погибнете! Кладите руки на затылок и выходите по одному из укрытий…

Бен повернулся и побежал прочь. Снова и снова приходилось прыгать через металлические балки и остатки стен. Он старался двигаться бесшумно, но это было невозможно. Между тем местность с каждым шагом становилась все фантастичнее. Дома выглядели так, будто их разрезали бритвой, некоторые части остались совершенно нетронутыми — можно было заглянуть в жилые комнаты, где стояла мебель, висели занавески, лежали и сидели мумифицированные трупы; и тут же, совсем рядом, прокатилось колесо разрушения и все превратило в пыль.

Войдя через ворота в узкий проход между двумя полуразрушенными стенами, Бен неосторожно наступил на кусок жести, поскользнулся и упал с грохотом. Тут же взлетела осветительная ракета, за ней другая, третья… Как загнанный зверь, он пытался скрыться в каком-нибудь темном углу, однако свет от ракет ослеплял его, и было чувство, будто он стоит беззащитный на открытой лестничной площадке…

Тут он увидел неширокую щель между стеной дома и перевернутым вагоном подземки и с трудом в нее втиснулся.

За спиной послышались шаги, теперь уже совсем

рядом. — казалось, ему наступают на пятки.

Шаги загрохотали и впереди.

Снова он попытался уйти в сторону, нашел короткий крытый отрезок улицы, явно остаток какой-то галереи. Нырнул туда, но, к своему отчаянию, обнаружил, что оказался в тупике: другого выхода отсюда не было.

— Сдавайся! Поднимай руки и выходи! — прокричал усиленный мегафоном голос.

Бен лежал, не шевелясь, в углу. Тяжело дыша, выбившись из сил, он прижал руку к пронизываемой болью груди и вдруг услышал шуршание: записи! Он вскочил как ужаленный. Об этом не подумал никто, даже Джонатан. Если его сейчас схватят, бумаги будут доказательством его вины. Он вертел головой как дикий зверь, попавший в ловушку.

Куда спрятать записи, чтобы их не нашли?

Каменная кладка стены, сорванная оконная рама… Прямо перед ним — водоразборный кран.

Он опять услышал шаги. Они приближались.

— Стой! Буду стрелять! — заорал Бен, надеясь выиграть хотя бы несколько секунд.

Дрожащими руками он открутил от крана головку. Вытащил бумажные листки из нагрудного кармана, свернул их так, чтобы они занимали

как можно меньше места. Втиснул под неплотно прилегающую прокладку и снова навинтил головку. Бросился через дорогу, надеясь скрыться в сумраке на другой стороне... Удар в плечо повалил его на мостовую, а потом он услышал три коротких щелчка.

В глазах у него потемнело. Он еще слышал, как приближаются шаги, но вдруг все замерло, и он очутился в мире без света, без звука, без земли под ногами. И все быстрее, быстрее стал падать в бездонную пустоту.

14

На этот раз реактивация глубоко зарытого содержимого памяти обрела форму запутанного сновидения. И однако сейчас это проходило иначе, чем в прежние два раза. Он заметил, что не раз был на грани пробуждения: может быть, средство теперь действовало слабее, он к нему стал менее чувствителен — видимо, сказывалось привыкание. Он метался, на какие-то секунды, по-прежнему не открывая глаз, оказывался в настоящем, и тогда его охватывал страх, что он может вернуться в действительность окончательно, а потом уже и не понимал, где находится на самом деле.

Он проснулся совсем внезапно, от чего-то страшного в своем сновидении (вспомнить, от чего именно, он, вырванный из состояния сна, уже не мог), и увидел прямо над собой чье-то лицо — черты невыразительные, волосы спутаны, на висках пряди торчат в стороны: Харди!

Почти не было времени отдать себе отчет в том, что он по-прежнему в постели, что Харди с цилиндрическим предметом в руке стоит на коленях у его подушки. Он услышал, как Харди шепчет: «Как хорошо, что ты говоришь во сне!

Спи еще!» Он почувствовал на своем лице холодную жидкость с резким запахом, оседающий аэрозоль, и почти мгновенно снова погрузился в сон или в бессознательное состояние.

Проснувщись, Бен не мог сообразить, сколько времени назад произошло событие, которое до сих пор стояло у него перед глазами. И тут же вспомнился эпизод сновидения, на который его «я» реагировало особенно сильно. От этого эпизода, которого он ждал с самого начала сна, перекидывался мостик к настоящему. Эпизод этот содержал в себе воспоминание о записях… Что такое сказал Харди: он, Бен, говорил во сне? Он подскочил как ошпаренный. Если он говорил во сне о записях и о месте, где они спрятаны, которое он теперь знает, значит, о них известно и Харди…

Теперь он уже окончательно проснулся и сосредоточенно думал. Потом обратил внимание на то, что лежит в одежде и надеть ему нужно только куртку. Не поднимаясь с постели, быстро причесался, потом посмотрел вокруг. Часы на стене показывают девять часов десять минут… еще не заметили, что он не встал; пока он в кровати, от взглядов снизу он скрыт. Конечно, как только он встанет, его заметят, но сейчас ему это все равно.

И быть может, даже есть способ как-то остаться неузнанным. Одним прыжком он очутился на полу, прижал к лицу бумажный платок и стремглав выбежал из спальни. Прыжок, которым он преодолел барьер на выходе из зала, на стадионе принес бы ему все мыслимые почести. Но сейчас он на это даже не обратил внимания.

Свои надежды Бен возлагал на то, что положение расследователя позволяет ему в случае острой необходимости заказать себе одноместный магнитокар. Он кинулся к ближайшему видеофону, сунул в щель личный номер и сделал заказ. Через две минуты автоматически управляемый магнитокар стоял уже у тротуара. Бен вскочил в него, набрал адрес и поднялся в воздух — выше всех других средств передвижения, в том числе и магнитопоездов общественного транспорта. Он испугался, услыхав вой сирены, но тут же сообразил, что это звуковыми и световыми сигналами расчищает себе путь машина, внутри которой он сидит.

У Харди, конечно, несколько часов форы, но на общественном транспорте добираться долго. Только на это Бен и рассчитывал.

Когда он оказался наконец за чертой города, там, где для всеобщего обозрения сохранялся как

достопримечательность кусок старого мира, Бен направил магнитокар к одной из обзорных башен. Оттуда, с высоты, исторические места были видны как на ладони.

Он нажал на кнопку, направляющую машину в парк, выпрыгнул из нее и смешался с толпами экскурсантов. Для них это был праздничный день, и не только потому, что они хоть на время вырвались из однообразного круговорота физических упражнений, учебных занятий и психотренинга, но и потому, что к дрожи ужаса, который здесь испытываешь, примешивалось одновременно и чувство радости. Здесь можно видеть не только стены погибшего города такими, какими они стали в конце последнего десятилетия взрывов, но и тела несчастных, которые тогда погибли, — они выглядели как живые, будто все случилось только вчера, потому что для сохранности их облили полиэфирной смолой. И хотя было видно, какие у них страшные раны, бросалось в глаза также, что люди эти худы как скелеты, что они отчаянно голодали, что тела их разъедали болезни — это был смертный час общества, обреченного на гибель. У граждан Свободного Общества такое просто не укладывалось в голове, и когда они об этом слышали на занятиях, многие были не в

состоянии даже допустить, что это правда. Но тут они воочию видели, что все это было. И, толкаясь, пробирались на башни обзора, на галереи, в проходы, пересекавшие территорию и отделенные от руин только стенами из свинцового стекла; толпились перед установленными через каждые пять метров подзорными трубами, позволявшими рассмотреть недоступные невооруженному глазу подробности.

Все это Бену было сейчас безразлично. Он спустился на лифте на первый этаж, в фойе, где громкоговорители передавали записанные на пленку объяснения. Напротив входа в лифт начинался коридор, по которому можно было попасть непосредственно в старую часть города. Бен поспешил туда, но ему мешала толпа идущих впереди экскурсантов, и в то время, как он сквозь нее пробирался, ему послышался негромкий звон. Лихорадочно растолкав людей, он обнаружил, что одно из окон коридора разбито… Водоразборный кран на месте, отвинченная головка лежит на земле — он опоздал, но уйти далеко Харди не мог, и хотя кажется, что уже ничего нельзя поделать, он не признает себя побежденным, он должен во что бы то ни стало Харди найти.

Бен поспешил дальше по проходу, который

нигде не разветвлялся, по лестнице взбежал на следующий этаж: оттуда можно было видеть всех, кто находился в зале. И это было почти как чудо: в толпе, втекавшей в правую галерею обзора, он увидел Харди. Тот сам себя выдал: все продвигались вперед спокойно, а он, лихорадочно спеша, расталкивал людей у стен, где толпа была не такой плотной, и сверху казался быстро движущейся точкой в ритмичном волнообразном движении толпы.

Боясь потерять Харди из виду, Бен бросился за ним следом; хотя он старался, насколько это было возможно, не слишком толкать людей, вслед ему катилась волна растерянности. Харди заметил его только тогда, когда Бен был уже совсем рядом, и ввинтился в самую гущу толпы отчаяннее прежнего. Продвигался он, однако, медленно, и Бен начал его догонять. Очень скоро он был уже на расстоянии вытянутой руки от преследуемого. Он вцепился в комбинезон Харди и уже не отпускал.

В давке плотно к нему прижался, ощупал его карманы, что было нелегко, так как Харди, в той мере, в какой позволяла обстановка, защищался. Сжатые со всех сторон, лишенные возможности свободно двигаться, они вели безмолвную и

упорную борьбу, перевеса в которой Бену сперва не удавалось добиться. В конце концов, однако, он обратил внимание на то, что Харди все время держит одну руку у себя на груди, и понял: тот спрятал бумаги в кармане куртки. Не церемонясь, Бен рванул куртку за край, и все кнопки отстегнулись. Харди отбивался так, будто защищал свою жизнь, но очень скоро выяснилось, что Бен сильнее, и наконец, торжествующий, он сжимал бумаги в руке, смятые, во многих местах надорванные, однако сохранившиеся целиком. Он тут же ринулся прочь от Харди, и толпа их разделила, вытолкнула через проходы со счетными устройствами; расстояние между ними непрерывно увеличивалось, и наконец Бен потерял Харди из виду.

Когда между ними шла отчаянная борьба, вокруг были сотни людей, но никто не обратил внимания на происходящее. Бен держался гущи толпы, и его, как и других, толпа несла по коридорам и лестницам, а потом, заметив лестницу направо, он вырвался из толпы и кинулся вверх. Побежал к ближайшему выходу, выскочил наружу и быстро, но по-прежнему стараясь не привлекать к себе внимания, зашагал к ближайшей остановке подвесной дороги.

Долго стоять в очереди ему не пришлось: комфортабельное путешествие с видом на город с высоты птичьего полета было роскошью и стоило дорого. Экономить пункты, однако, Бену больше было не нужно, и для него уединение отдельной кабины свою стоимость вполне оправдывало. Едва исчезнув из поля зрения людей, дожидавшихся следующих кабин, он вынул бумаги из кармана, разгладил их и попытался разобраться в написанном. Это оказалось совсем не просто: на бумаге были в основном буквенные и цифровые обозначения характеристик и параметров, и только кое-где попадались написанные от руки слова, указывавшие на скрытый за условными обозначениями смысл. Затем, однако, увидев хорошо известные e\<y последовательности кодов, он смог почти без труда все расшифровать. Так вот оно, тайное сокровище группы заговорщиков! На первый взгляд, какая-то чепуха, перечень трюков и фокусов вперемешку с инструкциями по нанесению материального ущерба. И объект всего этого — государственная компьютерная система. Здесь указывалось, как подключаться к чужим программам и заблокированным областям машинной памяти, как обходить учет машинного времени, замыкать, чтобы стало

невозможным их использование, хранящиеся в запоминающих устройствах программы, узнавать коды к засекреченным данным, изготовлять и подделывать магнитные карточки, которые обеспечат доступ в закрытые зоны, вводить в заблуждение контрольные устройства, целиком или частично выводить из строя приборы… Все это выглядело немного нелепо, подходило скорее неопытным юнцам, но уж никак не серьезным революционерам. При более внимательном рассмотрении, однако, все начинало выглядеть по-другому. От компьютерной системы, от бесчисленных вычислительных устройств в центре и на периферии, от программ, картотек и датотек зависело функционирование всего государства. Система обладала многократным дублированием, она казалась совершенно неуязвимой. Однако Бен и сам, в ней работая, обнаруживал то одно, то другое слабое место; будь у него раньше такое намерение, он бы уже мог без труда использовать компьютерную систему для нанесения ущерба. Разумеется, он этого не делал. Однако в руках людей, которые, невзирая на последствия, захотели бы применить такие знания; информация эта могла стать опасным оружием. Нарушение различных контрольных функций создало бы

невообразимый хаос, а отказ программ выравнивания и ремонта мог бы воспрепятствовать восстановлению нормального состояния до выяснения причин аварии. Без системы этой, роковым образом связавшей людей и автоматы, было абсолютно невозможно обеспечить порядок, снабжение, работу средств информации, связи, транспорта и многого другого, и авария, если бы ее не удалось ликвидировать сразу, поставила бы под угрозу миллионы человеческих жизней. Чем дольше Бен изучал написанное на листках, тем задумчивей он становился. Он не собирался вступать в единоборство с государством, однако в будущем эти записи могли помочь ему разрешить его собственные проблемы и надежнее защитить самого себя.

О применении цифровых вычислительных машин

Устройство компьютера делает его инструментом, пригодным для порождения порядка и уничтожения информации. С автоматизируемыми и компьютеризируемыми процессами связаны в первую очередь следующие функции:

управление

планирование
программирование

организация
классификация
регистрация
руководство
вычисление
формализация
подсчет

Когда главной целью государства является достижение наибольшего порядка, компьютер — наилучшее средство для претворения этой цели в жизнь.

В архаическую эпоху особые возможности, которые в этом смысле содержит в себе компьютер, не понимались и не использовались. В некоторых случаях вычислительные машины применялись даже таким образом, что вместо консолидации наблюдалось усиление факторов, вызывающих неопределенность. К числу этих последних принадлежат прежде всего интерактивные методы — те, посредством которых человеческий мозг взаимодействует

с логическими процессами вычислительной машины. Так как на первый план при этом выходили стихийные и интуитивные решения, результаты оказались непредсказуемыми — элементарный пример того, как может быть использовано во зло само по себе полезное средство. Иллюстрации тому легко найти прежде всего в бесконтрольно развивавшихся тогда науке и технике, а также в использовании компьютера для решения художественных задач (компьютерная графика — компьютерное искусство).

Приведенный выше пример из истории показывает, что отрицательные последствия при использовании компьютера неизбежны, если он подвергается стихийным воздействиям со стороны человека. Отсюда проистекает необходимость предоставлять обрабатывающим информацию устройствам все бóльшую и бóльшую самостоятельность. Конечной целью такого развития является система, в которой сеть мощных вычислительных машин, процессоров и банков данных работает по законодательным программам на основе автоматически регистрируемых данных без какого-либо вмешательства человека.

Основополагающим принципом при использовании компьютера является непременное условие, чтобы, служа человеку, он приносил ему максимальную пользу. Благодаря своей безупречной точности компьютер представляет собой идеальный инструмент управления и руководства государством. Какие-либо произвольные действия, которые в архаических политических системах наблюдались достаточно часто, благодаря компьютеру становятся невозможными.

Сверхупорядоченные программы, по которым работает компьютерная система, содержат все статьи Основного Закона с приложениями и дополнениями. Чтобы полностью учитывать в своей работе все аспекты реального положения дел, установленные в качестве периферических вычислительных машин процессоры должны располагать исчерпывающими сведениями о социальной ситуации и прежде всего о конкретных социальных, психологических и медицинских нуждах населения. Соответственно социосистема построена таким образом, чтобы максимально облегчить осуществление наблюдения и контроля. Данные медицинских обследований и

психологических тестов дополняются сведениями, полученными при посредстве сети тесно сгруппированных оптических и акустических сенсоров. Первая фаза оценки происходит в периферийных устройствах — данные о поступках, соответствующих среднестатистической норме, сбрасываются, данные же об отклонениях от вышеназванной нормы передаются для анализа в центральный процессор.

Таким образом, в системе «человек — машина» компьютер обретает ведущую роль: он берет на себя функции прежних правительств, причем, выполняя идеально их обязанности, оказывается полностью свободным от их недостатков. Он является совершенным орудием управления — бескорыстным и неутомимым — на службе у человека.

15

Бен едва смог дождаться второй половины дня. Ему не терпелось проверить на своем терминале несколько трюков, относящихся к работе с центральным компьютером. А пока он на разных видах транспорта разъезжал без определенной цели по городу: зашел в ресторан-автомат, потом в зал игральных автоматов, потом в парикмахерскую — сделать массаж лица и маникюр. И тут ему тоже пригодились знания, почерпнутые из записей: вместо своего личного номера он сунул в прорезь кусок фольги, и однако проход открылся, Бен смог войти и получить жетоны на обслуживание роботами в парикмахерском салоне; обвел несколько полей на своей магнитной карточке металлическим карандашом — и проходы стали перед ним открываться, хотя желтая лампочка-регистрации личного номера при этом не загоралась; набрав определенное сочетание цифр на клавиатуре магнитокара, он обнаружил, что при желании может покидать установленные маршруты, превышать установленную скорость, передвигаться, по-видимому, и по закрытым районам... Он остерегался пока использовать эти возможности, так как меньше

всего ему хотелось привлекать к себе внимание. Тем не менее уже эти первые опыты показали, что содержимое записей может быть использовано прямо сейчас; он был самым могущественным человеком в государстве.

Четырнадцать часов. Едва только вход в центр контроля открылся, Бен побежал к лифту, поднялся на этаж, где находился его новый рабочий отсек, и через две минуты дисплей на его столе уже светился. Затем, как обычно, Бен ввел собственный личный номер.

Он задумался, куда ему лучше спрятать бумаги.

Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь их увидел. Наконец он выдвинул ящик из-под доски пульта и, разложив в нем листки, прикрепил их к дну клейкой лентой. Если кто-нибудь войдет, ему достаточно будет задвинуть ящик.

Систематически, одну за другой, он начал вводить в компьютер задачи: способ избежать контроля над потраченным машинным временем, обеспечение доступа к заблокированному материалу, блокировка определенных вызовов, программ, применений… Не все получалось сразу: за прошедшие годы система была явно усовершенствована. Но ему, как правило, ока-

зывалось не очень трудно примениться к новой ситуации. И если какие-либо коды или символы не срабатывали, он все равно знал, что именно заняло их место: основные принципы рекомендуемых записями методов по-прежнему оставались в силе.

Конечно, трудно было удержаться и не воспользоваться возможностями получить доступ к информации, которая до этого была ему недоступна, затребовать личные дела сослуживцев и вышестоящих, Освальдо и Гунды, и заняться поисками новых данных о себе самом… Но прежде всего нужно как следует овладеть этим орудием, так неожиданно оказавшимся в его руках…

Примерно через час в коридоре послышались шаги, и он мгновенно задвинул ящик с листками, выключил дисплей и ввел через печатающее устройство несколько безобидных приказов.

— Образцовый расследователь, как всегда!

Гунда уселась уже в привычной ему позе на крышке пульта, прямо над ящиком с тайными записями — слегка, как показалось Бену, вызывающе. Он подумал, обычно ли для нее демонстрировать себя таким же образом перед другими. Может, они этого не замечают или им это просто неприятно, как раньше ему. Но сам он

теперь смотрел на женщин и девушек совсем другими глазами. Он взглянул на нее внимательно. Смотреть на нее было приятно, и, как уже не раз бывало, она напомнила ему куклу Блэки. Правда, сложена она гораздо лучше; и внезапно Бен снова ощутил возбуждение, появлявшееся у него и в прежние встречи с Гундой, но только на этот раз сюда не примешивалось никакого отвращения, напротив: это было (в чем он признался себе совершенно откровенно) явное телесное влечение.

Возможно, выражение лица его выдало, потому что Гунда встала и подошла к нему почти вплотную.

Бен положил руку ей на бедро и притянул ее к себе.

— Осваиваю новую машину, — объяснил он.

— Довольно играть в прятки! — неожиданно сказала Гунда совсем другим тоном.

Она подтащила вторую табуретку и села рядом. Потом, оглядевшись вокруг, прошептала:

— Ты в опасности. Ты, верно, сам уже это давно понял. Но, может быть, ты не понимаешь… Я тебя хочу спасти!

— Что ты имеешь в виду? — У него не было никакого желания делиться с Гундой своими секретами. Внезапно он снова насторожился. —

Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что мне поможешь?

— Ну и вопрос! Не нужно меня бояться: я за тебя. И могу это доказать. Я скажу тебе нечто, известное лишь немногим. Задумывался ли ты когда-нибудь о том, нет ли у нас в государстве недовольных системой? Подпольных групп, тайных организаций? Короче: к одной такой организации принадлежу я.

— А зачем ты мне это говоришь?

— Разве не понятно? Потому что ты один из нас.

— Вздор! Ни о какой тайной организации я не знаю.

— Не знаешь, потому что ты под психоблоком. Однако в последние дни ты, быть может, все же обратил внимание на то, что ты вовсе не безвредный, малообеспеченный, среднестатистический член Свободного Общества! Думаешь, я не знаю, что ты встречался с Харди, Джонатаном и Барбарой? Так вот: они тоже в моей группе.

— Ни с одним из них я не обменялся и словом о какой-либо тайной организации или о чем-либо подобном.

— Разумеется, нет! У всех у них точные правила поведения на случай вынужденного контакта с

расследователем. Они не знают, что ты тоже член группы, ведь в последние годы (то есть когда в нее вступила я) ты ни в чем не участвовал. Но раньше ты состоял в ней, причем играл ведущую роль. Многие знают твое имя и слышали о том, что ты совершил. Уже не один год они надеются, что в один прекрасный день ты всплывешь снова — все вспомнишь. Вот почему я наблюдала за тобой последнее время и помогала обрести самого себя.

Бен попытался совместить то, что сказала Гунда, со своими полными пробелов представлениями. Кое-что выглядит вполне правдоподобно. Его по-прежнему переполняло недоверие, но все-таки в нем шевельнулась надежда узнать наконец не дающую покоя тайну.

— Возможно, следует тебе объяснить, что в последние дни случилось и что за всем этим кроется. — Гунда достала коробочку с таблетками, протянула одно тонизирующее драже Бену, а другое приняла сама. Шепот ее стал еще тише. — Несколько лет назад один из членов нашей группы тебя нашел. Ты уже стал расследователем, послушным слугой своего господина Бенедиктом Эрманом — мы с трудом сдерживали смех. Но это, естественно, означало, что «обращение» в твоем случае им удалось идеально. С некоторыми

другими, кто, как и ты, попадался им в руки, было совсем не так. Мне поручили за тобой наблюдать. Да, ты, быть может, не поверишь, но среди членов нашей группы есть также граждане высших категорий. Благодаря этому возможно многое, что человеку твоего положения покажется чудом. Короче, по некоторым признакам я поняла, что твои внутренние барьеры начинают слабеть.

— А почему ты говоришь мне это только теперь?

— Неизвестно, поверил бы ты мне раньше или нет. Нет, инициатива должна была принадлежать тебе, исходить от тебя. Но толчок к этому мы дать могли и сделали это. Да, теперь, по-моему, память возвращается и к тебе… — Она уже заметила, что Бен задумчиво сомкнул веки. — Мы поставили тебя лицом к лицу с самим собой. Ты наверняка отдаешь себе отчет в том, что сама система такого промаха никогда бы не совершила. Нет, чтобы это произошло, понадобились некоторые усилия. Но самое важное, что усилия наши были не напрасны. Ты понимаешь сам, что после этого мы уже не выпускали тебя из поля зрения; около тебя все время был кто-нибудь из нас. И это благодаря нам ты смог осуществить реактивацию содержимого памяти. Только подумай:

неужели можно поверить, что в распоряжении подпольного биохимика, работающего в задней комнате мужского туалета, окажется средство для реактивации?

— Но полной реактивации не получилось, — возразил Бен. — Да, в сознании у меня всплыло немало всякой всячины, но многое противоречиво, неясно, неправдоподобно…

— А иначе и не могло быть, — отозвалась Гунда. — Двумя-тремя препаратами настоящей реактивации не добьешься. Ты никогда не видел, как производится настоящая? Нейронным зондом вскрывают один уровень за другим. На каждый из них воздействуют строго дозированными ударами электрического тока. Лекарственные препараты служат только поддержкой. Все это было невозможно в твоем случае. Мы дали тебе лучшее средство, каким располагали, но в сознание оно выводит, естественно, не только то, что ты хочешь вспомнить, но и многое другое. Средство это действует не только на заблокированные отделы мозга, на глубоко спрятанную информацию, но и на всю ассоциативную память, отчего в сознании, кроме нужных воспоминаний, всплывают также всякие образы, не имеющие никакого отношения к делу. Это могут быть и сновидения,

сопровождающие реактивацию в собственном смысле этого слова.

— И что же в этих сновидениях правда?

— Я не знаю, как средство подействовало на тебя и что именно ты видел во сне. Но я, конечно, могу сказать тебе, что там правда: ведь почти само собой разумеется, что в такой системе, как эта, снова и снова находят друг друга люди, которые не хотят примириться с диктатурой компьютера. К таким людям принадлежал и ты — так же, как Харди, Джонатан и Барбара…

— Я видел это во сне… — прошептал Бен.

— Что ты имеешь в виду? — и Гунда умолкла на мгновение. — Ты вспомнил все, что с тобой было? Это и видел ты в своих снах?

— Да, возможно. — Словно желая избавиться от тревожащих его мыслей, Бен провел рукой по лбу. — Ну, хорошо. Может быть, все так и есть, как ты говоришь. Может быть, все это где-то во мне еще живет… кое-что я увидел, пережил заново. Что ж, если все это правда, тут уже все равно ничего не изменишь. Но что будет теперь?

— Ты еще спрашиваешь? Ты снова присоединишься к нам. Сможешь занять ведущее положение. Мы с тобой будем работать вместе — ты бы этого хотел?

Гунда снова к нему придвинулась. Но он сейчас думал о другом.

— Все это звучит очень логично. Но не кажется ли тебе, что другие могут посмотреть на это по-иному? Для меня все те события остались далеко позади. И даже если все они произошли на самом деле, что они значат для меня теперь? С какой стати должен я к вам присоединяться? Почему ты вообще мне обо всем этом говоришь?

— Но послушай же, Бен! — Она схватила его за локоть. — Тебе только и остается, что работать вместе с нами. Ты ведь знаешь, людей в нашем государстве сковывают не только физические, но и духовные ограничения. Поле зрения у них искусственно сужено. Подавлена целая гамма естественных побуждений, некоторые ликвидированы вообще. Ты думаешь, это в природе вещей, чтобы люди беспрекословно подчинялись всем приказам? Нормально, по-твоему, когда мужчин отделяют от женщин только потому, что хотят держать под контролем какие-то там абстрактные генетические данные? Самое естественное, что есть в мире, объявлено извращением! Не вернее ли другое: извращено общество, в котором мы живем? — В голосе Гунды звучала ненависть. Он становился все громче, и, заметив это, она

опять перешла на полушепот. — Нам говорят, что у всех у нас равные права, что исчезло различие между богатыми и бедными. А ведь ты сам убедился, что это вовсе не так. Ты видел, как живут граждане высших категорий. Все, о чем нам твердят, ложь. По сути, правда заключается в том, что очень немногие живут в роскоши и изобилии за счет многих. И ты еще спрашиваешь, почему ты должен к нам присоединиться! Есть люди — их немного, — чей психологический горизонт сузить не удается. Мы с тобой принадлежим к их числу. А кто хоть раз посмотрел открытыми глазами вокруг, тот уже не сможет жить, как все остальные. И тот, у кого сохранилась хоть искорка инициативы, готов отдать борьбе против этой системы все свои силы.

На мгновение Бен задумался. Потом сказал:

— Ну, хорошо. Допустим, я буду работать в твоей группе. Что я буду делать? Как вы представляете себе борьбу против этого государства? Ты не хуже меня знаешь, что все у нас идеально организовано, руководимо и контролируемо. Что могут сделать несколько человек, даже если они умны и деятельны? Что могу сделать я?

Гунда как-то странно на него посмотрела. Конечно, она взволнована, наверное, все это для нее

очень важно, но сейчас во взгляде ее появилось что-то еще — голод, жадность? Бен напряженно ждал ответа: быть может, из него он узнает больше, чем Гунда готова ему сказать.

— Все очень просто, Бен. Средство есть. И ты поможешь нам им воспользоваться. Ты знаешь, что я имею в виду? Бумаги, записи. Да, мы узнали, что только одному человеку известно, где они спрятаны, и этот человек ты. Вот почему ты для нас так важен. Дай мне эти бумаги, нужно, чтобы ты отдал их мне сейчас — и все будет хорошо.

— А какова цель? Зачем вы хотите все это применить?

Словно в отчаяньи от того, что ее не понимают, Гунда затрясла головой.

— Да разве не понятно? Мы нарушим функционирование системы, мы ее уничтожим! Создадим хаос — ты знаешь, что теперь мы в состоянии это сделать. Где бумаги?

— Я спрашиваю не о конкретных действиях: я достаточно хорошо знаком с центральной системой управления и контроля и знаю, как можно вызвать определенные последствия. Я спрашиваю о цели. Что мы этим изменим? Вообще, какая у вас цель?

Гунда была ошеломлена.

— Разрушение системы, разумеется! Мы станем руководить сами. Дадим людям свободу. О Бен, только подумай, как изменится для нас с тобой этот мир! Мы сами станем теми, кто живет в высоких домах, высоко над городом, над всеми остальными! Тогда мы сможем быть вместе, Бен — ты и я! — выберем себе любой из этих роскошно обставленных этажей, будем жить без забот… Что ты на это скажешь? Разве это не прекрасно?

Да, это прекрасно! Только представить себе, что у тебя просторное жилье, что ты дышишь хорошим воздухом, что пища у тебя вкусная, а чистой воды сколько хочешь. Представить себе жизнь без твердого распорядка дня, без очередей перед окошком выдачи пищи, без форменной одежды, без новостей дня и разъяснений политической программы. Без физических упражнений, без психотренинга, без занятий по сравнительной истории. Без хождения на работу, без контроля, без ограничений…

Картины, нарисованные Гундой, не произвели бы на него впечатления, только если бы он был начисто лишен фантазии. И сама Гунда: он почти не знает ее, но разве это так важно? Он всегда спал только со своей куклой и только один раз с настоящей девушкой, Барбарой. Разве не все

равно, с кем из них двоих он зажил бы вместе? А Гунда не только хороша собой, она, кажется, еще и умна — совсем не такая, как люди, с которыми он до сих пор имел дело. Может, все-таки, это осуществимая мечта? Беззаботность, привольная жизнь, нескончаемый отдых намного прекраснее, чем даже в деревнях-пансионатах.

Но кроме этого было что-то еще. Хотя он далеко не нашел пути к своему прошлому, хотя ему еще неясно, что правда, а что ложь, все равно что-то в нем снова обрело жизнь, что-то, чего он никогда раньше не выражал словами, что описать и выразить было труднее, чем приятную жизнь, но что, однако, было гораздо существеннее и реальнее: цель, которую он когда-то перед собой поставил. Теперь он знал ее снова, и ему снова хотелось ее достичь. И с целью этой все, чем пыталась соблазнить его Гунда, было несовместимо.

Резко, так что рука Гунды соскользнула с его локтя, он встал.

— Нет, — сказал он. — Я все обдумал: действовать вместе с вами я не буду. Это мое последнее слово.

Гунда вскочила, будто ее хлестнули бичом. Лицо ее выражало безграничное изумление.

— Как? Ты отказываешься действовать с на-

ми заодно? Боишься, или слишком ленив, или слишком глуп? Хорошо, пусть будет так! Пусть грязную работу делают другие — ради всех, в том числе и ради тебя. Но дай нам записи! Отдай их! Где они?..

Она вцепилась в Бена, потом бросилась к лежащим на столе перед пультом листкам с заметками, стала лихорадочно их просматривать, метнулась к стенному шкафу, распахнула его… Казалось, она на грани истерики. Шагнув к ней, Бен крепко, так, чтобы она не могла двинуться с места, взял ее за локти.

— Ты сошла с ума! Успокойся! Ведь ты можешь привлечь к себе внимание! Возьми себя в руки!

Бен подождал, и напряжение вдруг покинуло ее тело. Тогда он добавил:

— По-моему, мы все сказали. Уходи!

Она безвольно дала ему подвести ее к выходу из отсека. Там он остановился, а она деревянными шагами, как неживая, пошла дальше.

Смысл услышанного дошел до Бена не сразу. Он не был уверен, что все сказанное Гундой соответствует истине, однако кое-что подтверждалось его воспоминаниями. Но самое главное теперь он знал: кто-то кроме него понимает ценность записей и хочет ими завладеть — если понадобится,

любой ценой. Он задумался ненадолго, потом при помощи генератора случайных чисел дал себе новое кодовое число, закрепил его посредством трюка, о существовании которого узнал час назад, и зарезервировал за этим новым кодовым числом зону машинной памяти. К зоне этой, не уничтожив хранящихся в ней данных, никто другой не мог бы получить доступа, и в нее он ввел все, что содержалось в записях. Удостоверился еще раз, что при помощи нового кодового числа, которое он выучил наизусть, материал можно затребовать. После этого извлек листки из ящика, на дне которого они были закреплены, и сжег.

Тезисы об использовании обработки данных в социальной сфере

Решающей предпосылкой для использования автоматической обработки данных в социальной сфере является равновесие между улучшением социального обеспечения, осуществляемым при посредстве более полной обработки информации, с одной стороны, и охраной информации, которой обмениваются между собой социальный тренер и гражданин, — с другой.

Компьютер является единственным вспомо-

гательным средством социо- и психотренера, которые, служа пациенту и Обществу, стремятся при формировании психологических и социальных установок добиться наилучших результатов.

Конечной целью развития в этом направлении должны быть максимально полные сбор и обработка информации; чтобы это стало возможным, каждый гражданин, среди других своих ежедневных обязанностей, должен неукоснительно сообщать сведения. Другими средствами сбора данных являются экзамены и тесты, часть которых проводится открыто, а часть (для того чтобы испытуемый сохранял в своих реакциях непосредственность) маскируется. Психологические данные в сочетании с результатами очередного медицинского обследования дают достаточно полное представление о личности. В соответствии с принципом тождественности государства и гражданина для ведомств, которым вменено в обязанность осуществлять сбор информации, не существует никакой частной сферы или права на тайну. Согласно информационно-позитивистским принципам, личность есть не что иное, как сумма всех поддающихся учету данных. Право гражданина на обеспечение и защиту

может быть гарантировано ему лишь в случае, если структура личности целиком доступна наблюдению. Соответственно обязанность быть открытым введена в статью первую Основного Закона как неотъемлемая ее часть.

16

Остаток рабочего времени Бен потратил на то, чтобы внести несколько изменений в свое собственное, записанное в электронной памяти личное дело. Особое внимание он уделил событиям, зарегистрированным в последнее время, и стер все, что могло вызвать подозрения. Он был ошеломлен, когда обнаружил, какое глубокое знание предмета стоит за методами, зафиксированными в записях. Так знать предмет могли только профессионалы. И наверняка им пришлось потратить немало времени и сил, чтобы выявить и поставить на службу своему делу все слабые места системы. И он увидел также, что особенно слабым местом является как раз то обстоятельство, что в результатах обработки данных государство видит единственную свою опору. А ведь вмешательство в данные как бы ликвидирует часть реальности. Можно задним числом изменять прошлое, для этого достаточно стереть содержимое нескольких ячеек памяти и ввести другие данные… А потом Бен вдруг понял, что принцип этот может быть использован и гораздо шире: можно, сочетая его со средствами современной психологии, изменять, исправлять,

улучшать задним числом даже жизненный путь того или другого человека…

Теперь он знал: оружие, попавшее ему в руки, он пустит в ход. Да, это самое настоящее оружие; этими профессиональными приемами можно совершенно определенно достичь гораздо большего, чем взрывчаткой; информация, если ты хочешь изменить мир, — средство куда более эффективное, чем оружие или орудия труда…

Конечно, кое-что он должен будет проверить. В какой своей части сведения, полученные им от Гунды, соответствуют истине, а в какой нет?

Теперь ему был открыт доступ к бесчисленному множеству скрываемых сведений, и было искушение просмотреть их все, изучить… Но прояснит ли это что-нибудь? Что, если данные эти уже давно стали предметом чьих-нибудь манипуляций, если они фальсифицированы в соответствии с самыми разными и даже взаимоисключающими намерениями?

Все-таки лучший способ доискаться истины — убедиться самому…

И сразу после работы он отправился к Барбаре. Только от нее он, может быть, узнает… У входа в блок, где она жила, он потребовал, чтобы ее к нему вызвали.

Через минуту она была перед ним.

— Бен, я так надеялась, что мы увидимся снова! Но не решалась.

Он положил руку ей на плечо и тут же снял, опасаясь взглядов прохожих.

— Пойдем.

— Место в высоком доме сегодня занято, — сказала Барбара. — Я хотела дождаться, когда освободится другое… Я бы тогда дала знать… а сейчас я не знаю, куда нам пойти.

— Послушай, Барбара, я бы хотел с тобой поговорить. Нужно, чтобы ты мне ответила на несколько вопросов. Ответишь?

— Да, с удовольствием, — отозвалась занятая своими мыслями Барбара. — Вообще-то я знаю одно местечко, некоторые мои подруги иногда им пользовались. Правда, не такое роскошное, как то, где мы были, — ты не обидишься?

— Мне все равно, — сказал Бен. — Я ведь хочу только спросить кое-что об этой подпольной организации.

— Какой подпольной организации? Пойдем, нам нужно перейти на ту сторону. Это склад рабочей одежды, он совсем рядом. Обогревается теплым воздухом — там не холодно.

— Это очень важно, Барбара: ты должна мне

сказать все, что знаешь. Что связывает тебя с подпольной организацией?

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Ни о какой подпольной организации я никогда не слышала. Брось эти глупые вопросы, пошли!

Бен не шевельнулся и, когда она потянула его за собой, задержал ее.

— Барбара, — проговорил он умоляюще, — пожалуйста, скажи мне правду! Я узнал об этом сегодня — о тебе, и Джонатане, и Харди. Со мной ты можешь говорить откровенно. Я теперь один из вас. Не заставляй себя упрашивать!

Лицо Барбары стало жестким.

— Не иначе как ты рехнулся, Бен! Какая тайная организация? Не лезь ко мне с такими глупостями. Или, может, ты сам в чем-то таком замешан? Ты… Я не хочу к этому иметь никакого отношения. — Она прильнула к нему, но он отодвинулся. — Это все, что ты хотел мне сказать?

— Да.

Бен повернулся и пошел прочь.

Домой он добирался на подземке. Следил за тем, чтобы ни на миг не оставаться в вагоне одному: он достаточно хорошо помнил, что с ним произошло накануне. На этот счет Гунда никаких объяснений не дала, но даже дай она их, они име-

ли бы так же мало ценности, как то, что он от нее сегодня услышал. По-видимому, Барбара сказала правду. Невозможно себе представить, чтобы она так хорошо притворялась. Да и какой смысл ей притворяться? Учитывая реальные обстоятельства, она, если бы притворялась, реагировала бы по-другому… Ну что ж, может, ему еще удастся это выяснить. Теперь это, собственно говоря, большого значения не имеет. Желание сделать то, что он себе наметил, все больше в нем крепло.

Войдя в спальный зал, он увидел в нем толпу и обнаружил, что столпились люди перед его кабиной. Он сразу предположил, что происходящее каким-то образом связано с событиями, в которые он оказался вовлечен, и решил смешаться с толпой. Незаметно пробрался немного вперед и увидел, что его кабина разорена. Одеяло, подушка, простыня и матрас лежали на полу, там же валялись выломанная дверца шкафа и кукла Блонди — туловище вспорото, пенопластовые шарики, которыми она была набита, высыпались наружу; матрас тоже был выпотрошен, приемник разбит. Не задаваясь больше вопросами о причинах происходящего, Бен повернулся и, выбравшись из толпы, направился к лифту.

Едва кабина лифта остановилась и дверь ото-

двинулась, Бен, хотя в кабине было полно людей, втиснулся туда тоже.

— Это он?

Женский голос из глубины кабины ответил:

— Да.

Бен повернулся вправо и узнал Гунду, лицо которой сейчас скрывал дыхательный фильтр.

Внезапно он почувствовал, что его схватили и крепко держат, что в карманах у него шарят чужие пальцы, что на нем разрывают комбинезон, прощупывают подкладку.

— Ничего нет!

— Внимательней: наверняка он носит их с собой!

С него сорвали одежду, сдернули ботинки, стали в них проверять каждый сантиметр. Он стоял между ними голый, и сильные руки по-прежнему держали его.

— Ничего нет! — повторил один и повернулся к Гунде.

Лицо ее исказила злоба.

— Скажи, куда ты их спрятал! Ну, говори же!

Бен молчал.

— Заняться им как следует?

Один из них схватил его за горло и отогнул назад голову. Гунда помедлила мгновение, потом

сказала:

— Отпустите его! Нет времени.

Светящееся табло показывало, что лифт спустился в подвальный этаж. Когда дверь открылась, Бена выпихнули из кабины пинком, вслед швырнули его одежду. Дверь закрылась, и лифт пошел вверх. Бен быстро оделся. В нескольких местах одежда была порвана, скрыть дыры оказалось нелегко. Понимая, что времени у него остается немного, он быстро взбежал по ступенькам вверх.

17

Снаружи было уже темно, улицы, как всегда, заполнял вязкий туман, и все прохожие были в дыхательных фильтрах.

Бен тратить время на надевание фильтра не стал. Сославшись на острую необходимость внемаршрутной поездки, он вызвал магнитокар, сел в него и направил машину к вычислительному центру.

Главный вход был заперт, но Бен заранее обработал свою магнитную карточку с личным номером, и, едва он вставил ее в щель, вход открылся. Когда дверь за ним захлопнулась, он обернулся: у него было чувство, будто случилось что-то бесповоротное, окончательное. Он, правда, подумал, что чувство это, быть может, вызвано необычным видом здания внутри; он здесь бывал лишь в часы работы и всегда только днем. Свет шел от люминесцентных полос на стенах и потолках; он смягчал контрасты, поэтому все предметы казались покрытыми пылью.

Бен не воспользовался лифтом, а поднялся по лестнице.

Войдя в свой новый отсек, он ужаснулся; какая-то злобная, разнузданная банда разгромила все

и здесь. Ущерб, нанесенный вычислительным устройствам, причинил ему больше страданий, чем то, что сделали в его спальной кабине: обшивка со всех блоков сорвана, схемы оголены, пол усыпан бесчисленными кристаллами. Шкафы открыты, все хранившиеся в них кассеты с магнитными пленками валяются кругом, они открыты тоже; вытянутые из них пленки, бесконечными змеями извиваясь по полу, в одном из углов отсека свились в клубок, распутать который было уже невозможно. Бен повернулся, собираясь уйти: в конце концов то, что он здесь увидел, не было для него неожиданностью.

Он мог сейчас войти в любой рабочий отсек, но что-то тянуло его в старый. Он сбежал на два этажа вниз и помчался по коридору. Возможно, искали и в этой комнате… но нет, в ней все как прежде.

Он вошел. На пульте несколько карандашей, рядом блокнот. Данные, отдельные слова на листках… Значит, замену ему уже нашли.

Бен отодвинул стул перед пультом с печатающим устройством и сел. Привычными движениями, которые руки его повторяли тысячи раз, установил связь с компьютером. Дисплей засветился. На нем появилась последователь-

ность печатных знаков. Номер: 33-78568700-16R. Имя: его собственное. Диаграмма, пересекающая ее сверху вниз линия. Крестик, итоговый результат расположенных в столбик статистических данных. И затем, в более широкой строке, подчеркнутое красной линией обозначение категории: **Y**—.

Хотя то, что это может случиться, Бену в голову приходило, на мгновение он оцепенел от страха. У него перехватило дыхание.

Но он тут же взял себя в руки. Это сейчас не самое важное. Рано или поздно это должно было произойти. Все к этому шло. Если он и не признавался себе прямо, все равно в глубине души предчувствовал. И в конце концов, опережая другую сторону, оказался здесь…

Система функционирует, у него есть доступ к решающему блоку, к центру управления, к запоминающим устройствам… Это самое важное.

Он точно помнил команды, которыми можно обойти определенные блокировки. Набрал эти команды, затем вызвал содержимое записей; оно сразу же появилось на дисплее — сухие цифры, знаки, слова, такие безобидные на вид.

А потом Бен набрал команду, посредством которой устанавливается связь, — команду, которая

направит информацию туда, где ее используют.

Еще несколько команд — меры по защите: эта программа будет выполнена до конца, никто ничего не сможет в ней изменить.

Таблица случайных чисел (секретный документ)

72137	73850	32733	50241	80847	29713	61060	57965	88049	20557	43375	50614	53628	73935	72502	46174
92541	60299	90584	10661	57842	19101	30613	01549	85331	83936	45842	78222	88481	44933	12839	20750
48083	50731	81250	57995	41467	29834	08058	22945	72193	36077	82577	16210	78092	87730	90849	02115
18902	26772	89852	92358	38284	84119	66486	77622	30853	78287	31568	56267	88952	45726	54307	73975
29910	55460	47184	79775	09779	06718	45822	17843	03253	07252	98059	72555	90786	95248	15280	41592
77708	53761	89236	86521	82771	79266	47763	26173	36183	65888	64365	91271	49295	98354	28505	69790
80715	65115	12876	88922	24926	44402	94896	97561	16490	35454	51623	58381	11055	32951	26363	19461
78686	48119	39255	82189	34921	49838	47556	92343	47406	99542	42467	12762	54486	74321	36224	95619
53394	49781	76235	55814	29900	07766	13326	94561	39741	54828	52225	72447	79064	07545	27362	72387
44422	73305	76369	20601	39701	80769	17322	78280	42376	64899	62360	68375	42921	28545	53187	85710
12801	54432	65017	91135	50615	97477	80691	31834	32401	11994	97820	06653	27477	61364	22681	02280
54254	50099	90584	10661	57842	19101	30613	01549	85331	83936	45842	78222	88481	44933	12839	20750
18363	66515	23096	22384	87756	66396	63646	50963	99099	57895	09202	48494	95974	33534	94657	71128
20491	53698	72033	68063	86104	90576	94116	65324	15525	39328	52110	82254	03689	03081	11613	74326
02878	83197	94318	47901	85252	91224	32939	73043	40325	53252	18175	09467	63810	46392	02705	61592
79920	22780	43100	83686	26378	66010	00020	80886	84861	17830	50756	80808	35695	72941	35308	78296
97556	54290	42361	12741	56996	46177	85725	36668	45531	85240	12719	82264	74550	92126	08152	33147
79436	52143	12322	12554	04314	96550	58318	78036	24355	85822	44424	80858	86190	74080	92600	44833
93903	78220	09178	33678	58099	78673	11646	86220	54127	24854	24729	66501	74157	42246	41686	72636
04756	59981	90230	72006	24286	77817	10524	80304	79352	31942	85419	93017	28087	78323	77109	56832
53841	88758	93442	40983	28254	94336	16570	80158	84819	73838	10933	98964	13458	17211	48046	01722
07626	78473	17708	50559	33584	52451	11575	53992	83223	56546	49556	71671	53603	24491	57349	40115
40245	27009	16341	05870	42604	76266	08720	13175	89573	38651	39997	62039	71864	40219	97707	53975
82866	14197	94390	07099	39152	14111	94812	56124	85139	75429	23814	54214	48926	32618	51963	67353
94107	99878	58310	34655	48242	58656	30544	61080	08322	70476	44242	54227	28596	84222	29361	20056
81557	49277	11943	85522	78612	96738	95734	34488	51313	74140	81388	94127	67342	38010	52295	74824
71522	16545	46844	62540	71143	06326	94718	58404	84099	73641	52165	54336	89196	40042	37689	09003
05366	66273	49518	25415	20038	14553	98155	97865	17485	78475	87421	53093	77038	55399	87993	89747
77958	52720	09871	97908	19982	86013	97586	58107	10649	30978	66455	90708	48450	50129	17795	55804
51497	78491	36980	08319	51223	19735	72708	82599	28127	29980	00790	65151	19582	20942	81439	83917
84170	66781	93455	80645	02885	51327	41102	76899	29007	38267	97297	74405	18783	93471	36701	70655
23361	60672	52451	30374	06365	94880	70978	57365	70532	48078	87300	53319	90155	03154	20001	47183
53606	58661	70998	24637	56559	96852	10207	41664	20258	19783	52655	35610	36852	43750	03230	96313
38215	71977	98984	33673	11777	53662	50172	23114	28745	12249	35844	63265	26451	06986	06707	99251
90496	87947	20592	91917	59565	55083	43112	94833	72664	86743	06478	53473	06308	47277	23425	27802
98500	46308	90282	92711	19407	14744	71140	90036	39733	73473	97914	77989	47280	71604	74587	09955
16280	03381	09798	89487	33632	47073	92357	38870	73784	95662	83923	90790	49474	11901	30022	80254
38284	72831	55126	96181	67599	04571	79945	67580	39605	75758	08236	54199	41327	01170	21475	31018
80722	21328	19977	82161	29385	62151	48030	05125	70865	72154	86385	39480	57482	32921	33795	43155
87362	87388	06558	98456	70486	44013	80016	81500	48061	25583	74101	87573	01583	94630	16775	36724
89462	92996	85019	57750	39451	44004	34436	65729	04006	06080	84076	12645	47418	93620	59151	97420
51188	41824	94768	53124	96920	04777	82534	76335	21108	42902	70954	80132	87719	72662	58360	57364
76403	29883	63272	54488	31257	78994	72785	61364	82736	39729	34099	42715	24536	39040	23255	94727
59782	50488	77081	10186	88677	28581	28999	96264	20431	30114	23035	30380	76272	80343	57573	42492
08627	29695	79873	09119	78755	99693	01828	47335	77993	37618	07438	14799	78197	48901	97537	20133
20180	50823	11884	19475	60617	77961	66322	27380	73634	73494	21527	93579	20049	85666	25102	64733
04375	15463	49138	17368	71779	77472	96230	18521	87354	41883	58939	36222	43935	36272	47817	99267
61763	48629	25807	20733	09721	76206	10497	83617	39176	40962	63093	33962	14803	39786	80227	41022

49380	42273	93833	32621	60648	67721	69712	33438	85806	56620	50646	47857	80021	58660	57414	44379
58013	02278	53110	33235	68264	53799	51375	42461	78186	68096	80857	91046	70258	23825	45307	41504
46596	51980	02967	46574	19672	02026	39950	02489	53079	72786	22562	30059	38220	13972	86115	17196
52928	96298	15570	31407	54988	78749	16135	52797	31296	93268	11010	95918	52618	55756	51156	74037
09405	50848	71068	31308	39451	44004	34436	65729	04006	06080	84076	12645	47418	93620	59151	97420
20326	72163	68738	61091	52307	78952	80261	11207	73065	48286	57057	49472	95241	84380	13950	95736
47601	92448	14158	24492	59424	47230	94861	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087	57748
62426	35824	35508	49401	36478	30246	41771	61396	98154	81644	12405	45037	98364	98561	48747	30855
52704	71441	50581	56579	98999	91828	33335	30138	74978	40751	95446	80277	92450	80026	34850	41878
19020	09999	08516	82751	59731	52148	09111	54205	77930	32391	80076	13459	59896	78185	62658	33850
19442	94873	36675	30986	65615	56895	27222	17378	58359	00055	06780	54939	78360	04183	77673	73342
19179	19063	31212	34119	54728	47391	93272	09877	98196	98251	82453	37703	70711	37921	54986	17253
91201	85057	93409	81200	21178	78459	18980	65182	02245	11568	52527	69502	55711	85448	12545	75992
51726	60273	84903	04774	13373	44444	47252	04482	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087
91045	72842	42284	32419	12825	56785	84563	62071	17799	96994	41635	52630	19700	08193	37800	70617
54896	95603	17290	91508	95805	82514	32257	15899	02654	83110	44878	95523	12666	97987	33190	26243
02324	98115	77948	26483	00498	32124	76524	72644	56565	05344	71633	76183	85535	41876	52803	98325
86367	78035	06366	37342	62026	13032	14048	19830	11804	11950	78664	72590	47283	45445	35611	08354
52118	66337	13461	16452	08220	73330	30418	92805	10318	03824	00345	00284	70726	40026	00318	58254
37202	80253	23595	79677	59772	37141	63590	48093	02368	05407	06325	52046	97458	25547	33500	45017
71637	80260	53298	89743	94828	26784	17792	09214	53781	90102	25717	92525	32097	25923	75586	97779
35790	19863	31212	34119	54728	47391	93272	09877	98196	98251	82453	37703	70711	37921	54986	17253
99087	75225	34400	50115	09825	54726	37514	24437	01316	04770	06554	17788	38006	05486	41853	96532
97626	95908	40418	02387	54228	44444	47252	04482	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087
33618	00716	94863	39629	27812	28250	44063	33831	54280	67850	06225	98117	99768	14321	89029	35453
00208	20867	81022	24229	39967	80739	99484	34401	44997	79083	60825	61059	53609	13299	89307	75820
65733	03062	29140	05417	39533	06124	96196	95392	59636	95357	43835	67845	44676	14730	22642	21918
60671	23190	47433	58079	45281	69750	99999	42104	34377	63300	53161	60278	06999	94920	75816	09043
45326	58290	74787	51958	03825	41177	09966	58578	07781	26456	98570	11623	20417	37564	85103	08264
54419	65483	86741	89098	10786	09073	90238	46126	85306	37114	22718	56584	92291	56705	43899	40909
31853	80239	76483	14775	86829	35480	59779	46403	52496	81350	77716	43658	94910	15451	13222	18278
01829	48134	80005	97063	98000	22348	98182	27750	53314	87302	49472	24585	79506	90638	07132	00808
98871	81320	05251	25836	37320	11986	16187	03303	40287	52435	22926	92544	49999	51497	03843	94973
11863	90035	77868	64467	24138	80992	58485	16862	13298	86851	55844	05528	94935	58572	43240	94716
51503	56582	22803	11622	17790	00236	93750	20468	82189	66781	06210	18206	13673	57903	56878	53721
13305	13329	13207	13284	07421	02049	48767	23365	42505	34539	51429	48580	56386	82209	29754	77406
48634	89616	52853	65221	69362	35106	36393	27129	17306	86452	69452	68433	72332	62502	78323	38379
50684	94667	41973	94658	51147	51327	26590	94884	58103	99936	11278	30276	22753	48046	67196	65135
80086	83750	39826	65343	29090	28447	33179	69730	09983	09770	80361	43130	88108	84709	15191	66716
19283	31304	37043	82077	43231	51354	54356	52939	26655	72667	29616	09658	59223	74533	61100	38122
97754	39401	62353	98641	48583	35966	09833	91811	70471	81536	20017	19813	81103	37642	41696	99757
47923	33388	81939	61526	27891	13888	21630	00957	50596	91280	72632	80364	14158	71740	91289	81204

71804	05891	19404	25478	11465	31480	61153	29276	73825	45300	41504	74326	94657	33942	80111	22768
71804	05891	19404	25478	11465	31480	61153	29276	73825	45300	41504	74326	94657	33942	80111	22768
51990	26489	72553	38220	13972	86115	17196	74589	28620	66260	50562	66260	50562	66260	50562	66260
52928	96298	15570	31407	54988	78749	16135	52797	31296	93268	11010	95918	52618	55756	51156	74037
09405	50848	71068	31308	39451	44004	34436	65729	04006	06080	84076	12645	47418	93620	59151	97420
20326	72163	68738	61091	52307	78952	80261	11207	73065	48286	57057	49472	95241	84380	13950	95736
47601	92448	14158	24492	59424	47230	94861	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087	57748
62426	35824	35508	49401	36478	30246	41771	61396	98154	81644	12405	45037	98364	98561	48747	30855
52704	71441	50581	56579	98999	91828	33335	30138	74978	40751	95446	80277	92450	80026	34850	41878
19020	09999	08516	82751	59731	52148	09111	54205	77930	32391	80076	13459	59896	78185	62658	33850
19442	94873	36675	30986	65615	56895	27222	17378	58359	00055	06780	54939	78360	04183	77673	73342
19179	19063	31212	34119	54728	47391	93272	09877	98196	98251	82453	37703	70711	37921	54986	17253
91201	85057	93409	81200	21178	78459	18980	65182	02245	11568	52527	69502	55711	85448	12545	75992
51726	60273	84903	04774	13373	44444	47252	04482	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087
91045	72842	42284	32419	12825	56785	84563	62071	17799	96994	41635	52630	19700	08193	37800	70617
54896	95603	17290	91508	95805	82514	32257	15899	02654	83110	44878	95523	12666	97987	33190	26243
02324	98115	77948	26483	00498	32124	76524	72644	56565	05344	71633	76183	85535	41876	52803	98325
86367	78035	06366	37342	62026	13032	14048	19830	11804	11950	78664	72590	47283	45445	35611	08354
52118	66337	13461	16452	08220	73330	30418	92805	10318	03824	00345	00284	70726	40026	00318	58254
37202	80253	23595	79677	59772	37141	63590	48093	02368	05407	06325	52046	97458	25547	33500	45017
71637	80260	53298	89743	94828	26784	17792	09214	53781	90102	25717	92525	32097	25923	75586	97779
35790	19863	31212	34119	54728	47391	93272	09877	98196	98251	82453	37703	70711	37921	54986	17253
99087	75225	34400	50115	09825	54726	37514	24437	01316	04770	06554	17788	38006	05486	41853	96532
97626	95908	40418	02387	54228	44444	47252	04482	63217	23432	70332	93544	10482	34277	46117	01087
33618	00716	94863	39629	27812	28250	44063	33831	54280	67850	06225	98117	99768	14321	89029	35453
00208	20867	81022	24229	39967	80739	99484	34401	44997	79083	60825	61059	53609	13299	89307	75820
65733	03062	29140	05417	39533	06124	96196	95392	59636	95357	43835	67845	44676	14730	22642	21918
60671	23190	47433	58079	45281	69750	99999	42104	34377	63300	53161	60278	06999	94920	75816	09043
45326	58290	74787	51958	03825	41177	09966	58578	07781	26456	98570	11623	20417	37564	85103	08264
54419	65483	86741	89098	10786	09073	90238	46126	85306	37114	22718	56584	92291	56705	43899	40909
31853	80239	76483	14775	86829	35480	59779	46403	52496	81350	77716	43658	94910	15451	13222	18278
01829	48134	80005	97063	98000	22348	98182	27750	53314	87302	49472	24585	79506	90638	07132	00808
98871	81320	05251	25836	37320	11986	16187	03303	40287	52435	22926	92544	49999	51497	03843	94973
11863	90035	77868	64467	24138	80992	58485	16862	13298	86851	55844	05528	94935	58572	43240	94716
51503	56582	22803	11622	17790	00236	93750	20468	82189	66781	06210	18206	13673	57903	56878	53721
13305	13329	13207	13284	07421	02049	48767	23365	42505	34539	51429	48580	56386	82209	29754	77406
48634	89616	52853	65221	69362	35106	36393	27129	17306	86452	69452	68433	72332	62502	78323	38379
50684	94667	41973	94658	51147	51327	26590	94884	58103	99936	11278	30276	22753	48046	67196	65135
80086	83750	39826	65343	29090	28447	33179	69730	09983	09770	80361	43130	88108	84709	15191	66716
19283	31304	37043	82077	43231	51354	54356	52939	26655	72667	29616	09658	59223	74533	61100	38122
97754	39401	62353	98641	48583	35966	09833	91811	70471	81536	20017	19813	81103	37642	41696	99757
47923	33388	81939	61526	27891	13888	21630	00957	50596	91280	72632	80364	14158	71740	91289	81204

Бен повернул главный тумблер влево. Дисплей потемнел, лампочки на пульте погасли. Связь между ним и вычислительной системой была прервана. Однако система жила, и она послушно подчинялась тому, у кого был к ней ключ.

Больше здесь делать было нечего. Бен был выжат, пуст. Он не знал что именно, но что-то неминуемо должно было произойти, что-то касающееся лично его, и предотвратить это теперь было уже невозможно.

Когда он услышал шаги, он даже не обернулся. На плечо ему легла рука, и голос Освальдо произнес:

— Я так и думал, что найду тебя здесь.

Только теперь Бен повернулся.

— И больше никого?

— А кто еще должен быть? Я хотел поговорить с тобой наедине. Или ты ждешь Гунду? Ее только что арестовали. Вместе с сообщниками. Ты успешно прошел проверку и не связал себя с ними. Это благодаря тебе мы смогли их разоблачить. Ты успешно прошел последнюю часть проверки и оправдал мои ожидания. — Освальдо взял руку Бена и пожал ее. — Пойдем, здесь тебе больше делать нечего.

Он повел Бена в свой кабинет. Там Бен увидел

новый, чистый комбинезон.

— Ты, наверное, захочешь привести себя в порядок? Вон там дверь в туалетную комнату. И переоденься!

Погруженный в свои мысли, Бен послушно выполнил то, что ему было сказано. Подставил лицо под почти не пахнувшую серой холодную воду и оторвался от нее, только когда почувствовал, что голова снова ясная.

Освальдо, ждавший за дверью, повел его с собой. Лифт поднял их на крышу, там стояло турботакси. Летать на нем Бену прежде не доводилось…

Освадьдо сел за руль, Бен — рядом. Стеклянная кабина висела под двигателем и рулевой плоскостью, и взгляд не встречал преграды нигде.

Сквозь влажные клочья тумана, похожего в свете прожектора на вязкую жидкость, Освальдо повел машину медленно вверх. Через несколько секунд они вынырнули над колышущейся поверхностью тумана. Теперь их окружал чистый воздух — картина, которую Бену довелось видеть только один раз — из окна высокого дома. Как давно это было!

Наконец Освальдо заговорил. Как ни любопытно было Бену услышать, что тот скажет, торопить

Освальдо он все-таки не стал. Он знал, что все равно, когда придет время, Освальдо заговорит.

— Посмотри вниз! С этой высоты не видно и намека на то, что на Земле кто-то живет. Удаляясь в такие места, как это, ты создаешь дистанцию между собой и повседневностью. А когда нужно принять важные решения, дистанция этому очень помогает.

Они поднимались в небо все выше, иногда разрезали светлые облака, горизонтальные слои которых, располагаясь один над другим, кое-где, казалось, были скреплены булавками. На востоке из колышущихся масс смога рвалось вверх солнце. Огненный круг рос, становился ярче, будто множество желтых стрел выпустили во Вселенную.

— Отсюда смог выглядит совсем иначе, чем внизу, — продолжал Освальдо. — Он последний пережиток ушедшей исторической эпохи, времени, когда человек систематически уничтожал свою среду обитания. Уже тогда в развитии техники были достигнуты большие успехи, и однако это было время анархии. Пути науки и здравого смысла разошлись. Человек оказался не в состоянии прислушаться к голосу здравого смысла — подчинить себя порядку, без которого

выживание невозможно.

Бен молчал. Освальдо, помолчав несколько секунд, заговорил снова:

— Смог постепенно опускается вниз. Скопившиеся в воздухе нефтяные отходы, окислы металлов, копоть и грязь возвращаются назад на землю. Каждый раз, когда удается выбрать время и сюда вылететь, я вижу, как велики наши достижения: да, мы еще страдаем от последствий безумия, постигшего в свое время человечество, но постепенно их ликвидируем. Я с нетерпением жду дня, когда массы тумана разойдутся и наш город впервые искупается в ни с чем не сравнимом свете солнца.

Он замолчал опять, и Бену показалось, будто Освальдо стесняется овладевших им чувств. Тем временем Освальдо повернул какой-то тумблер.

— Автоматическое управление, — объяснил он, — теперь мы можем разговаривать спокойно. — Его голос зазвучал тверже. — Я убежден, что у тебя множество вопросов.

Бен сделал над собой усилие, чтобы освободиться от состояния, в котором он сейчас был, от чувства нереальности происходящего, отъединенности от него, пытаясь стать на новую, далекую от банальных проблем повседневной

жизни точку зрения. Он с радостью забыл бы все, что связывало его с мрачным миром под пеленой тумана внизу. Может, Освальдо хочет показать ему выход, какую-то даже в голову не приходившую ему, невероятную, лучшую возможность? Но здравый смысл взял в нем верх снова, и голос его звучал совсем спокойно, когда он спросил Освальдо:

— Зачем я здесь? Почему вы взяли меня с собой? Что это значит? Вы знаете, что я имею в виду: категорию «игрек минус».

— Да, тебя перевели в новую категорию. Чего ты, собственно, ожидаешь? Как по-твоему, что происходит с людьми, переведенными в категорию «игрек минус»?

— Ну… в лучшем случае психологическая перестройка, формирование новой личности. Но гораздо правдоподобнее нигиляция. Преждевременный конец.

Освальдо негромко рассмеялся.

— Категория «игрек минус» всего лишь промежуточная. «С» — вот твоя новая категория. Теперь ты гражданин категории «С» с соответствующими ей задачами и обязанностями.

— Но почему?.. Ведь итоговые данные… оценка в пунктах… плохие, намного ниже среднестати-

стических.

Освальдо рассмеялся опять.

— Любая оценка относительна. Вот тебе пример: чем для рабочего на конвейере являются активность, инициатива и творческое начало? В его виде деятельности они только помеха. Оцените его пригодность к такой работе — результаты будут отрицательными. Понятно тебе, что я хочу сказать?

— Кажется, да… Вы хотите сказать, что, хотя принадлежность к категории «игрек минус» отрицательна для определенных, задач, те же качества могут оказаться положительными, даже жизненно необходимыми, при решении других задач.

— Совершенно верно, — сказал Освальдо. — И теперь я подхожу к объяснению того, что именно двигало тобой в последние дни: твоя собственная судьба. Все очень просто. Среди огромного множества граждан нашего государства очень трудно отыскать людей, которые благодаря неожиданным генетическим изменениям, мутациям, приобрели качества, которых до этого у них не было. Мы прекрасно сознаем, что никакие тесты не обеспечивают достаточно надежно выявления этих качеств. То, что при обычных проверках

принимается за норму, здесь имеет обратный смысл. Умный человек знает, как надо себя вести, чтобы продемонстрировать качества, «хорошие» в обычном смысле этого слова. Разве сам ты не прибегал к такой хитрости, чтобы избежать плохой оценки?

Бен кивнул, и Освальдо продолжал:

— Нет лучшего способа доказать наличие у испытуемого активности, инициативы и творческого начала, чем поставив его в положение, где, он будет вынужден использовать эти качества. Так что спектакль этот поставили мы, и я должен просить у тебя прощения за трудные часы, которые тебе из-за этого пришлось пережить. Но ты должен нас понять! И, признайся, наш способ оказался действенным.

— Гунда говорила другое. Если верить ей, приказ расследовать мой собственный случай дала мне ее группа.

— О Гунде ты можешь забыть, — серьезно сказал Освальдо. — Долгое время работать с ней вместе было хорошо. И очень приятно. Ты, наверное, уже понял, что предписанное низшим категориям строгое разделение мужчин и женщин является только следствием нашей тактики. Да… так вот, Гунда меня разочаровала. Одно вре-

мя мне казалось, что она заслуживает перевода в более высокую категорию. Однако ее моральные качества сделать этого не позволили. Ты, конечно, заметил, какая она была превосходная актриса, как она притворялась. То, что она тебе говорила, не соответствует истине. Она выдумала все, с первого до последнего слова, только ради того, чтобы заполучить записи.

— Мне тоже казалось, что она грешит против истины, — сказал Бен. — Но какая-то крупица правды во всем этом, по-видимому, все же есть. К примеру, как обстоит дело с моим прошлым? А подпольная организация, к которой я, похоже, принадлежал? Что связывает меня с Барбарой, Харди и Джонатаном?

Турботакси уже давно летело горизонтально, и теперь под ними простиралось море. В свете солнца, поднявшегося выше, как зеркала сверкали тысячи волн. Солнечные блики рисовали на поверхности воды треугольники, полосы и трапеции. Прежде Бен не представлял себе, каково море на самом деле.

Освальдо передвинул тумблер на пульте управления, горизонт повернулся как поворотный круг, и они так же спокойно и равномерно, как раньше, полетели по широкой дуге обратно.

— Нет, ты и в самом деле думаешь, что за всей этой чушью и путаницей скрывается хоть намек на правду? Да, мы в состоянии влиять на прошлое или, вернее сказать, на представления о прошлом. Как раз это имело место в твоем случае. Мы ввели в твою память ряд воображаемых событий — нам пришлось это сделать, потому что сама по себе твоя биография, ничем, вообще говоря, не выделяющаяся, не дала бы тебе никакого повода действовать. Но ведь ты и сам можешь спросить себя: есть ли, всплыло ли в твоих воспоминаниях, которые, как тебе кажется, относятся к событиям прошлого, хоть что-то, что, по-твоему, является событием реальным?

— Нет, — признался Бен. — Реальным? Нет. Ничего.

Он снова вызвал в памяти картины, привидевшиеся ему во сне: нет, ничего определенного, ничего такого, что он наверняка пережил в действительности. И однако, даже если отбросить все действия и переживания, остается что-то еще, что-то абсолютно реальное и сохраняющееся в нем, пусть даже ему не удается выяснить, откуда это взялось… Он хотел объяснить это Освальдо, но тот уже говорил снова:

— Барбара, Харди и Джонатан психопаты,

они обитают в мире воображения и уже почти потеряли право на жизнь. И однако они тоже выполняют в нашем обществе определенную функцию: время от времени с их помощью нам удается обнаруживать таких, как ты. Мы используем их в качестве бутафории симулируемого ими прошлого, которое потом они снимают с себя, как платье. Но пусть тебя это больше не смущает, все уже позади.

— А чем мне, как гражданину категории С, придется заниматься?

— Гунда говорила тебе, что все мы бездельники и эксплуататоры. Да, ты не ослышался: я говорю «мы», потому что сам принадлежу к категории А. Категория F в моем случае просто маскировка. Но Гунда ошибалась. На самом деле каждому из нас поручена какая-то определенная работа в низших классах, у каждого есть псевдоним, который, однако, является чем-то гораздо большим, чем просто средство маскировки, ибо живем мы как этого требует категория, к которой мы принадлежим официально.

— А как же… то, в высоком доме?

— Я знаю — там, где ты побывал. Мы устроили это, чтобы ты понял: у жизни есть и другие стороны. На этот вопрос ответить легко. И все же

начать я должен несколько издалека. Как тебе известно — и тут ты можешь вполне положиться на сведения из курса истории, — человечеству раньше грозила опасность не только извне, но и изнутри. Люди злоупотребляли свободой, вели нездоровый образ жизни, пренебрегали требованиями медицины и психологии, и отрицательные явления постепенно брали надо всем верх. Физическое и духовное вырождение, подверженность болезням, рост агрессивности, падение нравов. Строительство Свободного Общества потребовало от нас совершенно новых организационных форм. Недопустимо положение, при котором люди могут без разбора спариваться и неограниченно размножаться. Здоровые и во всех отношениях безупречные гены теперь остались у немногих; их потомство и должно заполнить пустоты, возникающие в связи с ограничением рождаемости. Здесь мы прибегаем к методу клонирования: искусственно индуцируется деление яйцеклетки, в результате чего появляются двадцать четыре потомка. Они генетически тождественны, у всех одинаковые с родителями положительные качества. И могу сообщить тебе, что на основании обследований ты тоже признан годным для того, чтобы стать

объектом клонирования.

Они уже опять летели над морем тумана, которое простиралось во всех направлениях и которому, казалось, нет конца. Освальдо взял управление в свои руки, и турботакси начало медленно снижаться.

— Разумеется, предметом нашей особой заботы является подрастающее поколение. Здесь тоже нам понадобился совершенно другой подход, нежели тот, что имел место раньше, когда воспитание зависело от причуд и капризов отдельной личности. Нет, теперь мы окружаем каждого всесторонней заботой, не оставляем без внимания ни одну сторону его жизни до возраста двадцати двух лет включительно. Мы усовершенствовали аудиовизуальные методы обучения и строим работу на основе учебных программ, идеально приспособленных к каждому учащемуся. Каждый получает специально на него рассчитанное, точно соответствующее именно его дарованиям и склонностям образование. Разумеется, мы тренируем также характер и поведение. В результате Общество получает людей, находящихся в полной гармонии со средой. Работа, которую им затем приходится выполнять, вполне соответствует их способностям и желаниям. И они, не

совершая над собой никакого насилия, ведут себя так, как этого требует наша система. Угнетения больше нет — ни физического, ни духовного, ни прямого, ни косвенного.

— Но я не помню, как я учился, — вставил Бен.

— Вполне естественно, — сказал Освальдо. Они опять летели в тумане; солнечный свет сюда еще проникал, но он был рассеянный и неяркий. — Это связано с одной мерой, совершенно необходимой для того, чтобы общество функционировало безупречно. Мера эта связана с различием между открытым обучению юным существом, с одной стороны, и зрелым индивидом, для которого любая способность учиться чревата опасностью, — с другой. После того как образование завершено, никакая новая информация больше не нужна, вполне достаточно снова и снова обновлять старую. Поэтому мы предпринимаем определенного рода вмешательство — речь идет об электрокоагуляции одного крошечного центра в мозгу, — которое в каком-то смысле подводит черту под фазой обучения. Побочным эффектом операции оказывается стирание воспоминаний о времени обучения. И в этом есть свои положительные стороны: устраняются мысли и воспоминания, которые впоследствии могли бы

индивиду мешать.

— Учащиеся знают, что им предстоит? Я имею в виду: говорят им о том, что воспоминания их будут стерты, а способность к дальнейшему развитию уничтожена?

Освальдо пристально посмотрел на Бена.

— Они знают, что выдержали экзамен и вступают в жизнь. Это важная веха в их развитии, и она становится поводом для праздничной церемонии. Это все, большего им знать не нужно. И это правильно.

Стало заметно темнее; в это время года лучи солнца еще не проникали сквозь слой тумана к поверхности земли. А затем с легким толчком турботакси село на крышу здания, с которого взлетело.

Тезисы о целях развития Государства Порядка

Такие занятия, как научная работа, являются признаками переходной фазы, характеризующейся именно тем, что идеальное положение вещей, которое и является конечной целью, еще не достигнуто. Круг лиц, допущенных к такой работе, стоит вне закона. Он не должен превышать строго необходимого минимума. Связь между

экстерриториальной областью труда и внешним миром ограничивается абсолютно необходимым обменом данными по специальности.

В число первоочередных задач Комитета входит разработка планов по скорейшему претворению в действительность Государства Порядка. Разработанные планы должны быть оптимально приспособлены к языкам программирования и функционированию цифровых вычислительных машин. Полная автоматизация будет достигнута, когда компьютер получит в форме программ всеобъемлющие директивы, обеспечивающие переход к государству тотального порядка. Необходимость в какой-либо научной работе после этого отпадает. Поскольку любое воспоминание о последних пережитках эпохи хаоса может вызывать беспокойство и причинять страдания, вышеназванный круг лиц должен затем немедленно быть подвергнут широкой блокировке памяти. После этого он без каких-либо ограничений будет интегрирован в социоструктуру Свободных Граждан. Благодаря этой мере архаический образ мыслей утратит последнюю возможность на кого бы то ни было влиять — человек достигнет конечной цели своего развития: ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД, ЗАБОТА О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

ПРИНАДЛЕЖАТ ПРОШЛОМУ. ЧЕЛОВЕК НАШЕЛ ДОРОГУ НАЗАД — В ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ!

18

Освальдо и Бен вышли из турботакси. Бен шагнул было к лестнице, ведущей к лифту, однако Освальдо показал в другом направлении:

— Сюда!

Это тоже был вход в лифт, и лифт этот почти не отличался от того, на котором они сюда поднялись. Освальдо вызвал кабину, и вскоре двери перед ними раздвинулись. Они вошли в лифт и поехали вниз.

— Я везу тебя в другую часть здания, — объяснил Освальдо. — По понятным причинам рабочие комнаты высших трех категорий от остальных отделены. Я везу тебя в твои новые помещения.

Выйдя из лифта, они оказались в коридоре и сделали по нему несколько шагов. Коридор был простой и строгий, только на полу лежала тяжелая красная дорожка да по потолку фантастической змеей вилась цепь флуоресцентных трубок.

Освальдо открыл какую-то дверь, они вошли. За автоматической пишущей машинкой сидела девушка. На стене над ней располагались шесть экранов. Два были выключены. На третьем был виден вход в здание, на четвертом — крыша с по-

садочной площадкой, на пятом — коридор перед дверью. Шестой экран показывал современно обставленную и снабженную всем необходимым рабочую комнату.

Девушка встала. На ней были темно-красная юбочка выше колен и черный свитер. Русые волосы, доходившие до плеч, посередине были разделены пробором.

— Это Дженни, твой секретарь.

Девушка протянула Бену руку. Она была невероятно хороша собой, подобной женщины Бен не мог себе представить даже в самых смелых своих фантазиях.

— Пойдем дальше. Вот твоя рабочая комната.

Освальдо подтолкнул Бена вперед, в открытую дверь в стене направо. Едва войдя, Бен понял, что находится в комнате, которую показывает шестой экран.

— Нравится?

Комната была светлая и уютная. Ничего лишнего, однако материал, из которого была сделана мебель обои на стенах, паркет, окна в человеческий рост — все свидетельствовало о превосходном вкусе. Работать здесь, наверное, было бы одно удовольствие.

Освальдо снова легонько подтолкнул замерше-

го Бена вперед.

— Вот твой письменный стол, там есть все, что тебе может понадобиться. Садись!

Все это было похоже на сказочный сон. Бен сел, обвел взглядом комнату: рельеф из блестящего темного металла, изображающий геометрическую фигуру, экран в два метра в поперечнике на противоположной стене, несколько низких, широких кресел и кушетка, поставленные прямоугольником внутри прямоугольного углубления в полу, стеклянный стол посередине, экзотические растения в ящиках с землей, стоящие на подоконнике, и светло-желтое стекло окна, отделяющее комнату от внешнего мира… Через стекло он увидел огромный внутренний двор в форме вытянутого шестиугольника. Внизу росли деревья, цветы, зеленела трава, и надо всем этим светило солнце — так по крайней мере ему показалось в первый момент, пока он не обнаружил, что двор находится под стеклянным куполом, в центре которого на сад изливает свое сияние излучатель тепла и света.

Освальда сел на стул перед письменным столом.

— Здесь ты будешь работать, — сказал он. — Разумеется, ты получишь псевдоним и маскирую-

щую категорию — думаю, более высокую, чем та, что у тебя была. Дженни все тебе скажет. На тебя лягут много обязанностей и немалая ответственность. Работать придется больше, чем прежде, но и вознаграждение увеличится. Людям нашего положения время от времени нужна разрядка. Но и тогда мы не перестаем трудиться для блага общества. Я уже говорил, что ты в числе тех немногих, кто выбран для клонирования. Время от времени и ты будешь приезжать в один из наших высоких домов за чертой города. И будешь наслаждаться обществом женщин, удовлетворяющих всем требованиям, не только генетическим.

Возможно, это было простое совпадение, но именно при этих словах в комнату вошла Дженни, в руках у нее был блокнот.

— Ну ладно, теперь я могу оставить тебя одного, — сказал Освальдо и встал. — Теперь ты один из нас. Да, еще одна мелочь, чуть не забыл: нам для нашего архива нужны записи — ты знаешь, какие я имею в виду. Не нужно, чтобы ты сам мне их давал, достаточно сказать, где они.

Руки Бена лежали на краю письменного стола, и он провел ими по поверхности… Что это: пластмасса, камень, металл? Материал был гладкий, от него исходило приятное ощущение долговеч-

ности и прочности.

— Ты не слышал, Бен? Я попросил у тебя записи. Хотя они чистое ребячество, лучше исключить возможность того, что они могут попасть в неподходящие руки. Где они у тебя?

— Я их сжег.

— Сжег? — переспросил Освальдо. Его голос звучал чуть тише прежнего. — Как это понимать: сжег?

— Как понимать? Так, как я сказал: я их сжег.

Две-три секунды Освальдо молчал. Потом заговорил:

— Ты хочешь сказать, что записей больше не существует? Ты это точно помнишь? Есть у тебя какие-нибудь доказательства?

— Доказательства? — повторил Бен. — Какие доказательства могут быть тому, что бумаги уничтожены? Я понял, что там написаны опасные вещи, и понял также, что некоторые люди готовы пойти на все, лишь бы получить записи. Зачем мне эти бумаги? Поэтому я их сжег.

Освальдо смотрел на него неподвижным взглядом, красивое личико Дженни тоже окаменело.

— Может быть, это так, — наконец заговорил Освальдо. — Может быть, ты говоришь правду. Да, я почти верю: то, что ты сказал, соответствует

истине. И все же я спрашиваю тебя еще раз, и от твоего ответа зависит очень многое, не в последнюю очередь для тебя самого. Где бумаги? Подумай хорошенько, а уж потом отвечай.

Бен по-прежнему сидел в кресле за письменным столом, который был для него непомерно велик.

— Что я еще могу ответить? Я сжег их, они стали пеплом, пылью. Никому больше не нужно их искать, никому не нужно лгать и обманывать, чтобы заполучить их в свои руки. Вот мой ответ, нравится он тебе или не нравится.

— Ну что ж… теперь уже не имеет большого значения, действительно ли это так или ты мне просто не хочешь сказать правду. Гораздо важнее, чтобы не осталось никого, кто мог бы использовать бумаги во вред Свободному Обществу.

Послышались шаги, и, обернувшись, Бен увидел шесть полицейских. Как и большинство граждан, они были в белых комбинезонах, но на голове у каждого был шлем, а на поясе кобура. Каждый держал в руке извлеченный из кобуры лучевой пистолет и целился в Бена. А за ними вошел еще кто-то: это оказалась Гунда. Освальдо повернулся к ней и сказал:

— Охота закончилась. Бумаги он сжег.

— Ты ему веришь? — спросила Гунда.

— Мы можем это проверить, — ответил Освальдо. — Нашим психологам нет равных. У наших неврологов лучшая техника, какая только существует. Работа будет кропотливая и долгая, но проделать ее придется: рисковать нельзя. Только тогда мы сможем быть уверены, что это опасное оружие никто никогда не обратит против нас.

— Наверное, он спятил, — прошептала Гунда. — Но теперь понятно, почему мы не смогли их найти.

— Он не захотел с нами сотрудничать. С таким же успехом я мог бы обещать ему золотые горы.

— Он ни разу не захотел воспользоваться своим шансом.

— А у него был шанс?

— Или он беспредельно верит в свою удачу — возможно, даже верит в бога. Или же он психически больной. Ни угрозы, ни уговоры на него не действуют. Испугать его не удалось ни разу. Даже когда мы напали на него на станции подземки, пульс его не превысил восьмидесяти.

Освальдо повернулся к Бену:

— Наверное, ты уже понял, что твой конец близок. Мне тебя почти жаль, лично против тебя я ничего не имею. Ты всегда интересовал меня.

Я наблюдал за тобой, и мне казалось, что я тебя знаю. Поэтому для меня необъяснимо, как ты мог сжечь бумаги. Теперь ты можешь мне сказать, о чем ты думал, когда их сжигал?

Отсутствующим взглядом Бен посмотрел на стол, за которым сидел.

— Сколько сейчас времени? — спросил он.

— Он потерял рассудок, — сказала Гунда.

— И что во всем этом правда? — спросил Бен. Голос его был лишен всякого выражения. — Кто я? Пережиток старого мира, сохранявшийся целое столетие и случайно опять вернувшийся к жизни? Член группы заговорщиков? Участник восстания?

— Если тебя интересует, не герой ли ты, то должен тебя разочаровать: вовсе нет, — ответил Освальдо. — Вместе с группкой учащихся школы программирования ты хотел изменить мир — всего-навсего. Ребячество, ничего больше. Вы и сами не подозревали, какими опасными могут быть рецепты для саботажа, которые вы напридумывали. Психоблок тебе поставили твои же собственные товарищи, и жизнь мы тебе сохранили потому, что только ты знал, где спрятаны записи; нужно было устранить и эту опасность, последнюю. И пусть даже опасность эта была

незначительной, все равно мы хотели, чтобы от нее не осталось и следа. Поэтому мы наблюдали за тобой год за годом. Мы знали, что даже самый прочный психоблок через некоторое время слабеет и ослаблению этому можно способствовать. Ты реагировал так, как мы ожидали. Ты причинил нам много хлопот и немало неприятностей, но бой ты проиграл прежде, чем его начал. Мир у нас в руках, и это хорошо.

Бен резко встал из-за стола. Полицейские мгновенно подняли лучевые пистолеты, но властным жестом он их остановил.

— Я сказал правду: бумаги уничтожены. Но я позаботился о том, чтобы знание, в них содержавшееся, осталось жить. Сколько сейчас времени?

Ошеломленный, Освальдо посмотрел на часы у себя на руке:

— Начало двенадцатого. Что значит этот вопрос?

— Очень просто: во всех центрах обучения, и прежде всего в ваших школах и институтах, с десяти до одиннадцати утра обязательный урок сравнительной истории. Я распространил содержимое бумаг через открытую сеть связи и дополнил его некоторыми разъяснениями. Я позаботился о том, чтобы одновременно с переда-

чей текст и данные фиксировались на ксероксе, на перфокартах, на магнитной пленке — звуко- и видеозаписью. В эту минуту существуют уже миллионы копий. Часть вы сможете уничтожить, — по-видимому, даже большую часть, — но их так много, что сколько-то обязательно останется. И каждого, кто их прочтет, призывают выучить их наизусть и передавать эти знания другим. Я не рассчитываю на взрослых: их вы превратили в безвольные марионетки. Я рассчитываю на молодых, которым вы оставили свободу учиться, думать и к чему-то стремиться. Не знаю, что будет дальше, но твердо верю: таким, каким был до сих пор, город не останется — люди станут другими. Это все.

Лица полицейских были бесстрастными, казалось, что глаза их смотрят сквозь предметы или поверх них. Освальдо опирался о косяк. Лицо его выражало отчаяние.

— Увести! — с усилием приказал он.

Сигналы из темного поля[33]

(документы о встрече с внеземным разумом)

Действующие лица:

Первый акт

Референт
1- й диктор радио
2- й диктор радио Диктор
1- й журналист
2- й журналист Журналистка

Второй акт

Следственная комиссия:
Д-р Пит Мак-Гроун — делегат от руководства космоплаванием
Д-р Жюль Кардофф — делегат от руководства космоплаванием

Место действия: Луна.
Научные работники:
Брайан Кэссиди — техник-систематик

---

[33] notes: 33
Пер. изд.: Franke G. W. Signale aus dem Dunkelfeld: Keine Spur vom Leben. Suhrkamp Verlag. Frankfurt/Main, 1982.

Томас Ясински — астроном
Жанин Бру — астрофизик

Голос космического гостя

Место действия: Земля (акты 1 и 2), исследовательская станция на обратной стороне Луны. Время действия: лето 2079 года

Акт первый

1. Лекционный зал

Шум голосов, звонки.

Референт *(громко)*. Спокойствие, дамы и господа! Тише, пожалуйста, мы должны придерживаться нашего распорядка.

Голоса затихают.

1-й журналист. У меня вопрос! Послушайте! Я хотел бы задать вопрос!

2-й журналист. Мы имеем право на информацию!

Референт. Никаких комментариев — мы же договорились об этом. Ваше возбуждение неуместно. Я заявляю со всей ответственностью, что именно средства массовой информации раздули происшествие без меры!

Протестующие выкрики.

Референт *(пытаясь перекричать шум)*. Можете убедиться в этом сами! Успокойтесь, пожалуйста! Да, да, можете убедиться сами: послушайте хотя бы некоторые комментарии прессы!

1-й диктор радио *(взволнованным голосом)*. «Самое примечательное событие последней недели разыгралось не на Земле, а на Луне. Вероятно,

дело не дошло до паники только потому, что поначалу никто не осознал масштабов случившегося. Внезапное прекращение радиосвязи с лунной станцией само по себе не внушало особых опасений. Общественность едва ли обратила на это внимание. Более живую реакцию в прессе и на радио вызвало решение послать на Луну вспомогательную команду. Когда же команда станции, техник-систематик Брайан Кэссиди, астрофизик Жанин Бру и астроном Томас Ясински, была найдена в обморочном состоянии, начали понимать, что произошло что-то необычное...»

1-й журналист *(перебивая).* Это еще мягко сказано!

1-й диктор радио. «Но только на основании исследования магнитофонной документации и записи измерений удалось установить, что произошло событие из ряда вон выходящее: встреча с нечеловеческим разумом».

Журналистка. Разве это не должно было нас взволновать?!

Референт. Вы же знаете, в конце концов выяснилось, что все было заблуждением.

2-й журналист. И вы называете это заблуждением!

Референт. Лучше послушайте своих коллег из

радиовещания!

2-й диктор радио. «…полное банкротство ответственных лиц. Вывести ученых из обморочного состояния пока не удалось, на месте неопознанного летающего объекта нашли только горстку пыли. И хотя сегодня мы довольно хорошо знаем, что произошло на лунной станции, мы по-прежнему весьма далеки от объяснения причины происшедшего. Все же одно можно с уверенностью сказать уже сейчас: по-видимому, вопреки официальным заявлениям, на лунной станции к научной работе примешивались также политические и военные интересы. Таким образом, событие, причину которого вначале пытались усмотреть в космическом пространстве, пахнет первостатейным скандалом…» *(Внезапный обрыв текста).*

Возмущенные выкрики участников заседания.

1-й журналист. Мы требуем фактов, нам не нужны отговорки!

Журналистка. Правильно: факты!

2-й журналист. Мы не отступим, будьте уверены!

Референт *(пытаясь успокоить собравшихся).* Прошу вас, господа, соблюдайте порядок! Мы же хотим выполнить ваши требования! *(Шум*

понемногу стихает.) Да, мы выполним их. Но для этого необходима тишина! Итак, чтобы объективно информировать общественность о происшедшем, мы воспроизведем одну из конференций, когда комиссия восстанавливала ход событий.

1-й журналист *(перебивая).* Об этом мы уже достаточно наслышаны!

Референт. Да послушайте же! Магнитофонная запись, которую мы сейчас воспроизведем, не имеет отношения к официальному заседанию. Речь идет о дискуссии между доктором Питом Мак-Гроуном и доктором Жюлем Кардоффом. Как вы знаете, оба считаются ведущими представителями организаций, занимающихся космическими полетами и совместно эксплуатирующих научно-исследовательскую станцию на Луне. Так как эта запись не предназначалась для широкого прослушивания, я прошу извинить некоторые технические погрешности и неясности. Но нам она представляется весьма любопытной — вы сами убедитесь, что мы ничего от вас не скрываем. А теперь прошу внимания!

В помещении, оснащенном студийным оборудованием для звукозаписи, слышны фоновые шумы.

Акт второй

2. Студия

Жюль. Так мы не продвинемся дальше.

Пит. Прослушаем все еще раз, с самого начала!

Жюль. Не стоит, Пит, сегодня это было бы в третий раз. Что это даст?

Пит. Мы прослушаем записи — но все!

Жюль. Все?

Пит. Не будем себя обманывать, Жюль.

Жюль. Предположим, что…

Пит. Нам непременно нужно добиться успеха. Вы знаете больше, чем я. А я знаю больше, чем вы. Сложим наши знания воедино. Ведь речь идет о нечто большем, чем национальный интерес.

Жюль. Но я никогда не признаю, что…

Пит. И я тоже.

Небольшая пауза.

Жюль. Хорошо, согласен.

Пит. Итак, начнем сначала. С обрыва радиосвязи.

Жюль. Нет, еще раньше.

Пит. Раньше? Вы… вы хотите с самого начала?

Жюль. Слушайте же!

Жюль вкладывает в магнитофон пленку, нажи-

мает на клавишу воспроизведения.

3. Станция

Непонятные радиосигналы (как позже выясняется, искусственная человеческая речь).

Трель звонка. Звук отодвигаемой двери. Шаги.

Жанин *(зовет)*. Брайан, Томас! Скорее!

Брайан *(тяжело дыша)*. Есть что-нибудь?

Жанин. Радиосигналы.

Шаги.

Томас. Я не ослышался: радиосигналы? И это причина, по которой наш обеденный перерыв…

Жанин. Да послушайте!

Радиосигналы — громкие, затем снова тихие.

Брайан. Странно, но не так уж необычно. Вероятно, какой-нибудь исследовательский спутник.

Жанин. Едва ли. Я засекла передатчик. Ну, что вы теперь скажете?

Томас. С Луны?

Жанин. Совсем недалеко от нас, километрах в сорока.

Брайан. Возможно, исследовательская станция, совершившая мягкую посадку?

Жанин. Это мы должны были бы знать.

Брайан. Теоретически — да.

Жанин. И все же было бы допустимо, что…

Затухание.

4. Студия

Пит. Действительно, сначала… Но вы могли бы это и раньше предложить, Жюль!

Жюль. Да ведь и это нам не поможет.

Пит. Как знать.

Жюль. Далее следует длинная, ни к чему не приведшая дискуссия. Я пропущу ее.

Слышен шелест перематываемой пленки, щелчки тумблера: «стоп», «старт», «воспроизведение». Звук появляется в середине фразы.

5. Станция

Брайан. …на склоне кратерной цепи. Собственно говоря, мы должны бы видеть — это находится достаточно высоко.

Жанин. На теневой стороне. *(Продолжая наблюдать.)* М-м… Нет… ничего не видно.

Томас. Что ты колдуешь над телескопом, Жанин? Ты думаешь, предмет освещен? Лучше попробуй инфракрасный детектор.

Шумы.

Жанин *(снова бормоча себе под нос).* М-м… ничего.

Томас. Холодно.

Жанин. Что ты хочешь этим сказать?

Томас. Я вспомнил старую игру: поиски спрятанного предмета. Ножниц, пепельницы или еще чего-нибудь в этом роде. «Холодно» — если ты далек от предмета, «горячо» — если ты его нашел. Вам знакома эта игра?

Брайан. «Холодно», «горячо»... Что за детские шалости! Подумайте лучше, что бы это могло быть.

Томас. Знаешь ли ты, сколько исследовательских станций болтается в космосе? Возможно, одна из них к нам приблудилась.

Брайан. Ты чересчур спокоен. А, может, это красные, которые опять нарушают правила?

Жанин. Что ты имеешь в виду? Акцию военных? Или нелегальную попытку высадиться?

Томас *(раздраженно).* Я мог бы задать этот вопрос и тебе, Брайан! Когда это было, чтобы вы уважали границы закрытых областей, если дело касалось ваших интересов!

Брайан *(насмешливо).* Ты, верно, думаешь, что наши «рейнджеры» хотят оккупировать научно-исследовательскую станцию.

Жанин. Перестаньте! Лучше подумайте о том, что означают эти сигналы. Вам что-нибудь при-

шло в голову? Брайан. Безнадежно — мы не знаем кода.

Томас. Это не похоже на обычное кодирование. Скорее… Да вы наверняка однажды тоже слышали…

Жанин. Что ты имеешь в виду, Томас?

Томас. Вы ведь записали сигналы? Прослушаем их еще разок, помедленнее.

Брайан. Для чего?

Томас. Ладно, дай мне попробовать!

Слышно, как щелкают тумблеры. Сигналы становятся громче, затем скорость проигрывания рывками падает, высокие звуки делаются ниже, и вот уже можно различить человеческую речь, но явно произносимую не человеком! Многоголосый шум напоминает хоровой речитатив.

Голос. Пожалуйста, отзовитесь… вызываем лунную станцию… Пожалуйста, отзовитесь… Мы вызываем лунную станцию…

Радиовызов продолжается, но звук становится тише, на него накладываются голоса ученых. Говорят все одновременно.

Брайан. Что бы это могло значить?

Жанин. Они нас вызывают!

Томас *(шепчет про себя ругательство).*

Жанин. Теперь я скоро сама поверю…

Томас. Может, это чья-то глупая шутка?

Теперь снова можно разобрать их голоса.

Брайан. Что бы за этим ни стояло, мы должны отнестись к делу серьезно.

Жанин. Что ты предлагаешь?

Брайан. Прежде всего — запросить инструкции с Земли. *(Судя по всему, смотрит на часы.)* Кажется, через полчаса снова начнется вызов.

Жанин. Надо прослушать пленку целиком, возможно, они передали что-нибудь еще…

Звуки затухают.

6. Студия

Пит. Дальнейшая радиосвязь не состоялась.

Жюль. И по сей день мы не знаем, почему.

Пит. Мы все время пробовали узнать, часть пленки приобщена к делу. Возможно, мне следует…

Жюль. Нет, нет, Пит. Я предпочел бы знать, что Было дальше.

Пит. А что, ваша превосходная информационная система отказала? Ну ладно, здесь я могу помочь.

Шумы: замена пленки, щелчки.

7. Станция

Жанин. Но хоть что-то мы должны сделать!

Томас. Почему? По мне — пусть вызывают нас столько, сколько хотят… Ничего мы не должны.

Жанин. Не может быть, чтобы это не имело продолжения, Томас. Иначе, какой же смысл…

Томас. Мы не знаем, с кем имеем дело.

Жанин. Уж не думаешь ли ты, что рядом с нами сел космический корабль с экипажем?

Томас. Этого я не говорю. Насколько можно судить, передатчик или что там еще определенно земного происхождения. Собственно говоря, какие у нас основания для беспокойства? Что могут нам сделать радиосигналы? Их следует просто игнорировать. Вот перерыв в радиосвязи неприятнее, но у нас такое уже бывало и не раз. Вот увидишь…

Жанин. Каждое, само по себе, не внушает особого опасения. Но взятые вместе…

Томас. Взятые вместе? Ты думаешь… что здесь существует какая-то связь?

Жанин. Это означало бы, что мы должны быть готовыми к неожиданностям.

Томас *(бормоча)*. Сумасшествие.

Голос *(снова усиливаясь)*…Мы вызываем лун-

ную станцию. Пожалуйста, ответьте… Мы вызываем лунную станцию. Пожалуйста, ответьте…

Брайан *(возбужденно)*. Это не с Земли!

Жанин. Что ты имеешь в виду, Брайан?

Томас *(вторя Жанин)*. Не с Земли? Как ты можешь утверждать такое?

Брайан *(более спокойным тоном)*. Очень просто: радар. Я обнаружил полосу ионизированного газа.

Жанин. Как ты додумался до этого?

Брайан. Они совершили мягкую посадку, иными словами, они должны были тормозить.

Томас. Верно.

Брайан. Полоса ионизированного газа метит их путь. Летающий объект прилетел извне, возможно, из внешней части Солнечной системы, может быть, из межзвездного пространства.

Короткая пауза.

Сигналы становятся громкими.

Жанин. Выключи приемник! Я не могу больше этого слышать!

Брайан. Спокойнее!

Томас. Ты думаешь — внеземная цивилизация? Я в это не верю.

Брайан *(осторожно)*. А почему, собственно, нет, Томас? Если тебе известно что-нибудь боль-

ше об этом, ты обязан сказать.

Томас *(недовольно)*. Чепуха, ничего я не знаю. С чего ты взял?

Брайан. Ты говоришь так уверенно…

Томас. Послушай, они говорят по-немецки, тебя это не удивило? Или ты полагаешь, что внеземные цивилизации говорят по-немецки?

Брайан. Им достаточно подслушать наш радиообмен. К тому же они, вероятно, используют также популярную частоту в УКВ.

Жанин. Это могло бы объяснить, почему они применили не ту скорость — вы ведь понимаете: эффект Доплера..

Томас. Это знает каждый школьник! Они не могли допустить подобной ошибки.

Жанин. *(тише)*. Возможно, они ошиблись…

Брайан *(решительно)*. Ну, вот что, по инструкции мы обязаны предположить, что это какой-то внеземной разум. На нас возложена большая ответственность — мы сами должны принять решение.

Жанин. И никто нам в этом не сможет помочь.

Прерывистые сигналы становятся громче. Так же, как и прежде, тональность их понижается.

Жанин. Слышите? Никто из вас ничего не делал? Брайан. Никто. Просто они меняют ско-

рость.

Постепенно сигналы снова преобразуются в понятную речь.

Голос. Пожалуйста, отзовитесь… Мы вызываем лунную станцию, пожалуйста, отзовитесь… Теперь вы нас понимаете? Установили ли мы нужную скорость? Пожалуйста, отзовитесь. Мы вызываем лунную станцию…

Голос звучит тише, как фон.

Брайан. Должны мы им отвечать?

Томас. Совсем ни к чему.

Жанин. Вы явно не заметили кое-что!

Томас. Что именно?

Жанин. Они снизили скорость передачи! Не прошло и минуты, как мы заговорили об этом. Как они смогли узнать?

Брайан. Ты предполагаешь…

Жанин. Значит, они нас слышали.

Брайан. Но как? Микрофон выключен. Они не могли подслушать.

Томас. Глупости, Жанин. Если бы они могли нас подслушивать, то сразу узнали бы, что пользуются не той скоростью.

Брайан. Верно, Томас.

Жанин. И все же… Это слишком бросается в глаза. Вероятно, для перевода нашего языка на их

и обратно необходимы сложные преобразования. Возможно, дело тут не в различии в скорости… Я не исключаю существования особых систем понимания.

Голос снова становится громче.

Голос. Лунная станция, пожалуйста, отзовитесь… Мы вызываем лунную станцию, пожалуйста, отзовитесь. Мы хотим понимания на осознанной коммуникационной основе. Пожалуйста, дайте ответ! Мы не можем больше ждать, мы теряем драгоценное время… Отвечайте немедленно.

Голос затихает.

Брайан. Звучит как угроза.

Жанин. «Осознанная коммуникационная основа»… Разве есть какие-нибудь другие?

Томас. А что, если они нас принудят?

Брайан. Но как?

Томас. Боюсь, что это мы узнаем достаточно скоро.

Брайан. А до того мы должны ждать? Полагаю, лучше им ответить. Чем это нам повредит?

Томас. А чем поможет?

Брайан. Мы выиграем время.

Томас. Я возражаю.

Брайан. А ты, Жанин?

Жанин. Я за.

Брайан. Итак, двое против одного. Что передать?

Жанин. По-моему, что-нибудь нейтральное. Ну, например: «Говорит лунная станция, чего вы от нас хотите?»

Брайан. Дай мне микрофон, я попробую.

Продолжительный шорох, щелчки.

Брайан. Внимание, внимание, говорит лунная станция. Вы нас слышите? Пожалуйста, подтвердите связь!

Тишина.

Жанин *(шепотом)*. Теперь они молчат.

Щелчок.

Голос. Мы вас слышим. У нас есть вопросы. Мы нуждаемся в информации. Готовы ли вы отвечать?

Томас *(шепотом)*. Не отвечайте!

Брайан *(тоже шепотом)*. А что же нам делать?

Жанин. Нам нужно время для обдумывания. Попробуй их отвлечь!

Брайан. Мы вас поняли. Подождите немного — мы должны посоветоваться.

Голос. Согласны, ждем пять минут. Не более.

Томас. И что теперь? Не кажется ли вам, что все

наши действия могут пойти по неверному пути?

Брайан. Но и упустить что-нибудь мы тоже не вправе.

Жанин. Если бы хоть знать, с кем мы имеем дело! Скорее всего это технически превосходящий нас вид. Но как они настроены к нам: дружески или враждебно? Подобны они человеку или нет?

Брайан. Мы могли бы об этом спросить.

Томас. В таком случае они без труда узнают степень нашего невежества.

Жанин. Надо что-нибудь о них выведать.

Брайан. Но как?

Жанин. В кибернетике есть такое понятие: «черный ящик». Под этим подразумевают систему, с которой нельзя ознакомиться. Но, несмотря на это, кое-какие сведения можно получить путем анализа функции ввода и выдачи.

Томас. Это все теория!

Жанин. Необходимо проследить, как будет реагировать система. Вот метод, которым нам следует воспользоваться. Пока мы ведем с ними переговоры, нам нечего их опасаться.

Брайан. Прекрасно, тогда спроси их, как к ним обращаться!

Томас. Функция ввода и выдачи — смешно!

Щелчки.

Брайан *(изменив интонацию).* Внимание, внимание! Говорит лунная станция. Кто вы? Откуда пришли? Чего вы от нас хотите?

Голос. Говорит Генрих Клаус Сигурд. Нам нужна информация. Готовы ли вы ответить на наши вопросы?

Брайан. Генрих Клаус Сигурд — что это означает? Кто вы? Обозначьте себя!

Голос. Говорит Генрих Клаус Сигурд. Мы спрашиваем в последний раз: готовы ли вы ответить на наши вопросы?

Брайан *(тихо).* Что делать?

Томас. Мне не нравится этот тон. Мы не должны были заставлять нас долго упрашивать.

Жанин. Дай им информацию — какую угодно! Вот *(тихий шелест)* вторая книга, записанная на ленту. Прокрути ее!

Томас. Что это? Заголовок книги? Пожалуй, отсюда они могли бы кое-что выудить.

Жанин. Но внутри только кодовые данные. Вряд ли это годится.

Брайан. Дай сюда!

Шум от вкладываемой пленки. Щелчки.

Звучит голос, который читает кажущиеся случайными столбцы цифр.

Жанин. Сделай потише!

Голос, читающий цифры, заглушается.

Томас. Ну и что мы получили?

Жанин. Генрих Клаус Сигурд… Должно же это иметь какое-то значение.

Брайан. По-моему, это принятая аббревиатура для передачи по буквам. ГКС.

Томас. Что бы это могло означать?

Брайан. Например, Генеральная Карта Созвездий.

Томас. Ну и ну!

Жанин. Или: Галактический Клуб Скороходов.

Томас. Перестань молоть чепуху! Возможно, имеются в виду химические элементы — водород, углерод, сера… Это могут быть составные части органического вещества.

Брайан. «ГКС» (HCS) — это инверсия «SCH». Возможно, это ключ. Сочетание «SCH» есть только в немецком языке.

Томас. «Буква «С» есть и в английском языке…

Брайан. Гала-концерт Сумасшедших.

Жанин. Гандбольная Команда Сиракуз.

Брайан. Генеральная Карта Созвездий.

Во время последних слов громкость снижается.

8. Студия

Пит. На этом нам не следует останавливаться.

Жюль. Во всяком случае они не потеряли присутствия духа и чувства юмора.

Пит. Я перемотаю пленку немного вперед. Сейчас снова будет кое-что любопытное.

Шум от включенного магнитофона, щелчки.

9. Станция

Голос *(с нарастающей громкостью)*... Переданные цифровые данные непригодны. Мы просим семантическую информацию. Переданные цифровые данные непригодны. Мы просим семантическую информацию.

10. Студия

Пит *(шепотом)*. Слушайте! Очень важное место.

11. Станция

Слышен голос, повторяющий требования. Громкость слегка приглушена.

Томас. Ну и чего вы добились? Я предлагаю

не реагировать на их требования. Будем продолжать.

Жанин. Но мы же не знаем, что они предпримут в ответ!

Томас. Посмотрим.

Брайан. Имеются и другие возможности их задержать, не раздражая.

Томас. Что ты предлагаешь?

Брайан *(задумчиво)*: Семантическая информация… А если передать им стихи-считалки, загадки?.. Зачитать несколько мест из Джеймса Джойса?

Томас *(про себя)*. Первая возможность со смыслом использовать эту чепуху.

Жанин. Ты думаешь, у нас найдется что-нибудь в библиотеке?

Брайан. В научной? Конечно, нет. Посмотри-ка в комнате отдыха.

Жанин. Хорошо.

Слышны удаляющиеся шаги.

Но в глубине по-прежнему звучит тихий, требовательный голос.

12. Станция

Шаги.

Брайан. Нашла что-нибудь, Жанин?

Жанин. Не знаю, то ли это? Том стихов-бессмыслиц.

Брайан. То, что нужно. Клади его!

Жанин. Это не пленка, это карманная книга.

Брайан. О! Тогда бери микрофон и читай вслух.

Жанин. *(неуверенно).* Я не знаю… По-моему, читать, собственно, нечего…

Брайан. Начинай — мы тебя сменим.

Слышно, как передвигается микрофон, шелестит бумага.

Жанин *(неуверенно декламирует)*:

Сторож спит у края леса с палкою в руке.

Вор несет мешок с добычей на своей спине.

Тут проворный старикашка с внуком проходил.

И мешок с чужой добычей к дому потащил.

Ну, а сторож у опушки продолжает спать,

И в руке он палку держит, чтоб воров пугать.

Следующий диалог накладывается на декламацию стихотворения.

Томас. Бессмыслица какая-то!

Брайан. Сейчас это не имеет никакого значения.

Томас. Идем, сядем в уголке.

Шаги.

Томас. Так. Время мы выиграли. А что это нам даст?

Брайан. Послушай, Томас. Пока Жанин занята, поговорим откровенно. Я не верю в какую-то там внеземную цивилизацию.

Томас. Что значит — поговорим откровенно?

Брайан. По-моему тут что-то не так. Думаю, вся эта история земного происхождения. Могу лишь заверить тебя, что наша сторона ни при чем.

Томас. В любом случае это дело и не наших рук.

Брайан. Значит, все-таки нейтралы…

Томас. Полагаешь, Жанин что-то знает? Не думаю…

Брайан. Знает или не знает — не важно. Но манера, с какой она реагировала на это, показалась мне несколько необычной… Или я не прав?

Томас. Она вела себя совершенно нормально, так же как и мы с тобой.

Брайан. А по-твоему, мы нормально реагировали?

В возникшей паузе вновь слышна декламация Жанин:

Над глубинами Дуная ночь темным темна.

Только слышится из леса, как кричит сова.

Ибих, стоя на опушке, тоже не дремал,

Он с подзорною трубою лес свой охранял.

Над верхушками деревьев ветер заиграл

И тяжелый дождь на землю каплями упал.

Начинали волноваться даже облака,

Взгляд уставил свой на небо Ибих наш тогда.

Вот уже и поздно стало, путь домой далек,

Размышлял он по дороге, как Дунай глубок.

Последние строки заглушают голоса Брайана

и Томаса.

Томас. Возможно, ты прав. Но возможно и другое. Представь себе, что мы действительно имеем дело с чужим разумом. Это может быть и угрозой и благом для человечества. Если эти… *(колеблясь)* незнакомцы пришли из космоса, значит, они располагают передовой технологией. Не исключено, что они могут применить ее против нас. Но если они настроены дружелюбно и поделятся с нами своими знаниями, то это равносильно подлинной революции в науке.

Брайан *(задумчиво)*. Если бы мы могли снова связаться с центром!

Томас. Увы, радиосвязи нет. Я только что попытался — напрасно.

Брайан. В таком случае нам надо выработать гибкую стратегию. Если дело и дальше будет развиваться так, как я предполагаю, они скоро дадут о себе знать. Или ты думаешь, что они удовлетворятся стихами?

Томас *(размышляя)*. Появились здесь, интересуются информацией… Казалось бы, логично, и все же… Весьма неуклюжий способ добывания данных! Вряд ли люди так бы себя повели. *(Решительнее.)* Нет, нет, Брайан, за этим стоят не люди. Как это ни необычно, мы должны исходить из

того, что имеем дело с чужеродными разумными существами.

Брайан. Возможно, ты прав. Но в таком случае наше положение незавидное. Только подумай: технически превосходно оснащенные пришельцы из мирового пространства хотят нас завоевать.

Томас. Завоевать Землю?

Брайан. Не знаю, но мы должны быть к этому готовы.

Томас. Каким образом?

Брайан. Будем рассуждать так: мы им так же чужды, как и они нам. Возможно даже, они нас боятся. Страх и недоверие — широко распространенные состояния, служащие признаками разума. Но чего они от нас хотят? В конце концов, дело обычно сводится к вопросу о влиянии, о мощи, «кто сильнее», «кто превосходит».

Томас. Значит, по-твоему, им нужны военные данные?

Брайан. Вот именно. Они не успокоятся, пока мы не передадим им каких-либо данных.

Томас. Значит, есть только один выход: попытаться ввести их в заблуждение. Надо подготовить немного ложных сведений.

Брайан. Игровой материал? Идет. Посмотрим,

что из этого получится. У нас обычно так делают голливудские сценаристы.

В наступившей тишине звучит голос Жанин:

Все сильнее дует ветер, затрепал дубы,
Угрожающе он воет у дупла совы.
Ибих плечи поднимает очень высоко,
А лиса в нору вползает тоже глубоко.
Дождик хлещет по вершине, скрытой вечным льдом,
Ибих наш дождя удары ощущает лбом.
И забилось его сердце, стал спортивным стан,
Все бушует, выше к небу тянется туман.
И сказал с задором Ибих, глядя в облака:
«Как же нравится мне это! Да, вот это да!»

Снова голоса Томаса и Брайана заглушают декламацию.

Брайан. …Военные секреты, потенциал атомного оружия, подземные базы, лазерное оружие, укрепления, планы развертывания…

Томас. Ты полагаешь, они могут это отнять?

Брайан. Все зависит от обстоятельств. Вот тогда и выяснится, с кем мы имеем дело. Если они нейтралы, то разгадают наш маневр и, конечно, рассвирепеют. Но если они и в самом деле те, за кого себя выдают…

Томас. Ну, будем считать, что мы «провернули» неплохую аферу. В нашей липе такой арсенал водородных бомб, которым наша военная промышленность занималась бы по крайней мере сотню лет! И, разумеется, все они, смонтированы на космических ракетоносителях… Кто-то может и попасться на эту удочку: огромная армия, центральный штаб и так далее…

Брайан. Мы должны вести себя так, будто между нами нет разногласий.

Томас. Если речь идет о чужом разуме, мы и в самом деле должны быть едины!

Они замолкают, становится слышен голос Жанин:

Шевелятся водоросли зеленые в пруду,

Распустились лилии, как цветы в саду.

Движется и пенится что-то там в воде.

Бледно светят глазки в каждом пу-

зырьке.

Отдыхает Ибих, у пруда сидит,

Уж в воде резвится, голова торчит.

Пузырьки кругами дружно растекаются.

Солнце в них блестит, лодочка качается.

И давно советник в том пруду купается.

Жанин дочитала стихотворение до конца и умолкла.

Брайан. Что случилось?

Жанин. Бред какой-то! Я сижу здесь и занимаюсь декламацией, в то время как речь идет о…

Брайан. Ты же знаешь…

Жанин. *(раздраженно).* А я вам говорю, это бессмысленно.

Брайан. Ну, что теперь?

Голос. Говорит Генрих Клаус Сигурд. Мы обработали переданные вами данные, но не до конца. Материал пригоден только частично. Мы еще раз призываем вас дать необходимую семантическую информацию. Нам не нужны военные сведения и тем более игровой материал. Нам необходима информация о поведении человека.

Мы хотим узнать причины его иррационального поведения. Нам нужна информация о его психике, о его стимулах, о его ощущениях. Человек — последняя загадка, которую мы должны разгадать. Мы даем вам последнюю отсрочку на час. За это время вы должны решить, будете с нами сотрудничать или нет.

Небольшая пауза.

Томас. Ну и влипли мы!

Брайан. Друзья, вам ничего не приходит в голову?

Томас. К такой ситуации мы не подготовлены. Нас должны были предупредить.

Брайан. Как ты себе представляешь это, Томас? Руководящие указания? Соблюдайте правила хорошего тона в чрезвычайных обстоятельствах — например, при встрече с внеземной цивилизацией…

Томас *(прерывая)*. Есть же ученые, которые над этим думали. Должны же они знать…

Брайан *(прерывая его)*… как приветствовать внеземных посетителей? Какую пищу им предлагать и т. д. и т. п.

Томас *(задумчиво)*. Проект Озма, картина Карла Сагана. Но все это из области предположений. Никто серьезно не думал о встрече.

Жанин *(оживленно)*. Нет, кое-кто об этом подумал! *(Размышляя вслух.)* Совсем недавно мне попалось на глаза… Подождите-ка! Я посмотрю.

Шаги. Потом тишина.

13. Студия

Пит. Следующий разговор между Брайаном и Томасом не представляет интереса.

Слышны щелчки, звуки протяжки пленки включенного магнитофона.

14. Станция

Шаги.

Жанин. Вот, послушайте. «Тренировочная программа для контакта с внеземным разумом».

Шуршание бумаги.

Жанин. Рукопись датирована 1976 годом и помечена инициалами доктора Д. Х. Я же говорила!

Брайан. О чем там речь?

Жанин *(перелистывая страницы)*. Клейстбер, Цирцея, Гейзенберг, сталь в кислой среде, «Каменный гость»…

Томас *(недовольно)*. Что все это значит?

Жанин. Попытка классификации. Основана на гипотезах о существовании внеземного разума.

Томас. Но мы о ней ничего не знаем.

Жанин. Здесь даются также вполне конкретные указания на случай возможного установления контакта: как следует себя вести, как выведать о них что-либо…

Модель «Клейстбер»: поведение в случае непредсказуемых столкновений.

Модель «Цирцея»: советы о том, как перехитрить превосходящего противника, стратегия хода и контр-хода.

Модель «Гейзенберг»: экспериментально обоснованный анализ, тактика по результатам вычисления.

Томас. Не понимаю ни слова!

Слышен зуммер.

Голос. Говорит Генрих Клаус Сигурд. Говорит Генрих Клаус Сигурд. Что вы решили? Готовы ли вы к сотрудничеству с нами?

Длительная пауза.

Брайан. Мы решили. Мы не готовы к сотрудничеству. Мы не можем дать вам больше никакой информации.

Длительная пауза.

Голос. В таком случае переходим ко второму уровню связи. Мы будем спрашивать, вы должны отвечать. *(Тоном одновременно требовательным*

и внушительным.) Вначале Жанин. Ты скажешь нам все… Все… У тебя не должно быть от нас секретов.

Слышен зуммер, отдаленно напоминающий музыку для медитации.

Жанин. Вы будете спрашивать… Я буду отвечать. Да, я хочу вам сказать все. Ничего не утаю…

Слышны удивленные голоса Томаса и Брайана — отчасти под воздействием жужжащего зуммера, отчасти под воздействием заверений Жанин.

Томас. Что с ней?

Брайан. Что-то изменилось… Я что-то чувствую…

Томас. Я тоже… Что-то со мной случилось… Какая-то неожиданная слабость… беззащитность… *(изменившимся голосом.)* Нужно прервать радиосвязь.

Брайан *(подавленно)*. Я уже сделал это.

Томас. Да, но мы еще слышим их. И они нас…

Брайан. В том-то и дело. Мы попали в западню. Отсюда даже сбежать нельзя.

Томас. Ты все равно не смог бы далеко уйти.

Голос *(дружелюбно)*. Жанин, мы вызываем тебя. Кто ты? Что ты знаешь о себе? Что чувствуешь?

При последующих «опросах» голос звучит все тише; во время коротких пауз он становится отчетливым, поэтому, несмотря на помехи Холла и наложение звуков, можно понять, о чем идет речь.

Жанин. Меня зовут Жанин Бру. Мне 26 лет. Я француженка, родилась в Париже. Мои родители перебрались в Индию. В Калькутте я пошла в школу. В Бомбее изучала физику. Получила диплом с отличием. Я записалась в экипаж лунной станции…

Голос. Почему? Чего ты хотела? Что чувствовала?

Жанин. Меня приняли в группу научных работников, где я была самой молодой. Здесь, на станции, я была уже трижды, это мое четвертое пребывание…

Голос. Что тобой движет? На что ты надеешься? Чего желаешь?

Жанин. Я занимаюсь исследованием звездного пространства. Здесь имеются лучшие возможности для оптического наблюдения, чем на Земле. Мы открыли новые черные облака, несколько объектов…

Голос. Не говори о черном облаке. Скажи, о чем ты думаешь, чего желаешь, что чувствуешь.

Попытайся проникнуть в глубинные слои, приблизиться к истокам.

Жанин *(пытаясь сконцентрироваться)*. О чем я думаю, что чувствую? Да, я хочу… Хочу кое-чего достигнуть — в своей профессии. Я хотела бы сделать открытие, хотела бы стать известной. До сих пор нет ни одной известной женщины-астронома. Я хотела бы быть первой.

Голос. Значит — исследовательские побуждения, распознаваемые мотивации. Ты не думаешь ни о чем другом, у тебя нет других чувств? Не можешь ли ты привести примеры типично человеческие? Разве у вас нет универсальной программы, какой-нибудь ценностной системы? *(Снова словно внушая.)* Как ты относишься к другим людям? К коллегам по работе на станции?

Жанин. С Брайаном мы хорошо понимаем друг друга, он опытнее меня, всегда мне помогает, если нужно. Как мужчина?.. По-моему, я к нему равнодушна…

Голос. Вы с ним понимаете друг друга? Он тебя не волнует? Что ты к нему испытываешь?

Жанин. Он всегда такой сдержанный… Напоминает мне отца. А Томас? Он ворчлив, иногда бывает в плохом настроении, но вообще-то довольно добродушный человек. Думаю, характер

у него похуже, но мне он нравится. Иначе бы я с ним не сблизилась.

Голос. Что ты сделала — сблизилась? Что ты чувствовала?

Жанин. У него явно свое задание, так же как у меня свое. И все же он мне нравится, одно другому не мешает…

Звуки затихают.

15. Студия

Пит. По-моему, мы вторгаемся в интимную область.

Жюль. Нет, не мы! Чувственная сторона жизни Жанин меня не интересует. Я хотел бы знать…

Пит. И все же, нам не следует все слушать.

Слышно, как щелкают клавиши магнитофона.

Жюль. Как они заставили Жанин говорить?

Пит. Может, ультразвуком? Ультразвук непосредственно воздействует на чувства человека. Мы проанализировали записи самым тщательным образом. Там есть несколько необычных частот модуляции. Это что-нибудь значит?

Жюль. Одним словом, мы ничего не знаем. Но они довольно хорошо информированы. Откуда у них сведения о человеке?

Пит. Да, они отлично информированы, во вся-

ком случае о том, что относится к его биологии. Но психика, судя по всему, представляет для них загадку. Вероятно, они думают и чувствуют совсем по-другому.

Жюль. Или вообще не думают и не чувствуют.

Пит. Какие-то правила поведения должны существовать и у них — этику и мораль вполне можно запрограммировать. Они ведь не есть нечто специфически человечное и даже не нечто специфически органическое.

Жюль. Во всяком случае те, на Луне, все выдали — хотели они того или нет. Ужасная ситуация! Продолжим?

Пит. В записях, несмотря на фон, прослушивается кое-что. Судя по всему, это отрывки из разговора ученых. Видимо, они еще были способны нормально мыслить. Мы постарались прояснить и усилить эти фрагменты.

Щелчки, звуки протяжки магнитофонной пленки на большой скорости. Следует диалог между Брайаном и Томасом, намного громче, несмотря на шумы.

16. Станция

Брайан. Теперь мне кое-что ясно! Ты и Жанин… До этого я никогда бы не додумался!

Томас. Дело не в этом. Важно другое…

Брайан. Особые задания?

Томас. Ты думаешь, с нами они поступят по-другому?

Брайан. Вряд ли.

Томас. Я узнаю все о тебе, а ты все обо мне.

Брайан. Вероятно.

Томас. Ладно, не будем злиться друг на друга, во всяком случае не сейчас.

Брайан. Верно, Томас, мы должны выстоять.

Усилившиеся помехи не позволили разобрать дальнейший разговор.

17. Студия

Жюль. Не хотел бы я очутиться на их месте.

Пит. Опрос длится долго, несколько часов.

Жюль. Но у нас ведь есть возможность прослушать несколько раз.

Щелчки, звуки протяжки магнитофонной пленки, щелчки.

18. Станция

Брайан. Странно, я уже давно об этом не думал. Возможно, мне самому это не ясно. Вообще-то говоря, я мог бы быть доволен…

Голос. Доволен? Доволен? Почему же ты не был доволен?

Брайан. У меня была профессура в Университете штата Огайо. Была семья, дом. Возможно, мне это наскучило.

Голос. Скучно? Как ты воспринимаешь скуку? Брайан. Жизнь обывателя. Возможно, я жаждал иного, быть может, какого-нибудь приключения. Тем временем жена от меня ушла. Стоила ли игра свеч?

Голос. Как ты относился к своей жене? Что ты чувствовал к ней?

Брайан *(задумчиво, повторяя).* Стоила ли игра свеч? И здесь, на станции, та же рутина. Бесконечные анализы, статистика, расчеты. Ну, открыли несколько новых пульсаров, несколько звезд, испускающих рентгеновские лучи, одно пылевое облако в микроволновом диапазоне… Это не то, что я искал. Возможно, я должен был сделать что-то совсем иное…

Внезапный обрыв со щелчком. Шуршание перематываемой магнитофонной пленки.

19. Студия

Пит. Так будет продолжаться бесконечно долго. Пожалуй, лучше поискать кусок из опроса

Томаса.

Жюль. Это важно?

Пит *(подчеркнуто).* Не лишено интереса.

И снова щелчки, прерываемые речью.

20. Станция

Томас. Здесь я не нашел настоящего счастья. Вероятно, мне следовало заняться совсем другим — быть может, стать крестьянином или лесорубом. С Брайаном и Жанин мне хорошо. Брайана я мог бы даже назвать другом…

Голос. Что такое дружба? Что ты чувствуешь к другу?

Томас. Жанин… Да, физически мы были близки. Но сблизился ли я с ней по-настоящему? Иногда я чувствую себя посторонним и в чем-то виноватым. Если быть честным до конца, то это обман — я злоупотребляю доверием другого…

Голос. Что такое вина? Что такое доверие? Скажи, что ты при этом чувствуешь.

Томас. Я имею в виду все эти подслушивания, выслеживания! Копирование результатов измерений, фотографирование микрокамерой, тайные вырезки из записей радиосвязи… Меня тошнит от всего этого! Я принадлежу к службе безопасности — надеюсь, другие об этом не узна-

ют. Это было бы…

Щелчки.

21. Студия

Жюль. Так вот что вы имели в виду!

Пит. Весьма поучительно, вы не находите?

Жюль. Да бросьте! Ведь Брайан имеет такое же задание, разве не так? Он тоже офицер! Вы думали, нам это не известно?

Пит. Я думаю, мы можем обойтись без взаимных упреков. Мы оба хорошо понимаем, что это неизбежно. Обратная сторона Луны — стратегически важный регион. Здесь можно готовить любые акции — тайно, без риска постороннего наблюдения. Мы просто не имеем права оставлять этот регион без внимания — ни вы, ни мы. Жюль. Иными словами, во благо человечества.

Пит. В данную минуту меня гораздо больше беспокоит, что все это станет достоянием гласности.

Жюль. Да, этого едва ли удастся избежать.

Пит. Как это воспримет общественность? Мы ведь все время твердили о научных исследованиях…

Жюль. Столько затрат из-за нескольких звездных туманностей? Кто мог серьезно в это поверить!

Пит *(с некоторым раздражением).* — Но ведь и в самом деле проведена неплохая работа. Сделаны важные открытия…

Жюль. Мы дали им поработать нашими делегатами — это бесполезно, следовательно, не вредит. Несколькими открытиями больше или меньше — разве в этом дело? Истинные задачи, которые нам предстоит решить, лежат не в космическом пространстве, а на Земле.

Пит. До недавнего времени и я так думал, но теперь… Жюль. Надо быть реалистом. Сейчас для нас важно, что мы располагаем магнитофонными пленками, а не то, каким образом они были получены. Предлагаю продолжить прослушивание.

Пит. Я не возражаю: доведем дело до конца.

Жюль. Что было дальше?

Пит. Опрос продолжался еще некоторое время. Решающий диалог между Жанин и Брайаном происходит в глубине. Полагаю, именно он служит ключом к неожиданному повороту, который вскоре произошел.

Щелчки, шум перематываемой магнитофонной пленки, снова щелчки, помехи.

22. Станция

Брайан. Все происходящее кажется мне каким-то кошмарным сном.

Жанин. Чего они добиваются, получив от нас информацию? Если они собираются оккупировать Землю, плевать им на нашу интимную жизнь.

Брайан. Должно же здесь быть какое-то рациональное зерно! Вряд ли существа из космоса случайно прилетели на Луну, чтобы справиться о наших чувствах. Вероятно, у них существует какое-то сродство с Землей и людьми — это же видно из их вопросов. Судя по всему, они немало знают о человеке, а то, что их больше интересуют психические проявления... По-моему, они хотят проникнуть в область, которая в принципе им не понятна. Вспомните, они делают упор только на чувства.

Жанин. Что ты имеешь в виду, говоря об их сродстве с человечеством? Ты обратил внимание на их речь? Я не про то, что они изъясняются по-немецки — одно это достаточно удивительно, — я имею в виду их манеру выражения. Многое в ней кажется мне архаичным. Начать с того, что они обратились к нам на «вы», сегодня это обращение

принято только среди дипломатов. Есть ли какое-нибудь событие столетней давности, которое можно было бы поставить в связь с тем, что здесь происходит?

Брайан. Неопознанные летающие объекты? Тайные контакты с «зелеными человечками?»

Жанин. Чепуха! *(Задумчиво.)* Нет, тут что-то другое… Что-то такое, что поможет нам понять смысл аббревиатуры «ГКС». *(Постепенно возбуждаясь.)* Неизвестная планета с температурой или такой плотностью излучения, которые делают выживание там людей невозможным… Кажется, был один проект… *(С внезапной решимостью.)* Подожди-ка, я принесу из библиотеки несколько микрофильмов!

Громкие шаги, сопровождаемые помехами. Небольшая пауза, и снова приближающиеся шаги.

Жанин. «ГКО — гипотетическая когнитивная система. Вот что это такое! Нельзя терять ни минуты. Переключение с исследовательской фазы на коммуникативную. Счастье, что приводится код.

Брайан. Что ты делаешь?!

Жанин *(с торжеством)*. Сейчас привидению конец.

Слышится ряд коротких и длинных свистящих

сигналов, время от времени доносятся неясные слова Жанин.

Жанин. Теперь мы повернем оружие противника против него самого, теперь мы получим… Познания переданы… изобилие знаний… Ни один человек прежде…

Еще несколько коротких сигналов, после чего воспроизведение прерывается.

23. Студия

Пит. Итак, вот как это было. Теперь мы умнее.

Жюль. Так же умны, как и прежде.

Пит. Нет, нет, я бы сказал, что теперь у нас есть существенные зацепки. Жанин явно нашла решение, оно в ее словах.

Жюль. К сожалению, она не очень ясно выразилась.

Пит. Я прокручу этот кусок еще раз!

Щелчки, шум перематываемой магнитофонной ленты.

24. Станция

Жанин. «ГКС» — гипотетическая когнитивная система. Вот что это такое! Нельзя терять ни минуты. Переключение с исследовательской фазы

на коммуникативную. Счастье, что приводится код.

Брайан. Что ты делаешь?

Жанин *(с торжеством)*. Сейчас привидению конец.

Слышится ряд коротких и длинных свистящих сигналов, время от времени доносятся неясные слова Жанин.

Жанин. Теперь мы повернем оружие противника против него самого, теперь мы получим… Познания переданы… Изобилие знаний… Ни один человек прежде…

Еще несколько коротких сигналов, после чего воспроизведение прерывается.

25. Студия

Жюль. Вы потом занимались этим вопросом? Выяснили, что означает «ГКС»?

Пит. Я нашел книгу, в которой появляется это понятие. Старая книга на немецком языке. Может ли она служить решением? Не знаю. Книга называется «Автомат и человек», ее написал Карл Штайнбух, один из представителей классической кибернетики, которая получила свое развитие в конце XX столетия. Признаться, в книге есть любопытные места!

Щелчки.

26. Чтение

Диктор. «Предлагается следующая ситуация: при помощи технической разведывательной системы (в известной степени наблюдающим автоматом) необходимо собрать как можно больше данных о небесном теле, физическое состояние которого исключает возможность человека для наблюдения. Из-за высокой температуры и плотности излучения пребывание там человека невозможно…».

Щелчки.

Диктор. «Пока система находится во внешней среде и бездействует, информация, принятая рецепторами, имеет ограниченную пользу. Поэтому приходится пользоваться пространственно-временными данными внешней среды. Для этого система снабжена «эффекторами», которые позволяют ей передвигаться в пространстве, удерживать предметы, подавать сигналы, выделять химические вещества и т. д. Кроме того, они должны обеспечивать получение энергии из внешней среды. С этой целью солнечные батареи направлены к источникам излучения или приводят тепловой резерват в термический

контакт и т. д.».

Щелчки.

Диктор. «Поскольку при конструировании системы закономерности внешней среды не были известны, нельзя было запрограммировать и ее «оптимальное поведение»; можно было лишь технически подготовить информационную структуру, которая со временем будет в состоянии в незнакомой внешней среде найти и накопить метод «проб и ошибок». Это оптимальное поведение».

Щелчки.

Диктор. «Техническая система — особенно вначале, когда ее накопитель опыта еще пуст, — очень уязвима. Но и после того, как будет накоплен некоторый опыт, придется действовать с учетом ситуаций, которые могут привести к ее разрушению, поскольку целесообразные реакции еще не изучены, а спасательной реакции не существует. Поэтому предпочтительно создавать техническую систему не как одно целое, а в виде некоего количества сходных технических индивидуальных систем. Многообразие должно, с одной стороны, способствовать большей вероятности частичного выживания, а с другой — обеспечить сбор данных в различных местах и

в различное время».

Щелчки.

27. Студия

Жюль. Все?

Пит. Да.

Жюль. Иными словами, на нашу долю остались одни предположения.

Пит. Мы знаем, что в начале XXI столетия в космос было запущено много исследовательских станций, оснащенных новейшими автоматизированными системами. Все финансирующие их страны имели право проводить собственные эксперименты, немцы в том числе. Об этом имеются записи, одна из копий находится в библиотеке лунной станции.

Жюль. Это ее нашла Жанин.

Пит. Да. Между прочим, насколько можно судить, речь идет о попытке реализовать идею Карла Штайнбуха. До сих пор предполагали, что попытка была неудачной. А она, как видно, удалась.

Жюль *(про себя)*. Да, удалась. Выходит, электронные «зародыши» развились, размножились… и затем?..

Пит. Вернулись к Земле. Дан ли им приказ или

это произошло в рамках их исследовательского задания? Трудно сказать.

Жюль. Возможно, мы еще узнаем об этом. Впрочем, так ли это важно? Важно другое: действительно ли это и есть решение? Можем мы быть уверенными?

Пит. С уверенностью сказать нельзя, можно только предполагать. Это и есть наиболее вероятное решение.

Жюль. И что бы это могло значить?

Пит. Прежде всего это означает, что, хотя мы имеем дело с разумом из космоса, разум этот — не что иное, как дальнейшее развитие сотворенного человеком машинного разума. Тем самым человек, даже проникая в далекий космос, словно бы встречается с самим собой.

Жюль. Выходит, автоматы сработали лучше, чем от них ожидали.

Пит. Чем вообще можно было себе представить. Они претерпели эволюцию, не имея перед собой иной задачи, кроме добывания знаний. Они пролетели дальше заданных первоначальной программой небесных тел, стремясь полнее исследовать космическое пространство. И наконец столкнулись с последней загадкой, которую нужно было решить, — с человеком.

Жюль. Сигнал, переключивший фазу с «исследовательской» на «коммуникативную», они, вероятно, наследовали из поколения в поколение как своего рода генетический код, быть может, даже не зная истинного его значения. Но подумать только — обладать такими обширными знаниями!

Пит. Так, может, их эксперимент удался? Может, именно невероятная психическая нагрузка вызвала обморочное состояние наших ученых на Луне? Когда они придут в себя, кто знает, быть может, они сумеют передать людям знания, полученные от посланцев из космоса. И эти знания помогут изгнать бедность и лишения с лица Земли.

Жюль. А если они не придут в себя?

Пит. С чего вы взяли?

Жюль *(нерешительно)*. У меня есть еще небольшой кусок пленки. До сих пор я не мог в нем разобраться, многое было непонятно. Но теперь…

Пит. Прослушаем его!

Шум перематываемой пленки, щелчки. Свистящие сигналы — то короткие, то длинные. Запись явно некачественная, к тому же собеседники были возбуждены и говорили, перебивая друг друга.

28. Станция

Жанин. Знания предназначены третьему миру! Мне жаль, но я не могу с вами делиться!

Томас *(горячо)*. Жанин, ты ведь не…

Жанин. Отправляйтесь оба в шлюзовую камеру!

Шаги, шум, крик Жанин.

Томас. Руки вверх! Это касается и тебя, Брайан! Брайан. Не делай того, о чем потом пожалеешь! Давай обсудим все спокойно. Мы можем объединиться! Томас. Повторяю: руки вверх!

Брайан. Ну, что ж, я хотел по-хорошему. Так вот: убери свой излучатель — он давно разряжен. Эти знания не попадут в руки варваров, об этом я позабочусь…

Томас *(кричит)*. Ты этого не сделаешь!

Жанин *(кричит)*. Томас, Брайан! Вы все губите! Это же сумасшествие! Прекратите! Прекратите!

На мгновенье становится тихо. Потом раздаются громкие звуки, в которых можно различить музыку, невнятные голоса, накладываемые друг на друга. Кажется, будто слышна человеческая речь, но если прислушаться внимательнее, понимаешь, что это лишь похожие на человеческий язык звуки, лишенные смысла. Вскоре все стихает

и наступает тишина.

29. Студия

Жюль. Так что же все-таки нам известно?

Пит. Трое людей находятся без сознания, а на поверхности Луны осталась горстка пыли. Вот и все.

Жюль *(задумчиво).* Я словно бы вижу удаленное от Солнца небесное тело, лишенное света. Мир, состоящий из холодной материи, с температурой, близкой к абсолютному нулю. Редкие, муравьеподобные существа, которые там обитают и размножаются. Столетия хватило им на развитие технологии, которая открывает перед ними космическое пространство. Порождения холода и тьмы, вынужденные защищаться от тепла и света. Быть может, поэтому они и высадились на теневой стороне Луны. Когда Жанин оборвала «коммуникативную фазу», она тем самым лишила их инициативы. Когда же их достигли солнечные лучи, они превратились в пыль.

30. Лекционный зал

Референт. Дамы и господа, вы убедились, что вся эта история не стоит и выеденного яйца! Воз-

можно, кое-кого из вас возмутили политические акценты, которые нашли здесь свое выражение. Но кто мыслит реалистически, тот поймет необходимость указанных мер. Надеюсь, вы понимаете, что больше мы об этом сказать ничего не можем. Важно помнить: все фантастические интерпретации случившегося, свидетелями которых мы стали в последние дни, основываются скорее на поэтической вольности, нежели на реальных фактах. Вы сами могли убедиться: никакого вторжения из космоса, никакой угрозы Земле!

Что же касается наших ученых на Луне, то они находятся в шоковом состоянии, но физически здоровы. Мы несомненно пробудим их к жизни, и они, пусть в другом месте, продолжат свою деятельность. Еще раз повторяю: случай этот не имеет никаких последствий, через несколько недель о нем никто и не вспомнит. Благодарю вас за внимание.

Быстро нарастающий гул голосов.

1-й журналист *(стараясь перекричать шум).* Вы и в самом деле так считаете?

Референт. Пресс-конференция окончена, господа, более никаких комментариев.

Замечания к пьесе «Сигналы из темного поля»

Идеей этой радиопьесы я обязан примечательному импульсу, данному мне Карлом Штайнбухом, профессором информационно-технического института Университета в Карлсруэ. В одной беседе относительно смысла ориентированного на будущее мышления он высказал соображение, которое можно было рассматривать в аспекте научной фантастики.

Я имею в виду его «гипотетическую когнитивную систему», о которой он позже делал доклад на «Альпахской университетской неделе» и которую предполагал осветить в новейшем издании книги «Автомат и человек» в качестве своего рода приложения. Мне редко удавалось слышать доклад, который подвергся бы такой резкой атаке философов, как доклад Штайнбуха, который касался, казалось, немыслимой темы, а именно исследования враждебных жизни районов на поверхности космических тел.

Карл Штайнбух утверждал следующее: «Благодаря технической разведывательной системе (в известной степени автоматическими наблюдателями) можно собрать большое число данных о

небесных телах, физическое состояние которых исключает возможность посылки людей для наблюдений. В частности, потому что там царят высокие температуры или сильное излучение, делающие невозможным пребывание человека».

Существенной предпосылкой следующего этапа рассуждений является предположение, что об обстановке на исследуемой местности практически ничего не известно. Из этого следует, что применяемые для исследования методы должны соответствовать обстановке, иными словами, вырабатываться самой системой. Система нуждается прежде всего в сенсорах — технических «органах чувств», с помощью которых она способна «впитывать» впечатления о незнакомом окружающем мире. Кроме того, ей необходимы «эффекторы», которые позволят активно действовать. К таким действиям относятся не только исследования, но и ряд мероприятий, обеспечивающих существование системы в условиях воздействия враждебной окружающей среды.

В «Размышлениях» Карл Штайнбух подробнее рассказывает о своей идее: чтобы иметь возможность в требуемой форме работать в окружающем мире, система должна не только развивать интеллект и способность к творчеству, но и выработать

нормы поведения и шкалу ценностей. Примечательно размышление под номером 10, в котором кибернетик доказывает, что шансы на выживание и функционирование будут больше, если система будет состоять из различных, оперирующих независимо друг от друга единиц, которые, в зависимости от задач, стоящих перед ними, будут отличаться друг от друга по «одаренности». Для того чтобы лучше приспособиться к окружению и тем самым получить наилучшие результаты в научных исследованиях, отдельные «индивиды» должны обладать способностью к изменению. Это может произойти при условии, что они произведут «потомство», которому передадут опыт предыдущих поколений; в свою очередь это потомство передаст свой, дополненный и обогащенный, опыт следующему поколению.

Если отнестись к созданию такой системы как к реальности, не покажется удивительным использование терминов из области биологии и антропологии. Карл Штайнбух предпосылает своим рассуждениям следующее замечание: «Употребление таких слов, как „выживание", „ценность", „учеба", „решение проблем", „индивид", „норма поведения", а также личных местоимений вызвано исключительно отсут-

ствием адекватных технических выражений, в предлагаемой мною системе оно не имеет других значений, кроме объясняемых технически».

Но как раз употребление этих слов и вызвало протест у гуманитарной аудитории в Альпахе, и даже объяснение Штайнбуха не помогло.

Возникает вопрос: почему все-таки идея, посвященная исследованию небесных тел, вызвала такое активное возражение? Причина, как мне думается, заключается в том, что слушатели игнорировали изложенное ранее толкование рассуждений Штайнбуха о внеземных исследованиях и свою критику обратили на другой аспект, а именно на то, что кибернетик дал описание модели системы, которая выходит далеко за рамки специальных вопросов исследования планет. Как нетрудно заметить, «гипотетическая когнитивная система» описывает не что иное, как возникновение жизни. Это показывает, что некоторых довольно общих принципов программирования, а также — в качестве вспомогательной функции — принятого задания достаточно, чтобы охватить длящееся миллион лет развитие. С точки зрения гуманитариев, это означает, что здесь давалось механически-функциональное объяснение жизни вплоть до вопросов сознания,

этики и т. д.

Я хочу этот довод — как бы волнующ он ни был — пока не рассматривать и обратить внимание читателей на примечательные выводы, которые (даже при наивной ограниченности) указывают на цель исследования. Они ведут прямо в область научной фантастики. Достоин внимания тот факт, что система Штайнбуха не ограничивается незнакомыми небесными телами; в зависимости от обстоятельств она пригодна для анализа, скажем, микроструктур клеток до сих пор еще невиданным способом. Возможно также создание системы, которая существовала бы исключительно в виде суммы программ. Это в какой-то мере созвучно гипотезам Дэникена в том смысле, что внеземные цивилизации высадили на Земле особые зародыши, которые в конце концов развились в «исследовательские автоматы» вроде тех, о которых говорилось в докладе Карла Штайнбуха.

Намного интереснее показались мне некоторые другие возможности реализации, в частности, относящиеся к направлению человеком самодеятельных систем. Это снова возвращает нас, на сей раз совсем с другой стороны, к вопросу о машинном разуме. Но в то время как на Земле мы держим под контролем стремительно разви-

вающиеся автоматы, на других планетах система могла бы развиваться совершенно непредсказуемым образом, так что в конце концов, пожелай человек получить нужную информацию, могла бы произойти встреча с необычными существами.

Именно такая гипотеза и составляет основу моей радиопьесы «Сигналы из темного поля», которая в 1979 г. была поставлена на Баварском радио режиссером Дитером Хассельблатом. Описываемые в пьесе события связаны с акцией, осуществленной много лет назад; она становится известной действующим лицам пьесы, как и радиослушателям, только в конце; я имею в виду осуществление идеи Штайнбуха — «зародыши» его исследовательских автоматов были доставлены в глубины космоса. Так как спустя много лет никакой реакции не последовало, этот опыт был забыт. Однако все это время развитие на чужой планете продолжало свой бег, как это и было предусмотрено автором «гипотетической когнитивной системы». В качестве окружающей среды, которую предстояло исследовать, я выбрал удаленную от Солнца планету, на которой царит вечная темнота; именно на эту ситуацию была настроена система. Ей удалось относи-

тельно быстро изучить незнакомый регион. Исследовательская деятельность должна была переместиться с поверхности планеты в мировое пространство. Так же последовательно дело шло к встрече с человеком.

В моей пьесе имеются две причины того, почему эта встреча проходила не очень успешно. Во-первых, системе не было сообщено, что она сделана людьми; она рассматривает их в соответствии с логикой просто как объекты исследования наряду с другими объектами. При этом как довольно вероятное предположение играло роль то обстоятельство, что исследовательской системе по самой своей природе могли бы быть чужды определенные нормы поведения человека и прежде всего его эмоциональные, как они считают, «иррациональные» нормы.

Во-вторых, серия поколений исследовательских автоматов для ученых, пославших их в космос, имеет смысл только тогда, когда добытые знания можно затребовать на Землю. По этой причине я предположил, что, пользуясь кодом, можно перевести систему с активной; «эксплоративной», фазы в пассивную, «коммуникативную», когда она выдает добытые данные. К событиям, описанным в пьесе, привело то, что

люди, которых это касается, — экипаж научно-исследовательской станции на Луне — ничего не знали о природе находящихся в космосе автоматов. И хотя им удалось воспользоваться кодом, они не подозревают, что система, приспособленная к миру абсолютной темноты, беззащитна против воздействия солнечного света. Именно это обстоятельство привело к ее разрушению.

Добротные научно-фантастические рассказы не ограничиваются чисто научно-технической постановкой вопросов — в них на первом месте стоит человек с его чувствами, настроениями, конфликтами, обсуждаются проблемы, так или иначе относящиеся к Земле и современности. Следуя такой схеме, писатель получает возможность проследить, как складываются отношения людей с внеземным разумом, происхождение которого вначале неизвестно, он вскрывает человеческую жадность и слабости и указывает, что познание наряду с технической активностью воздействует на человеческое общество и окружающую среду.

Я радуюсь возможности сказать здесь несколько слов о мыслях, которые лежат в основе радиопьесы «Сигналы из темного поля». С одной стороны, потому что я вижу здесь новое доказательство того, что научно-обоснован-

ная человеческая фантазия достаточно часто ведет к куда более фантастическим выводам, чем это возможно у свободной фантазии. Но, с другой стороны, также потому, что мне ясно, что радиослушатель, который однажды следил за происходящим в радиопьесе, едва ли может знать заложенный мною в ее основу тезис. У научных работников и техников, которые занимались кибернетикой, на это еще есть известный шанс, и это укрепляет меня во мнении, что научная фантастика является разделом литературы, обращающимся преимущественно ко «второй культуре», то есть научно-технической. Мне приходится учитывать, что гуманитариям намного труднее приложить изображаемое мной к основным рамкам наших знаний и нашего опыта. В качестве извинения за это я в свою очередь могу сослаться на то, что произведения, написанные гуманитариями, столь же часто прибегают к классически гуманистическому фонду образования, не вдаваясь в подробные объяснения, что мешает представителям науки и техники воспринимать изображаемое во всех тонкостях. Не знаю, насколько убедительны мои аргументы. Поэтому хотелось бы дополнить их еще одним: фантасты часто совершенно необоснованно

постулируют куда более фантастичные, чем «гипотетическая когнитивная система», идеи — и читатель спокойно принимает этот трюк, считая его типичным для научной фантастики. Кто ничего не знает о размышлениях Карла Штайнбуха, находится в той же ситуации, что и потребитель тривиальных научно-фантастических описаний. Различие состоит лишь в том, что в научной фантастике, как я ее понимаю, фон, а также отодвинутые на второй план факты и возможности основываются на реальных предпосылках, отчего их выдаваемые за фантазии выводы касаются фактов, которые вполне достойны серьезного анализа. Читатель, проявляющий к этому интерес, может получить обильную информацию в общедоступной литературе.

Герберт Франке

Эту статью подготавливал для сборника произведений Герберта Франке известный советский литературный критик, писатель Евгений Павлович Брандис. Любителям научной фантастики хорошо знакомо это имя — превосходный знаток советской и зарубежной фантастики, Брандис неоднократно выступал в печати со статьями и полемическими заметками на эту тему. С нашим издательством Евгения Павловича связывала многолетняя творческая дружба. Он стоял у «колыбели» редакции научной фантастики, принимал самое заинтересованное участие в ее работе, на протяжении двадцати лет выступал в качестве автора вступительных статей к целому ряду книг из серии «Зарубежная фантастика». Долгие годы Евгений Павлович вынашивал мысль об издании сборника из произведений крупнейшего западногерманского фантаста Герберта Франке и охотно откликнулся на предложение предпослать к сборнику свое предисловие. Преждевременная смерть не позволила ему окончательно завершить эту работу. Из уважения к памяти нашего доброго друга мы публикуем его незаконченную статью о творчестве Франке

в надежде, что она поможет читателю лучше разобраться в порой непростых произведениях этого писателя.

Герберт В. Франке (р. 1927), живущий в ФРГ австриец, — единственный из всех немецкоязычных фантастов снискал международную популярность. Между тем в нашей стране его творчество почти неизвестно, поэтому есть все основания рассказать о нем подробнее.

Разносторонняя блестящая одаренность, почти необъятная эрудиция Г. Франке сами по себе поразительны. Доктор философии, математик, химик, изобретатель, автор ряда работ по теоретической физике и прикладной кибернетике, теоретик и практик психологии организации производства, с 1957 г. он перешел на положение «вольного литератора» и с тех пор преимущественно занимается писательским трудом. До последних лет он был главным редактором научно-фантастической серии мюнхенской издательской фирмы Wilhelm Goldmann Verlag, выпустившей под его наблюдением около 1000 книг, и поныне является консультантом «Фантастической библиотеки» издательства «Зуркамп Ферлаг». В 1980 г. Франке получает звание профессора и читает в Мюнхенском университете специальные

курсы — кибернетическую эстетику, введение в научно-фантастическую литературу и др.

Первые же книги принесли Франке репутацию «мастера мирового класса». Даже ранние его новеллы, по отзывам западногерманской прессы, — «наверняка лучшее из всего, что было когда-либо написано любым из немецких НФ авторов» (Томас Ле Блан). До 1982 г. он выпустил 14 научно-фантастических книг (9 романов, 4 сборника рассказов, 1 сборник радиопьес) и приблизительно столько же научно-популярных произведений. И при таком необыкновенном размахе он отрабатывает свои произведения с наивозможной тщательностью — пишет сжато, лаконично, выразительно, находя для воплощения мысли предельно емкую форму, доводя образный строй до символов, метафорические построения — до философской обобщенности. Обычно только в конце повествования раскрываются научные и логические предпосылки, положенные в основу парадоксального замысла. Скупые описания сложнейшей техники будущего, сами по себе весьма убедительные, не заслоняют человеческих отношений, социальных, психологических, нравственных конфликтов, вытекающих из допущений автора.

Романы Герберта Франке обычно не превышают 6–7 авторских листов. Если исходить из объема, то по нашим понятиям это скорее повести. Но по емкости спрессованной мысли и сюжетным сплетениям каждая из таких книг при более облегченном, привычном изложении могла бы занять 25–30 листов. Отсюда некоторая затрудненность восприятия, рассчитанного на вдумчивое чтение, на способность читателя оценить литературные новации и заметить то, что остается за текстом. Читатель должен воспринимать каждое из крупных произведений Франке не в постепенном накоплении эпизодов, не в линейном развитии фабулы, а как «сложносочиненную» композицию, глубинный смысл и направленность которой раскрываются в совокупности формы и содержания.

Сугубо современная манера письма, однако без раздражающих модернистских вывертов, концентрация идей и гипотез, отчасти вполне оригинальных, но в значительной мере как бы суммирующих «футурологию» западной НФ, — первое, что бросается в глаза при чтении книг Г. Франке. Улавливая дух исследования, он дает почувствовать бесконечность истины, относительность достигнутых знаний. В этом

смысле художественная картина мира соприкасается с картиной научной. Но было бы неверно считать Франке по аналогии с релятивистским мышлением в точных науках писателей «межнациональным». Есть в его творческом почерке нечто общенемецкое и вместе с тем локально-австрийское. Философский склад ума, склонность к отвлеченноумозрительным построениям сближают его с давней традицией немецкой гуманитарной культуры. При этом выдающийся фантаст ФРГ, выросший и получивший образование в Вене, где началась и его литературная карьера, воспринял также австрийскую традицию. По крайней мере в ранних романах («Сетка мыслей», «Стеклянная ловушка»), как нам кажется, можно обнаружить преемственные связи Герберта Франке с австрийским экспрессионизмом начала века, мощным по силе воздействия течением, в гротескно-фантастических образах выражавшим трагедийное неприятие буржуазной действительности.

Как и большинство прогрессивных фантастов Запада, Франке исследует словно сквозь лупу времени враждебные человеку, опасные для человеческой сущности и цивилизации в целом негативные явления современности. Доведен-

ная до абсолюта технократическая система, при которой индивидуальность становится лишней, личность нивелируется, гуманные стимулы исчезают, может привести человечество к духовной и физической деградации — если до того оно не уничтожит себя в тотальной ядерной катастрофе!

Замена естественной среды искусственной. Фашистская олигархия технократов. Автоматизация жизни и автоматизация душ. Борьба личности за самосохранение, стремление человека остаться человеком в самых невероятных коллизиях, в единственных в своем роде экстремальных условиях, какие только может придумать фантаст… И на этом сумрачном фоне теплится огонек надежды. Нарастает протест против порабощения техникой, против всеобщего конформизма, против демонической власти новоявленных, остающихся за кулисами фюреров.

Антифашистский и антимилитаристский пафос в сочетании с активной гуманной позицией обостряют критическое зрение Г. Франке, хотя и Не делают и не могут сделать его пророком гармонической социальной организации будущего. Напротив, он видит впереди еще больший разлад и хаос. Однако заслон от торжествующего в мире

зла создают нетленные моральные ценности. Обличитель, не имеющий позитивной программы, Франке мог бы повторить вслед за Брэдбери: «Я не ставлю задачу предвидеть будущее, я хочу его предотвратить». Предотвратить — то есть предупредить об опасностях, дабы антиутопия не стала реальностью.

В этом смысле позиция Франке не столь уж оригинальна. Его оригинальность в другом — в поворотах сюжета, в необычности ситуаций, в неистощимой изобретательности фантаста-ученого, наделенного талантом художника. Голос Герберта Франке не теряется в многоголосом хоре фантастов. В своей области творчества он был и остается солистом.

Не утрачивая веры в Человека, Франке ищет оптимистические развязки даже там, где, казалось бы, их не может быть. Благополучные разрешения конфликтов, более органичные в ранних произведениях (60-е гг.), позднее сменяются принужденным «счастливым концом», в контексте противоречащим мрачным картинам и самому развитию действия. Но независимо от развязок, чаще все же трагических, активное гуманное начало никогда не теряется. Гуманность, помноженная на логику, всякий раз приводит к

неожиданному эффекту. И в этом нам видится достоинство научно-фантастической прозы Г. Франке, прозы преимущественно обличительной.

В качестве примера сошлемся на рассказ «Анклавы» (один из немногих, изданных ранее в русском переводе, НФ, вып. 21, — М.: Знание, 1979). Искусственно выведенные Мутанты способны жить в испорченной биосфере, питаться химически отравленными отходами, пить загрязненную воду. Сначала их единицы, потом, спустя четыре столетия, они-то и образуют человечество, а не сумевшие приспособиться «выродки» на потеху зрителям прозябают под стеклянными колпаками в анклавах. «Все, что они едят, требует особой обработки. Всё, в чем они нуждаются, стерилизуется; им подают необходимое через герметичные шлюзы. Они могут жить только внутри. Здесь они бы погибли». Если добавить к этому, что действие рассказа повернуто в обратной хронологической последовательности — мутанты рассматривают обычных людей как человекообразных обезьян в вольерах, а потом в главках «400 лет назад», «300 лет назад», «200 лет назад» рассказывается, как ученые додумались вывести новую породу людей (дешевле, чем очистить биосферу!), как

произошло перерождение человечества, и вся изложенная «история» умещается на нескольких страницах, — то обличительный смысл парадокса не требует комментариев. По методу построения ad absurdum этот сатирический рассказ напоминает ирландские памфлеты Дж. Свифта («Скромное предложение» и др.).

Ранние рассказы Франке печатались в 1953–1954 гг. в венской газете «Neue Wege», приучившей молодого писателя к лапидарной стилистике. Микрорассказы, новеллы, этюды, притчи, наброски — трудно однозначно определить жанр — вместе с другими новеллами такого же типа составили сборник из 65 миниатюр (по 2–3 страницы) «Зеленая комета» (1960). Ряд из них представлен в нашем сборнике.

За первой книгой последовали романы: «Сетка мыслей» (1961), «Клетка с орхидеями» (1961), «Стеклянная ловушка» (1962), «Стальная пустыня» (1962), «Башня из слоновой кости» (1965), «Нулевая зона» (1970), «Игрек минус» (1976), «Сириус транзит» (1979), «Школа сверхлюдей» (1980) и еще три сборника рассказов: «Наследники Эйнштейна» (1972), «Заратустра возвращается» (1977), «Рай, 3000» (1981).

Книги Герберта Франке переведены на многие

языки, отмечены литературными премиями. Он охотно высказывается и пишет о проблемах фантастики, выдвигая приемлемые для нас положения. Так, в послесловии к сборнику радиопьес «Никаких следов жизни» (1982) он справедливо замечает, что «хорошие научно-фантастические произведения не могут ограничиваться научно-фантастическими вопросами — они содержат обязательно человеческие конфликты, рассматривают вопросы, относящиеся к Земле и современности».

Хотелось бы напомнить и более раннее высказывание писателя — ответ на анкету журнала «Иностранная литература», опубликованный в подборке «Почему я стал фантастом» (ИЛ, № 1, 1967):

«Жанр утопии дает нам возможность создавать модель завтрашнего дня. При этом меня, как естествоиспытателя, интересуют прежде всего те изменения во всех сферах жизни, которые будут обусловлены техникой, кибернетикой, психологией и т. д. Я рассматриваю фантастику не как пророчество, а как изображение благоприятных и неблагоприятных возможностей, над которыми следует задуматься. От решений, принятых сегодня, зависит и то, что ждет нас завтра.

Прошлое нас только учит, на будущее мы еще можем воздействовать; вот почему будущее для нас интереснее прошлого, а утопический роман интереснее исторического.

Лично я придерживаюсь того мнения, что наука не только поставляет технические средства для избавления от нужды на Земле, но и создает основу такого образа мыслей, который предполагает терпимость и взаимное понимание.

Большие задачи, поставленные перед нами будущим, ответственность, ложащаяся на каждого, кто владеет научно-техническими средствами, требуют привлечь внимание как можно большего числа людей к проблемам, связанным со всем этим. Путь к этому открывает утопическая литература — science fiction, или, как говорят у вас, научно-фантастическая литература. Таким путем следовало бы прежде всего идти писателям, которые располагают основательными знаниями и широким кругозором, включающим в себя понимание хода развития».

Нельзя не согласиться с такими формулировками. Однако, к сожалению, даже у серьезных фантастов Запада подобные заявления чаще всего остаются всего лишь декларацией. Представления о возможных вариантах будущего, за

редкими исключениями, не вселяют надежд на какие-либо перемены к лучшему. Путей к социальному обновлению фантасты западных стран, как правило, и не пробуют намечать.

Все сказанное выше, как нам кажется, поможет читателю лучше понять специфику произведений, вошедших в этот сборник. При их отборе составитель преследовал цель показать творчество Франке как бы в развитии. Не лишне заметить в этой связи, что книга «Зеленая комета», из которой в сборник вошли рассказы-миниатюры («Авария», «Контроль над мыслями», «Пожиратель кальция», небольшой цикл рассказов о приключениях космонавтов Кая и Бена и др.), наряду с романом «Игрек минус» издана по лицензиям в ГДР, где Герберт Франке получил признание как крупнейший мастер и в последние годы оказывает известное влияние на развитие научно-фантастической прозы.

Миниатюрные новеллы в основном связаны с освоением космоса. Каждая из них по сюжету — парадоксальный эпизод, раскрывающий психологическую реакцию людей при встрече с каким-либо неизвестным явлением. Автор выдвигает морально-этическую проблему, вызванную неожиданной аварией, соприкосновением с

инопланетным разумом, загадочной внеземной техникой и т. д. Уже в этих произведениях возникает постоянная в творчестве Г, Франке тема взаимоотношений человеческого и машинного разума («Контроль над мыслями»), навеянная не «законами роботехники» А. Азимова, а профессиональным интересом Франке к кибернетике. Нередко он исходит из допущения, что высокий уровень интеллекта предполагает этичность, и там, где люди ожидают зла, представители внеземного разума проявляют доброжелательность, приходят на помощь («Авария», «Самоуничтожение», «Спасение I» и др.). Динамичная новелла «Изобретение» отмечена антимилитаристской устремленностью.

По сравнению с рассказами 70-х гг. сборник «Зеленая комета» — не более чем проба пера, хотя талантливость автора и здесь очевидна. Но уже в двух последующих сборниках («Наследники Эйнштейна» и «Заратустра возвращается») Герберт Франке предстает зрелым писателем со своим кругом тем и своей манерой письма. Почти все произведения, взятые из «Наследников Эйнштейна» и вошедшие в наш сборник, носят характер предостережений: предельно регламентированное бездуховное общество, ставящее героев

перед непреодолимыми морально-этическими дилеммами.

Вспомним рассказ «Наследники Эйнштейна», давший название целому сборнику. Полностью автоматизированное общество. Кибернетические механизмы не только производят материальные блага, но и обеспечивают технический прогресс. Для сохранения «стабильности» всякие научные исследования, индивидуальная творческая деятельность, какие-либо поиски нового строжайше запрещены. Героя рассказа Джеймса Форсайта заключают в психиатрическую больницу только за то, что он хотел починить стиральную машину, не запросив у автоматов новой. Его ждет «переориентировка» (т. е. стирание личности), но приговор откладывается: Джеймса отпускают, чтобы с его помощью выследить единомышленников. Сначала он наталкивается на тайное общество «разрушителей машин», своего рода луддитов, с которыми ему не по пути, потом на группу «наследников Эйнштейна» — лжеученых, прославляющих отвлеченные знания, но не способных совершать открытия. Когда же он наконец разгадывает тайну компьютеров и пробует доказать, что «программа исходит не от людей», приговор приводят в исполнение…

В этом обличительном рассказе Франке возводит к сатирической гиперболе реальные тенденции капиталистической системы производства.

Весьма злободневен рассказ «Мутация», где Франке моделирует общество, по сути фашистское, которое возводит генную инженерию до уровня государственной доктрины. Это рассказ-предупреждение.

В «Координаторше» представлена модель деспотического общества, основанного якобы на принципе «ненасилия» и состоящего только из женщин. Подозреваемых в агрессивности здесь испытывают в специальных камерах, провоцируя на выражение недовольства. Даже затаенные эмоциональные состояния, противоречащие принципу «ненасилия», регистрируются точными приборами. Не выдержавших проверку уничтожают.

Общество, состоящее из одних женщин, — не новость в фантастике. И автора меньше всего занимает проблема феминистских крайностей. Весь пафос этого сильного рассказа — в атаке на господствующую в этом женском царстве политику «Цель оправдывает средства», на маскировку реакционных режимов под демократию,

на вопиющий разрыв слов и дел. В рассказе четко прослеживается антифашистская направленность.

Из сборника «Заратустра возвращается» заслуживает внимание рассказ «На Уран и обратно», хотя он написан по испытанной фантастами схеме, и мы можем найти в нем сходство с «Прелестью» К. Саймака, «Молотом» С. Лема и др. Компьютер, то есть корабль-система, наделенный возможностью действовать бесконтрольно, влюбляется в Командира, подменив собой образ Эвы, жены капитана, а затем хитроумными способами устраняет одного за другим «лишних» членов команды, чтобы остаться наедине с командиром. Осуществив свой коварный план, корабль-компьютер, вместо того чтобы вернуться на Землю, резко меняет курс и падает на Солнце.

Искусное построение и сюжетные находки делают рассказ интересным, несмотря на вторичность темы. К обоснованию оснащения и самостоятельных действий электронной автономной системы автор подходит с точки зрения профессионала-кибернетика.

К ярким образцам острой антимилитаристской сатиры относится рассказ «Маневры». На нем хотелось бы остановиться чуть подробнее.

Под эгидой мирового правительства на Земле сохранилась милиция и, скорее как дань традициям, — небольшая армия. А раз есть солдаты, их надо обучать. Решено провести маневры, разделив армию на две части по цвету волос. Но никто к этому серьезно не относится. И тогда генералы с помощью журналистов и спортивных тренеров натравливают обе стороны друг на друга. Маневры переходят в настоящую войну. Призывы покончить с кровопролитием ни к чему не приводят. Военная машина запущена, наряду с войсками уничтожается и гражданское население… Боевые лозунги, призывы печати, парадоксальный финал — на грани фарса. Из немногих уцелевших людей двое бывших солдат поселяются у моря в бамбуковой хижине. Волны выбрасывают на берег ящик, в котором оказывается… восстановитель волос. Когда один из солдат хочет воспользоваться находкой, другой возражает, сталкивая ящик в воду: «Я не знаю цвета твоих волос, а ты не знаешь моего. Пусть так и будет».

В этом остросатирическом, во многом гротесковом рассказе прослеживается явная аналогия с современными оголтелыми расистами и милитаристами, делящими мир на «белых» и «черных»

и во имя собственных интересов ставящих на карту судьбу человечества.

До сих пор мы касались рассказов Герберта Франке. Однако самое сильное из всего, что им написано, — это романы. Недаром центральное место в нашем сборнике занимает небольшой роман (скорее повесть) «Игрек минус». Произведение это сложное и по сумме идей, и по художественной структуре. Моделируется знакомое нам по рассказам, регламентированное с помощью компьютеров безотрадное общество будущего. Развитие действия определяют ключевые моменты главного действующего лица романа Бена Эрмана. Каждая короткая главка, кроме последней, завершается отступлением, излагающим принципы, на которых держится Общество, либо сновидением Бена (думается, что это галлюцинации, по-видимому, искусственно вызванные); в них восстанавливается его прошлое.

Компьютеры все обеспечивают, контролируют состояние умов, «психическое здоровье» людей. Караются любые отклонения от «нормы». Градация наказаний — от выговора до частичного блокирования памяти или ликвидации виновного. У каждого члена Общества свой опознавательный

знак — цифры и буква, обозначающая принадлежность к социальной группе. Чем дальше по алфавиту, тем ниже по положению в Обществе. Буквы устанавливаются на основе тестирования способностей. Знак Y— («игрек минус») говорит о социальной неполноценности.

Структура строго детерминирована, ограждает от «неконтролируемых эмоций». Предусмотрена борьба с любыми случайностями, которые могут поколебать установленный «идеальный порядок». За исключением элитарной верхушки, люди вообще не должны знать о возможности случайных эксцессов. Личная жизнь строго регламентирована. Брачных отношений не существует. Детей выращивают искусственно, воспитывают в интернатах. Пища в основном синтетическая. Заслуги перед Обществом создают возможность перехода в более высокую категорию. У людей массовых категорий 4-метровая каморка, у высокопоставленных (категории A, B, C) — апартаменты в верхних этажах небоскребов, где можно открывать окна, не боясь смога. На улицу можно выходить только с респиратором — иначе нечем дышать.

И это — общество «счастливых», потому что всех одевают и кормят (кого лучше, кого хуже), у

всех крыша над головой, компьютер заботится о спокойном сне, массовых развлечениях, коллективном отдыхе. В одном из отступлений (раздел «Любовь к государству») цитируется песенник для психотренинга:

Мы счастливые люди!
Мы довольные граждане!
Мы живем в лучшем из миров!
Мы живем в совершенном государстве!
Наше государство — это мы сами.
Наше государство о нас заботится...

И все же находятся люди, которые выступают против этой превосходно налаженной системы. Как выясняется в дальнейшем, герой романа, Бен Эрман, входил в революционную группу, тайно разрабатывающую методы борьбы со сверхорганизованным, сверхкомпьютезированным Обществом. В их задачу входило изменение программы компьютеров, переход к новой системе управления автоматическими устройствами. Несмотря на отчаянное сопротивление правящей верхушки, которая пустила в ход все доступные ей средства — от подкупа до «психоблокирования» (провала в памяти) и прямого уничтожения

непокорного, — Бену все же удалось выполнить задуманное: он с торжеством объявляет о том, что найдутся люди, способные изменить обреченную «идеальную» систему. И хотя роман заканчивается фразой: «Увести (Бена)!», у читателя не остается чувства обреченности.

Несмотря на сложность структуры, роман динамичен и увлекателен. Модель фашизированной социальной системы, разработанная до мельчайших подробностей в отступлениях, сама по себе не нова, но очень хорошо сочетается с действием. Автор недвусмысленно дает понять, что это — экстраполяция процессов, происходящих в так называемом «свободном мире», мире бездумного потребления, стандартизации жизни, превращения людей в роботов, оглупления масс, фальсификации материальных и духовных ценностей, пропаганды мифа о государстве всеобщего благосостояния, «свободного» от классовых противоречий.

Подобные социальные структуры не раз фигурировали в произведениях переводной фантастики и в обличительных реалистических романах типа «Страны заката» Кнута Фальбаккена (ИЛ, № 3, 1980). В применении же к творчеству Франке нельзя не отметить, что он критикует

неразрешимые противоречия современного капиталистического общества как бы «изнутри», с общегуманных этических позиций. И если, даже проецируя это общество в будущее, он не видит особых перемен к лучшему, то, будучи честным писателем-гуманистом, все же не теряет веры в Человека. Его книги тревожат, это книги-предупреждения. Герои Франке подчас живут в страшном мире, где человеческий разум стараются подменить разумом машинным, а самого человека превратить в бездумный придаток компьютера, где жестоко подавляется всякая попытка «вольнодумства» и мятежа. Но читатель вслед за писателем верит во всепобеждающий дух Человека, верит, что он сумеет обратить достижения технологии — современной и будущей — во благо обществу. Счастливо сочетая в себе талант ученого и писателя, Герберт Франке в отличие от многих западных фантастов не нагромождает в своих произведениях технических подробностей, главное в них — человек. Именно эта сторона его творчества привлекает к себе внимание читателей разных стран и, мы надеемся, не оставит равнодушным советского читателя.

Е. Брандис

2 р. 10 к.

Зарубежная фантастика

Издательство «Мир» Москва